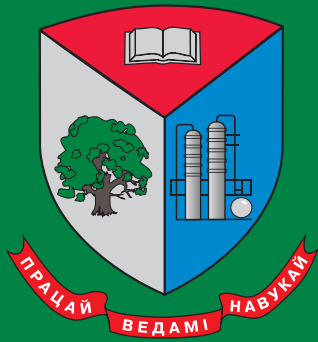

ISSN 1683-0377

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

№ 5 (143) 2011 год

ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

Рубрики номера:

История

Философия

Филология

Минск 2011

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

*Издается с июля 1993 года
Выходит один раз в месяц*

№ 5 (143) 2011 год

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ**

Минск 2011

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Жарский Иван Михайлович, ректор, профессор, кандидат химических наук

Редакционная коллегия номера:

И. В. Полуян, профессор, доктор исторических наук (главный редактор номера);

П. А. Водопьянов, профессор, доктор философских наук, член-корреспондент НАН Беларуси (заместитель главного редактора номера);

Н. М. Забавский, профессор БГПУ имени Максима Танка, доктор исторических наук;

Л. Е. Земляков, профессор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук;

Т. П. Короткая, профессор БГЭУ, доктор философских наук;

А. Е. Михневич, профессор БГУ, доктор филологических наук;

Н. И. Мищенко, профессор БрГУ имени А. С. Пушкина, доктор филологических наук, член-корреспондент БелАО;

С. В. Решетников, профессор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук;

А. В. Посох, доцент, кандидат филологических наук;

В. М. Острога, доцент, кандидат исторических наук (секретарь)

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 226-14-32,

главного редактора номера – (+375 17) 227-71-95.

E-mail: root@bstu.unibel.by, <http://www.bstu.unibel.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

*Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований»*

Редакторы: Е. И. Гоман, Е. С. Ватеичкина

Компьютерная верстка: Е. В. Ильченко, О. Ю. Шантарович

Корректоры: Е. И. Гоман, Е. С. Ватеичкина

Подписано в печать 01.11.2011. Формат 60×84¹/₈.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 24,7. Уч.-изд. л. 25,5.

Тираж 110 экз. Заказ 445.

Издатель и полиграфическое исполнение: УО «Белорусский государственный технологический университет».

ЛИ № 02330/0549423 от 08.04.2009. ЛП № 02330/0150477 от 16.01.2009.

Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

ИСТОРИЯ

УДК 321.011 + 323.02

И. В. Полуян, доктор исторических наук, профессор (БГТУ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Политическая идеология тесно взаимодействует с политикой. Это взаимодействие выражается прежде всего в том, что идеология является теоретическим обоснованием политики. В свою очередь политика выступает практическим воплощением идеологии. Поэтому можно с полным основанием сказать: какая идеология государства, такая его и политика, и наоборот, какая политика – такая и идеология. Это особенно четко прослеживается на примере политики государств, в основе идеологии которых лежат экстремистские идеи.

Political ideology is closely interrelated to politics. This interrelation is expressed by the fact that ideology is considered to be a theoretical substantiation of politics, and politics is a practical implementation of ideology. Thus, it can be said with good reason: ideology of the state accounts for its politics and vice versa. It is especially vividly seen on the example of policies of states whose ideologies are based on extremist ideas.

Введение. Отличительная особенность современности – возрастание роли политики и идеологии в жизни общества. Объективной основой такого явления служит углубление и усложнение процессов общественного развития. Человеческая деятельность – это непрерывный процесс, в ходе которого идет постоянное обновление целей и средств, поиск новых форм развития.

Основная часть. Политическая идеология – это определенная система идей и взглядов на политическую жизнь общества.

Исключительная значимость идей, идеологии (как системы идей) в жизни общества заметна была еще в древности. Идеи правят миром – древняя истина. Каковы идеи, идеология – таков и мир. В идеологии формируется та цель, тот идеал, к которому люди стремятся придти. При этом главной функцией идеологии является обоснование и защита интересов тех или иных классов, социальных слоев, групп или наций.

Приведем суждения относительно значимости идей ряда мыслителей прошлого.

Виктор Гюго, выдающийся французский писатель XIX в. утверждал: «Наша жизнь – путешествие. Идея – путеводитель. Нет путеводителя – и все остановилось». Ему же принадлежат слова: «Можно сломать шпагу, нельзя истребить идеи». По мнению немецкого философа и политического деятеля Вильгельма Гумбольда (1767–1835), «идеи – единственное, что никогда не умирает». «Жалок тот, кто живет без идеала», – считал великий русский писатель Н. С. Тургенев. А вот суждение на сей счет Максима Горького: «Когда природа лишила

человека способности ходить на четвереньках, она дала ему в виде посоха – идеал! И с той поры он бессознательно стремится к лучшему». «Идеи становятся материальной силой, – подчеркивал В. И. Ленин, – когда они овладевают массами».

В политической идеологии отражаются и получают идейно-теоретическое оформление социальные проблемы и противоречия. Овладев сознанием, идеи организуют и сплачивают большие массы людей. В конечном итоге побеждают те общественные силы (партии), которые выигрывают борьбу за умы людей (предложив им наиболее привлекательные и понятные идеи) и оказываются способными вести за собой большинство. Вне идеологии, вносимой в массовое сознание, невозможна политика, опирающаяся на понимание глубинных тенденций общественного развития, т. е. реалистичная политика.

Одной из функций идеологии является функция социального моделирования, суть которой состоит в определении идеального с точки зрения господствующих социальных и политических сил устройства общества, иначе говоря, в определении стратегической цели государства на том или ином этапе его исторического развития. Государственный корабль не может успешно плавать без четкого курса и настоящего капитана. Поэтому политическую идеологию нередко образно сопоставляют с навигационным оборудованием корабля. Есть такое «оборудование», и государственный корабль будет следовать по выверенному курсу и в заданное время прибудет в желанную гавань. Конечно, и без такого оборудования корабль волны когда-нибудь прибьют к какому-то

берегу (если внезапный шторм не отправит его на дно морское), но когда и к какому берегу невозможно определить. Правда, для успешного плавания государственного корабля и при наличии такого оборудования необходимо, во-первых, чтобы его стратегическая цель и средства ее достижения были обоснованными и реалистичными, и, во-вторых, чтобы его «кормчий», «капитан» отличался профессионализмом и благоразумием.

Поскольку идеология не только теоретически обосновывает государственную политику, но и защищает последнюю, ее нередко сравнивают с иммунной системой живого организма.

Теснейшая взаимосвязь между идеологией и политикой состоит в том, что первая является теоретическим обоснованием второй, а вторая, со своей стороны, есть практическое воплощение первой. Короче говоря, идеология – это теоретическое обоснование политики, а политика есть практическое воплощение идеологии.

Особенно четко прослеживается эта взаимосвязь на примере политики государств, в основе идеологии которых лежат экстремистские, расистские идеи. В этой связи обратимся к политической практике государств, которые в своей политике руководствуются такими теориями (идеологиями), как теория «золотого миллиарда», «американского превосходства», «ограниченного суверенитета», а также сионизма.

Как известно из политической практики, воинствующие политические силы широко практиковали в прошлом, практикуют и сегодня поиск нередко вымышленных врагов, на которых пытаются свалить все неудачи в своей политике. В современных условиях найден такой универсальный враг, на которого многие, особенно западные политики, пытаются свалить свои неудачи, как во внутренней, так и во внешней политике. Таким врагом объявлен международный терроризм. К таким террористам они сплошь и рядом причисляют партизан, повстанцев, ведущих борьбу с иностранной интервенцией, с оккупантами. Под предлогом борьбы с этим врагом правые политические силы Запада развернули фронтальное наступление на жизненные интересы своих народных масс, с одной стороны, осуществляют агрессивную внешнюю политику – с другой. Вспомним агрессию стран НАТО во главе с США против Югославии, Афганистана, Ирака, ряда стран Африки и Латинской Америки, проводимую Израилем политику геноцида на оккупированных арабских территориях, его саботаж попыток мирного урегулирования на Ближнем Востоке [1].

В том же ключе следует рассматривать и современную политику США, некоторых их союзников по НАТО на Ближнем Востоке и Северной Африке, где вначале 2011 г. разверну-

лись события, именуемые рядом политологов «арабскими революциями». Конечно, в основе этих событий лежат внутренние причины. Это «революции пустого желудка». Вместе с тем здесь вполне очевидно вмешательство извне. Естественно возникает вопрос: «Кому, каким внешним силам выгодно происходящая в данном регионе – главной нефтегазовой кладовой планеты – «кровавая бойня»? В этом контексте обращает на себя внимание провозглашенный США в 2003 г. проект, получивший название «Большой Ближний Восток». Создатели этого «проекта» обеспокоены тем, что в данном регионе не приживаются американские ценности, их модель демократии. Так как главной причиной такого положения признавалось клановое, общинное устройство здешних государств, то предполагалось в короткие сроки привести их в состояние хаоса, перемещать общественные слои, разрушить традиционные связи. Что мы сейчас и наблюдаем в данном регионе. Демократия здесь – это лишь ширма, за которой скрывается их подлинный интерес к региону – его геополитическое и военно-стратегическое положение, и, конечно же, его нефтегазовое богатство. При этом для американских стратегов и их партнеров по НАТО не так важно, какие лица в результате придут там к власти. Главное, чтобы они были послушными марионетками [2].

Золотой миллиард, по замыслу его вдохновителей, должен стать своего рода метрополией новой глобальной колониальной империи, в которой должны быть сосредоточены основные органы власти и управления. Модные сегодня разговоры о глобализации как новой капиталистической революции не имеют под собой оснований. Происходит не сглаживание, а глобализация противоречий капитализма. При этом главным становится противоречие между богатым Севером и нищим Югом. В процессе такой глобализации богатые страны становятся еще богаче, а бедные еще беднее. Такая глобализация, помимо всего прочего, таит в себе потенциальную угрозу второго пришествия фашизма, но уже не в региональном, а в планетарном масштабе.

Всеобщий характер приобретает иницируемая Западом милитаризация международных отношений. Она усугубляется получившим широкую практику вмешательством США и их союзников по НАТО во внутренние дела других стран. При этом грубейшим образом игнорируется международное право и политическая этика. Экспансия осуществляется, как правило, под циничным предлогом продвижения американской, западной демократии. Агрессия против суверенной Югославии была провозглашена «гуманитарной интервенцией», против Ирака – «свободой

Ираку», против Афганистана – «безграничной свободой». Причем такая «свобода» насаждается, как правило, с помощью бомб, ракет, пулеметов и автоматов. В результате такой «свободы» и спровоцированной ею гражданской войны в Ираке погибли свыше 1,5 млн. мирных граждан. Около 2 млн. стали беженцами и примерно столько же детей стали сиротами. Между тем западная демократия, по оценкам многих политологов и социологов, мутирует в сторону фашизма.

Особо следует остановиться на придуманной идеологами теории «американского превосходства», согласно которой американцы лучше всех остальных народов, в том числе и в рамках пресловутого «золотого миллиарда». Разумеется, речь идет о белых американцах – потомках, прежде всего, англосаксов, поскольку так называемые цветные американцы там третируются как «люди второго, если ни третьего сорта». Основываясь на этой теории, правящие круги США уже давно провозглашали о своих претензиях на мировое господство. Об этом уже не один раз открыто заявляли различные институты их политической власти, в том числе и парламент – конгресс. Не ограничиваясь заявлениями, они предпринимают конкретные шаги по реализации на практике подобных устремлений. В этом контексте прежде всего следует рассматривать их вмешательство во внутренние дела других стран и насаждение там своих марионеточных режимов, а также открытую агрессию против других государств с той же целью. Известно также, что за пятьдесят послевоенных лет спецслужбы США организовали в других странах свыше 50 государственных переворотов, более половины из которых были успешными. Чаще всего такие перевороты именуются «цветными революциями».

К таким событиям следует отнести и переворот, совершенный американскими спецслужбами в сговоре с предателями из советского руководства (Горбачевым, Яковлевым, Шеварднадзе и др.) в Советском Союзе в августе 1991 г.

Более глубокая и важная причина распада Советского Союза кроется, однако, в перерождении значительной части партийной, государственной и экономической номенклатуры и формировании советской буржуазии, которая предала идеалы социализма и жизненные интересы народных масс, в том числе и рядовых партийцев. Распад СССР стал крупнейшей геополитической катастрофой XX в., негативные последствия которой еще долгое время будет испытывать мировая цивилизация.

Главное препятствие на пути к мировому господству правящие круги США видят в России и Китае, обладающих огромным ядерным потенциалом. Поэтому вдоль их границ (на территории сопредельных государств) создаются все новые и

новые американские базы, ими поощряются, нередко финансируются и открыто поддерживаются действующие на территории этих государств различные антиправительственные группировки, в том числе террористического характера (к примеру, на российском Северном Кавказе, в китайском Тибете). Причем на данном этапе основной упор они делают на развал России. Об этом свидетельствуют некоторые откровения бывшего американского президента Б. Клинтона, да и определенные политические действия его преемников. Итак, обратимся к выступлению Б. Клинтона на закрытом совещании объединенного комитета начальников штабов (Генерального штаба) 25 октября 1995 г. После живоописания процесса развала Советского Союза и организации Варшавского договора, характеристики проамериканской политики ельцинского режима он поставил перед соответствующими американскими ведомствами следующие три задачи. Цитирую: «расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии; окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии; установление нужных режимов в оторвавшихся от России республиках. Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна – США... Цель оправдывает средства» [3].

Не следует забывать и кредо американской внешней политики, сформулированное бывшим помощником президента этой страны З. Бжезинским: «Новый мировой порядок будет строиться против России, за счет России и на обочинах России». Напомним читателю, что под Россией в советские времена (к которым относится данное высказывание) на Западе обычно подразумевали весь Советский Союз со всеми его республиками.

Закключение. Вдумаемся во все эти циничные откровения и сквозь их призму взглянем на современную внешнеполитическую практику США. Судя по всему, правящие круги этой страны и сегодня в постсоветском векторе своей внешней политики следуют духу и букве этих установок. Можно, однако, не сомневаться в том, что эти их замыслы, как и расчеты на мировое господство, потерпят крах, как и подобные расчеты иных их предшественников.

Литература

1. Полуян, И. В. Политология / И. В. Полуян. – Минск: БГТУ, 2005. – С. 197–199.
2. Нефть на крови // Аргументы и факты в Белоруссии. – 2011 г. – 16 марта.
3. Интервенция // Славянский набат. – 1999. – 25–31 марта.

Поступила 30.03.2011

УДК 323.23 + 930(043.3) + 316.77(043.3)

В. Н. Сергеев, кандидат исторических наук, ассистент (БГТУ)

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕДУРЕ ПОРОЖДЕНИЯ СМЫСЛА В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

В статье рассматривается динамика становления и развития основных смысловых составляющих идеологических систем. Методологической базой исследования служит конструктивистский подход к изучению социальных явлений. Активно используются разработки теоретической социологии, некоторых дискурс-аналитических подходов. На примере материала внутривнутрипартийных дискуссий в СССР 20-х гг. прошлого столетия демонстрируются те способы, при помощи которых основные идеологемы закрепляются в коммуникации и при определенных условиях превращаются в мировоззренческие установки субъектов-носителей.

The dynamics of formation and development of the basic semantic components of ideological systems are considered in article. Methodological base of research is the constructivist approach to studying of the social phenomena appearances. Workings out of the theoretical sociology, approaches some a discourse-analytical are actively used. On an example of a material of inner-party discussions in the USSR 20th years of last century those ways are shown with which help the main ideology elements are fixed in communications and under certain conditions turn to world outlook settings of the subjects-carriers.

Введение. Важнейшим условием жизнеспособности любой идеологии является соответствие ее постулатов реальности. Лишь та идеология, которая способна дать ответы на важные для ее носителей вопросы, объяснить существующее положение вещей, способна существовать. Однако при этом наивно было бы полагать, что тезисы, составляющие ядро идеологии, являются «отражением» происходящего в жизни общества. В основе любой идеологии лежит, скорее, обратный процесс – существующая действительность либо создается в идеологической системе «с нуля», либо «переописывается» в удобной для ее носителей терминологии, «подгоняется» под ее тезисы, исходя из которых и объясняется. Актуальность вопроса о том, как это происходит, определяет значимость исследования тех механизмов, посредством которых в идеологических системах формируется реальность.

Основная часть. Прежде чем перейти к раскрытию заявленной в названии проблемы, необходимо определиться с ведущими познавательными установками, на которые наше исследование будет опираться. Важнейшими из этих установок являются две. Во-первых, идеологическая система понимается как коммуникативная (греч. *logos* понимается еще и как «слово»). Необходимым условием «выживания» любой идеологии является пополнение и удержание в сфере своего влияния сторонников, обеспечение «одинаковости» их мышления и деятельности. Для этого они должны не только разговаривать на одном языке (в смысле лексическом и семантическом). Их взаимные коммуникативные ожидания должны быть гораздо менее контингентны (неоднозначны),

иными словами, они должны быть достаточно предсказуемы друг для друга. Именно эти условия позволяют идеологической системе определять свои границы, вырабатывать критерии идентичности (свой / чужой), набор пресуппозиций для оценки и описания социальных реалий (самоочевидных предпосылок, имманентных коммуникации) и т. п.

Во-вторых, в силу описанного выше, идеологические системы являются смысловыми. Причем смысл понимается нами как схема, объясняющая выбор конкретной коммуникации в противовес какой-либо иной и «...обеспечивающая продолжение коммуникаций и переживаний» [1, с. 117]. Также «смысл можно определить как среду, которая производится благодаря избытку ссылок на другие возможности (не избранных, но *потенциально* возможных в иных коммуникациях – В. С.) ...», поэтому... весь смысл основывается на различении актуального и потенциального» [2, с. 147]. По мере увеличения сложности потенциальное начинает все больше довлеть над актуальным, затрудняя дальнейшие операции системы и вынуждая ее затрачивать больше семантических усилий на самописание (в т. ч. переход на более высокий уровень абстракции для учета большего числа вариантов). Проще говоря, чем дольше существует система коммуникации, тем больше в ее истории было ситуаций выбора направления развития и тем больше альтернативности в ее будущем. Дабы избежать «перегрузки» (бесконечных дискуссий и разночтений в ходе принятия решений и обсуждений), в системе вырабатываются некоторые смысловые универсалии, которые должны восприниматься как нечто само собой разумеющееся (очевидные смыслы, обладающие

«бытийным», «онтологическим» и, автоматически, критериальным статусом). Складывается ощущение инвариантности смысла, допущение о наличии «правильных» форм и наименований [3, с. 202]; а в *наблюдении и описании* процесса смыслообразования можно в таком случае исходить из идеи об «уже-существовании» смысла до начала коммуникации.

Описанный процесс смыслообразования чрезвычайно важен для понимания функционирования идеологических систем. Проследить конкретный механизм его формирования особенно рельефно можно на дискуссионном материале. В качестве такового используем материалы внутривнутрипартийных дискуссий в СССР в 20-е гг. прошлого столетия.

Механизм смыслообразования включает в себя несколько важных составляющих.

1. *Формирование «объектности»* является важной составной частью процесса придания онтологического статуса определенной причинной цепи.

В силу специфики советского дискурса, отражающего и эффективно использующего особенности политической ментальности населения, такие обороты, как «рабочий класс», «мировая революция», «советская власть», «партийный аппарат», «закаленный коммунист» и т. д., прочно осели в языке и часто использовались как каркас для построения аргументации. Однако было бы ошибочным считать, что задача данных оборотов заключается только в том, чтобы придать «статичный», псевдометафизический статус описываемой в идеологии реальности (бытие, «жизнь» так устроены, что есть «мировая революция» и т. п.). С коммуникативной точки зрения важен не сам оборот, а его «ореол» (что из этого оборота следует), по возможности не затрагивающий саму основу. То есть мы можем говорить, что если у формирования объектности и есть «цели», то это *сокрытие контингентности, неоднозначности* наблюдаемого коммуникативного порядка.

2. *Конкуренция интерпретаций*. Процесс порождения смысла имеет не только «качественную», но и «количественную» плоскость. Как отмечает Н. Луман, «однажды принятое предложение смысла имеет большие шансы на повторение, нежели отклоненное», а также оно «...повышает шансы на генерализацию, поскольку как сама принимающая коммуникация, так и все подсоединяющиеся к ней коммуникации переводят его в иной контекст и обязаны его соответственно адаптировать» [4, с. 153]. Благодаря этому мы можем объяснить развернувшуюся в рамках внутривнутрипартийной дискуссии борьбу за право использования определенной интерпретации ряда оборотов.

3. *Закрепление объектности* (субстанциирование). Мы можем попытаться схематически наметить *механизм закрепления*, опираясь при этом на сформулированный Г. Спенсером-Брауном *закон индикации (наименования)*. Суть последнего заключается в следующем: «Значение именования, произведенного повторно, остается (тем же) значением именования»; соответственно, «повторное произнесение названия увеличивает вероятность индикации некоторой вещи, ситуации или лица в будущем и формирует нормативные ожидания в коммуникации или сознании» [5]. Таким образом, субстанциирование происходит по условной схеме «*наименование (введение понятия) – (само-)инореперенция (отнесение понятия) – (понятие как) критерий*».

Отчасти эта схема реализована, например, при помощи собирательного понятия для обозначения социальной базы левой оппозиции – «бывшие люди». Последнее часто встречается в официальных документах 20-х гг. прошлого столетия, при выступлениях должностных лиц на пленумах и в сводках ГПУ о политических настроениях среди населения. Вот цитата выступления А. Криницкого на пленуме ЦК КПБ от 3 мая 1925 г.: «Никаких антисоветских партий не имеется. Есть “бывшие люди”. Эти “бывшие люди” пытаются превратиться в идеологов недовольной части населения...» [6, л. 8]. К таковым относились бывшие царские служащие, члены партий, в т. ч. коммунистической, бывшие рабочие, священники и т. д. Это понятие употребил Луначарский в своей одноименной книге, касающейся определенных социальных групп (*наименование*). В дальнейшем понятие «онтологически утверждается» путем самоотличения от него употребляющего оборот участника, как в приведенной цитате Криницкого, заявляющего о том, что «бывшие люди» *есть* (и «мы» – не они: *инореперенция* за счет исключения). Наконец, в некоторых сводках ГПУ (см., например, [7, л. 78]), «бывшие люди» фактически выступают критерием, по которому производится классификация индивидов по социальному признаку (*критерий*). Они упоминаются как отдельный социальный слой, наравне с рабочими, интеллигенцией и т. д. (сложно представить отдельную социальную группу, например «самодовольных администраторов»).

4. На уровне перехода к различению «самореперенция / инореперенция» (отнесения понятий) субстанциируемое увязывается либо с внешними условиями, либо относится на счет идеологической системы. Наиболее часто встречается связь с *внешним контекстом* (психологическим, когнитивным, природным, бытийным и т. п.).

Несомненно, «выгоднее» проводить *отличение от неразмеченного мира* (т. е. сущность внешнего мира не конкретизировать). Это делает идеологию достаточно гибкой (что бы ни случилось во внешнем мире, идентичность системы сохраняется, а происходящее можно описать как угодно). В противном случае всегда предпочтительнее проводить различие от чего-то *принципиально иного*. Как пример подобной ситуации приведем выражение, взятое из оппозиционного документа (Заявление в ЦК ВКП(б). Автор «Швейник». 5 ноября 1928 г.): «По поводу *щупалец мелкобуржуазной гидры*: да...они могут охватить и отдельные *прослойки рабочих...*» [8, л. 2].

5. Использование *персонификации и симбиотической символики* [4]. Это касается разного рода действий, прежде всего связанных с категориями «телесного». Выражения, включающие подобные действия, интерактивны по своей сути, при их помощи происходит метафорический перенос явления из одного смыслового поля в другое, как правило, гораздо более освоенное субъектом, соответственно предполагающее однозначные выводы о происходящем. Это в полной мере касается и ритуальных действий, которые в большинстве своем повторяют друг друга с точки зрения структуры, хотя наполняются самой разнообразной информацией.

Письмо В. Селицкого (1 июля 1928 г.), адресованное Сталину, позволяет отметить, что повседневный язык, не перенасыщенный коммуникативными элементами политического дискурса, содержит большее число языковых отражений действий, жестов и т. д., т. е. связей с внешним контекстом. В данном же примере адресант пытается отразить свое понимание политических реалий, однако абсолютно не владеет принятой терминологией и заменяет «официальные» для системы формулировки подобранными им соответствиями. Его видение ситуации является заимствованным, но оно выступает контекстом для той информации, которая имеет для него личную значимость. «Надо чаще *заглядывать* ленинским здоровым оком, оком большевистским, что *оздоровит* наш советский аппарат, а также *оздоровит* и тех, кто душой и *телом страдав и страдает*, когда *слышат*, что мертвецы *подымают головы и подтачивают* как крысы фундамент советской власти, которые еще *застрявшие, не выловлены до сего времени*» [9, л. 130]. Эти представления о происходящем в партии обретают для него личную значимость и требуемая им «люстрация» партийных функционеров становится условием личного успокоения и облегчения собственного существования.

Заключение. Изложенное выше есть способности субстанцирования, основанные исключительно на законе индикации. Смысл данной операции сводится к скопленению смыслового содержимого на одной из сторон формы (система или мир) по мере присоединения коммуникаций и превращения этого содержания в критерий отличия путем устранения его неоднозначности. «Успешность» субстанцирования зависит от способности коммуникации всегда возвращаться к одним и тем же «идентичностям», независимо от контекста. Тем самым, становясь критерием, субстанцированная коммуникация фактически генерирует свой контекст.

Литература

1. Антоновский, А. Ю. О смысле самоописаний / А. Ю. Антоновский // Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т. IV, № 2. – С. 114–117.
 2. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман. – THESES. – 1994. – Вып. 5. – С. 135–160.
 3. Луман, Н. Эволюция / Н. Луман. – М.: Логос, 2005. – 256 с.
 4. Луман, Н. Медиакommunikation / Н. Луман; пер. А. Глухова, О. Никифорова. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
 5. Антоновский, А. Ю. Смысл как коннективный механизм в языке, сознании и коммуникации: теория коммуникации как междисциплинарный подход / А. Ю. Антоновский // Эпистемология и философия науки [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://journal.iph.ras.ru/antonov.html>. – Дата доступа: 22.06.2006.
 6. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный Комитет Компартии Беларуси. – Оп. 20. – Дело 14. Стенограмма пленума ЦК КП(б)Б от 3 мая 1925 г. – 104 л.
 7. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный Комитет Компартии Беларуси. – Оп. 5. – Дело 395. Сводки политотдела по итогам обсуждения решений XIV съезда, апрельского и июльского пленумов ВКП(б) и выступления троцкистской оппозиции, о состоянии партийных ячеек, политических настроениях населения и др. 1926 г. – 104 л.
 8. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный Комитет Компартии Беларуси. – Оп. 21. – Дело 160. Материалы ЦК ВКП(б) об оппозиции. Нач. 1927–1928. – 786 л.
 9. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный Комитет Компартии Беларуси. – Оп. 21. – Дело 185. Секретный отдел. Заявления и жалобы коммунистов и беспартийных и материалы их расследования. Июнь 1928 – февраль 1929 гг. – 143 л.
- Поступила 15.03.2011*

УДК 371:502.12

Т. Г. Каленникова, кандидат педагогических наук, доцент (БГТУ)**МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ В СИСТЕМЕ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ**

В статье рассматривается одна из серьезных проблем педагогики – реализация в учебном процессе межпредметных связей. Раскрыты взгляды на данную проблему таких ученых, как Я. А. Коменский, К. Д. Ушинский, Ю. А. Самарин и др. Ю. А. Самарин предлагает рассматривать межпредметные связи как диалектическую закономерность, действующую при отборе содержания экологического образования.

Выделена сущность понятий «межпредметные связи» и «междисциплинарный подход». Определены четыре уровня формирования у старших школьников умений межпредметного характера. Сделано обоснование о том, что каждый учебный предмет является открытой дидактической системой и связан с содержанием других учебных предметов структурно-логическими, генетическими и функциональными связями и что ведущие идеи одного учебного предмета могут проникать в содержание других учебных дисциплин.

Использование межпредметных связей в процессе экологического образования старших школьников обеспечивает наиболее полную реализацию принципа научности в предметной системе обучения.

The paper dwells on an important problem of pedagogics – realization of intersubject relations in the educational process. It reveals views on this problem expressed by such scholars as Ya. A. Komen-sky, K. D. Ushinsky, Yu. A. Samarin and others. Yu. A. Samarin considers intersubject relation to be a dialectical regularity acting at the choice of ecological education contents.

The paper distinguishes the notions of «intersubject relation» and «interdisciplinary approach». It defines four levels of formation of intersubject skills at senior pupils. It substantiates the idea that each educational subject is an open didactic system and is connected with other subjects by structural-logical, genetic and functional relations, the leading ideas of one subject penetrating into the contents of the others.

Use of intersubject relations in ecological education of senior pupils contributes to the best realization of the principle of scientific essence in a subject educational system.

Введение. Взаимосвязь наук, выраженная интегративными процессами, обуславливает и взаимосвязь учебных дисциплин. Уже одно только это создает предпосылки к тому, что их эффективное изучение можно осуществлять при условии реализации межпредметных связей.

Общеизвестно, что обучение и воспитание заключается не в накоплении изолированных фактов, знаний, а в выработке на их основе системы знаний, умений и навыков. Само по себе количество накопленных знаний не переходит в качество умственной деятельности. У человека может быть много знаний, но если эти знания не систематизированы, не соотнесены друг с другом, они оказываются изолированными друг от друга, их применение весьма затруднительно. Поэтому умственная деятельность такого человека оказывается весьма ограниченной, ему трудно переносить и применять знания в многообразных ситуациях. Можно сказать, что эффективность умственной деятельности в целом определяется не простой суммой знаний, а той более узкой или более широкой системой знаний, которая является основой мировоззрения, убеждений человека, динамическим итогом его жизненного опыта.

В содержание школьных предметов заложен ряд идей высокого уровня обобщенности, которые являются междисциплинарными по своей сути. Эти идеи раскрываются в каждом учебном предмете с разных сторон. Поэтому тема междисциплинарности волнует педагогов со времен Я. А. Коменского, Д. Локка, И. Ф. Гербарта.

Основная часть. Наиболее полное обоснование дидактической значимости межпредметных связей дал в свое время К. Д. Ушинский. Он раскрыл психологические основы и определил семь видов различных ассоциативных связей: припоминание по противоположности, по сходству, по порядку времени, места; рассудочная связь; связь по сердечному чувству, связь развития или разума. К. Д. Ушинский считал, что «знания и идеи, сообщаемые какими бы то ни было науками, должны органически строиться в светлый и, по возможности, обширный взгляд на мир и его жизнь» [1]. Также он указывал на большую мировоззренческую роль межпредметных связей, способствующих формированию ясных, полных и целостных представлений об окружающем нас реальном мире.

Известный психолог Ю. А. Самарин в работе «Очерки психологии ума» пишет: «Уметь видеть явления в их многообразных связях, в сложном взаимодействии разнообразных фактов, в их противоречии и развитии – это значит уметь мыслить диалектически. Диалектический метод в познании мира есть высший уровень человеческого мышления». При этом он утверждает, что уметь мыслить диалектически, видеть явления во всех его связях и опосредованиях не появляется вдруг неожиданно. Оно формируется постепенно в процессе овладения все более и более сложным комплексом знаний [2].

Позиция Ю. А. Самарина предлагает рассмотреть межпредметные связи как диалектическую закономерность, действующую при отборе содержания экологического образования.

Межпредметные связи создают благоприятные условия для развития экологического сознания каждого старшеклассника. Так, экологически мыслящий человек должен обнаружить умения не только осознать взаимосвязь отдельных взятых явлений природы, но и проследить их взаимосвязь с другими явлениями более широкой системы, чем та, которая непосредственно рассматривается. Экологическое сознание предполагает также умение охватить объект познания во всей его разнокачественности, гетерогенности и увидеть за этим многообразием некоторое сущностное единство, важное в экологическом отношении.

Например, в содержание учебных программ школ, гимназий, лицеев по биологии, химии, географии заложены идеи, раскрывающие такие глобальные экологические проблемы, как изменение климата на планете, «парниковый эффект», уменьшение концентрации азона в атмосфере, кислотные дожди, исчезновение отдельных видов животного и растительного мира, засорение вод Мирового океана и др. Чтобы постичь сущность данных проблем, их необходимо рассматривать с разных сторон и на разных уровнях.

Используя проблемные задания на уроках и в подготовке внеклассных занятий, педагог «расширяет зону видения» ученика, формирует у него навыки высокого порядка (анализ, синтез, обобщение, умозаключение), что способствует развитию опережающего мышления. Приведем примеры отдельных заданий межпредметного характера.

Задание 1. Современные локальные военные конфликты наносят непоправимый ущерб окружающей среде не только на территории воюющих государств, но и природному окружению их соседей. Например, в результате ирано-иракского конфликта повреждены нефтяные скважины, регулярным атакам подвергаются

множество танкеров, в результате чего в море постоянно выливается большое количество нефти. Нефтяное пятно уже заняло почти половину Персидского залива, наносится существенный урон прибрежным районам Кувейта, Омана, Катара, Саудовской Аравии и Бахрейна.

Как вы думаете, какой вред морю наносит нефтяная пленка, которая тонким слоем покрывает значительную часть поверхности воды?

Задание 2. В течение веков в лесах запрещалось законом и нравственными устоями рубить деревья диаметром менее 12 см – сохранялся будущий лес. Ныне повсеместно при сплошных рубках весь подрост уничтожается под гусеницами тракторов и другой техники. Современные способы рубок – это ежегодный гигантский погром наших лесов. Большое количество леса гибнет также и от пожаров.

Помните, что леса – это «легкие» нашей планеты! В лесу легко дышится. Здесь в 300 раз меньше бактерий, чем в городе, их убивают фитонциды, выделяемые листьями деревьев и трав. Берегите наши леса!

Почему лес называют «легкими» нашей планеты? Подумайте и назовите основные функции леса. Перечислите охраняемые виды исчезающих животных и растений, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь [3].

На базе межпредметных связей у учащихся формируются прочные, системные, внутрипредметные и межпредметные ассоциации. Таким образом, межпредметные связи выступают как важная дидактическая и методическая категория.

Эффективность реализации межпредметных связей зависит от создания таких педагогических условий, которые бы в максимальной степени соответствовали особенностям процесса превращения дидактической модели межпредметных связей в факт овладения знаниями учащимися.

Межпредметные связи могут осуществляться по линии общих фактов, понятий, законов, теорий, идей науки и по линии общих умений и навыков.

В методической литературе выделяется четыре уровня формирования у учащихся умений межпредметного характера:

– простой перенос, т. е. применение знаний, умений или способов деятельности из одной учебной дисциплины в аналогичной ситуации в другую. Самостоятельная деятельность учащихся в этом случае ограничена;

– некоторое преобразование знаний, полученных в процессе изучения различных учебных дисциплин, в новой ситуации. Самостоятельная деятельность учащихся протекает на уровне реконструкции знаний и умений, приобретаемых во время изучения разных учебных предметов;

– варьирование и комбинирование знаний, полученных при изучении различных учебных дисциплин, для осуществления частично поисковой деятельности. Степень самостоятельности учащихся возрастает;

– широкий перенос межпредметных знаний в новые условия на уровне исследовательской деятельности. Самостоятельность учащихся достигает максимальной степени развития.

Недооценка роли межпредметных связей в процессе обучения приводит к дублированию материала в учебных дисциплинах, сужению понимания обучаемыми сути многих понятий и закономерностей.

Особую роль межпредметные связи играют в решении задач экологического образования и воспитания. Экологические знания комплексны по своему содержанию. Раскрытие и усвоение их должно происходить на междисциплинарном уровне. Только такой подход может сформировать у учащихся правильное представление о природе как целостной системе, в которой все элементы взаимодействуют в круговороте веществ и энергии, постоянно совершаются процессы самовоспроизводства и тем самым поддерживаются нормальные биофизические и биохимические условия жизни на Земле. Знания об этих процессах являются составляющими компонентами ведущих экологических идей: развитие и целостность природы в сфере жизни; взаимосвязь истории, общества и природы; изменение природы в процессе труда.

Исследования и практика показывают, что правильное представление по данным проблемам учащихся складывается на основе развития экологических понятий о природном комплексе, природных сообществах, географических оболочках, биосфере, антропогенных факторах, а также зависит от уровня развития личностных качеств каждого в отдельности учащегося. Благоприятные возможности для решения этого комплекса задач открывают биология, химия, география, русская и белорусская литература.

Реализация в этом комплексе дисциплин образовательной, развивающей и воспитательной функций межпредметных связей содействует умственному развитию учащихся, приобретению ими навыков абстрагирования, моделирования, обобщения, конкретизации, расширению их эрудиции, формированию эмоциональной и волевой сфер личности.

Использование межпредметных связей в процессе экологического образования и воспитания школьников обеспечивает наиболее полную реализацию принципа научности в предметной системе обучения по следующим аспектам:

а) создание представлений о целостных единицах научного знания;

б) раскрытие современных тенденций развития науки, возникающих под влиянием процессов интеграции;

в) формирование у учащихся представлений о науке как системе знаний и системе методов;

г) более яркое освещение социальной ценности гуманитарных и естественнонаучных знаний.

Суть взаимодействия различных предметов в становлении экологического сознания молодежи убедительно раскрыта известным философом Б. М. Кедровым: «Начинает вырисовываться новый методологический подход, действующий пока что наряду с прежним, когда одной науке соответствовал один предмет, и наоборот – этому предмету соответствовала лишь одна эта наука, так что отношения между ними – наукой и предметом – были строго однозначными. Теперь же все чаще обнаруживается, что один предмет должен изучаться одновременно многими науками в их взаимодействии, тогда как одна наука должна иметь дело не с одним ее «собственным» предметом, а со многими другими предметами» [4].

Заключение. Экологические знания, получаемые старшеклассниками в процессе целенаправленного, организованного экологического образования и воспитания, имеют огромный воспитательный потенциал. Они заставляют юношей и девушек задумываться и осмысливать мировоззренческие и психологические установки. Экологическая грамотность, культура старших школьников, их экологическая целесообразная деятельность и поведение могут быть в полной мере обеспечены реализацией многопредметной модели экологического образования и воспитания, фундаментом которой являются естественнонаучные и гуманитарные дисциплины.

Литература

1. Ушинский, К. Д. Педагогическая поездка по Швейцарии / К. Д. Ушинский // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. – Т. 3. – С. 178.

2. Самарин, Ю. А. Очерки психологии ума / Ю. А. Самарин. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. – С. 321.

3. Борисевич, А. Р. Экология, учитель, ученик / А. Р. Борисевич, Т. Г. Каленникова. – Минск: ИВЦ Минфина, 2006. – С. 15–16.

4. Кедров, В. М. О современной классификации наук / В. М. Кедров // Философия современного естествознания. – М.: Мир, 1982. – С. 14.

Поступила 30.03.2011

УДК 739.2.033(476)

Н. І. Наркевіч, асістэнт (БДТУ)

УПРЫГАЖЭННІ РУК ЖЫХАРОЎ БЕЛАРУСІ XII–XIV СТСТ. (ПАВОДЛЕ АРХЕАЛАГІЧНЫХ ЗВЕСТАК)

Публікацыя прысвечана найбольш распаўсюджаным творам ювелірнага мастацтва на тэрыторыі Беларусі XII–XIV стст. – упрыгажэнням рук (бранзалетам і пярсцёнкам). Вызначаюцца адметныя асаблівасці ювелірных вырабаў па форме, матэрыяле, спосабах вырабу і характары дэкару. Бранзалеты і пярсцёнкі прадстаўлены амаль усімі тыпамі, характэрнымі для Старажытнай Русі. Асаблівая ўвага надаецца аналізу зааморфных, балцкіх па паходжанні бранзалетаў, непаўторным рысам вырабаў з каштоўных металаў, створаных беларускімі майстрамі. Семантычная нагрузка, канструктыўныя і выяўленчыя прынцыпы, пакладзеныя ў аснову ювелірных вырабаў, вызначаюцца выразнасцю і прастатой. Упрыгажэнні рук былі неад’емнай часткай касцюма жыхароў Беларусі XII–XIV стст.

This article deals with the art of jewelry in Belarus in the XII–XIVth centuries, principally adornments of hands (like bangles and seal rings). The author determines distinctive features of such jewelry by its form, material it was made of, mode of production, and design peculiarities. Practically all types of bangles and seal rings, specific for the ancient Russia, can be found in the article concerned. The author has specially studied zoomorphic and Baltic (by origin) bangles, and analyzed unique features of jewelry of precious metals, manufactured by the Belarusian masters. In the article bangles and seal rings have been also mentioned to save the integral part of the Belarusian traditional suit in the XII–XIVth centuries.

Уводзіны. Звязаныя з касцюмам ювелірныя ўпрыгажэнні, іх форма і канструкцыя адлюстроўвалі наяўную ў грамадстве сістэму ўяўленняў пра семантыку пабудовы цела чалавека, фарміравалі яго фізічную і духоўную існасць. Упрыгажэнні рук, да якіх адносяцца бранзалеты і пярсцёнкі, не былі ў касцюме выпадковымі, яны маркіравалі найбольш важныя часткі цела.

Асноўная частка. *Бранзалеты* з’яўляюцца найбольш распаўсюджанымі ўпрыгажэннямі на тэрыторыі Беларусі XII–XIV стст. Насілі іх як на правай, так і на левай руцэ ці на абедзвюх адначасова, іншы раз па некалькі штук – ад аднаго да васьмі. Вырабы адрозніваліся паміж сабой матэрыялам, формай, таўшчынёй, характарам аздаблення. У розны час назіраецца мода на пэўны тып бранзалета.

Папулярнасць у XII–XIII стст. мелі пераважна кручаныя, досыць тоўстыя ўпрыгажэнні рук, пазней моднымі становяцца тонкія гладкія бранзалеты. На Беларусі бытавалі амаль усе віды металічных бранзалетаў, вядомыя тагачаснай Усходняй Еўропе, а таксама зааморфныя, балцкія па паходжанні.

У X–XIII стст. былі пашыраны бронзавыя і медныя бранзалеты круглага сячэння з абрубленымі ці патончанымі (у радзімічаў і палачан таксама з раскляпанымі) канцамі, плеченыя, вітыя з завязанымі канцамі, рэльефныя, пласцінчатыя з канцамі ў выглядзе змяіных або звярыных галоў, створкавыя бранзалеты-наручы, лодкападобныя. Можна адзначыць і вырабы ювеліраў-ліцейшчыкаў – вітыя

з петлепадобнымі канцамі, лжэкручаныя і лжэплеченыя бранзалеты.

Выдатнымі ўзорамі вырабаў з каштоўных металаў з’яўляюцца ўнікальны, масіўны (75, 472 г) залаты бранзалет XII–пачатку XIII ст. з Мінскага замчышча і віты сярэбраны бранзалет X–XIII стст. з вішчынскага скарбу [1; 2, с. 139]. Асабліва звяртае на сябе ўвагу аздабленне бранзалета з Мінска. Упрыгажэнне сплечена з трох складзеных удвая і перавітых паміж сабой залатых тоўстых дротаў, на абодвух канцах яго адлюстраваны стылізаваныя галовы драконаў.

Звера- і змяінагаловыя вырабы зарадзіліся практычна адначасова з самімі металічнымі ўпрыгажэннямі і належаць да перыяду энеаліту. Вельмі папулярнымі былі бранзалеты, грыўні і дыядэмы, упрыгожаныя звярынымі галоўкамі, і ў перыяд антычнасці. З усяго набору звярыных вобразаў (грыфоны, ільвы, змеі, драконы, птушкі) толькі змеі і драконы былі папулярнымі ва ўсе наступныя эпохі. Пры аналізе паходжання бранзалетаў са змяінымі і драконавымі галоўкамі на тэрыторыі Старажытнай Русі В. Левашова адзначае, што дадзены матыў быў захаваны ў візантыйскім ювелірным мастацтве і ў канцы I тыс., адкуль перанесены на тэрыторыю Усходняй, Цэнтральнай Еўропы і ў Скандынавію [3, с. 216]. Разнастайныя бранзалеты з драконавымі галоўкамі вырабляліся візантыйскімі майстрамі для вандроўнай знаці і ў эпоху Вялікага перасялення народаў, і ў больш позні час [4; 5, с. 235].

Традыцыя вырабу і нашэння металічных упрыгажэнняў з зааморфнымі канцамі знайшла

працяг у ювелірнай справе Сярэднявечча ў выніку культурных стасункаў з краінамі Балтыйскага рэгіёну і Паўночнай Еўропы. Гэты феномен можна растлумачыць як устойлівасцю традыцый у ювелірнай справе, так і семантычнай нагрузкай вобразаў змяі і дракона ў светаўспрыманні і фальклоры шматлікіх народаў, якая прыводзіць да самастойнага з'яўлення падобных упрыгажэнняў.

Ёсць падставы лічыць, што і каштоўны бранзалет з Мінскага замчышча прывезены з вострава Готланд, што ў Балтыйскім моры (Швецыя) [1]. Бранзалеты з Готланда вельмі падобныя да залатога ўпрыгажэння з Беларусі.

Папулярнасць вобраза змяі ў дэкоры ўпрыгажэнняў звязана з яе заступніцкай сімволікай. Сама форма бранзалета нагадвае скручанае змяінае цела. Вырабы, якія завяршаюцца драконавымі галовамі, у параўнанні з вырабамі са змяінымі, адрозніваюцца больш складанай тэхнікай выканання, стараннай прапрацоўкай дэталей, вялікай разнастайнасцю тыпаў вырабаў. Мордачкі драконаў адрозніваюцца ад змяіных галовак, на якіх, як правіла, паказаны толькі круглыя вочы і рот (часам – ноздры і луска), колам характэрных прыкмет. Да іх можна аднесці міндалепадобную форму выпуклых вачэй, графічнае або аб'ёмнае вызначэнне носа, які пераходзіць у бровы. У драконаў часцей паказаны і вушкі (звычайна яны прыціснуты да галавы), вызначаны пераход ад галавы да шыі жывёлы, на некаторых вырабах бачны і зубы.

Галоўкі-наканечнікі бранзалетаў, на якіх пададзены і звярыныя, і змяіныя рысы, мэтазгодна разглядаць як драконавы. Менавіта гэтыя дзве катэгорыі вобразаў – змяі і дракона – былі асноваўтваральнымі ў дэкоры падобных упрыгажэнняў.

Прастата і выразнасць кампазіцыі найбольш раскрываюцца ў дэкоры пласцінчатых бранзалетаў XII–XIII стст. Сярод іх вылучаюцца вырабы са стылізаванымі зааморфнымі канцамі, бранзалеты з пашыранымі канцамі і ціснёным геаметрычным арнаментам, пласцінчатых тупаканцовых.

Арнамент на гарадскіх пласцінчатых бранзалетах быў больш складаны і разнастайны, чым на вясковых. На знешні выгляд геаметрычных узораў, магчыма, уплывалі разьба па дрэве, строгія народныя вышыўкі, але іх змест звязаны з адзінай для ўсіх відаў мастацтва язычніцкай сімволікай. Геаметрычны арнамент бытаваў пераважна да XIII ст., затым з'явіліся элементы расліннага, дзе кожны матыў лічыўся абярэгам.

Пласцінчатых створкавых бранзалеты-наручы з'явіліся на Беларусі ў XII ст. і былі

кампанентам дэкору святочнага адзення знатных жанчын з доўгімі шырокімі рукавамі. Першыя бранзалеты з шарнірным мацаваннем паходзяць з антычнасці, верагодна, яны ўзніклі пад моцным уплывам усходнеіранскага мастацтва апрацоўкі металу. У час ранняга Сярэднявечча шырокія створкавыя бранзалеты з шарнірным мацаваннем выраблялі майстры Візантыі.

На тэрыторыі Старажытнай Русі створкавыя пласцінчатых бранзалеты насілі ў складзе гарадскога ювелірнага ўбрання з чарненнем. Майстры не паўтаралі візантыйскія творы літаральна, разам з тым частка сюжэтаў на старажытнарускіх і візантыйскіх бранзалетах супадае. На Беларусі ювелірныя вырабы знойдзены ў Полацку, Пінску, Гродне, Слоніме, Друцку, на месца феадальных сядзіб каля вёсак Рамаанава Горацкага і Вішчын Рагачоўскага раёнаў [6, с. 36].

Выдатным узорам работы беларускіх майстроў у такой стылістыцы з'яўляецца сярэбраны створкавы бранзалет з вішчынскага скарбу. Упрыгажэнне мае выгляд пласцінчатага сярэбранага абруча з дзвюх створах, злучаных шарнірамі. Бранзалет уражвае непаўторнасцю дэкаратыўных элементаў і высокім майстэрствам выканання. Фон ўпрыгажэння выкананы разцом і пакрыты чарненнем. На старажытнарускіх бранзалетах чарненнем пакрываўся фон, і толькі ў позніх узорах XIII–XV стст. яго запаўняла лініі гравіраванага аздаблення. Асаблівай складанасцю адрозніваюцца малюнкi на створкавых бранзалетах-наручах з вішчынскага скарбу. Дэкаратыўныя элементы тут на першым месцы. З арнаментальных сюжэтаў асабліва цікавыя выявы птушак і крына, да якіх неаднаразова звярталіся беларускія ювеліры.

На бранзалетах, якія вырабляліся ў тэхніцы ручнога выбівання, ціснення або ліцця, выявы плоскія, гравіраваныя. На створкавых бранзалетах-наручах яны размяшчаюцца ў адзін або два ярусы і знаходзяцца ў прамавугольных ці кіэтападобных і паўкруглых арачках, выдзеленых псеўдасканню ці арнаментам. Акрамя літых бранзалетаў, якія арнаментацыяй нагадвалі творы, выкананыя ў тэхніцы выбівання і ціснення (выявы фантастычных жывёл, ПТУшак, пляцёнкі), былі ювелірныя ўпрыгажэнні з геаметрычным арнаментам і псеўдазырнёнымі кампазіцыямі. Асноўным месцам пашырэння літых бранзалетаў быў Ноўгарад. Разам з тым цікавымі ўзорамі літых створкавых бранзалетаў з'яўляюцца вырабы з Беларусі – з Гродна, Полацка, Пінска.

На тэрыторыі Старажытнай Русі аздабленне створкавых бранзалетаў псеўдазырненнем пашырэння не мела. Тым не менш на Беларусі

гэты прыём узнік пад уплывам балканскіх узораў. У сярэдзіне XIII ст. цэнтр вытворчасці бронзалетаў з псеўдазарненнем перамясціўся ў заходнія землі Старажытнай Русі. У рэгіёне, дзе быў моцны ўплыў культуры балканскіх краін, гэты тып бронзалетаў праіснаваў да XIV ст., а на думку Т. Макаравай, – і да XV ст. [7, с. 91].

Эвалюцыя створкавых бронзалетаў ішла ад складаных вобразаў да простых, да схематызацыі. Нягледзячы на гэта, мясцовыя асаблівасці надалі ювелірным вырабам своеасаблівых непаўторных рысы.

Пярэцёнкі з’яўляюцца даволі распаўсюджанай катэгорыяй упрыгажэнняў на Беларусі ў XII–XVI стст. Тлумачыцца гэта вялікім значэннем пярэцёнкі сярод насельніцтва Старажытнай Беларусі ва ўрачыстай абраднасці.

На першы погляд, пярэцёнкі адрозніваюцца ад бронзалетаў толькі памерамі і прызначэннем. На самой справе розніца ў памерах раскрывае новыя значныя адрозненні. Формы пярэцёнкаў асабліва разнастайныя дзякуючы зменам цэнтральнай часткі ўпрыгажэння. Яна ўскладняецца пячаткамі, устаўнымі камянямі, упрыгожваецца проразію, пашыраецца так, што набывае розныя формы.

Пярэцёнкі на тэрыторыі Беларусі прадстаўлены амаль усімі тыпамі, характэрнымі для Старажытнай Русі. Сярод іх розныя віды пласцінчатых, кругладрацяных, гладкіх, рубчастых, спіральных, вітых, псеўдавітых, плеченых. Найбольш простая і ранняя форма пярэцёнкаў прадстаўлена кругладрацянымі вырабамі, вельмі падобнымі да скроневых пярэцёнкападобных колцаў.

Упрыгажэнні, вырабленыя з золата, серабра, бронзы, волава, білону, бурштыну, медзі, знойдзены ў многіх гарадах Беларусі. Залаты дрогавы пярэцёнак з разамкнёнымі заходзячымі канцамі паходзіць з калекцыі віцебскіх упрыгажэнняў XII ст. [8, с. 121].

Пярэцёнкі з плечанай сярэдзінай часткай і сплюсчанымі разамкнёнымі канцамі былі даволі папулярнымі сярод жыхароў Полацка, Друцка, Турава. Найбольшую цікавасць уяўляе залаты пярэцёнак з заходзячымі канцамі пачатку XIV ст. з Бярэсця [9, с. 110]. Ён сплечены з шасці падвоеных дрогавых, пракаваных на канцах у прамавугольны завужаны дрот. З Навагрудка паходзіць залаты выраб з каменем, вузкая пласцінка якога падзелена перахопамі на роўныя часткі з лацінскай літарай у кожнай з іх. Цікавыя экзэмпляры вырабаў знойдзены ў Полацку: два бронзавыя пярэцёнкі рубяжа XII–XIII стст. са шклянымі ўстаўкамі, а ў слоі першай паловы XIII ст. – білонавы пазалочаны пярэцёнак-пячатка з шасцівугольным шчытком,

на якім выгравіравана выява птушкі з распасцёртымі крыламі [10, с. 395].

На працэс фарміравання самабытнай традыцыі ў ювелірным мастацтве Беларусі XII – XIV стст. аказвалі ўплыў асаблівасці візантыйскай і старажытнарускай мастацкіх школ, спосаб мыслення і пачуццяў, уласцівых Сярэднявеччу.

Заклучэнне. Семантычныя, канструктыўныя і выяўленчыя прыныцыпы, пакладзеныя ў аснову ўпрыгажэнняў рук, вызначаюцца выразнасцю і прастатой. Гэта было своеасаблівае абагульненне, прадстаўленае ў выглядзе знака, змест якога быў зразумелы кожнаму члену грамадства. На прыкладзе ювелірных упрыгажэнняў можна бачыць, як самыя розныя вырабы служылі неад’емнай часткай адзення.

Літаратура

1. Загорюльский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорюльский. – Минск: БГУ, 1982. – 358 с.
2. Загорюльский, Э. М. Вишинский замок XII–XIII вв. / Э. М. Загорюльский. – Минск: БГУ, 2004. – 159 с.
3. Левашева, В. П. Браслеты / В. П. Левашева // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. – М.: Советская Россия, 1967. – С. 207–252.
4. Hasson, R. Early Islamic jewelry / R. Hasson. – Jerusalem: L. A. Mayer Memorial Inst. for Islamic Art, 1987. – 111 p.: ill.
5. Рябцева, С. С. Змеи и драконы. О продолжении одной античной традиции в ювелирном деле эпохи средневековья / С. С. Рябцева // Stratum plus. – СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 1999. – № 3. – С. 228–240.
6. Дучыц, Л. У. Касцюм жыхароў Беларусі X–XIII стст: паводле археал. звестак / Л. У. Дучыц; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – 80 с.
7. Макарова, Т. И. Черное дело Древней Руси / Т. И. Макарова. – М.: Наука, 1986. – 153 с.
8. Бубенька, Т. Ювелірныя ўпрыгожанні Віцебска X–XIV стст.: па матэрыялах даслед. Ніжняга замка / Т. Бубенька // 3 глыбі вякоў. Наш край: гіст.-культурал. зб. / навук. рэд. А. К. Краўцэвіч. – Мінск, 1996. – Вып. 1. – С. 110–131.
9. Лысенко, П. Ф. Открытие Берестя / П. Ф. Лысенко. – Минск: Беларус. навука, 2007. – 181 с.
10. Археалогія Беларусі: у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 1998–2001. – Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. – 2001. – 597 с.

Паступіла 30.03.2011

УДК 94(476)«14»

А. У. Казакоў, кандыдат гістарычных навук, асістэнт (БДТУ)

ПАЛІТЫКА ВЯЛІКІХ КНЯЗЁЎ МАСКОЎСКИХ У АДНОСІНАХ ДА АД'ЕЗДАЎ ЗНАЦІ Ё ВЯЛІКАЕ КНЯСТВА ЛІТОЎСКАЕ (СЯРЭДЗІНА – КАНЕЦ XV СТ.)

Прадстаўленая публікацыя прысвечана палітыцы вялікіх князёў маскоўскіх у адносінах да ад'ездаў (эміграцыі) знаці ў Вялікае княства Літоўскае (далей – ВКЛ) у сярэдзіне – канцы XV ст. У акрэслены перыяд адбываліся актыўны тэрытарыяльны рост Вялікага княства Маскоўскага (далей – ВКМ) і ўмацаванне цэнтральнай улады ў гэтай дзяржаве, адной з праяваў чаго стала імкненне маскоўскіх князёў перашкодзіць пераходу прадстаўнікоў знаці на службу да іншых манархаў. Разглядаюцца канкрэтныя крокі маскоўскага ўрада па барацьбе з ад'ездамі як арыстакратыі, так і шматлікіх «служылых людзей», а таксама прынятыя ім захады па нейтралізацыі пагрозы з боку беглай знаці, якая асела ў ВКЛ.

The article deals with the policy of Grand Dukes of Moscow towards the nobles' emigration to the Grand Duchy of Lithuania during the period from the mid to the end of XVth century. During this period, active territorial growth of the Grand Duchy of Moscow was in progress, and the central power in this state was becoming stronger, that was demonstrated, in particular, by the desire of the Dukes of Moscow to prevent the nobles from transferring to the service for other monarchs. The article provides the analysis of particular efforts of the Moscow government against the emigration of nobles and service class persons, and measures taken to neutralize the threats from escaped nobles that have resided in the Grand Duchy of Lithuania.

Уводзіны. З сярэдзіны і да канца XV ст. у ВКЛ перасяліліся прадстаўнікі розных пластоў прывіляванага саслоўя рускіх зямель – ад вялікіх (цвярскі і разанскі) і ўдзельных князёў да дробнай службылай знаці. Маса эмігрантаў можна падзяліць на дзве вялікія катэгорыі: арыстакратыю і драбнейшую знаць. Першая, колькасна меншая, складалася з трох груп – вялікіх і ўдзельных князёў, служылых князёў і баярскай арыстакратыі. Другую ўтварала дробная знаць («дзеці баярскія»).

Краінай паходжання абсалютнай большасці эмігрантаў было ВКМ. Эміграцыя знаці, асабліва яе эліты, не магла застацца па-за ўвагай кіруючых колаў гэтай краіны. Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца вызначэнне сутнасці палітыкі вялікіх князёў маскоўскіх у адносінах да ад'ездаў знаці ў ВКЛ у другой палове XV ст.

Асноўная частка. За акрэслены перыяд з ВКМ у ВКЛ перасяліліся наступныя асобы з ліку ўдзельных князёў: Васіль Яраславіч Бораўскі разам з набліжаным баярствам (1446 г.; у тым жа годзе вярнуўся, каб падтрымаць Васіля II у барацьбе супраць Дзмітрыя Шамякі за вялікакняскі стол), Іван Андрэевіч Мажайскі (1454 г.), Іван Дзмітрыевіч Шамячыч (1454 г.), Іван Васільевіч Бораўскі, які ў ВКЛ атрымаў прызванне Яраславіч (1456 г.), Васіль Міхайлавіч Вярэйскі (1483 г.). Усе пералічаныя асобы былі прадстаўнікамі пануючага ў Маскве княскага дому і з'яўляліся нашчадкамі Дзмітрыя Данскога. Іх эміграцыя стала наступствам паражэння ў барацьбе супраць вялікіх князёў маскоўскіх альбо апалы з боку апошніх [1, с. 134].

Ніводзін з пералічаных выпадкаў эміграцыі не быў санкцыянаваны маскоўскімі кіруючымі коламі. Яны характарызуюцца як уцёкі. І. Д. Шамячыч ад'ехаў у ВКЛ пасля смерці свайго бацькі, які веў зацятую барацьбу з вялікім князем Васілём II за ўладу ў ВКМ. І. А. Мажайскі пакінуў свой удзел, калі туды з карнай акцыяй накіравалася маскоўскае войска. І. В. Яраславіч збег у ВКЛ разам з маці пасля таго, як па невядомых прычынах яго бацька быў арыштаваны і зняволены паводле загаду Васіля II. Канкрэтныя прычыны эміграцыі В. М. Вярэйскага не вядомыя, але канфлікт з маскоўскім дваром меў месца. Усе вышэйпрыведзеныя асобы разглядаліся ў Маскве як ворагі альбо здраднікі. Іх знаходжанне ў суседняй краіне несла патэнцыяльную небяспеку, што было прадэманстравана ў 1446 і 1461 гг.

У 1445 г. Д. Шамяка, які аспрэчваў маскоўскі вялікакняскі пасад у Васіля II Цёмнага, здолеў захапіць Маскву, паланіць свайго апанента і абвясціць сябе вялікім князем. Верны васал Васіля II В. Я. Бораўскі разам са шматлікімі паплечнікамі ў 1446 г. ад'ехаў у ВКЛ і выкарыстаў гэту краіну як бяспечнае месца для канцэнтрацыі антышамякавых сіл. Вярнуўшыся ў тым жа годзе ў ВКМ, ён дапамог свайму сюзерэну вярнуць уладу і нанесці паразу Д. Шамяку.

У 1461 г. І. В. Яраславіч (сын В. Я. Бораўскага, які на той час патрапіў у апалу да Васіля II) заключыў пагадненне з іншым эмігрантам – І. А. Мажайскім – з мэтай сумесных дзеянняў супраць маскоўскага князя. Гэтыя намеры не былі рэалізаваны, аднак дэманстравалі

магчымасці кансалідацыі апанентаў Масквы ў эміграцыі [2, с. 42–43].

Якія ж захады прымаліся вялікімі князямі маскоўскімі для нейтралізацыі гэтай бяспекі? У дамове паміж Васілём II і В. Я. Бораўскім, заключанай у 1454–1456 гг. (пасля ўцёкаў І. Д. Шамячыча і І. А. Мажайскага), утрымліваецца традыцыйная для такіх двухбаковых пагадненняў норма, паводле якой непрыяцелі аднаго з бакоў станавіліся такімі і для іншага: «А кто будет недруг мне... тот и тебе недруг» [3, с. 179]. «Недрузі», аднак, не названы пайменна. Але ўжо паводле дамовы паміж маскоўскім вялікім князем і наўгародцамі 1456 г. апошнія абавязваліся не даваць прытулку і не аказваць дапамогі І. Д. Шамячычу і І. А. Мажайскаму. Аналагічную норму ўтрымлівала і пагадненне з Цвярскім вялікім княствам, заключанае ў тым жа годзе [3, с. 187]. Такім чынам, Васіль II імкнуўся не дапусціць не толькі саюзу паміж апальнымі князямі і княствамі Русі, але нават і магчымасці істотнай дапамогі першым з боку апошніх.

Вялікі князь маскоўскі Іван III Васільевіч (1462–1505 гг.) працягваў палітыку свайго папярэдніка па нейтралізацыі пагрозы з боку апальных князёў. Паводле дамовы Івана III з Цвер’ю, якая датуецца 1462–1464 гг., Міхаіл Барысавіч Цвярскі абавязваўся не прымаць у сваіх землях І. А. Мажайскага, І. Д. Шамячыча і І. В. Яраславіча, іх дзяцей і «каторой... иньи брат сгрубит» [3, с. 202]. У тэксце маскоўска-цвярскага пагаднення 1484–1485 г. да вышэйназваных асоб быў дададзены яшчэ В. М. Вярэйскі [3, с. 296].

Падобныя нормы змяшчалі і дамоўныя граматы з Ноўгарадам (1471 г.), Разанню (1483 г.) і князем на Волаку Барысам Васільевічам (1486 г.) [3, с. 284]. Апошняму было забаронена нават мець зносіны «ни человеком, ни грамотами, никакими делью» з Міхаілам Барысавічам Цвярскім і ўвогуле з падданымі ВКЛ [3, с. 316]. Гэта было звязана з абвастрэннем адносін паміж дзвюма дзяржавамі, а таксама з тым, што ўцёкі апошняга цвярскага князя ў ВКЛ адбыліся незадоўга да заключэння дамовы і пагроза з яго боку была найбольш актуальнай.

Вайна паміж ВКЛ і ВКМ 1486–1494 гг. скончылася мірам. Між іншым, Іван III скарыстаўся перамогай, каб навязаць Аляксандру пэўныя абавязацельствы адносна князёў-эмігрантаў. Паводле перамярнай граматы, вялікі князь літоўскі мусіў Мажайскіх, Шамячычаў, Яраславічаў, Цвярскага і Вярэйскага «на... лихо не отпущати никуды». Калі б яны сышлі без яго дазволу, ён быў абавязаны «их опять не прымати». Мець якія-небудзь зносіны з эмігрантамі строга забараніў Іван III сваёй дачцэ Алене,

нявесце Аляксандра, адпраўляючы яе ў 1495 г. у Вільню [4, с. 168].

Дыпламатычныя захады маскоўскага ўрада па нейтралізацыі пагрозы з боку эмігрантаў не былі абмежаваныя міждзяржаўнымі пагадненнямі. Таксама выкарыстоўвалася іх заахвочванне да вяртання на радзіму. У 1493 г. маскоўскаму паслу ў ВКЛ Д. Загразскаму было даручана перадаць Вярэйскаму грамату ад сына Івана III Васіля. Апошні паведамляў аб тым, што, дзякуючы хадайніцтву яго і яго маці, вялікай княгіні Соф’і, Іван III зноў гатовы прыняць Вярэйскага на службу і заклікае яго вярнуцца ў ВКМ [4, с. 82]. Нягледзячы на ўказанне аб тым, што ініцыятарам хадайніцтваў быў сам Васіль Міхайлавіч, ён не скарыстаўся гэтай прапановай.

Няўдачай скончылася і другая спроба вярнуць Вярэйскага ў Маскоўскую дзяржаву. Паўторна такая прапанова была яму адрасавана ў 1495 г. і зыходзіла ад самога Івана III. Апошні на гэты раз назваў умову прыняцця Вярэйскага на службу: вяртанне матэрыяльных каштоўнасцей, «что имала твоя (В. М. Вярэйскага. – А. К.) княгини» [4, с. 211–212].

Перад маскоўскім урадам стаяла праблема не толькі нейтралізацыі пагрозы з боку эмігрантаў у ВКЛ, але і недапушчэння далейшых ад’ездаў туды знаці. У сувязі з гэтым варта ўзгадаць нерэалізаваныя спробы і намеры эміграцыі.

У пачатку 1480 г. у Маскоўскай дзяржаве адбылося выступленне братаў Івана III Андрэя Бальшога (князя Угліцкага) і Барыса (князя Валоцкага) Васільевічаў, якія прэтэндавалі на павелічэнне сваіх удзелаў. Выкарыстаўшы складанае становішча Івана III, яны ад’ехалі да мяжы з ВКЛ і папрасілі вялікага князя Казіміра выступіць пасярэднікам у іхняй спрэчцы з братам. Андрэй і Барыс адправіліся туды разам са сваімі баярамі і сем’ямі, іх княгіням было дазволена пасяліцца ў Віцебску. І хоць Казімір не стаў мяшацца ў гэты канфлікт, Іван III вымушаны быў задаволіць патрабаванні сваіх братаў.

Праз некаторы час, у 1491 г., Андрэй Васільевіч Угліцкі быў схоплены ў Маскве па загадзе Івана III і зняволены. Паводле афіцыйнай версіі, гэтак ён быў пакараны, акрамя іншага, за кантакты з Казімірам і за тое, што «отъезжал от великого князя» разам з братам Барысам [5, с. 231]. Яшчэ раней, у 1487 г., князь Андрэй хацеў «с Москвы тайно бежати», пачуўшы пра намер Івана III арыштаваць яго [5, с. 219]. Тады, аднак, ён быў пакінуты на волі.

На рубяжы XV–XVI стст. у Маскоўскай дзяржаве адбыўся мяцеж княжыча Васіля (будучага вялікага князя Васіля III). Паведамленне аб гэтым змяшчаецца ў Кароткім летапісцы пад 1500 г. Няяснасць і дэфектнасць запісу

[6, с. 109] спарадзілі розныя тлумачэнні гэтай падзеі, хоць сам факт выступлення Васіля супраць бацькі амаль не падвяргаецца сумненню. Цікава, што ўзняўшы мяцеж, Васіль апынуўся на тэрыторыі ВКЛ (пад Дарагабужам), з якім ВКМ знаходзілася ў стане вайны. Зноў, як і ў 1480 г., ад'езд да літоўскай мяжы калі і не сведчыў пра намер перайсці на бок ВКЛ, дык нёс гэту патэнцыяльную пагрозу. Накіроўваючыся на захад, Васіль, як і іншыя апазіцыянеры, дэманстраваў маскоўскаму ўраду, што гэта пагроза з патэнцыяльнай можа ператварыцца ў рэальную. Не выключана, што Васіль, як калісьці браты Івана III Барыс і Андрэй, увайшоў у кантакт з віленскім дваром.

На працягу другой паловы XV ст. разам з павелічэннем тэрыторыі і цэнтралізацыяй Маскоўскай дзяржавы ішоў, сярод іншых, працэс адмірання старадаўняга права знаці на ад'езд ад князя. Яму на змену паступова прыходзіла паняцце аб падданстве. Гэта паняцце актыўна фарміравалася ў першую чаргу на маганнім вялікім князёў маскоўскіх, якія імкнуліся як наймацней прывязаць да сябе не толькі эліту, але і шырокія колы службылага саслоўя. Ад'езд за мяжу, пераход на службу да іншага манарха разглядаліся як здрада. Выпадкі эміграцыі, разгледжаныя вышэй, не прызнаваліся маскоўскім дваром як законны акт.

Адным з інструментаў барацьбы з ад'ездамі стала прыцягненне падазроных асоб да клятвы вернасці, што суправаджалася крыжацалаваннем. Гарантамі таго, што вернасць гэта будзе захавана, выступалі набліжаныя і добрачыліўцы з ліку знаці – паручальнікі, якія паручаліся грашмыма. Акт клятвы вернасці фіксаваўся дакументальна ў т. зв. крыжацалавальных запісах. Асобна складаліся паручныя запісы з пазначэннем імёнаў паручальнікаў і грашовых сум. Той, хто даваў клятву, абавязваўся верна служыць князю і не «мысліці» супраць яго «лиха» [7, с. 194]. Самы першы з вядомых крыжацалавальных запісаў датуецца 1474 г. Ён быў дадзены вялікаму князю маскоўскаму Івану Васільевічу Данілам Холмскім, які падазраваўся ў намеры ад'ехаць у ВКЛ [7, с. 194].

Заклучэнне. Эміграцыя знаці з ВКМ у ВКЛ стала з сярэдзіны XV ст. пастаяннай з'явай. Для маскоўскіх кіруючых колаў ад'езд у ВКЛ ворагаў у асобах удзельных князёў ствараў патэнцыяльную небяспеку, а пераход на службу да іншага манарха выхадцаў з сярэдняга і ніжэйшага пластоў прывіляванага саслоўя падрываў прэстыж і ваенную магутнасць Масквы. Магчымасці арганізаванай апазіцыі за мяжой, прадэманстраваныя ў 1446 і 1461 гг., прымушалі вялікіх князёў маскоўскіх прымаць актыўныя захады па нейтралізацыі як рэальнай, так і магчымай пагрозы з боку эмігрантаў. Ва-

сіль II і Іван III спрабавалі нейтралізаваць пагрозу з боку апальнай маскоўскай знаці ў ВКЛ дыпламатычным шляхам. Па-першае, маскоўскі двор імкнуўся не дапусціць яе падтрымкі з боку іншых дзяржаў. Па-другое, маскоўскія князі рабілі спробы зацікавіць некаторых уцекачоў прапановамі вярнуцца да іх на службу, але безвынікова. Акрамя таго, значная ўвага надавалася супрацьдзеянню ад'ездам знаці, для чаго выкарыстоўваліся арышты падазроных асоб і прывядзенне іх да прысягі на вернасць.

Літаратура

1. Казакоў, А. У. Абставіны і вынікі княскай эміграцыі з Маскоўскай дзяржавы ў Вялікае княства Літоўскае ў другой палове XV ст. / А. У. Казакоў // Труды БГТУ. Сер. V, Політологія, філосафія, історыя, філалогія. – 2007. – Вып. XV. – С. 134–137.
2. Казакоў, А. У. Князі-эмігранты з Маскоўскай Русі і іх нашчадкі на Беларускіх землях у сістэме адносін Вялікага княства Літоўскага з Маскоўскім вялікім княствам (сярэдзіна XV–XVI ст.) / А. У. Казакоў // Актуальныя праблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социорелигиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья: материалы Междунар. науч.-теорет. конф., Витебск, 19–20 апр. 2007 г.: в 2 ч. / Витеб. гос. ун-т.; редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2007. – Ч. 1. – С. 42–44.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Акад. наук СССР, Ин-т истории; подготовил к печати Л. В. Черепнин, отв. ред. С. В. Бахрушин. – М.; Л.: Изд-во АНН СССР, 1950. – 587 с.
4. Сборник Русского Исторического Общества. – СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1882. – Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. 1487–1533 / под ред. Г. Ф. Карпова. – VI, 869, XII с.
5. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1965. – Т. 11–12: Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. – XXIII, 256, [4], 244 с.
6. Лурье, Я. С. Краткий летописец Погодинского собрания / Я. С. Лурье // Археографический ежегодник за 1962 год: к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова / Акад. наук СССР, отд-ние ист. наук, Археогр. комис. (отв. ред. В. И. Шунков). – М., 1963. – С. 431–444.
7. Стефанович, П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда / П. С. Стефанович // Древняя Русь: очерки политического и социального строя / А. А. Горский [и др.]. – М., 2008. – С. 148–269.

Паступіла 30.03.2011

УДК 947.2:323.311

А. А. Дамарад, кандыдат гістарычных навук, асістэнт (БДТУ)

ЗАХАВАННЕ ДВАРАНСКІХ ТЫТУЛАЎ ШЛЯХТАЙ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У КАНТЭКСЦЕ УРАДАВЫХ МЕРАПРЫЕМСТВАЎ У ПРУСІІ І АЎСТРЫІ Ў XIX СТ.

У публікацыі разглядаюцца праблемы атрымання і захавання шляхтай Рэчы Паспалітай тытулаў у Аўстрыі і Прусіі пасля геапалітычных змен ва Усходняй Еўропе ў канцы XVIII – пачатку XIX ст. Змены ў колькасці носьбітаў дваранскіх тытулаў для беларуска-польска-ўкраінскага дваранства былі звязаныя з дзяржаўнымі мерапрыемствамі па ўладкаванні новых тэрыторый былой Рэчы Паспалітай. Галоўнай мэтай палітычных, адміністрацыйных і гаспадарчых змен была германізацыя, у якой толькі тытулаванаму дваранству колішняй Рэчы Паспалітай адводзілася больш-менш значная роля.

The article deals with the problem of the indigenation and keeping lord titles by the nobility in Austria and Prussia in late XVIII–XIX ct. For belarusian, ukrainian and polish titled lord, however, quantity changing have been connected with the state measures on arrangement of new territories of former Rech Pospolita. Main aim of political, administrative measures was territory germanization at which only to the titled nobility of divided Rech Pospolita the considerable role was left.

Уводзіны. Праблема ўладкавання тэрыторый былой Рэчы Паспалітай у канцы XVIII – пачатку XIX ст. была важным накірункам дзяржаўнай палітыкі не толькі ў Расійскай імперыі, у склад якой адышлі ўсе беларускія, а таксама большая частка ўкраінскіх і прыбалтыйскіх зямель. Вялікая ўвага гэтай праблеме надавалася і ў Аўстрыі і Прусіі. Адным з аспектаў праблемы для новых улад стала неабходнасць прыняцця адпаведных мер да мясцовага дваранства, якое неабходна было ўключыць у розныя сферы дзяржаўнага жыцця, але такім чынам, каб гэты працэс не парушаў самой сутнасці еўрапейскіх абсалютных манархій. Менавіта па гэтай прычыне, на наш погляд, актуальным з’яўляецца пытанне пра тое, наколькі лёгка ўладкавалася вышэйшая частка шляхты Рэчы Паспалітай у новых абставінах. Гістарыяграфія праблемы ўключае польскія гістарычныя і генеалагічныя працы XIX ст. [1; 2; 3; 4], расійскія дарэвалюцыйныя даследаванні [5; 6].

Асноўная частка. Найперш неабходна адзначыць, што ў новых «польскіх» губернях было шмат асаблівасцей, галоўным чынам у сферы атрымання шляхтай тытулаў. На беларускіх землях у рэшце рэшт замацаваліся толькі тры дваранскія тытулы: князь, граф, барон. З пачатку існавання Вялікага княства Літоўскага адзіным тытулам, па сцверджанні польскіх аўтараў, быў тытул князя. Такого ж меркавання прытрымліваўся, напрыклад, і Фадзей Булгарын: «Толькі адны князья Рюрикава и Гедиминова рода сохраняли княжеское звание, и таких родов было весьма немного» [7, с. 165]. Але А. П. Грыцкевічам спецыяльна была звернута ўвага на тое, што ў лацінскім тэксце знакамітага Гарадзельскага прывілея 1413 г. у дачыненні да Вялікага княства Літоўскага згадваюцца barones (бароны) у якасці раўназначнага беларускаму

«паны», г. зн. «старэйшыя», знатныя баяры. Гэта былі, лічыць даследчык, нашчадкі літоўскіх і заходнерускіх баяр, якія атрымалі буйныя зямельныя ўладанні ад самога вялікага князя. Як і прыбалтыйскія бароны-фрайгеры ў Лівонскім ордэне, гэтыя іх суседзі і калегі ў Вялікім княстве Літоўскім таксама валодалі сваімі маёнткамі «с полным правом и панством» [8, с. 65–67]. Практычная тоеснасць беларуска-літоўскіх паноў і нямецкіх фрайгераў увасаблялася ў выкарыстанні ў дачыненні як да тых, так і другіх аднолькавага лацінскамоўнага тытула «barones». Атрыманне шляхецкімі сем’ямі тытула князя было звязана, перш за ўсё, з наданнем яго імператарам Свяшчэннай Рымскай імперыі.

Тытулы графаў і баронаў атрымліваліся ў асноўным за мяжой. Ш. Канарскі паведамляе, што да 1772 г. толькі сем шляхецкіх родаў Рэчы Паспалітай былі надзелены тытулам графаў або баронаў [4, с. 14]. З іншага боку, Ф. Булгарын упэўнены, што графскага тытула ў Рэчы Паспалітай ніколі не існавала [7, с. 165]. А ў Аўстрыйскай імперыі дваранства ўвогуле дзялілася на тытулаванае і звычайнае рыцарства (die Ritterschaft). Далучыцца да першай групы ўладальнікам тытулаў з былой Рэчы Паспалітай было прасцей, чым яе шэраговым шляхціцам трапіць увайсці ў тое аўстрыйскае «рыцарства». Напрыклад, у 1782 г. аўстрыйскія ўлады вырашылі, што асобы, якія імкнуліся легалізаваць сваё шляхецтва, павінны былі, акрамя дакументальных доказаў высакароднага паходжання, прадаставіць таксама яшчэ каляровую выяву герба і ягонае геральдычнае апісанне. У Прусіі працэс праверкі тытулаў і шляхецкіх правоў пачаўся з 1777 г. Патрабаванні па пацверджанні тытулаў былі практычна аднолькавымі з аўстрыйскімі, але ў Прусіі неабходна было абавязкова валодаць нейкім маёнткам.

У Расійскай імперыі напачатку пацвердзіць шляхецтва і тытулы было адносна прасцей, чым у адзначаных дзяржавах. В. В. Швед спраядліва адзначаў, што «палітыка ўсіх цароў ад Кацярыны II да Аляксандра I была прадваранскай, падобна палітыцы імператараў Аўстрыі ці каралёў Прусіі» [9, с. 103].

Як сцвярджаюць польскія гісторыкі, пасля 1790 г. аўстрыйскае заканадаўства было скіравана супраць шляхты і інтэлігенцыі [10, с. 296]. Былі праведзены рэформы, якімі ўводзілася новая бюракратычная сістэма, унесены змены ў землекарыстанне. Яшчэ ў 1781 г. быў прыняты так званы талерантны патэнт, які ўраўноўваў у правах усе хрысціянскія канфесіі пры адначасовым захаванні дамінуючых пазіцый каталіцызму. Як і ў Прусіі, аўстрыйскія ўлады падпарадкавалі на захопленых землях царкву дзяржаве. Каб прыцягнуць на свой бок шляхту Галіччыны і Заходняй Валыні, практычна ўсім родам, сярод продкаў якіх былі «старасты», надавалі графскі тытул. Тым самым быў створаны вялікі пласт «аўстра-польскіх графаў», як іх назваў Е. П. Карновіч [5, с. 225]. Справа ў тым, што нямецкае слова «Graf» было эквівалентным польскаму «starosta» і азначала пасаду «ўрадніка» – кіраўніка пэўнай вобласці ў складзе Рэчы Паспалітай. Землям, якімі валодаў ураднік (намеснік манарха), надавалася назва «hrabstwo». Падкрэслім, гэта быў не тытул, як у той жа Аўстрыі, а толькі пасада па прадстаўніцтве юрысдыкцыі караля і вялікага князя. Аднак пасля падзелаў Рэчы Паспалітай аўстрыйскія ўлады, ліквідаваўшы юрысдыкцыю «стараст», пакінулі за гэтымі асобамі графскі тытул як абазначэнне годнасці шляхецкага дому [6, с. 165]. Частка гэтакіх графаў на працягу XIX ст. пацвердзіла свае тытулы і ў Расійскай імперыі. Акрамя таго, хадайнічаць аб графскім тытуле маглі былыя ваяводы і кашталіны, а аб баронскім – павятовыя чыноўнікі. Княскі ж тытул быў пацверджаны ўсім яго носьбітам без выключэння [3, с. 512]. Тытулавая шляхта, а таксама вышэйшае духавенства склалі саслоўе магнатаў. Шляхта, якая не мела тытулаў, ператварылася ў рыцарскі стан. Уся яна вызвалася ад ваеннай службы і захавала асобныя суды па цывільных і крымінальных справах. Да 1811 г. уладальнікі старастваў захоўвалі іх у сваёй маёмасці за спецыяльны падатак (дымідью), які складаў палову прыбытку. Астатнія землеўладальнікі абкладаліся 12%-ным падаткам з прыбытку.

Аўстрыйскія ўлады захавалі бачнасць саслоўнага прадстаўніцтва для шляхты. Марыя-Тэрэзія абвясціла аб стварэнні ў 1775 г. для каралеўства Галіцыі і Ладамерыі пастулатнага сойма. У яго склад уваходзілі асабіста ўсе магнаты

і тыя прадстаўнікі рыцарскага стану, якія плацілі не менш за 300 злотых падаткаў у год, а таксама два дэпутаты ад горада Львова. Гэты сойм павінен быў збірацца штогадова і прымаць волю манарха. У юрысдыкцыі схода было толькі вырашэнне шляхоў рэалізацыі імператарскіх законаў. Права заканадаўчай ініцыятывы пастулатны сойм не меў, за выключэннем магчымасці «пакорных прадстаўленняў» – г. зн. просьба да манарха. Аднак на практыцы землі былой Рэчы Паспалітай, далучаныя да Аўстрыйскай імперыі, кіраваліся выключна бюракратыяй. Прычым аўстрыйскі ўрад пайшоў па прускім шляху германізацыі краю, прызначаючы нямецкіх чыноўнікаў і заахвочваючы да перасялення нямецкіх пратэстантаў. Талерантны патэнт 1781 г. якраз быў накіраваны на рэалізацыю гэтых памкненняў. Каланістам раздаваліся былыя дзяржаўныя і езуіцкія маёнткі, на некалькі гадоў яны вызваліся ад падаткаў і ваеннага абавязку. Сістэма адукацыі таксама падпарадкаўвалася дзяржаўнай палітыцы. Заснаваны ў 1784 г. Львоўскі ўніверсітэт кіраваўся адміністрацыйнымі ўладамі і галоўнай мэтай меў падрыхтоўку чыноўнікаў. В. Грабенскі ў «Гісторыі польскага народа» пісаў, што аўстрыйская сістэма была значна горшая, чым пруская [3, с. 514]. Бюракратыя імкнулася сутыкнуць саслоўі, бунтавала сялян супраць шляхты. На землеўладальнікаў накладаліся вялікія грашовыя штрафы. Урад збіраў са шляхецкіх маёнткаў падаткі, якія ў паўтара разы перавышалі прыбытак.

Прусія ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай атрымала тэрыторыю з насельніцтвам каля 2 300 000 чалавек. Улады ўсклалі на землеўладальнікаў адказнасць за дзеянні сваіх прыгонных, а таксама абавязалі першых вярнуцца з-за мяжы ў свае маёнткі. Выключэнне было зроблена толькі для тых, хто валодаў зямлёй таксама на тэрыторыі Расійскай ці Аўстрыйскай імперыі. У цэлым, першыя ж гады панавання дынастыі Гогенцолернаў на польскіх землях паказалі, што выезд землеўладальнікаў за мяжу Прусіі стаў вельмі абмежаваны. З іншага боку, устаўліваўся тэрмін працягласцю шэсць тыдняў, у межах якога кожны беззямельны шляхціч павінен быў з'явіцца да ўлад і паведаміць, ці жадае ён застацца ў краі або выехаць за мяжу. Для гэтай катэгорыі шляхты прускія ўлады не чынілі ніякіх перашкод, а наадварот, заахвочвалі яе эміграцыю, паколькі лічылі яе схільным да рэвалюцыйным элементам. Вяртанне ў прускія ўладанні для беззямельнай шляхты было амаль немагчымым. У цэлым, улады стварылі атмасферу ўсеагульнай падазронасці і страху, паколькі заахвочвалі даносы на ўдзельнікаў польскага нацыянальнага

руху, у тым ліку сялян на сваіх паноў. Увядзенне ў 1797 г. на польскія правінцыі сістэмы прускага заканадаўства канчаткова абмежавала ўдзел шляхты ў кіраванні і грамадскім жыцці. Доступ шляхты да дзяржаўных пасадаў прадугледжваўся толькі ў якасці дарадцаў у судах па пытаннях, звязаных са старым заканадаўствам.

У Прусіі шляхта захавала права землеўладання, але з некаторымі абмежаваннямі. Так, безземельная шляхта магла набываць зямлю толькі пасля каралеўскага дазволу. Землеўласнікі захавалі ўладу над сялянамі, але непасрэдна яе не ажыццяўлялі. Для суда над сялянамі шляхта вымушана была ўтрымліваць юстыцыярыя, а для паліцэйскай улады – солтыса. Першы і другі былі, па-сутнасці, урадавымі органамі, створанымі для маніпуляцый адносінамі паміж шляхтай і сялянамі. Увогуле, арганізуючы грамадскія адносіны на захопленых землях, прускія ўлады мелі дакладныя мэты. Урад выдатна маніпуляваў шляхтай, не падымаючы пытання аб сялянскай рэформе. Усё заканадаўства ў галіне землеўладання было накіравана на абуджэнне ў шляхты лалянасці да новых улад.

На гэтых землях было накіравана 9 тысяч чыноўнікаў-немцаў, а прускае дваранства надзялялася маёнткамі, адабранымі ў духавенства. Толькі этнічныя немцы маглі атрымаць ў арэнду былыя староствы. У цэлым, да 1798 г. ў правінцыі Паўднёвая Прусія немцам было раздзена 240 маёнткаў агульным коштам дваццаць мільёнаў талераў [8, с. 508]. Быў прыняты план абезземельвання мясцовай шляхты. Яго рэалізацыі дапамагала і легкадумнасць шляхты, у першую чаргу – жыццё не па сродках. Урад спецыяльна правакаваў шляхту павялічваць запасычанаць маёнткаў. Для забеспячэння крэдытаў уводзілася іпатэка. Але землеўладальнікі часта трацілі крэдыты не на развіццё і мадэрнізацыю гаспадаркі, а на асабістыя патрэбы. У выніку іх маёнткі прадаваліся на таргах, прычым звычайна нямецкім арандатарам былых старостваў [3, с. 511]. Шляхецкую моладзь заахвочвалі да навучання ў нямецкіх па духу ўніверсітэтах. Саму ж сістэму адукацыі ператварылі на ўзор астатняй прускай. Але названыя вышэй абмежаванні, сістэма прымусаў, дыскрымінацыя і г. д. не распаўсюджваліся на прадстаўнікоў арыстакратыі, асабліва тытулаванай. Наадварот, прускія ўлады, як аўстрыйскія ці расійскія, таксама імкнуліся прыцягнуць на свой бок гэтую тытулаваную шляхту.

Заклучэнне. Такім чынам, натуралізацыя дваранства Рэчы Паспалітай у краінах, што ўдзельнічалі ў яе падзелах, праходзіла па дастаткова падобных сцэнарыях. Кіраўніцтва

Аўстрыі і Прусіі, як і Расійскай імперыі, вымушана было ўлічваць існаванне вялікай сацыяльнай групы, якая яшчэ нядаўна выконвала важнейшую палітычную і сацыяльную ролю ў грамадскім і дзяржаўным жыцці. Важна, што манархі еўрапейскіх імперый пры дапамозе сваіх урадаў імкнуліся задаволіць у першую чаргу сацыяльныя патрэбы дваранства былой Рэчы Паспалітай. Палітычная роля, на якую яно прэтэндавала і ў Аўстрыі, і ў Прусіі, залежала найперш ад асабістых стасункаў з імператарскімі палацамі. У сваю чаргу, менавіта адтуль сыходзілі меры па разбаўленні мясцовага дваранства прадстаўнікамі тытульнай, «нямецкай» нацыі, што азначае нежаданне ўрадаў гэтых дзяржаў перадаваць дваранству падзеленай Рэчы Паспалітай значныя палітычныя функцыі.

Літаратура

1. Dunin-Borkowski, J. Almanach blekitny. Genealogie zyjących rodow polskich / J. Dunin-Borkowski. – Lwow: Seyfarth i Czajkowski, 1908. – 767 s.
2. Dunin-Borkowski, J. Genealogie utytułowanych rodow polskich / J. Dunin-Borkowski. – Lwow: E. Wende, 1895. – 602 s.
3. Грабенський, В. История польского народа / В. Грабенський. – Минск: МФЦП, 2006. – 800 с.
4. Konarski, S. O heraldyce i heraldycznym snobizmie / S. Konarski. – Warszawa: Adiutor, 1992. – 315 s.
5. Карнович, Е. П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими / Е. П. Карнович. – СПб.: Тип. А. Дарре, 1886. – 236 с.
6. Васильевич, С. А. Титулованные роды Российской империи / С. А. Васильевич. – СПб.: Тип. Н. Меркушева, 1910. – 498 с.
7. Булгарын, Ф. Выбраное / Ф. Булгарын. – Минск: Беларускі кнігазбор, 2003. – 592 с.
8. Грицкевич, А. П. Формирование феодального сословия в Великом княжестве Литовском и его правовые основы (XV–XVI вв.) / А. П. Грицкевич // Первый литовский статут 1529 года: материалы республ. науч. конф., посвященной 450-летию Первого Статута. – Вильнюс: Изд-во Вильнюс. ун-та, 1982. – С. 65–73.
9. Швед, В. В. Паміж Польшчай і Расіяй: Грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863) / В. В. Швед. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 415 с.
10. Тымковский, М. История Польши / М. Тымковский, Я. Кеневич, Е. Хольцер; пер. с пол. – М.: Весь мир, 2004. – 544 с.

Паступіла 10.03.2011

УДК 947.6 «XIX–XX»

П. С. Кручак, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

ПРАБЛЕМА ПОЛАЦКАГА КНЯСТВА Ў ГІСТАРЫЯГРАФІІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.

У цяперашні час вельмі актуальнай з’яўляецца праблема вытокаў беларускай дзяржаўнасці. Многія вучоныя бачылі першы этап у яе станаўленні ў Полацкім княстве. У дадзенай публікацыі разглядаецца пытанне пра тое, як трактавалася праблема Полацкага княства ў айчынай гістарыяграфіі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.

The problem of the origins of Belarusian nationhood is very actual nowadays. The first period of Belarusian nationhood is thought by many scientists to begin with Polotsk principality. The article discusses the interpretation of the problem of Polotsk principality by Belarusian historiography in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries.

Уводзіны. Гісторыя Полацкай зямлі, якая значна адрознівалася ад гісторыі іншых старажытнарускіх княстваў, здаўна прыцягвала да сябе цікавасць даследчыкаў. Ёй займаліся яшчэ польскія храністы XV–XVI стст. (напрыклад М. Стрыйкоўскі), да яе звярталіся, шукаючы аргументаў у царкоўна-рэлігійнай барацьбе, праваслаўныя і каталіцкія пісьменнікі ў XVII–XVIII стст. Аднак аб’ектам спецыяльнага навуковага даследавання гісторыя Полацкага княства становіцца толькі ў XIX ст. У сярэдзіне стагоддзя да вывучэння Полацкай зямлі звяртаецца адзін з будучых ідэолагаў «заходнерусізму» К. Гаворскі. У гэты ж час з’яўляецца і першае больш-менш значнае даследаванне па гісторыі Беларусі В. Турчыновіча [1].

Асноўная частка. Першыя абагульняючыя працы па гісторыі Полацкага княства з’яўляюцца ў другой палове XIX ст. Да вывучэння мінулага Беларусі ў гэты час звярнуліся прадстаўнікі ўрадавага лагера. Пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг. царскі ўрад прыняў шэраг мер палітычнага, адміністрацыйнага і ідэалагічнага характару, накіраваных на пасабленне польскага ўплыву на беларускіх і літоўскіх землях. Гэта прымусіла расійскіх публіцыстаў, грамадскіх дзеячоў і вучоных звярнуць сваю ўвагу на Беларусь і «беларускае пытанне» не толькі ў іх сучасным стане, але і як з’яву, якая мае глыбокія гістарычныя карані. Прадстаўнікі афіцыйна-клерыкальнага накірунку ў беларускай гістарыяграфіі, які сфарміраваўся ў гэты час, адстойвалі тэзісы аб гістарычным адзінстве беларускага і рускага народаў, існаванні ў старажытнасці адзінай рускай дзяржавы з палітычным цэнтрам у Кіеве, натуральнасці і законнасці ўз’яднання беларускіх і літоўскіх губерняў з імперыяй і г. д.

У такіх умовах у 1872 г. з’явілася першая абагульняючая праца, прысвечаная гісторыі Полацкай зямлі «История Полоцка или Северо-Западной Руси до Люблинской унии» І. Бяляева. Праца насіла ў асноўным папулярны харак-

тар. Аўтар зыходзіў з меркавання, што Полацк і яго зямля з’яўляюцца калоніяй Ноўгарада. Таму і гісторыю Полацкага княства ён рэканструяваў зыходзячы са сведчанняў пра Ноўгарад і наўгародцаў. Тым не менш аўтар падкрэсліваў, што «Полоцкая земля во времена исторические очень рано сделалась независимой и самостоятельной, а при Владимире святом уже как бы выделилась из русской земли вообще» [2, с. 1]. Але І. Бяляеў сцвярджае, што Полацкая зямля, нягледзячы на выдзяленне, увесь час лічылася і называлася рускай зямлёй, а яе князі, нягледзячы на сваю варожасць да іншых рускіх князёў, тым не менш лічылі сябе рускімі князямі і прызнаваліся такімі з боку суседзяў [2, с. 2]. Раствлумачыць асаблівае становішча Полацка сярод іншых рускіх княстваў аўтар так і не здолеў.

Надрукаваная пазней праца У. Данілевіча «Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия» насіла больш глыбокі характар. Аўтар дасканалы вывучыў усе вядомыя на той час айчыныя і замежныя крыніцы, што дазволіла яму напісаць гісторыю Полацкай зямлі ад каменнага веку да яе ўключэння ў склад Вялікага княства Літоўскага. Аднак дадзенае праца носіць пераважна апісальны характар. Аўтар паўтарае летапісныя звесткі палітычнай гісторыі Полацка пра адносіны полацкіх князёў з іншымі рускімі князямі, але ніякіх грунтоўных высноў так і не робіць [3].

Значнае месца праблема Полацкага княства займала ў працах аднаго з ідэолагаў «заходнерусізму» М. Каяловіча. Найбольш паслядоўна яго канцэпцыя выкладзена ў працах «Лекции по истории Западной России», была выдадзена ў 1864 г., і «Чтения по истории Западной России», выдадзеныя ў 1884 г. Пад Западнай Расіяй вучоны разумеў землі Беларусі, Літвы і большай часткі Украіны. На яго думку, усе гэтыя землі і плямёны, якія іх насялялі, здаўна жылі агульным рускім жыццём і знаходзіліся пад уладай князёў «рода св. Владимира».

Тым не менш М. Каяловіч не мог не заўважыць асобнага статусу Полацкага княства сярод іншых рускіх княстваў. Ён падкрэслівае, што Полацк пачынае адасабляцца ад іншых рускіх абласцей з самага пачатку сваёй дзяржаўнасці. І першы полацкі князь Рагвалод, і нашчадкі князя Уладзіміра, пачынаючы з яго старэйшага сына Ізяслава, увесь час ваявалі са сваімі суседзямі, чым выклікалі супраць сябе цэлыя кааліцыі [4, с. 62]. Аднак аргументавана растлумачыць прычыны такой сітуацыі вучоны так і не змог. На яго думку, Полацкая зямля ўвесь час адчувала недахоп у людскіх рэсурсах, таму яе князі былі вымушаны рабіць пастаянныя набегі на сваіх суседзяў з мэтай захопу палонных і засялення імі сваёй краіны. Вучоны падкрэслівае, што існуе меркаванне пра тое, што горад Мінск, наогул, быў заселены выключна рабамі, захопленымі пад час войнаў з суседзямі [4, с. 63]. Тым не менш М. Каяловіч сцвярджае, што нягледзячы на ўсё вышэйсказанае, Полацкае княства захоўвала цесныя, перш за ўсё духоўныя, сувязі з іншымі рускімі княствамі. У якасці доказу гэтага тэзісу гісторык прыводзіць той факт, што Полацкая зямля разам з іншымі рускімі княствамі вельмі шанавалі рускіх князёў-мучанікаў Барыса і Глеба. І на беларускіх землях гэтыя святыя шанаваліся нават больш, чым на іншых рускіх землях [4, с. 68].

У канцы XIX – пачатку XX ст. да вывучэння гісторыі Беларусі звярнуліся пачынальнікі беларускай нацыянальнай гістарыяграфіі, да ліку якіх можна аднесці М. Доўнар-Запольскага, В. Ластоўскага, М. Любаўскага і У. Пічэту. Менавіта яны першымі паспрабавалі зірнуць на мінулае Беларусі з нацыянальна-патрыятычных пазіцый. Значнае месца ў творчасці згаданых вучоных займала праблема вытокаў беларускай дзяржаўнасці і ў прыватнасці праблема месца і ролі Полацкага княства як яе зыходнага пункта.

Першым да вывучэння праблемы вытокаў беларускай дзяржаўнасці звярнуўся М. Доўнар-Запольскі. У 1888 г. у газеце «Минский листок» ён выдаў шэраг артыкулаў пад агульнай назвай «Белорусское прошлое». У гэтым жа годзе таксама ў газеце «Минский листок» з’явіўся нарыс вучонага «Географический очерк древней Белоруссии в IX–XII вв.». Праз год у «Календаре Северо-Западного края» на 1890 г. быў змешчаны другі нарыс вучонага «Очерки истории Белоруссии (от начала до смерти Владимира Мономаха». А яшчэ праз год гэтыя нарысы былі аб’яднаны і выйшлі асобным выданнем пад назвай «Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до начала XIII ст.».

Пры даследаванні гісторыі старажытнай Беларусі М. Доўнар-Запольскі звярнуў асаблівую ўвагу на праблему станаўлення ўдзельнай сістэмы і як вынік гэтага – станаўленне першых дзяржаўных утварэнняў на тэрыторыі Беларусі. Гісторык выдзеліў тры групы фактараў, якія, па яго меркаванні, вызначалі ўсё жыццё ўдзельна-вечавага перыяду: 1) праяўленне і развіццё плямённага жыцця народнасцей, якія складалі тагачасную Русь; 2) барацьба князёў за ўдзелы; 3) злучэнне княжацкіх інтарэсаў з інтарэсамі земстваў [5, с. 72].

На думку вучонага, плямёны, якія складалі старажытную Русь, адрозніваліся адно ад другога этнаграфічна. Гэта праяўлялася ў мясцовых гаворках, звычаях і інш. З узнікненнем дзяржаўнасці гэтыя асаблівасці сталі праяўляцца больш ярка. Плямёны пачынаюць групавацца вакол свайго цэнтра, узнікае веча як выразнік народнай волі ва ўнутраных і знешніх справах. Наогул, М. Доўнар-Запольскі ўбачыў дзве галоўныя плыні ў старажытнарускай гісторыі: імкненне першых кіеўскіх князёў аб’яднаць рускія землі пад сваёй уладай і затым, калі ў іх гэта атрымалася, пачаўся рух, адваротны першаму, накіраваны на ўзнікненне самастойных княстваў. У выніку на тэрыторыі сучаснай Беларусі ўзнікае некалькі па-сутнасці незалежных дзяржаў. Найбольш буйнымі з іх былі Полацкае, Смаленскае і Тураўскае княствы [5, с. 85].

М. Доўнар-Запольскі неаднаразова падкрэсліваў асобнае месца Полацка ў палітыцы кіеўскіх князёў. Князі з дынастыі Рурыкавічаў прымалі ўдзел у паходах на Полацк з большай ахвотай, напрыклад, чым у паходах супраць полаўцаў. Тлумачыў гэта вучоны суперніцтвам паміж Кіевам і Полацкам за ўплыў на Ноўгарад.

Разглядаючы палітычны лад дзяржаўных утварэнняў на тэрыторыі старажытнай Беларусі, М. Доўнар-Запольскі адзначаў вялікую ролю народнага веча. Асабліва моцным было Полацкае веча, якое магло запрашаць і праганяць князя, заключаць гандлёвыя саюзы і г. д. Гісторык падкрэсліваў, што беларускія землі надоўга захавалі свае вечавыя традыцыі і тым самым у далейшым аказалі значны ўплыў на палітычны лад Вялікага княства Літоўскага.

У савецкія часы погляды М. Доўнар-Запольскага на старажытную гісторыю Беларусі былі падвергнуты моцнай і ў большасці неабгрунтаванай крытыцы. Некаторыя даследчыкі ўбачылі ў тэзісе вучонага пра асобнае становішча Полацкіх зямель у складзе Кіеўскай Русі праяўленне варожасці ў адносінах да гісторыі Расіі. А сучасны нямецкі даследчык Р. Лінднэр, наогул, назваў М. Доўнар-Запольскага «ідэяльным бацькам крывіцкай тэорыі і гістарычнага

ўзвядзення Полацкага княства», а таксама заснавальнікам гістарычнага міфа «беларускай дзяржаўнасці» [6, с. 78]. На думку аўтара, менавіта пасля М. Доўнар-Запольскага ўсе нацыянальна арыентаваныя гісторыкі пачалі разглядаць Полацкае княства ў якасці зыходнага пункта беларускай дзяржаўнасці. З такой пазіцыяй згадзіцца цяжка. Вядома, што погляды М. Доўнар-Запольскага на месца Полацкага княства ў працэсе фарміравання беларускай дзяржаўнасці знайшлі сваё развіццё не толькі ў працах яго вучня У. Пічэты, але і ў працах яго пастаяннага навуковага апанента расійскага гісторыка М. Любаўскага.

Гістарычныя погляды У. Пічэты фарміраваліся падчас яго вучобы ў Маскоўскім універсітэце, у якім спецкурс па гісторыі паўночна-заходняй Русі чытаў М. Доўнар-Запольскі. Працягваючы думку апошняга, У. Пічэта падкрэсліваў, што ўсходнеславянскія плямёны адрозніваліся паміж сабой этнаграфічна і не мелі дзяржаўнага адзінства. Толькі ў X ст. Полацкае княства на кароткі час падпала пад уладу Кіева. Але ўжо ў 1029 г. Яраслаў Кіеўскі быў вымушаны ўступіць Полацку частку зямель і тым самым фактычна прызнаць яго самастойнасць. Але барацьба паміж княствамі працягвалася. Галоўную прычыну гэтай барацьбы У. Пічэта бачыў у спрыяльным геаграфічным становішчы Полацка, які кантраляваў значную частку гандлёвага шляху «з варагаў у грэкі». Асабліва напружанай гэта барацьба стала ў гады княжання Усяслава Чарадзея, які з'яўляўся ўвасабленнем незалежнасці Полацкай зямлі ад Кіева і яе ўмацавання. Гісторык падкрэсліваў, што ўжо ў сярэдзіне XII ст. усе тры (Полацкае, Тураўскае і Смаленскае) беларускія княствы канчаткова выдзеліліся са складу Кіеўскай дзяржавы і пачалі жыць сваім уласным жыццём. Пры гэтым палітычны лад у Полацкім княстве быў пабудаваны паводле прынцыпу суіснавання трох элементаў улады – народнага веча, князя і княжацкай думы. Адносіны паміж імі ладзіліся на mocy звычайу з перавагай, аднак, у гэтай сістэме народнага веча.

Праблема станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці займала адно з найважнейшых месцаў у працах вядомага беларускага гісторыка і грамадскага дзеяча В. Ластоўскага. Пачатак разгляду дадзенай праблемы вучоны здзейсніў у сваёй першай працы «Кароткая гісторыя Беларусі» і завяршыў яе ў шэрагу артыкулаў, надрукаваных у пачатку 1920-х гг. у часопісе «Крывіч» пад псеўданімам Юрый Верашчака.

У сваёй канцэпцыі гісторыі беларускай дзяржаўнасці В. Ластоўскі схіляўся да ідэалізацыі, нават апалагетыкі старадаўняга беларуска-крывіцкага перыяду нашай гісторыі. Па яго мерка-

ванні, Беларусь, або Крывія, пачалася яшчэ ў дахрысціянскія часы як вялікая дзяржава, якая займала цэнтральны арэал усходнеславянскага рассялення і летапісную Літву. Увасабленнем гэтай дзяржавы з'яўляўся Усяслаў Чарадзей, які не жадаў уступаць першынства іншым народам і дзяржавам.

Аднак полацкія крывічы не выкарысталі шанц стварыць магутную дзяржаву. У другой палове XII ст. аслабленае ўдзельным драбленнем і ваеннай канкурэнцыяй з Кіевам, Полацкае княства страціла сваё значэнне як адзін з цэнтраў усходнеславянскіх зямель. Полацкі перыяд нашай гісторыі завяршыўся [7, с. 17].

Заклучэнне. Такім чынам, праблема Полацкага княства займала значнае месца ў гістарыяграфіі канца XIX – пачатку XX ст. Прадстаўнікі афіцыйна-клерыкальнага накірунку спрабавалі выкарыстаць дадзеную праблему для доказу гістарычнага адзінства беларускага і рускага народаў. Пры гэтым яны свядома прыніжалі своеасабліваасці Полацкай зямлі і не бачылі ў Полацкім княстве пачатковы этап у развіцці беларускай дзяржаўнасці. У канцы XIX – пачатку XX ст. гэтыя погляды былі падвергнуты крытыцы ў працах М. Доўнар-Запольскага, У. Пічэты і В. Ластоўскага. Дзякуючы іх працам быў закладзены моцны падмурак для фармавання беларускай нацыянальнай гістарыяграфіі. На аснове аналізу шматлікіх гістарычных крыніц вучоны пераканаўча даказалі, што беларуская дзяржаўнасць мае глыбокія гістарычныя карані і таму ў беларускага народа ёсць права на сваё палітычнае самавызначэнне.

Літаратура

1. Турчинович, О. Обзор истории Белоруссии с древнейших времён / О. Турчинович. – СПб., 1857. – 134 с.
2. Беляев, И. Д. История Полоцка или Северо-Западной Руси до Люблинской унии / И. Д. Беляев. – М., 1872. – 213 с.
3. Данилевич, В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В. Е. Данилевич. – Киев, 1896. – 143 с.
4. Коялович, М. Чтения по истории Западной России / М. Коялович. – СПб., 1884. – 278 с.
5. Довнар-Запольский, М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до начала XIII ст. / М. В. Довнар-Запольский. – Киев, 1891. – С. 72.
6. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада / Р. Лінднэр. – Мінск, 2009. – 468 с.
7. Ластоўскі, В. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ластоўскі. – Мінск, 1992. – 88 с.

Паступіла 30.03.2011

УДК 323.28(476)

В. Е. Козляков, доктор исторических наук, профессор (БГТУ)**ТЕРРОРИЗМ В БЕЛАРУСИ И РОССИИ (80-Е ГГ. XIX – 20-Е ГГ. XX В.):
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье раскрываются некоторые аспекты постсоветской историографии, изучающей историю терроризма в Беларуси и России (80-е гг. XIX – 20-е гг. XX в.). Исследователи усилили внимание к изучению указанной проблематики, стали выявлять региональные особенности организации террористических актов, анализировать степень их влияния на политическую жизнь в период буржуазно-демократических революций в России. Автор рассматривает некоторые оценки «демократического» и «красного» террора периода гражданской войны, отмечает необходимость дальнейшей разработки слабоизученных сюжетов истории терроризма.

This article contains analyses of some trends of the post soviet historiography which deals with the terror history in Belarus and Russia in the 1880s and 1920s. The expansion of the source study base helped the investigators to devote much attention to the study of different aspects of the mentioned problem as well as to analyze the degree of their influence on the political life of Russia during several bourgeois-democratic revolutions. The author evaluates the so called «democratic» and «red» terror of the civil war period, notes necessity of the further study of the terror history.

Введение. Необходимость развертывания широкой борьбы с международным терроризмом, представляющим реальную угрозу человечеству, предполагает изучение эволюции этого явления и осмысление всего совокупного антитеррористического опыта. Постсоветская историография отмечена широким спектром работ по данной проблематике.

Основная часть. Расширявшаяся источниковедческая база предоставила широкие возможности исследователям по-новому оценить известные темы в истории, изучить запретные ранее сюжеты. Довольно подробно стали исследоваться не только разные аспекты деятельности партий и организаций, придерживавшихся террористической тактики, но и формы, методы борьбы самодержавия против террора. При этом заметно расширилась география исследований, но по-прежнему основное внимание уделяется террористическим актам эсеров [1, 2, 3, 4, 5, 6]. Особо следует выделить труд О. В. Будницкого, в котором автор постарался показать происхождение и генезис террористических идей в России, взаимовлияние идеологии и практики терроризма, его психологические и этические основы, а также степень воздействия терактов на российское общество и властные структуры.

В работах П. И. Бригадина и А. А. Киселева большое внимание уделено террористическим актам, осуществленным в Беларуси накануне и в период первой российской революции, а также показана борьба местных самодержавных властей по пресечению экстремистской деятельности левых политических партий. Авторы выделяют одну из особенностей революционного террора в белорусских губерниях:

терракты носили, как правило, индивидуальный характер и были направлены в основном против местных полицейских чинов.

Вместе с тем в современной исторической литературе обозначился широкий разброс мнений по разным аспектам истории терроризма. Однако вызывает сомнения предложение оценивать деятельность революционных организаций в соответствии с уровнем и принципами правовой системы, действовавшей в то время в России [7]. Если такой подход сделать определяющим, то тогда любой диктаторский режим, даже действующий под демократическими лозунгами, но обладающий соответствующей правовой системой, станет вообще незыблемым.

В оценку терроризма включились некоторые писатели и публицисты. Их прежде всего интересует вопрос о степени участия еврейства в революционном движении, в т. ч. организации терактов на рубеже XIX–XX вв., в период первой российской революции. Свое мнение по этому вопросу высказал А. И. Солженицын, признавший, что «общий накал российского революционного движения несомненно усиливался от накала еврейских революционеров». Кроме того, писатель вполне обоснованно сделал вывод о том, что многие еврейские погромы (в Кишиневе, Гомеле, других городах России) были спровоцированы еврейскими боевиками – так называемыми «отрядами самообороны» [8]. Несколько другого мнения придерживается публицист Л. А. Барский. Справедливо полагая, что «терроризм – наиболее актуальный способ самоубийства человечества», этот специалист в области добычи и переработки минерального сырья в своем «историко-публицистическом детективе» отстаивает право на существование еврейского

терроризма, поскольку, дескать, «евреи шли на борьбу за конкретные права, за власть, восстанавливающую справедливость» [9, с. 191, 332]. Л. А. Барский, с одной стороны, не избежал «замызганных русофобских» штампов отдельных «демократов», а с другой, – дал очередной повод русским националистам лишний раз поерничать насчет «жидо-масонского заговора» в Октябрьской революции.

Определенное внимание исследователей привлекла проблема «красного террора». В целом его оценки претерпели серьезные изменения в новейшей историографии. Некоторые исследователи и публицисты попытались реанимировать суждения, бытовавшие в белоэмигрантской литературе и западной историографии. Так, бывший секретарь ЦК КПСС, «идеолог перестройки» А. Яковлев стал утверждать, что, дескать, Ленину «удалось создать группу боевиков, «партию баррикады», «захвата власти». «Ленинская экстремистская группировка», по мнению А. Яковлева, на словах осудив индивидуальный террор, взяла на вооружение политику «массовидности террора» [10, с. 27–28]. Экстравагантность подобных утверждений бывшего главного идеолога страны очевидна. Нелицеприятно оценивая «красный террор», ряд исследователей сегодня все-таки вынуждены признать репрессивной политику «демократических» партий и «белого» движения в отношении широкой массы населения [11].

Более того, «демократический» и «белый» террор вдохновлялся и поддерживался террором иностранных интервентов. И эти факты нельзя игнорировать. Например, в Беларуси сигналом для начала «демократического» террора послужил мятеж 1-го Польского корпуса, сформированного во главе с генералом И. Довбур-Мусницким в составе российской армии еще до Октябрьской революции. Командование корпуса не пожелало выполнить постановление советской власти о демократизации войск, но поспешило объявить о включении белорусских земель в состав еще тогда несуществующего польского государства. При этом приверженцы И. Довбур-Мусницкого, при моральной и финансовой поддержке стран Антанты, в конце 1917 – начале 1918 г. развернули террор против мирного населения там, где дислоцировался корпус. Дело дошло до того, что Бобруйская белорусская рада, поначалу рассчитывавшая найти общий язык с поляками, вынуждена была обратиться к германскому командованию с настоятельной просьбой утихомирить легионеров [12, с. 133–134]. Эти и другие подобные факты свидетельствуют: голословные утверждения о том, что конфликт с Польским корпусом был

справокаваны бальшавікамі» [13, с. 112], являются циничными и не выдерживают критики.

Не принесли «образцы» демократии в Беларусь ни немецкие, ни польские оккупанты. Одним из направлений польской оккупационной политики в 1919–1920 гг. стал массовый вывоз различного имущества с захваченных белорусских земель. Только за июнь – ноябрь 1919 г. из Беларуси было вывезено в Польшу 5894 вагона так называемой «военной добычи». [14, с. 8]. Польская оккупационная политика зачастую приобретала характер тотального террора по отношению к местному населению. Осенью 1919 г. были арестованы и отправлены на принудительные работы в Польшу 20 000 человек. Особенно жестко польские оккупанты расправлялись с подозреваемыми в симпатиях к советской власти. Зачастую насилие принимало ярко выраженную антисемитскую окраску [12, с. 136–138]. Эти факты нельзя игнорировать или замалчивать при исследовании истории гражданской войны и интервенции.

Террор иностранных интервентов способствовал активизации террористической деятельности внутренних сил контрреволюции. За последнее время в научный оборот введено много новых документов, дополняющих сведения о наиболее крупных проявлениях «демократического» террора в Беларуси: левоэсеровские восстания в Сенно и Орше (август 1918 г.), восстание в Гомеле под руководством Н. Стрекопытова (март 1919 г.), террористические «деяния» отрядов Б. Савинкова и С. Булак-Балаховича (1920–1921 гг.). Ответом на эти действия стал «красный террор», о чем достаточно полно и широко раскрыто в современной исторической литературе. Особо следует выделить коллективный труд «Щит и меч Отечества» [15], повествующий о деятельности белорусских спецслужб по укреплению безопасности советской власти.

Тем не менее предпринимаются попытки реабилитировать откровенных террористов, представить их истинными борцами за свободу и «белорусскую национальную идею». Например, Н. Стужинская попыталась героизировать деяния откровенных бандитов, таких, как Деркач, Монич и им подобные [16]. Благодаря стараниям отдельных публицистов, С. Булак-Балахович, на счету которого немало кровавых злодеяний против мирного гражданского населения, начинает приобретать образ «духовного и политического борца за независимую Беларусь», против «тоталитарного режима». Этим новым «прогрессивным» историкам порой невдомек, что погромы и зверства отрядов Б. Савинкова и С. Булак-Балаховича вызывали

возмущения и протесты даже среди тех белорусских деятелей, которые были настроены явно антибольшевистски и в силу ряда причин оказались в эмиграции. Значительная их часть была вынуждена дистанцироваться от бывшего эсера и «главнокомандующего белорусских войсковых сил», о чем свидетельствовала состоявшаяся в сентябре 1921 г. в Праге конференция (совещание) белорусских национальных партий. Конференция приняла специальные резолюции, осуждавшие деятельность С. Булак-Балаховича и Б. Савинкова. Поэтому силовые операции советской власти против савинковцев и балаховцев были закономерными и справедливыми.

Другое дело, что подобные действия, часто квалифицируемые «красным террором», не всегда были адекватны имевшим угрозам и способствовали расширению и углублению масштабов гражданской войны. Достаточно указать на неоправданный разгон большевиками Первого Всебелорусского съезда в декабре 1917 г., силовую реализацию продрозверстки и «комбедовской» политики в белорусской деревне, арест значительной группы белорусских эсеров в 1921 г. Несмотря на то, что по объявленному в сентябре 1918 г. «красному террору» в ноябре этого же года было принято постановление VI Всероссийского съезда Советов о его прекращении, рецидивы революционного насилия продолжались довольно долго. При этом нельзя замалчивать и тот факт, что политика «военного коммунизма» вызывала определенное недовольство значительной части населения и способствовала активизации антибольшевистских сил. Но эти непростые сюжеты еще ждут своих объективных исследователей.

Заключение. Постсоветская историография заметно продвинулась в изучении истории терроризма в Беларуси и России. Тем не менее некоторые непростые вопросы требуют дальнейшего изучения. Например, степень влияния терактов на политическую ситуацию в регионах, провокационная роль террора в разборках внутри властвовавшей элиты, антитеррористические методы борьбы, примененные самодержавными властями. Нуждается в более тщательном и объективном исследовании история «демократического» и «красного» террора в Беларуси. При этом в оценках данных явлений следует исходить из их социальной и политической направленности. И здесь так называемые «двойные стандарты» (а точнее говоря – принципы классового подхода) не только уместны, но и крайне необходимы.

Литература

1. Политические партии и политическая позиция. Документальное исследование: в 3 ч. /

под общ. ред. Э. М. Энтина. – Гомель: Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, 1996. – Ч. 3. – 450 с.

2. Будницкий, О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) / О. В. Будницкий. – М.: РОССПЭН, 2000. – 399 с.

3. Прайсман, Л. Г. Террористы и революционеры, охранка и провокаторы / Л. Г. Прайсман. – М.: РОССПЭН, 2001. – 432 с.

4. Терроризм. Борьба и проблемы противодействия: учеб. пособие / С. Я. Казанцев [и др.]; под ред. В. Я. Кикотя, Н. Д. Эрисшвили. – М.: Закон и право, 2004. – 392 с.

5. Бригадин, П. И. Эсеры в Беларуси (конец XIX в. – февраль 1917 г.) / П. И. Бригадин. – Минск: Згода, 1994. – 122 с.

6. Киселев, А. А. Бомба для генерал-губернатора. Революционный террор и чиновники МВД белорусских губерний в 1905–1907 гг. / А. А. Киселев // Белорусская думка. – 2008. – № 6. – С. 48–53.

7. Панова, Н. Ю. Терроризм и террор в России XIX – начала XX века: понятие и сущность / Н. Ю. Панова // История государства и права. – 2001. – № 1. – С. 4–8.

8. Солженицын, А. И. Двести лет вместе (1795–1995): в 2 ч. / А. И. Солженицын. – М.: Русский путь, 2001. – Ч. 1. – 512 с.

9. Барский, Л. А. Корни и лики террора / Л. А. Барский. – М.: ЛКИ, 2007. – 336 с.

10. Яковлев, А. Н. Сумерки / А. Н. Яковлев. – 2-е изд., перераб. – М.: Материк, 2005. – 672 с.

11. Литвин, А. Л. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. / А. Л. Литвин. – М.: Эксмо: Яуза, 2004. – 448 с.

12. Козляков, В. Черный след / В. Козляков // Белорусская думка. – 2005. – № 10. – С. 132–139.

13. Сяменчык, М. Я. Расійская армія і жыхары Беларусі на злome Першай сусветнай вайны / М. Я. Сяменчык // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – Вып. XVII. – 2009. – С. 111–114.

14. Чернякевич, А. Н. Политика Польши на оккупированной территории Беларуси в период польско-советской войны (февраль 1919 – март 1921 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Н. Чернякевич; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2001. – 22 с.

15. Щит и меч / под ред. В. И. Дементя. – Минск: Междунар. центр интеграции информ. обществ: пресс-центр Дома прессы, 2006. – 340 с.

16. Стужынская, Н. І. Беларусь мяцежная: з гісторыі ўзброенага антысавецкага супраціву ў 20-я гг. XX ст. / Н. І. Стужынская. – Вільня: Наша будучыня, 2011. – 384 с.

Поступила 30.03.2011

УДК 327.33(476)

А. А. Райчонак, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

**ПРАЦЭС УРБАЊІЗАЦЫІ БЕЛАРУСІ І ЯГО ЎПЛЫЎ
НА ФАРМІРАВАННЕ БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫІ**

У дадзенай публікацыі разглядаецца працэс урбанізацыі ў Беларусі і яго ўплыў на заключны этап фарміравання беларускай нацыі ў рэчышчы тэорыі мадэрнізацыі. Робіцца спроба прасачыць ягоныя асноўныя этапы, даць кароткі агляд аналагічных працэсаў у шэразе суседніх рэгіёнаў і параўнаць колькасныя паказчыкі развіцця працэсу ўрбанізацыі ў Беларусі і ў заходне-еўрапейскім рэгіёне ўвогуле.

The article is devoted to the process of urbanization in Belarus and its influence on the final stage of the formation of the Byelorussian nation in the tideway of the modernization's theory. The attempt to follow up its principal stages, to do the brief survey of identical processes in some neighbouring regions and to compare the quantitative measures of the development of the urbanization process in Belarus and generally in the Eastern Europe region has been done.

Уводзіны. Асэнсаванне нацыятворчых працэсаў з'яўляецца адной з прыярытэтных тэм беларускай гістарыяграфіі на працягу ўсяго часу яе існавання. За дзесяцігоддзі плённай працы было назапашана шмат карыснага матэрыялу, але яго асэнсаванне, на жаль, стрымлівалася штучнымі ідэалагічнымі забаронамі. Пасля знікнення манаполіі марксісцкай ідэалогіі на інтэрпрэтацыю гістарычнага развіцця з'явіліся магчымасці для выкарыстання новых метадалагічных падыходаў. Між тым узніклі і новыя праблемы. Як вядома, на сённяшні момант не існуе агульнапрызнанай тэорыі нацый і нацыятварэння. З аднаго боку, гэта дае пэўныя магчымасці для развіцця творчага падыходу ў гістарычным даследаванні, з другога – пагражае скатываннем да метадалагічнай анархіі.

На наш погляд, цікавую метадалогію прапануе так званы мадэрнізацыйны падыход, які дазваляе даволі плённа спалучыць марксісцкі падыход з новымі тэндэнцыямі ў развіцці гістарычнай навукі.

Асноўная частка. Распрацоўка праблем узнікнення і развіцця нацый вырашаецца ў рэчышчы тэорыі мадэрнізацыі ўжо больш за 50 гадоў і пэўна самым яркім прадстаўніком дадзенага накірунку з'яўляецца Э. Гелнер [1]. Аднак мы спынімся больш падрабязна на поглядах іншага прадстаўніка гэтага накірунку – К. Дойча. Гэта звязана ў першую чаргу з тым, што ён прапануе колькасныя мадэлі для вырашэння дадзенага пытання. Па яго меркаванні, нацыі – гэта своеасаблівыя згусткі інфармацыі, дзе абмен інфармацыяй унутры значна вышэйшы, чым са знешнімі сістэмамі. Нацыя, з яго пункту гледжання, з'яўляецца прадуктам мадэрнізацыі, г. зн. пераходу ад грамадства традыцыйнага да індустрыяльнага. Ступень актыўнасці нацыі залежыць, на яго думку, ад ступені мабілізацыі ў працэсе нацыятварэння, якую ён прапануе вымяраць зыходзячы з наступных

крытэрыяў: 1) колькасць грамадзян; 2) тым, хто чытаюць газету раз на тыдзень; 3) занятых на вытворчасці з колькасцю работнікаў больш за 5 чалавек; 4) колькасць людзей, якія змянілі месца жыхарства пасля нараджэння; 5) колькасць гарадскога насельніцтва ці ступені ўрбанізацыі.

Менавіта апошняму пункту дадзенай мадэлі ўтварэння нацыі і будзе прысвечана далейшае даследаванне.

Гэта звязана з тым, што цікавае да праблемы развіцця гарадоў заўжды знаходзілася ў цэнтры ўвагі гістарычнай навукі. Гістарычная роля горада вялікая, асабліва ў Еўропе. Менавіта ў еўрапейскім горадзе ствараліся не толькі эканамічныя, прававыя, але і культурна-ідэалагічныя асновы сучаснага жыцця. Горад ствараў стандарт нацыянальнай мовы, прававую мадэль сучасных нацыянальных дзяржаў. Фактычна тут скадвалася мадэль сучаснай нацыі. Гарады заўсёды былі і застаюцца своеасаблівымі лабараторыямі па самасцвярджэнні і самавызначэнні нацый. Любая сучасная эканоміка пераважна складаецца з эканомікі гарадоў.

На думку выдатнага французскага гісторыка Фернана Брэдэля, гарады – нібыта электрычныя трансфарматы, якія павышаюць напружанне, паскараюць абмен, бесперапынна вяршаць жыццё людзей. Па яго трапным выказванні, якое дазваляе патлумачыць неабходнасць паглыбленага вывучэння дадзенай праблематыкі: «Гарады і грошы з'яўляюцца адначасова і рухавіком, і паказчыкам развіцця, яны выклікаюць змены і паказваюць на іх» [2, с. 21].

З ростам гарадоў цесна звязана ўрбанізацыя. Звычайна пад гэтым тэрмінам разумеюць павелічэнне колькасці гарадскога насельніцтва за кошт вясковага ў выніку росту існых гарадоў і ўзнікнення новых. Аднак у шырокім плане ўрбанізацыя звязваецца з павышэннем грамадскай ролі гарадоў у цэлым. Павялічваецца не толькі колькасць гарадскога насельніцтва.

Гараджане бачна розняцца ад вяскоўцаў не толькі вонкава, але і ўнутрана – ментальнасцю, ці ладам мыслення, узроўнем культуры, новымі традыцыямі

Праблемы ўрбанізацыі прыцягваюць увагу прадстаўнікоў розных галін ведаў – сацыялогіі, філасофіі, гісторыі, культуралогіі, эканомікі, геаграфіі і г. д. Спіс работ айчынных і замежных даследчыкаў, прысвечаных урбанізацыі, налічвае сотні старонак. Даследаванне праблем урбанізацыі забяспечвае раскрыццё многіх важных асаблівасцей, тэндэнцый і сутнасных сэнсаў развіцця грамадства. Галоўныя пошукі ў даследаваннях праблем урбанізацыі звязаныя з вызначэннем сувязей урбанізацыі і горада, урбанізацыі і грамадства, утварэннем новых сацыяльных супольнасцей, у першую чаргу нацыі. Шматпланавасць, шматузроўненасць тэмы ўрбанізацыі абумоўліваюць складанасці пры яе даследаванні. Вучоныя многіх краін прапаноўваюць розныя канцэпцыі і падыходы да вывучэння феноменаў урбанізацыі і горада. Даследаванні ўрбанізацыі ахопліваюць розныя яе ўзроўні і аспекты. Найчасцей характарыстыкі і асаблівасці ўрбанізацыі разглядаюцца ў рэгіянальных рамках.

Значнае месца заняла тэматыка, звязаная з гістарычным паходжаннем і фармаваннем старажытных гарадоў, з'яўленне якіх успрымаецца як пачатак станаўлення і развіцця ўрбанізацыі. Асобную сферу даследаванняў складаюць работы, прысвечаныя гісторыі гарадоў як носьбітаў урбаністычных традыцый. Распрацоўваюцца праблемы, звязаныя з асэнсаваннем ролі горада і працэсаў урбанізацыі ў розныя перыяды і ў гістарычнай дынаміцы.

Пашыраюцца даследаванні, у якіх аналізуецца ўздзеянне ўрбанізацыі на развіццё грамадства і распрацоўваецца комплекс сацыяльных і сацыяльна-эканамічных праблем, звязаных з ёю. З'яўляюцца работы, у якіх урбанізацыя разглядаецца як асобная з'ява сацыякультурнага працэсу і фактар сацыяльнай эвалюцыі і г. д. Аднак неабходна падкрэсліць, што пры ўсіх дасягненнях і актыўным разгортванні далейшых даследаванняў праблематыка ўрбанізацыі застаецца яшчэ ў многім нявывучанай [5].

Адно з найбольш складаных пытанняў ва ўрбаністычнай праблематыцы – гэта ўзаемадзеянне нацыі і ўрбанізацыі. Па гэтым пытанні праходзіць размежаванне поглядаў на ўрбанізацыю, яе разуменне. У сучаснай урбаністыцы выдзяляецца накірунак, які арыентаваны на разгляд урбанізацыі як фактара ўплыву горада на развіццё грамадства, распаўсюджвання гарадскога ладу жыцця. Гэты накірунак абапіраецца на адпаведную тэарэтычную базу, у ім выкарыстоўваюцца спецыфічныя метады даследавання.

Асобны накірунак утвараюць даследаванні ўрбанізацыі, звязаныя з аналізам асаблівасцей эканомікі, сацыяльных структур, гісторыі гарадоў, характарыстыкі якіх ацэньваюцца як узроўневыя паказчыкі ўрбанізацыі грамадства. Тут назапашаны вялізарны патэнцыял навуковых ведаў і сфармаваліся свае прынцыпы пазнання горада як з'явы ўрбанізацыі. Разам з тым усё больш актуальнай становіцца задача раскрыцця сацыякультурнага адзінства горада і працэсаў урбанізацыі як феноменаў, якія маюць адзіную сутнасць і гістарычную абумоўленасць, і як з'яў, якія не толькі знаходзяцца ў глыбокай узаемазалежнасці, але і не існуюць паасобна ў рэальным быцці. Разуменне гэтага, мэтанакіраванае даследаванне ўзаемадзеяння гарадскіх структур і ўрбанізацыйных працэсаў у іх сутнасным адзінстве можа забяспечыць найбольш поўнае раскрыццё іх гістарычнага значэння ў развіцці грамадства.

Прыгадаем, што для недзяржаўных народаў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, да якіх адносяцца і беларусы, з'яўленне нацыі і нацыянальных культур – гэта рэаліі канца XVIII–XX стст. Згодна з Міраславам Грохам, гэты працэс праходзіць у сваім класічным развіцці тры фазы: перыяд навуковай зацікаўленасці этнічнай групай (этнічнымі групамі), з якой фармуецца асобны народ; перыяд агітацыі на карысць дадзенага нацыянальнага руху; перыяд, калі дадзены нацыянальны рух набывае масавы характар [3]. Згодна з гэтай мадэллю Гроха, беларусы ў канцы XIX – пачатку XX ст. перажывалі толькі адначасова як другую, так і трэцюю фазу свайго фарміравання як нацыі. У гэты час артыкулюецца беларуская нацыянальная ідэя, якая паступова заваёўвае прыхільнікаў. Дзякуючы гэтаму нацыянальны рух пашыраецца, а беларускае адраджэнне пачынае ўваходзіць у фазу свайго найбольшага развіцця.

Пры гэтым пачынае назірацца пэўны дысананс, выкліканы тым, што беларусы ў асобах сваіх палітычных дзеячаў ад самага пачатку пазыцыянавалі сябе як сялянскую нацыю. Між тым сучасная мадэрная нацыя менавіта ўзнікае як прадукт працэсу ўрбанізацыі. Разам з гэтым назіралася і яшчэ адна супярэчнасць – перанасяленне беларускага вясковага насельніцтва ў гарады не толькі спрыяла кансалідацыі беларускай нацыі, але часам мела і адваротную тэндэнцыю, якая праяўлялася ў размыванні беларускай этнічнасці, што было выклікана не беларускім характарам гарадской культуры ў гарадах Беларусі.

Таму, не ўступаючы ў палеміку аб якасных складальніках урбанізацыйных працэсаў на Беларусі, засяродзімся ў першую чаргу на іх колькасных паказчыках. Тут мы падыходзім

да самай складанай часткі, аналізу працэсу ўтварэння беларускай нацыі – урбанізацыі, паколькі нам неабходна вызначыцца, якія паказчыкі можна лічыць як базавыя.

Такі вядомы сацыёлаг і географ, як Д. Джобс, сцвярджае, што пераходам краіны да стану гарадской цывілізацыі ці ўтварэннем новага «мадэрнага» грамадства можна лічыць дасягненне 20% гарадскога насельніцтва, ён вызначае ўзровень у 20–40% як другую яго стадыю, г. зн. як пераход да мадэрнізаванага індустрыяльнага грамадства. Узровень у 40–60% вызначаецца ўжо як высокі.

Што тычыцца непасрэдна Беларусі, то тут тэмпы росту гарадскога насельніцтва ў першай палове XX ст. выглядаюць так – 1897 г. – 13%, 1926 – 17; 1939 – 20,8; 1959 – 30,5; 1970 – 43,3; 1979 – 54,9; 1989 – 69,3% [4], пры гэтым рост дасягаўся пераважна за кошт сельскіх жыхароў, асабліва імкліва павялічвалі сваё насельніцтва буйныя гарады. Як бачна з прыведзеных лічбаў, Беларусь увайшла ў першую стадыю мадэрнізаванага ці індустрыяльнага грамадства напрыканцы 30-х гг. XX ст. і знаходзілася ў ёй да другой паловы 60-х гг. XX ст. Пасля чаго распачаўся этап «другой індустрыялізацыі» БССР, які лагічна супаў з паступовым уваходжаннем беларускай нацыі ў стадыю звышурбанізацыі, якая цягнецца і да сённяшняга моманту. Больш таго, па ўзроўні ўрбанізацыі беларусы зараз знаходзяцца на першым месцы сярод краін Цэнтральнай і Усходняй Еўропы і СНД.

Але, вяртаючыся да разглядаемай тэмы, трэба адзначыць, што ў першай палове XX ст. гэты працэс адбываўся даволі павольна. У гэтай сувязі цікавым будзе параўнанне міравога і рэгіянальнага трэндаў у развіцці працэсу ўрбанізацыі. Так, для свету вызначаецца наступная дынаміка 1850 г. – 6,4%; 1900 г. – 13,6; 1950 г. – 28,2% [5].

Што тычыцца рэгіёна, то тут у якасці ўзору можна ўзяць Украіну, Польшчу і Расію як найбольш блізкія сярод сацыякультурнага асяродка. Так, для Польшчы гэтыя даныя будуць наступныя: 1900 г. – 17,8; 1921 г. – 24,1; 1931 г. – 31,8; 1950 г. – 39% [6]. Для Украіны ў гэтыя ж гады: 1897 г. – 14,3; 1926 – 20; 1930 – 26,2; 1939 – 33,5 і 1950 – 35,3%. Што тычыцца Расіі, то статыстыка тут выглядае наступным чынам: 1897 г. – 15; 1926 – 18; 1939 – 33; 1950 – 45% [7, с. 103]. Відавочна, што ў параўнанні з суседзямі рост гарадскога насельніцтва адбываўся са спазненнем прыкладна на дзесяцігоддзе. Яшчэ больш відавочнай гэта запаволенасць

становіцца пры параўнанні з найбольш развітымі краінамі свету. Так, напрыклад, доля гарадскога насельніцтва ў ЗША ў 20–30-я гг. XX ст. узрасла з 51,3 да 56,2%.

Заклучэнне. Як бачна з прыведзеных лічбаў, хаця Беларусь цалкам адпавядала міравому трэнду, але ў рэгіянальным працэсе развіцця ўрбанізацыі знаходзілася сярод аўтсайдэраў. Гэтай з’явай таксама можна патлумачыць адносна слабасць беларускага нацыянальнага руху. Такім чынам, што тычыцца метадыкі, прапанаванай Дойчам, то ці ў дачыненні да Беларусі яе прымяненне мае абмежаваныя магчымасці, ці неабходна пераасэнсоўваць працэс нацыянтаварэння на Беларусі, паколькі па паказчыках урбанізацыі Беларусь не адпавядае ўяўленню пра яе неабходны мінімум, аднак факт існавання беларускай нацыі напярэдадні II Сусветнай вайны падаецца нам бяспрэчным. Магчыма, вырашэнне дадзенага пытання ляжыць у больш глыбокім аналізе канкрэтна-гістарычных умоў, у якіх апынулася беларуская нацыя ў 20–30-я гг. XX ст., існаванні яе ў падзеленым стане і даволі высокай ступені напружанасці ў адносінах паміж СССР і Польшчай. Акрамя гэтага, трэба адзначыць, што ў Беларусі, паколькі яна адносілася да рэгіёна «другаснай мадэрнізацыі», урбанізацыя адбывалася не па класічнай мадэлі.

Літаратура

1. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
2. Бродель, Ф. Динамика капитализма / Ф. Бродель. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 124 с.
3. Hroch, M. Evropska narodni bnuti v 19 století. Spolecenske predpokladu vzniku novodoby nrodu / M. Hroch. – Praga: Svoboda, 1986.
4. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2006. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / М. Касцюк [і інш.]. – 2006. – 613 с.
5. Урбанизация в формировании социокультурного пространства / под ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 1999. – 285 с.
6. Развитие городов. Польша.ру. – Режим доступа: <http://www.polska.ru/polska/geografia/demografia.html>. – Дата доступа: 25.03.2011.
7. Пивоваров, Ю. Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность / Ю. Л. Пивоваров // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. – С. 101–113.

Паступіла 30.03.2011

УДК 378.126«1910»

В. М. Астрога, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)**ПЕДАГАГІЧНЫЯ КУРСЫ ПРЫ НАСТАЎНІЦКІХ ІНСТЫТУТАХ
БЕЛАРУСІ Ў 1910-Я ГГ.**

У публікацыі вызначаецца роля педагагічных курсаў у сістэме педагагічнай адукацыі Беларусі ў пачатку ХХ ст. Адна- і двухгадовыя курсы ствараліся пры гарадскіх вучылішчах, настаўніцкіх семінарыях, гімназіях. З адкрыццём настаўніцкіх інстытутаў у 1910-я гг. у Віцебску і Мінску яны былі арганізаваны і на базе гэтых навучальных устаноў. Разглядаюцца правілы прыёму на курсы, арганізацыя вучэбна-выхаваўчага працэсу, фінансавання, забеспячэння неабходнымі вучэбнымі дапаможнікамі і абсталяваннем.

The article deals with the role of specialized courses in the Belarusian system of pedagogical education in the early 1900s. One- and two-year courses were organized by the city colleges and gymnasiums. Pedagogical institutes being founded in the 1910s, such courses appeared on their basis in Minsk and Vitebsk. The rules of admission to the courses, as well as organization of the academic process, financial base, and the needed educational literature and equipment have been described in the article concerned.

Уводзіны. Пэўнае месца ў сістэме дарэвалюцыйнай педагагічнай адукацыі Беларусі займалі педагагічныя курсы.

На тэрыторыі Віленскай навучальнай установы яны пачалі ўзнікаць у пачатку ХХ ст., бо, як адзначаў дырэктар народных вучылішчаў Мінскай губерні, «існуючыя семінарыі не могуць задаволіць патрэбы ў настаўніках, а адкрываць іх у вялікай колькасці нельга: семінарыі вельмі дорага каштуюць. Давядзецца звярнуцца да больш таннага і больш хуткага сродку... і адкрываць педагагічныя курсы» [1]. Нават у 1914 г., калі ў Расіі працавалі 105 настаўніцкіх семінарыі, па падліках камісіі III Дзяржаўнай Думы, падрыхтаваць за год яны маглі каля 3750 настаўнікаў, у той час як для запаўнення школьных сетак патрабавалася 20 тысяч. Каб задаволіць патрэбу ў педагагічных кадрах, неабходна было адкрыць да 600 семінарыі, што тады было проста немагчыма. Таму шукалі больш простыя і танныя спосабы падрыхтоўкі патрэбных педагагічных кадраў для працы ў навучальных установах.

Асноўная частка. 31 сакавіка 1900 г. Міністэрства асветы зацвердзіла Правілы аб педагагічных курсах для падрыхтоўкі настаўнікаў і настаўніц з мэтай «падрыхтаваць маладых людзей, якія атрымалі ніжэйшую адукацыю, да іспытаў на званне настаўніка пачатковага вучылішча і азнаёміць тэарэтычна і практычна з пастаноўкай і вядзеннем пачатковага навучання» [2].

Аднагадовыя курсы з моманту іх арганізацыі набылі пэўнае распаўсюджанне, дзякуючы сваёй таннасці і кароткаму тэрміну падрыхтоўкі. У 1900 г. аднагадовыя педагагічныя курсы былі адкрыты пры Свянцянскім і Навагрудскім, у 1902 г. – пры Мсціслаўскім, Магілёўскім і Віцебскім гарадскіх вучылішчах [3]. На Беларусі

ў 1905 г. іх было 5 з 50 навучэнцамі. З адкрыццём настаўніцкіх інстытутаў у 1910-я гг. (у Віцебску, Магілёве і Мінску) арганізоўваліся яны і на базе гэтых навучальных устаноў.

29 чэрвеня 1907 г. міністэрства выдала новыя правілы для арганізацыі педагагічных курсаў. Згодна з імі, тэрмін навучання павялічваўся да двух гадоў, бо нізкі ўзровень падрыхтоўкі настаўнікаў пачатковай школы праз аднагадовую сістэму выразна адлюстроўваўся на практыцы. Існуючыя педагагічныя курсы пераўтвараліся ў двухгадовыя, дадаткова арганізоўваліся ў Гродне, Коўна і іншых гарадах.

15 студзеня 1909 г. былі адкрыты і на наступны дзень пачалі працу жаночыя педагагічныя курсы ў г. Мінску [4]. Курсы былі створаны пры 2-ім жаночым чатырохкласным вучылішчы. У штаце працавалі наступныя асобы: загадчык вучэбнай часткай Ф. І. Цясто, наглядчыца курсаў В. Н. Шыдлоўская, яе памочніца Л. М. Сакалова, а таксама выкладчыкі Закона Богага а. Уладзімір Зубковіч, педагогікі Л. Я. Садоўскі, рускай мовы Ф. М. Міхайлаў, прыродазнаўства і фізікі Ф. А. Парыйскі, гісторыі С. К. Раманоўскі, географіі Д. Т. Кузьмук, спеваў Н. Д. Краснапітуеў і рукадзелля М. К. Русанава.

Педагагічны савет рагледзеў заявы 75 дзяўчат, большасць з якіх на дадзены момант закончылі курс чатырохкласных вучылішчаў, двухкласных міністэрскіх і прыватных гімназій. Адбор вёўся на аснове ўступных экзаменаў. Быў устаноўлены наступны парадак для жадаючых паступіць на курсы: тыя, хто скончыў жаночыя вучылішчы тыпу мужчынскіх гарадскіх па палажэнні 1872 г., праходзілі скарачаныя іспыты – трэба было на здавальняючую адзнаку выканаць 4 пісьмовыя работы (дыктоўка і сачыненне па гісторыка-геаграфічнай тэматыцы, пісьмовае

рашэнне арыфметычных задач і вусны экзамен па Законе Божым). Тыя, хто на момант паступлення меў ніжэйшую адукацыю, здавалі экзамены па 8 прадметах у аб'ёме курса мужчынскага па палажэнні 1872 г. вучылішча.

Тэрмін навучання аб'яўляўся двухгадовым, таму ўжо ў жніўні 1909 г. з лепшых слухачак быў набраны 2-гі клас, каб «даць магчымасць хутчэй закончыць навучанне і заняць пасаду настаўніц». Для канчатковага выбару самых здольных курсістак былі назначаны экзамены: пісьмовыя па рускай мове (дыктоўка і сачыненне), па арыфметыцы пісьмовы і вусны (тлумачэнне рашэння задач) і вусны па прыродазнаўчых прадметах. Як паказалі іспыты, з абраных 38 слухачак узровень 25 быў прызнаны нізкім. Таму толькі 13 дзяўчат былі пераведзены на другі курс.

Падрыхтоўка педагогаў была арганізавана таксама згодна з «Палажэннем аб часовых педагогічных курсах пры настаўніцкіх інстытутах для падрыхтоўкі настаўнікаў вышэйшых пачатковых вучылішчаў» пры Мінскім настаўніцкім інстытуце [5]. Навучанне пачыналася з 1916 г. на бюджэтнай аснове, прычым перавага сярод астатніх давалася асобам, якія пацярпелі «ў апошняй вайне» (маецца на ўвазе ў Першай сусветнай вайне). Дарэчы, сам інстытут быў эвакуіраваны ў г. Яраслаўль.

Кіраўніцтва педагогічных курсаў прызнавала пажаданым, каб узровень навучання даваўся не ніжэйшы, чым пры заканчэнні настаўніцкага інстытута. Наогул для курсаў адзіных планаў і праграм не было. У кожнай навучальнай установе, пры якой адкрываліся такія курсы, яны распрацоўваліся і абмяркоўваліся на педагогічным савеце. У любым выпадку вучэбныя праграмы не вельмі розніліся і былі скарачаным варыянтам зместу адукацыі настаўніцкіх інстытутаў.

Заняткі на педагогічных курсах пры Мінскім і Віцебскім настаўніцкіх інстытутах умоўна можна падзяліць на тэарэтычныя і практычныя. Да тэарэтычных адносіліся:

- 1) Закон Божы як асновы веранавучання;
- 2) педагогіка;

3) падрабязнае азнаямленне з праграмамі курса вышэйшых пачатковых вучылішчаў па асобных прадметах і рэкамендацыямі асноўнай навуковай літаратуры;

4) методыка выкладання ўсіх прадметаў курса і разгляд выдзеленых дапаможнікаў для вышэйшых пачатковых вучылішчаў.

Практычныя заняткі ўключалі:

1) наведванне вышэйшых пачатковых вучылішчаў, дзяжурства ў іх і пісьмовыя справаздачы, якія разглядаліся настаўнікамі вышэйшых пачатковых вучылішчаў і дырэктарам інстытута;

2) пробныя ўрокі ў вышэйшых пачатковых вучылішчах і іх аналіз;

3) лабараторныя заняткі і экскурсіі.

Па спецыяльнасцях слухачы падзяляліся на 3 групы: літаратурна-гістарычную; фізіка-матэматычную; прыродазнаўча-гістарычную.

Па агульных прадметах прадугледжвалася 12 гадзін у тыдзень: Закон Божы – 1 гадзіна, педагогіка – 4, руская мова і методыка – 2, матэматыка і методыка – 2, маляванне і чарчэнне – 3. Прадугледжваліся і спецыяльныя заняткі: для першай групы – руская мова з царкоўнаславянскай – 8 гадзін, гісторыя – 4 гадзіны, усяго – 12 гадзін у тыдзень; для другой групы – матэматыка 8 гадзін, фізіка – 4 гадзіны, усяго – 12 гадзін у тыдзень; для 3 групы – прыродазнаўства – 8 гадзін, геаграфія – 4 гадзіны, усяго 12 гадзін у тыдзень. Дадаткова падчас практыкі для кожнай спецыялізацыі прадугледжвалася па 4–5 гадзін на пробныя ўрокі.

Не адзін раз адміністрацыя курсаў уздымала пытанне пра павелічэнне колькасці заняткаў, напрыклад, па гісторыі, геаграфіі, прыродазнаўстве, пра выкладанне дадаткова замежных моў. Але гэтую задуму, як тлумачылі ў кіраўніцтве Віленскай навучальнай акругі, рэальна было ажыццявіць толькі за кошт скарачэння гадзін на вывучэнне іншых дысцыплін ці за дадатковую плату. Па прапанове праўлення Віленскай навучальнай акругі планавалася давесці колькасць тыднёвых заняткаў у 1 класе да 30, у другім – да 36. Але, як паведамляла адміністрацыя курсаў, гэта павелічэнне «ставіць курсы матэрыяльна ў цяжкае становішча, бо перавышае расходы, зацверджаныя па штатах». Каб выправіць становішча, па згодзе выкладчыкаў, якія ўдзельнічалі ў разборы практычных урокаў, было вырашана пакінуць гэтыя заняткі без аплаты. Педагогіку і псіхалогію, як правіла, на грамадскіх пачатках чыталі дырэктары настаўніцкіх інстытутаў, што несумненна сведчыць аб зацікаўленасці ў якасці падрыхтоўкі сваіх выпускнікоў.

Дарэчы, нельга назваць дастатковымі сродкі, якія адпускаліся на ўтрыманне курсаў. Прыкладныя расходы на ўтрыманне педагогічных курсаў складалі 14 480 руб. З гэтай сумы 600 руб. ішло на аплату працы дырэктару інстытута, які адначасова з'яўляўся загадчыкам педагогічных курсаў, 6000 на паўрочную плату выкладчыкам курсаў па 125 руб. за гадавую гадзіну (усяго 48), 780 руб. за кіраўніцтва педагогічнай практыкай, 200 руб. выдзялялася на папаўненне фондаў бібліятэкі, 200 руб. – на канцэлярыскія расходы, 5400 руб. – на выдачу дапамогі бедным слухачкам і інш. [6].

У 1917 г. на ўтрыманне адкрытых пры Віцебскім і Мінскім настаўніцкіх інстытутах педагагічных курсаў быдо дадаткова выдзелена ў веданне дырэктараў у студзені 1206 руб., у лютым і сакавіку – па 2412 руб. Гэтыя выдаткі тлумачыліся рэзкім павышэннем «дарагавізны жыцця» як для выкладчыкаў, так і для выхаванцаў. Частка грошай ішла на дапамогу слухачам, якія па паходжанні былі выхадцамі з ніжэйшых і таму найбольш бедных слаёў грамадства.

Д. Сцяпура, дырэктар Мінскага настаўніцкага інстытута, у справах заўважаў, што вучэбная справа на курсах пастаўлена добра. Выкладчыкі інстытута (М. Гамолка, А. М. Нікольскі, В. І. Ігнатоўскі, К. Н. Кудзін і інш.) аднесліся да сваіх новых абавязкаў выкладання на курсах з поўнай сур'ёзнасцю.

Неабходныя для тэарэтычных і практычных заняткаў вучэбныя дапаможнікі інстытут часткова меў свае (хімічны кабінет, мадэлі, прыборы, карціны і карты), часткова карыстаўся неабходнымі дапаможнікамі і абсталяваннем навучальных устаноў г. Яраслаўля (настаўніцкага інстытута, бібліятэкі мужчынскай гімназіі).

У цэлым узровень ведаў слухачак з кожным годам змяняўся ў лепшы бок. «Дастаткова добрымі поспехамі» адзначалі выхаванак 1-х курсаў, што ў многім тлумачылася нядрэннай базавай падрыхтоўкай перад залічэннем на курсы, існуючай сістэмай экзаменаў і паступленнем на вучобу на аснове конкурсу. На педагагічных саветах называліся прозвішчы тых, хто меў незадавальняючыя адзнакі, за пропускі заняткаў маглі выносіцца папярэджанні і вымовы, а настаўнікам-прадметнікам ставілася ў абавязак звярнуць на неспяваючыя асабліваю ўвагу. Гэта праблема ў абязковым парадку разглядалася на наступным пасяджэнні педагагічнага савета інстытута. У плане выхаваўчай працы ладзіліся цікавыя мерапрыемствы. Так, да дня першай гадавіны адкрыцця курсаў быў праведзены літаратурна-вакальны ранішнік, у якім прынялі ўдзел прадстаўнікі грамадскасці, выкладчыкі і вучаніцы.

У 1916 г. была арганізавана адукацыйная экскурсія ў Маскву, «каб мець магчымасць пакланіцца старажытнарускім святыням і азнаёміцца з важнейшымі гістарычнымі помнікамі рускай даўніны». Разам з тым, на пасяджэнні педагагічнага савета было выказана пажаданне «аб вызваленні ад усялякіх выдаткаў на экскурсію, бо амаль усе слухачкі курсаў па сваім сацыяльным паходжанні належаць да найбольш беднай часткі насельніцтва г. Мінска і яго губерні». У маі 1916 г. была арганізавана экскурсія для 25 выхаванцаў і 8 выкладчыкаў

у г. Кастрому і Растоў. Кіраўніцтва чыгункі, згодна спецыяльнай пастанове, прадаставіла «льготныя тарыфы на праезд вучняў, якія адпраўляюцца на агульнаадукацыйныя экскурсіі» [7].

Заклучэнне. Як паказаў час, педагагічныя курсы адыгралі пэўную станоўчую ролю ў падрыхтоўцы настаўніцкіх кадраў, нягледзячы на тое, што іх кваліфікацыя некалькі адставала ад кваліфікацыі выпускнікоў настаўніцкіх інстытутаў. Гэта тлумачыцца галоўным чынам кароткім тэрмінам навучання і недахопам матэрыяльных сродкаў на добрую арганізацыю заняткаў. Дырэктар Мінскага настаўніцкага інстытута ў гэтай сувязі адзначаў, што «нягледзячы на добрасумленныя адносіны да сваіх абавязкаў як выкладчыкаў, так і слухачоў курсаў, усе яны разумеюць, што аднаго года заняткаў для падрыхтоўкі да выкладання ў вышэйшых пачатковых вучылішчах недастаткова, курсы павінны быць двухгадовымі» [8]. Але ў дадзенай сітуацыі пры вострым дыфіцыце спецыяльна падрыхтаваных настаўнікаў педагагічныя курсы з'яўляліся ўстановай не толькі пажаданай, але і неабходнай.

Літаратура

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 458. Дырэкцыя народных вучылішчаў Мінскай губерні. – Воп. 1. – Спр. 490. – Л. 532.
2. НГАБ. – Ф. 2254. Дырэкцыя народных вучылішчаў Магілёўскай губерні. – Воп. 1. – Спр. 266. – Л. 13.
3. Лухверчык, В. М. Сярэднія педагагічныя навучальныя ўстановы дарэвалюцыйнай Беларусі / В. М. Лухверчык // Народная асвета. – 2002. – № 1. – С. 69–71.
4. НГАБ. – Ф. 479. – Оп. 1. – Д. 1. Книга протоколов заседаний педагогического совета Минских женских 2-годичных педагогических курсов. – Л. 3.
5. НГАБ. – Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 56. Дело об открытии временных одногодичных педагогических курсов при учительских институтах. – Л. 2.
6. НГАБ. – Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 56. Дело об открытии временных одногодичных педагогических курсов при учительских институтах. – Л. 10.
7. НГАБ. – Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 59. Дело о совершении экскурсии воспитанниками института. – Л. 1–2.
8. НГАБ. – Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 56. Дело об открытии временных одногодичных педагогических курсов при учительских институтах. – Л. 31.

Паступіла 30.03.2011

УДК 94(476)«1917»

М. Я. Сяменчык, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры (БДТУ)**НАСТУПАЛЬНАЯ КАМПАНИЯ РУССКОЙ АРМИИ 1917 ГОДА
Ў ЛЁСЕ ЛЮТАЎСКОЙ РЭВАЛЮЦЫІ**

У публікацыі аналізуецца месца ваеннага пытання ў жыцці расійскай грамадскасці і палітыцы Часовага ўрада вясной – летам 1917 г. Звяртаецца ўвага на стаўленне розных палітычных сіл Беларусі да праблемы дасягнення міру. Асвятляецца ход падрыхтоўкі Паўднёва-Заходняга і Заходняга франтоў да наступлення, а таксама звязаная з ім маральна-палітычная атмасфера ў краіне. Акцэнтуюцца ўвага на палітычных наступствах няўдалай для рускіх войскаў летняй кампаніі, якія адбіліся ва ўзмацненні рэпрэсій супраць парушальнікаў вайсковай дыцыпліны, зніжэнні папулярнасці лозунга «рэвалюцыйнага абаронніцтва» і далейшым пагаршэнні становішча ў краіне.

The article represents the study of the military problem situation both in the life of the Russian public and the policy of the Provision Government in spring and summer of 1917. The author pays attention to the attitude of different political forces in Belarus to the problem of achieving the peace. The process of the Southwestern and Western fronts' preparation for the attack is enlightened, as well as the moral and politic atmosphere related to it. The article focuses on the political consequences of the failed summer campaign, which influenced the reinforcement of repressing military discipline breakers, the collapse of «revolutionary protection» slogan and the further worsening of the situation in the country.

Уводзіны. У аснову асвятлення азначанай тэмы ў СССР былі пакладзены працы У. Леніна, Л. Троцкага, І. Сталіна. Адпаведна ў творах партыйных гісторыкаў вайна 1914–1918 гг. набыла выключна негатыўную характарыстыку. Нават тэрміны «афіцэры» і «генералы» аздабляліся эпітэтамі «контррэвалюцыйныя», «рэакцыйныя» і інш. Затое факты невыканання салдатамі загадаў, іх уцэкаў з перадавой, здачы ў палон і г. д. падаваліся як праява «рэвалюцыйнай свядомасці» або формы пратэсту [1]. На гэтым фоне асвятлення ў навуковай літаратуры летняя кампанія рускіх войскаў працягвае заставацца надзвычай скажонай, як і яе роля ў лёсе Лютаўскай рэвалюцыі.

Асноўная частка. Пасля страты Расіяй сваіх заходніх зямель яе вайна супраць Германіі і Аўстра-Венгрыі стала падавацца як Вялікая Айчынная [2, с. 8], а асноўнымі мэтамі абвешчаны вызваленне занятых ворагам тэрыторый і дасягненне «ганаровага міру» [3].

Да канца 1916 г. у расійскай арміі праблема недахопу зброі і боепрыпасаў была паспяхова пераадолена, але ёй на змену прыйшла іншая, якая выявілася ў пагаршэнні салдацкай дыцыпліны, дэзертырстве і г. д. [4, с. 33]. Ахвярамі бальшавіцкага лозунга аб ператварэнні «вайны імперыялістычнай у вайну грамадзянскую» рабіліся рускія афіцэры, у салдацкім разуменні – «буржуі» [5, с. 27]. Чуткі аб прагерманскіх настроях царыцы, асабе Распуціна баявога духу вайскоўцаў таксама не паляпшалі.

24 студзеня 1917 г. Мікалай II зацвердзіў план наступлення рускай арміі [4, с. 22, 26]. Працэс яе забеспячэння ўсім неабходным ішоў

дастаткова паспяхова [6, с. 60], калі ў Петраградзе выбухнула паўстанне. Перамогу Лютаўскай рэвалюцыі ў многім абумовілі паводзіны вышэйшага генералітэту, які палічыў скасаванне манархіі меншым злом, чым рызыка развалу Дзеючай арміі. Нават Мікалай II у Маніфесце аб сваім адрачэнні ад трона заклікаў да «давядзення вайны, у што б тое ні стала, да перамоганоснага канца» [2, с. 111].

На працягу тыдня ў тыле і на перадавой адбылося прыняцце вайскоўцамі прысягі на вернасць Часоваму ўраду. Святкаванне «Дня Свабоды» ва ўсіх гарадах і мястэчках Расіі, у тым ліку на Беларусі, адбылося пад лозунгамі яднання арміі і народа, абароны рэвалюцыі ад знешняй небяспекі і інш. Усе ўрадавыя, грамадскія і палітычныя структуры прызналі неабходнасць змен у армейскім жыцці, але па-рознаму ставіліся да іх сутнасці. Так, яшчэ 1 сакавіка Петраградскі Савет рабочых і салдацкіх дэпутатаў, прадухіляючы магчымасць выкарыстання камандаваннем узброеных сіл для падаўлення рэвалюцыі, у сваім «Загадзе № 1» заклікаў гарнізонных вайскоўцаў у частцы «палітычных выступленняў» і выдачы зброі падпарадкоўвацца не камандзірам часцей і афіцэрам, а Савету і выбарным салдацкім камітэтам. Раздрукаваны 9-мільённым накладам [7, с. 208], дакумент трапіў на ўсе франты і ва ўсе гарнізоны.

Утварэнню салдацкіх камітэтаў аб'ектыўна спрыяў і ваенны міністр А. І. Гучкоў, які распарадзіўся аб устараненні з армейскага жыцця царскіх парадкаў. На яго думку, ураўнанне салдат і афіцэраў у правах па-за строем дазволіць ліквідаваць існаваўшыя паміж імі напружаныя

агносіны. Акрамя таго, ён адправіў у адстаўку 120 «ненадзейных» генералаў [4, с. 40].

Але недавер салдат да камандзіраў толькі ўзрос, а разам з ім – процістаянне штабоў і камітэтаў. Сваю негатыўную ролю ў гэтым адыграў і Петраградскі Савет, які ў звароце да «ўсіх народаў свету» ад 14 сакавіка заклікаў іх «...узязь у свае рукі рашэнне пытання аб вайне і міры» [8, с. 20]. З гэтага часу ідэя, быццам ўдзел Расіі ў вайне – не самамэта, а часовая неабходнасць, выкліканая патрэбамі абароны рэвалюцыі ад пагрозы германскага ўварвання, стала імкліва ўкараняцца. Маўляў, да часу заключэння дэмакратычнага, без анексій і кантрыбуцый міру, армія павінна выконваць свае баявыя задачы. На думку лідараў Петрасавета, такі мір магла здабыць толькі дэмакратызаваная армія. З гэтай нагоды на працягу красавіка – мая ва ўзброеных сілах адбываліся з'езды, якія выказалі ў падтрымку наступальнай палітыкі Часовага ўрада [2, с. 133], а таксама абралі са свайго складу салдацкія камітэты.

Ліберальная грамадскасць і прафесійныя вайскоўцы асуджалі прысваенне Саветам ўрадавых прэагатыў у сферы знешняй палітыкі і стварэнне ім «двоеўладдзя». Са свайго боку Часовы ўрад у звароце ад 28 сакавіка адмяжоўваўся ад захопніцкай палітыкі [8, с. 21]. Адпаведна святкаванне 1 мая прайшло пад лозунгамі «Мір між народамі», «Няхай жыве мір, роўнасць і братэрства». І вярта было міністру замежных спраў П. М. Мілюкову публічна запэўніць саюзнікаў у гатоўнасці рускай арміі змагацца да перамоганосага заканчэння вайны, як гэта выклікала моцнае абурэнне «рэвалюцыйнай дэмакратыі» і нават яго адстаўку.

30 красавіка А. Гучкоў здаў свае міністэрскія паўнамоцтвы. А. Ф. Керанскаму, аднаму з лідараў «рэвалюцыйнай дэмакратыі». Невыпадкова апошні ўстаў у абарону салдацкіх камітэтаў. Але падпісаная ім «Дэкларацыя аб правах салдата» істотна зніжала аўтарытэт афіцэра. Надалей ў мэтах устаранення канфліктаў паміж камітэтамі і камандаваннем, а фактычна, каб «сачыць за контррэвалюцыйнасцю каманднага складу» [4, с. 74], у Стаўцы, на франтах, у арміях і акругах была ўведзена пасада ваенных камісараў.

Меўшае адбыцца наступленне запатрабавала ад Часовага ўрада дзейнай працы па матэрыяльным забеспячэнні арміі. Таму спрыяла ўсерасійская кампанія па падпісцы на «Пазыку Свабоды». У гэты ж час беларускія сяляне ахвяравалі шмат хлеба і іншых прадуктаў на карысць Дзеючай арміі [2, с. 141–144].

Прыфрантавыя раёны сталі ачышчацца ад дэзерціраў. Таму спрыяла актыўная дзейнасць міліцыі, вайсковых патрулёў і грамадскасці [9].

Па загадзе А. Керанскага ад 21 мая, замест генерала М. Аляксеева – праціўніка «дэмакратычных» навацый у арміі, пасаду Вярхоўнага галоўнакамандуючага заняў іх прыхільнік генерал А. А. Брусілаў, які ўскладаў асаблівых спадзяванні на патрыятычны ўздым народа. Так, 23 мая ім быў зацверджаны «План фарміравання рэвалюцыйных батальёнаў з валанцёраў тылу». У ліку такіх фарміраванняў на Заходні фронт прыбыла жаночая вайсковая часць.

У маі – чэрвені тэма дасягнення міру стала вызначальнай ў грамадска-палітычным жыцці Расіі. Кадэты, акцябрысты, народныя сацыялісты, правыя эсэры і меншавікі-пляханайцы нязменна прытрымліваліся лозунга вайны да пераможнага канца. Толькі бальшавікі выступалі за яе неадкладнае спыненне. Пасля вяртання У. Леніна з эміграцыі гэты заклік на франтах стаў увасабляцца ў братанях, непадпарадкаваннем як камандаванню, так і салдацкім камітэтам. Аб перавазе наступальных настрояў «рэвалюцыйнай дэмакратыі» сведчылі пастановы падаўляючай часткі яе партыйных і грамадскіх арганізацый. Свае станоўчыя рэзалюцыі на гэты конт вынеслі Усерасійскія з'езды сялянскіх, а затым – рабочых і салдацкіх дэпутатаў.

Па сталінскай трактоўцы тых падзей, быццам абурэння палітыкай наступлення рабочыя і салдаты Петраграда арганізавалі дэманстрацыю пратэсту [10, с. 185]. Відавочна, яна адбылася таму, што бальшавікам не была выгаднай перамога рускай арміі, а разам з ёй і шанц Расіі на дэмакратычныя пераўтварэнні.

Пасля аддадзенага 16 чэрвеня А. Керанскім загаду аб наступленні асноўны ўдар па праціўніку мусілі нанесці арміі Паўднёва-Заходняга фронту, але першыя ж сутыкненні з ім выявілі высокую ступень разлажэння рускіх салдат [11, с. 148]. Падчас упартых баёў пад Тарнопалем генерал Л. Карнілаў, прызначаны галоўнакамандуючым фронтам, загадваў расстрэльваць сваіх вайскоўцаў за непадпарадкаванне камандзірам, марадзёрства, уцёкі з поля бою і г. д., але нават гэтыя захады плёну не прыносілі.

Па прычыне «нежадання войскаў наступаць» [4, с. 74] тэрміны наступлення на Заходнім фронце неаднаразова пераносіліся. 6 ліпеня распачатая ў раёне дыслакацыі 10-й арміі артылерыя забяспечыла пяхоце паспяховую атаку ў віленскім напрамку. У выніку 9 ліпеня генерал І. Доўбар-Мусніцкі далажыў, што даручаныя яму войскі 38 корпуса прайшлі па Крэве, «праз разваліны замка Гедыміна, як па Неўскім праспекце». Разам з салдатамі 20 корпуса яны занялі пакінутую праціўнікам лінію абароны, знялі

замкі з трафейных гармат і спустошылі склады з абмундзіраваннем. Але камандзірам не ўдалося пераканаць або прымусяць іх утрымаць заваяваныя пазіцыі [12, с. 168]. У выніку «абаронцы свабоднай Расіі» вярнуліся ў свае акопы. Такія выпадкі зрабіліся масавай з'явай. Невыпадкова А. Брусілавым было падпісана распараджэнне аб пакаранні тых, хто заклікаў да невыканання баявых загадаў. 10 ліпеня ім забараняліся сходы і мітынгі ў раёне баявых дзеянняў, а 12 ліпеня – абмеркаванне камітэтамі загадаў камандзіраў. У тэлеграме ваеннаму міністру А. Брусілаў пісаў, што «толькі выкарыстанне смяротнай кары спыніць разлажэнне арміі і выратуе Радзіму» [13]. Але ў той самы дзень усім расійскім войскам быў аддадзены загад А. Керанскага аб спыненні наступлення.

Такім чынам, спроба рускай арміі дамагчыся перамогі і тым наблізіць мір скончылася няўдала. У выніку баявых дзеянняў Паўднёва-Заходні фронт страціў 1 222 афіцэраў і 37 500 салдат, або 14% усяго свайго складу [4, с. 77]. На Заходнім фронце страты былі меншымі, але па ступені маральнага разлажэння ён не саступаў Паўднёва-Заходняму.

Заклучэнне. Па словах тагачаснага камісара Паўночнага фронту У. С. Вайцінскага, правал наступлення быў «не толькі ваенным паражэннем Расіі, але і паражэннем рэвалюцыі» [14, с. 184]. Сапраўды, крах наступальных планаў рускай арміі адклаў вырашэнне зладзённых праблем, выкліканых вайной і рэвалюцыяй, на нявызначаную перспектыву. У ліку прычын, якія абумовілі паражэнне рускіх войскаў, варта назваць урадавую (пры падтрымцы лідараў «рэвалюцыйнай дэмакратыі») палітыку ўстаранення ад камандавання прафесійных камандзіраў, інстытуцыяналізацыі салдацкіх камітэтаў, досыць ліберальнага стаўлення да тых элементаў, якія наўмысна падрывалі вайсковую дысцыпліну. Не апошняю ролю ў правале летняй кампаніі адыграла тая акалічнасць, што з пачаткам рэвалюцыі падрыхтоўка наступлення была выведзена з выключнай кампетэнцыі ваеннага камандавання, а зрабілася здабыткам самага шырокага абмеркавання, якое не скончылася нават падчас распачатых баёў, у тым ліку з удзелам саміх наступаўшых.

Пасля краху летняга наступлення ўзровень папулярнасці лозунга «рэвалюцыйнага абаронніцтва» знізіўся, але ідэя ваеннага разгрому Германіі і яе саюзнікаў не знікла. Спадзяванні на аднаўленне бяздольнасці арміі, а разам з ёй і на пераадоленне крызісных з'яў у краіне стала звязвацца з іменем новага Вярхоўнага галоўнакамандуючага генерала Л. Карнілава.

Літаратура

1. Гапоненко, Л. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917 г.) / Л. Гапоненко. – М.: Госиздат, 1953; Ивашин, В. Г. Великий Октябрь в Минске / В. Г. Ивашин. – Минск: БГУ, 1957; Король, А. С. Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября / А. С. Король. – Минск: Беларусь, 1987; Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. / М. М. Смольянинов. – Минск: Наука і тэхніка, 1991; Смольянинов, М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 г. / М. М. Смольянинов. – 2-е изд. – Минск: Беларус. наука, 2008.

2. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ, 2001. – Ч. 1: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. – 200 с.

3. Сяменчык, М. Я. Расійская армія і жыхары Беларусі на злome I сусветнай вайны / М. Я. Сяменчык // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 110–114.

4. Стратегический очерк войны 1914 – 1918 гг. Кампания 1917 г.: в 7 ч. / сост. А. М. Зайончковский. – М.: Воениздат, 1923. – Ч. 7. – 205 с.

5. Солский, В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте / В. Солский; науч. ред. С. Н. Хомич. – Минск: Тесей, 2004. – 224 с.

6. Друцкой-Соколинский, В. А. На службе Отечеству: записки русского губернатора / В. А. Друцкой-Соколинский. – Орел: Невероятный мир, 1994. – 405 с.

7. Верховский, А. И. На трудном перевале / А. И. Верховский. – М.: Воениздат, 1959. – 448 с.

8. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё ў Мінску (сакавік – кастрычнік 1917 г.) / М. Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ, 1994. – 112 с.

9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 60. – Воп. 3. – Спр. 174. – Л. 21.

10. История ВКП(б). Краткий курс. – М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1945. – 352 с.

11. Генерал Гофман. Война упущенных возможностей; пер. с нем. В. Кулакова. – М.; Л.: Госиздат, 1925. – 203 с.

12. Шихлинский, А. А. Мои воспоминания / А. А. Шихлинский. – Баку: Азернешр, 1984. – 200 с.

13. Речь. – 1917. – 18 июля.

14. Войтинский, В. С. 1917-й. Год побед и поражений / В. С. Войтинский. – М.: Терра-книжный клуб, 1999. – 320 с.

Паступіла 30.03.2011

УДК 94(476)«1917»

I. M. Рыжанкоў, старшы выкладчык (БДТУ)

СЯЛЯНСКІЯ АРГАНІЗАЦЫІ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ У ВЫРАШЭННІ ГРАМАДСКІХ І ДЗЯРЖАЎНЫХ ПРАБЛЕМ (ЛІТА – ВОСЕНЬ 1917 Г.)

У публікацыі разглядаецца пытанне месца і ролі сялянскіх арганізацый у рашэнні грамадскіх і дзяржаўных праблем Расіі. Храналагічна агортваецца перыяд з чэрвеня па лістапад 1917 г. Аўтар раскрывае праблематыку, звяртаючыся да матэрыялаў беларускіх губерняў, не занятых нямецкімі войскамі. У працы асвятляецца ўзровень палітызацыі вёскі і яе рэакцыя на падзеі ў краіне. Таксама паказваецца ступень уплыву партый, грамадскіх устаноў у арганізацыі сялянства і ўключэння яго ў палітычнае жыццё.

In article the problem of a place and a role of the country organizations in the decision public and state problems of Russia is considered. The period from June till November, 1917. The Author is chronologically covered opens a problematics addressing to materials of the belarusian provinces which have been not occupied with German armies. In work level of politicization of village and its reaction to events in the country is shown. Also degree of influence of parties, public institutions in the organization of peasantry and its inclusion in political life is shown.

Уводзіны. Дэмакратызацыя грамадска-палітычнага жыцця вясной 1917 г. дала магчымасць рэалізаваць расійскаму соцыуму свае палітычныя, канфесіянальныя, эканамічныя, карпаратыўныя, нацыянальныя патрэбы легальным шляхам аб'яднацца ў партыі, грамадска-палітычныя арганізацыі, якія адпраўлялі прадстаўнікоў у новаствораныя органы кіравання.

Асноўная частка. Як паказала практыка, асноўная частка грамадства – сялянства ў сілу суб'ектыўных і аб'ектыўных прычын першапачаткова не выявіла асабістую зацікаўленасць у стварэнні прадстаўнічых арганізацый. Гэта можна тлумачыць адсутнасцю ў сялянскай грамады палітычнага вопыту, развітай палітычнай культуры, арыгінальным успрыманнем дэмакратычных каштоўнасцей. Неўзабаве, актыўным чынам да гэтага прыступіліся партыі і ўстановы. На працягу вясны – пачатку лета 1917 г. на Беларусі адбылося ўтварэнне губернскіх, павятовых і шэрага валасных сялянскіх Саветаў [1]. Вызначальную ролю ў іх далейшай дзейнасці адыгрывалі паставы Усерасійскага з'езда сялянскіх дэпутатаў, прынятыя з удзелам 74 дэлегатаў беларускіх губерняў [2]. У цэлым спрыяльныя наступствы ўсерасійскага і губернскіх форумаў для беларускай вёскі выявіліся не адразу. Так, замест заспакаення сялянства і яго згуртавання вакол урадавых і грамадскіх устаноў, у шэрагу вёсак сталі назірацца проціпраўныя дзеянні. Становішча было тым больш нечаканым, што, як сведчылі камісары Б. М. Самойленка, М. М. Друцкі-Сакалінскі, а таксама газета «Речь», напярэдадні з'ездаў ні ў адной з беларускіх губерняў істотных парушэнняў не назіралася. Тым не менш агульная тэндэнцыя да павелічэння колькасці проціпраўных выпадкаў, у асноўным у форме парубак лесу, запатрабавала тлумачальна-прапагандысцкіх намаганняў улад па іх спыненні і прадухіленні з удзелам

зноў створаных выканаўчых камітэтаў Сялянскага саюза і Саветаў. З моманту свайго ўзнікнення Саветы сялянскіх дэпутатаў заявілі сябе ўплывовымі арганізацыямі, якія стаялі на абароне сваіх класавых і дзяржаўных інтарэсаў. Так, амаль на кожным сялянскім з'ездзе выносіліся рэзалюцыі пра барацьбу з дэзерцістам. Асобныя з'езды выказаліся за пазбаўленне дэзерціраў права на зямлю падчас маючай адбыцця аграрнай рэформы [3].

Другім найважнейшым наступствам утварэння сялянскіх арганізацый стала паўсюднае інтэграванне іх прадстаўнікоў у дзяржаўныя (камісарыяты, харчовыя і зямельныя камітэты) і грамадскія структуры. Трывалае прадстаўніцтва ад сялянскіх Саветаў набылі губернскія і павятовыя земствы. Дэпутаты сялянскіх Саветаў удзельнічалі ў вырашэнні спрэчных пытанняў у якасці членаў прымірэнчай камеры або трацейскага суда. Як арганізацыі класавыя сялянскія Саветы вялі ідэйную барацьбу супраць памешчыкаў у асобе Саюза землеўласнікаў, а таксама супраць Беларускага нацыянальнага камітэта (БНК) і Беларускай сацыялістычнай грамады (БСГ), якіх таксама лічылі памешчыцкімі крэатурамі.

На працягу ліпеня – жніўня развіццё сялянскіх арганізацый, у тым ліку на Беларусі, адбывалася пад уздзеяннем палітычных падзей у сталіцы.

Так, у выніку ідэйнага канфлікту паміж Партыяй сацыял-рэвалюцыянераў (ПС-Р) і Працоўнай народна-сацыялістычнай партыяй лідары першай дамагліся прызнання Саветаў адзінай формай арганізацыі сялянства. Умацаванню эсэраўскага ўплыву сярод сялян аб'ектыўна паспрыялі ліпеньскія падзеі ў Петраградзе і ўтварэнне Часовага ўрада на чале з А. Ф. Керанскім. Прэстыж ПС-Р значна ўзняўся пасля апублікавання падрыхтаванай міністрам земляробства В. М. Чарновым паставы «Аб зямельных камітэтах».

Адной з праяў узросшага аўтарытэту эсэраўскай партыі і яе аграрнай праграмы сталі адпаведныя рэзалюцыі губернскіх з'ездаў сялян Беларусі. 2 жніўня на II з'ездзе сялян Мінскай губерні ў выканкам не прайшоў ні адзін бальшавіцкі дэпутат. Замест Фрунзе на пасаду старшыні Савета быў абраны эсэр І. П. Несцераў. Пэўнае ўмацаванне пазіцыі ПС-Р адбылося і ў Віцебскім губернскім Савеце сялянскіх дэпутатаў, у якім пасаду старшыні выканкама замест А. А. Драздзецкага (выкладчык, беспартыйны) заняў Майсееў (салдат, эсэр). У Магілёве губернскаму сялянскаму Савету (старшыня эсэр М. Ф. Засорын) асабістую дапамогу аказваў Р. І. Пеўзнер, які з 25 ліпеня стаў выконваць абавязкі губернскага камісара.

Такім чынам, за час з сакавіка па кастрычнік (уключна) на Беларусі ўзнікла і дзейнічала сетка (без уліку «рэвалюцыйных камітэтаў» і супалак Сялянскага саюза) сялянскіх Саветаў, у тым ліку 4 губернскіх і 33 павятовых [4]. Дакладная колькасць валасных Саветаў не ўстаноўлена. Першыя сталі ўнікаць яшчэ ў маі – Бярозаўскі Мазырскага павета, а апошні – Нацкі Лепельскага павета ў пачатку кастрычніка.

Структурны адрозненні істотна не адбіваліся на кірунках і формах дзейнасці сялянскіх Саветаў. Як арганізацыі «рэвалюцыйнай дэмакратыі» яны пазіцыянавалі сябе найперш абаронцамі класавых інтарэсаў працоўных, а іх (інтарэсаў) асноўны змест бачылі ў справядлівым – на карысць сялян – вырашэнні аграрнага пытання Устаноўчым сходам. Такім чынам, уся энергія створаных Саветаў мусіла скіроўвацца на ўсебаковую дапамогу Часоваму ўраду як гаранту абвешчаных рэформ. Прысутнасць у апошнім міністраў-сацыялістаў толькі ўзмацняла яе.

Каб зрабіць гэту дапамогу свядомай, а значыць больш плённай, арганізатарам давялося прыкласці шмат сіл па згуртаванні сялянства і яго палітычнай і прававой асвеце. У асноўным намаганнямі сялянскіх Саветаў удалося наладзіць выпуск газет – «Голос крестьянина» (Дзісна), «Известия Витебского губернского Совета крестьянских депутатов», «Крестьянская газета» (Мінск), «Крестьянское слово» (Магілёў). На Віцебшчыне, як і паўсюдна, выканкамы займаліся выпіскай літаратуры, скліканнем сходаў, мітынгаў, ажыццяўлялі іншыя праекты, скіраваныя на асвету сялянства. Віцебскі павятовы Савет сялянскіх дэпутатаў для вяскоўцаў выпісваў газеты, набываў літаратуру. З моманту свайго ўтварэння ў кіраўніцтве сялянскіх арганізацый выявілася прысутнасць партыйных работнікаў.

У сваёй масе яны з'яўляліся эсэрамі [5], а ў адзінкавых выпадках і на асобных адрэзках

часу – народнымі сацыялістамі (Віцебск, Магілёў) і бальшавікамі (Мінск, Мазыр). У далейшым лінія паводзін усяго сялянскага Савета вызначалася партыйным кіраўніцтвам. Як адзначалася ў рэзалюцыі II сялянскага з'езда Мінскай і Віленскай губерняў ад 2 жніўня, «з прычыны, што шэраг кіраўнікоў улады на месцах вядзе работу, шкодную для сялянства, патрабаваць неадкладнага выдалення губернскага і некаторых іншых павятовых камісараў, аб чым давесці да ведама Часовага ўрада».

Заўважым, што калі ў азначаным выпадку гэтае патрабаванне не знайшло падтрымкі членаў камісарыята, то ўздзеянне «рэвалюцыйнай дэмакратыі» Магілёўшчыны на свайго губернскага камісара было больш дзейсным, у выніку чаго М. М. Друцкі-Сакалінскі мусіў падаць у адстаўку. У многім дзякуючы намаганням сялянскіх з'ездаў ад пасады былі вызвалены камісары Бабруйскага, Гомельскага, Горацкага, Клімавіцкага, Рэчыцкага, Сенненскага паветаў. Як правіла, арганізатары губернскіх і павятовых форумаў уносілі ў парадак дня наступныя пытанні: дапамога фронту, барацьба з дэзерцірствам, зямельнае пытанне і зямельныя камітэты, прымірэнчыя камеры, харчовае пытанне і харчовыя камітэты, кааперацыя, Пазыка Свабоды, школа, нацыянальнае пытанне і інш. Рэакцыя самога беларускага сялянства на ліпеньскія падзеі ў Петраградзе і мяцеж Карнілава была нязначнай і выявілася толькі ў рэзалюцыях яго прадстаўнікоў на губернскіх і павятовых з'ездах. У верасні – кастрычніку 1917 г. характэрнымі асаблівасцямі ў грамадска-палітычнай дзейнасці сялянскіх Саветаў з'яўляліся, па-першае, іх актыўнасць у сферы земскіх выбараў і, па-другое, іх далейшае ўмацаванне ў якасці апорных пунктаў ПС-Р у перадвыбарчай кампаніі ва Устаноўчы сход.

Галоўным пытаннем, якое выносілася на разгляд сялянскіх з'ездаў, як і раней, заставалася аграрнае, і важнейшай перадумовай яго становіцца вырашэння выказвалася прапанова аб перадачы ўсіх зямель (за вядомым выключэннем) у распараджэнне зямельных камітэтаў менавіта да склікання Устаноўчага схода.

На карысць бальшавіцкай рэзалюцыі па аграрным і іншых пытаннях выказаліся толькі дэлегаты сялянскага з'езда Мазырскага павета. Усе ж астатнія з'езды прынялі эсэраўскія рэзалюцыі з доляй неістотных адрозненняў. Сярод традыцыйнага мноства пытанняў, якія ставіліся ў парадак дня сялянскіх з'ездаў, асоба ўвага надавалася Устаноўчаму сходу. Галоўным чынам, па гэтай прычыне былі скліканы губернскія з'езды Саветаў сялянскіх дэпутатаў Магілёўшчыны, а таксама (сумесна з рабоча-салдацкімі) Віцебшчыны і Віленшчыны. Фаварытамі

на выбарах па 3 губернскіх і 1 Заходнефрантавой акругах лічыліся эсэры, якія здолелі заручыцца падтрымкай сялянскіх Саветаў і салдатсялян Заходняга фронту. Характэрна, што на шляху да Устаноўчага схода сялянскія Саветы Беларусі ўсіх узроўняў, за выключэннем Мазырскага, праводзілі ў жыццё палітычную лінію свайго цэнтральнага органа – Выканаўчага камітэта Усерасійскага сялянскага з'езда, скіраваную на падтрымку Часовага ўрада. Па гэтай прычыне яны не падтрымалі ініцыятывы большавікоў у скліканні II з'езда Саветаў, каб не ўзмацняць напружанасць у краіне напярэдадні выбараў ва Устаноўчы сход. У лістападзе 1917 г. адбываецца апошні, заключны перыяд у гісторыі сялянскіх Саветаў, калі па меры ўмацавання ўлады большавікоў і левых эсэраў у краіне, у тым ліку на Беларусі, палітычныя і эканамічныя працэсы выходзяць за межы лозунгаў Лютаўскай рэвалюцыі.

На працягу азначанага месяца адбываецца палітычная дыферэнцыяцыя Саветаў па крытэрыю стаўлення да Кастрычніцкай рэвалюцыі. Тая іх частка, якая прызнавала прыярытэт Савецкай улады перад Устаноўчым сходам і брала ўдзел у ажыццяўленні яе дэкрэтаў, паступова губляла ўласціваасці грамадскіх арганізацый. Фактычна, мела месца іх якаснае пераўтварэнне ва ўладныя структуры – органы Савецкай улады, шляхам зліцця ў адзіныя Саветы рабочых, салдацкіх і батрацкіх дэпутатаў. Пры гэтым, у адрозненне ад паслялютаўскага перыяду, сялянскія дэпутаты ўжо не карысталіся аўтаноміяй і ва ўсім мусілі падпарадкавацца большавіцка-леваэсэраўскаму кіраўніцтву. Раней за ўсё страціла арганізацыйную самастойнасць сетка сялянскіх Саветаў Мінскай і Віленскай губерняў пасля свайго III з'езда, калі, дзякуючы большавіцкай апэратыўнасці, быў адпраўлены ў адстаўку выканкам на чале з эсэрам Несцеравым. Новы выканкам на чале з большавіком Крывашэіным у складзе 35 чалавек увайшоў у Аблвыкамзах. Сялянства Віцебскай губерні на выбарах ва Устаноўчы сход, аддаўшы перавагу большавікам, больш на заклікі эсэраў аб процідзеянні Савецкай уладзе не рэагавала. Іх і без таго слабыя грамадскія арганізацыі перапынілі існаванне да снежня хутка і бесканфліктна.

Што тычыць шматлікіх і добра арганізаваных павятовых Саветаў сялянскіх дэпутатаў Магілёўшчыны на чале з губернскім выканкамам, то іх пераўтварэнне ў органы ўлады адбывалася неаднолькава як у часе, так і ў спосабах. Так, у ліку першых, хто прызнаў ленінскі Савет народных камісараў і яго дэкрэты, былі Гомельскі і Аршанскі Саветы. Адназначна, зліўшыся з Саветамі рабочых і салдацкіх дэпутатаў, яны

набылі новую назву з дадаткам «сялянскіх і батрацкіх». Старшыні ж астатніх сялянскіх Саветаў на чале з губернскім выканкамам, Р. І. Пеўзнерам і П. М. Воранавым, ігнаруючы дэкрэт аб зямлі, 19 лістапада абвясцілі аб перадачы па праекту «ўсіх памешчыцкіх зямель, лясоў, жывога і мёртвага інвентару ў веданне зямельных камітэтаў» Чарнова і Маслава [6].

Заклучэнне. Асноўны цяжар па ўліку панскай маёмасці ўскладаўся на абраныя пры Часовым урадзе валасныя земствы, зямельныя камітэты і валасныя сялянскія Саветы. Фактычнае супадзенне аграрнай палітыкі эсэраў і большавікоў прадухіліла адкрыты канфлікт Савецкай улады з сялянскімі Саветамі Магілёўшчыны і абумовіла іх збліжэнне. Па сутнасці, сялянскія Саветы былі прадстаўлены не сялянамі, а эсэраўскімі функцыянерамі, перад якімі паўстаў выбар далейшага шляху: супрацоўніцтва або апазіцыі. Канчатковыя, на карысць большавікоў, вынікі няўстойліваму становішчу эсэраў падвёў у студзені 1918 г. III з'езд Саветаў сялянскіх дэпутатаў. Нягледзячы на сацыяльную рэвалюцыю, якую ажыццявіла частка расійскага грамадства на чале з партыяй большавікоў у кастрычніку – лістападзе, першапачаткова іх палітыка ў адносінах сялянства грунтавалася на заканадаўчай базе Часовага ўрада і праграмных палажэннях ПС-Р у аграрным пытанні.

Літаратура

1. Рыжанкоў, І. М. Сялянскія арганізацыі ў вырашэнні грамадскіх і дзяржаўных праблем: па матэрыялах беларускіх губерняў (сакавік – чэрвень 1917 г.) / І. М. Рыжанкоў // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – Вып. XVIII. – 2010. – С. 50–53.
2. Объявление // Наше свободное слово. – 1917. – 2 декабря. – С. 2.
3. Голос крестьянства // Минский голос. – 1917. – 26 мая. – С. 2.
4. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.) : у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ імя Максіма Танка, 2001. – Ч. 1 : Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. – 200 с.
5. Губернский съезд 5–8 августа // Известия Витебского губернского Совета крестьянских депутатов. – 1917 г. – 15 сентября.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Фонд 2679. Быхаўскі павятовы зямельны камітэт. – Воп. 1. – Спр. 9. – Л. 81.

Паступіла 30.03.2011

УДК 008:811.163(476)«1920»

І. У. Каляда, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

«КАРЭНІЗАЦЫЯ» ДЗЯРЖАЎНАГА АПАРАТУ БССР ЯК АДЗІН З НАКІРУНКАЎ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ПАЛІТЫКІ Ў 1920-Я ГГ.

Публікацыя прысвечана пытанню правядзення «карэнізацыі» – складовай часткі нацыянальнай палітыкі БССР 1920-х гг. Разглядаюцца прычыны, якія вызначылі гэты накірунак, яго змест і вынікі ажыццяўлення. Асабліва вылучаецца тое, што названая палітыка была абумоўлена непрапарцыйна нізкай доляй беларусаў – прадстаўнікоў карэннай нацыі – у партыйных, савецкіх, гаспадарчых органах улады і кіравання.

The article deals with question of the part of the national policy of the BSSR in 1920 – korenizat-siya. The article discusses the reasons which determined the direction, its content and results. Much attention is paid to the fact that this policy was due to a disproportionately low share of Belarusian people – representatives of fundamental nation in the party, soviets, economic authorities and government.

Уводзіны. У гісторыю Беларусі 1920-я гг. увайшлі як перыяд адраджэння, росквіту беларускай культуры і мовы. Але найбольш цікавай, можна сказаць, унікальнай з’явай гэтага часу была беларусізацыя, праграма якой уключала перавод на беларускую мову справаводства партыйнага, дзяржаўнага, прафсаюзнага і кааператыўнага апаратаў, вылучэнне беларусаў на партыйную, савецкую, прафсаюзную і грамадскую работу (карэнізацыя), арганізацыю школ, сярэдніх і вышэйшых навучальных устаноў з выкладаннем на беларускай мове, развіццё беларускай літаратуры, навукова-даследчай працы па ўсебаковым вывучэнні Беларусі, пашырэнне беларускага друку і інш.

За адраджэнне сваёй мовы і культуры ўзяліся як беларуская інтэлігенцыя, так і кіраўнікі рэспублікі, усе шчырыя сябры роднага краю. Мова народа стала дзяржаўнай не ў дэкларацыях, а ў самім жыцці.

Асноўная частка. Безумоўна, усталяванне трывалай нацыянальнай самасвядомасці – адна з галоўных умоў адраджэння нацыі. Нацыянальная самасвядомасць, з аднаго боку, з’яўляецца адлюстраваннем аб’ектыўна існуючых прыкмет кожнай нацыі, у т. л. культуры, мовы, а з другога – сама здольная актыўна ўплываць на іх падтрымку, стымуляваць кансалідацыю нацыі, арыентаваць людзей на дасягненне поспехаў усёй нацыі, ажыццяўленне нацыянальных інтарэсаў.

Для сённяшняга беларускага грамадства жыццёва неабходна ўсталяванне трывалай нацыянальнай самасвядомасці. Галоўная ж прычына, якая замаруджае працэс, – гэта памылковасць поглядаў, непаважлівых адносіны многіх беларусаў да сваіх гістарычных, нацыянальных традыцый, да ўласнага будучага.

Афіцыйны статус дзяржаўнай палітыкі беларусізацыя атрымала з прыняццем на II сесіі ЦВК БССР (ліпень 1924 г.) пастановы «Аб практычных мерапрыемствах па правядзенні

нацыянальнай палітыкі» [1] і рэзалюцыі пленума ЦК КП(б)Б (ліпень 1924 г.) «Аб праграме работ па правядзенні нацыянальнай палітыкі партыі ў Беларусі». З гэтага часу праграма беларусізацыі набыла сілу закона. Адным з пунктаў гэтых пастановаў быў той, што непасрэдна тычыўся карэнізацыі: вылучэнне беларусаў на партыйную, савецкую, прафсаюзную і грамадскую работу.

Беларусізацыя адначасова з’яўлялася як партыйнай, так і дзяржаўнай палітыкай.

Яе арганізацыйная структура была закладзена менавіта ў сістэме дзяржаўных органаў БССР. Дзяржаўны апарат, з аднаго боку, фарміраваў асноўныя кірункі гэтай палітыкі, а з другога – з’яўляўся адным з аб’ектаў яе ўвасаблення. Пасля таго, як беларусізацыя была аб’яўлена дзяржаўнай палітыкай, шэраг важных мерапрыемстваў у гэтым накірунку ажыццяўлялі рэспубліканскія і акруговыя партыйныя органы, апарат наркаматаў і ведамстваў.

Рэалізацыя палітыкі беларусізацыі ў галіне дзяржаўнага будаўніцтва і аптымізацыі работы сістэмы дзяржаўных устаноў звадзілася да трох асноўных накірункаў: авалоданне беларускай мовай супрацоўнікамі дзяржаўных устаноў, перавод на беларускую мову ўсёй сістэмы справаводства і вылучэнне на кіруючыя пасады беларусаў.

Непрапарцыйна нізкая доля беларусаў у партыйных, савецкіх, гаспадарчых органах улады і кіравання па-свойму ўскладняла выпрацоўку і правядзенне нацыянальнай палітыкі. Беларусізацыя пачыналася тады, калі гэтая доля не дасягала і паловы. Напрыклад, у партыйных органах, якія вызначалі палітыку на ўсіх узроўнях, суадносіны былі такія: з 13 членаў ЦК КП(б)Б у 1922 г. беларусаў было 5, яўрэяў – 6, іншых – 2; з 74 членаў павятовых камітэтаў партыі – 31 (41,8%) былі беларусы, 34 (45,9%) – яўрэі, 9 (12,1%) – іншыя нацыянальнасці.

Не лепшае становішча назіралася і ў дзяржаўных органах. Так, з 50 членаў ЦВК БССР III склікання (снежань 1921 г.) беларусаў было 19 (38%), яўрэяў – 17 (34%), рускіх – 3 (6%), украінцаў – 1 (2%), палякаў – 6 (12%), літоўцаў – 2 (4%), латышоў – 2 (4%). Толькі ў павятовых і сельскіх Саветах пераважалі беларусы. На 1.08.1922 г. са 101 члена павятовых выканкамаў беларусаў было 77 (76,2%), рускіх – 5 (4,9%), яўрэяў – 18 (17,8%), іншых – 4 (3,9%) [2].

Як бачым, назіралася такая з’ява, калі беларусы – большасць насельніцтва рэспублікі – засталіся ў відавочнай меншасці ў партыйным і дзяржаўным апаратах. Зразумела, што падобнае становішча не садзейнічала нармальнаму развіццю нацыянальных адносін і мела ў далейшым самыя негатыўныя вынікі.

Такія суадносіны ў кіруючых органах тлумачацца ў першую чаргу тым, што яўрэі і рускія, якія пражывалі ў асноўным у гарадах і мястэчках, нават і да Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. мелі больш магчымасцей атрымліваць добрую адукацыю. Невыпадкова, паводле перапісу 1926 г., самая значная колькасць пісьменных сярод розных нацыянальнасцей на Беларусі была ў яўрэяў – 70%, трохі менш у палякаў і рускіх – 50 і 49 адпаведна, у беларусаў – 36% [3].

Пры распрацоўцы палітыкі беларусізацыі на кадравае пытанне была звернута асабліва ўвага. Вядома, ніхто не збіраўся гвалтоўна змяняць нацыянальны склад вышэйшых партыйных і савецкіх органаў. Аднак, як будзе паказана далей, да 1928–1929 гг. у гэтым складзе адбудуцца істотныя змены.

На працягу 1924–1925 гг. распрацоўка праграмы беларусізацыі ў цэлым была завершана. Гэта палітыка складалася з дзвюх узаемазалежных частак: нацыяналізацыі і карэнізацыі.

Першая азначала шырокае развіццё беларускай культуры (школы, ВНУ на беларускай мове, выданне кніг, навукова-даследчая работа па ўсебаковым вывучэнні Беларусі і г. д.), увядзенне беларускай мовы практычна ў кожную галіну грамадска-палітычнага і эканамічнага жыцця (перавод на беларускую мову партыйнага, дзяржаўнага, прафесійнага, кааператыўнага апаратаў і часцей Чырвонай арміі). А другая – вылучэнне прадстаўнікоў карэннага насельніцтва на партыйную, савецкую, прафсаюзную і грамадскую работу. Прычым такое вылучэнне адбывалася не па нацыянальнай прыкмеце (беларус не беларус), а па дзельных якасцях, веданні ўмоў і асаблівасцей Беларусі, дасканалым валоданні беларускай і рускай мовамі. Адсюль і назва гэтага накірунку – карэнізацыя, якая датычылася не толькі

беларусаў, але і прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей.

Карэнізацыя, якая стала адным з цэнтральных накірункаў беларусізацыі, прадугледжвала фарміраванне ў рэспубліцы кіруючага звяна з прадстаўнікоў усіх мясцовых карэнных нацыянальнасцей. Гэта палажэнне было адзначана ў рэзалюцыі студзеньскага пленума ЦК КП(б)Б, у справаздачах X з’езда КП(б)Б, а таксама ў пастанове бюро ЦК КП(б)Б «Аб нацыянальным складзе партыйных, прафесійных, савецкіх і іншых органаў», прынятай 27 жніўня 1927 г. Тут падкрэслівалася, што вылучэнне беларусаў на адказную работу і ў далейшым застаецца галоўнай задачай у справе нацыяналізацыі партыйных, прафесійных, савецкіх і іншых устаноў. Пры фарміраванні кіруючых кадраў прапаноўвалася ўлічваць у першую чаргу палітычную вытрыманасць вылучэнцаў, іх дзельныя якасці, веданне беларускай мовы і ўмоў развіцця БССР. Пастанова прадпісвала павялічыць колькасць беларусаў у партыйных, прафсаюзных, мясцовых савецкіх органах, у складзе калегій наркаматаў, кіраванняў банкаў, маскоўскіх прадстаўніцтваў БССР і інш.

Карэнізацыя – гэта, акрамя таго, і найбольш складанае пытанне беларусізацыі, бо менавіта тут лягчэй за ўсё маглі ўзнікнуць узамежныя крыўды, непаразуменні на глебе супрацьстаўлення інтарэсаў адной нацыянальнасці другой. Аднак і вырашаць яго трэба было неадкладна. Доля беларусаў у органах улады і кіравання была зусім невялікая адносна агульнай удзельнай вагі ў складзе насельніцтва. Такое становішча неабходна было мяняць, што з ростам адукаванасці і культурнага ўзроўню ўсё вастрэй усведамлялася шырокімі слямі насельніцтва.

Тым не менш яшчэ ў пачатку 1920-х гг. пры распрацоўцы нацыянальнай палітыкі ставілася задача вылучэння прадстаўнікоў карэннага насельніцтва на тую ці іншую пасаду не па нацыянальнасці, а паводле дзельных якасцей, ведання беларускай і рускай мовы, гісторыі Беларусі і г. д. У рэзалюцыі студзеньскага (1925 г.) пленума ЦК КП(б)Б спецыяльна агаворвалася: «Ставячы працу па вылучэнні беларускіх таварышаў, тым не менш не процістаўляць іх ніколі тым супрацоўнікам, не беларусам, якія вывучылі беларускую мову і мясцовыя ўмовы» [4]. Тым не менш карэнізацыя балюча ўспрымалася некаторай часткай інтэлігенцыі нацыянальных меншасцей, якая бачыла ў гэтай справе толькі выдзяленне беларусаў.

У 1924–1925 гг. у апаратах цэнтральных органаў улады працэнт яўрэяў, рускіх і іншых у адносінах да беларускага насельніцтва з’яўляўся даволі такі значным і нават пераваж-

ным. Тлумачыцца гэта тым, што прадстаўнікі гэтых нацыянальнасцей жылі большай часткай у гарадах, а цэнтральныя апараты насычаліся, галоўным чынам, за кошт гарадскога насельніцтва. У мясцовых жа апаратах працэнт беларусаў з'яўляўся пераважным у адносінах да іншых нацыянальнасцей.

1926–1927 гг. сталі часам найбольш актыўнага ажыццяўлення мерапрыемстваў па беларусізацыі дзяржапарата і найбольш руплівай праверкі гэтай работы. Менавіта тады былі прыняты пастановы аб вылучэнні ў партыйныя, савецкія, прафесійныя і гаспадарчыя органы работнікаў з мясцовага насельніцтва, аб праверцы выканання мерапрыемстваў па беларусізацыі дзяржаўных устаноў рэспублікі, аб дзейнасці нацыянальных Саветаў і інш. У справаздачах і паведамленнях, што дасылаліся ў Нацкамісію пры ЦВК БССР, у пратаколах правяральных камісій сталі з'яўляцца лічбы, якія сведчылі пра пэўныя поспехі.

У 1927 г. пастанова Бюро ЦК КП(б)Б «Агульныя вывады па праверцы беларусізацыі дзяржаўных устаноў БССР» адзначала «ў гэты момант ... увогуле здавальняючае становішча ў справе беларусізацыі нашых дзяржаўных устаноў» [5].

У 1929 г. у выніку правядзення карэнізацыі становішча было такое: доля беларусаў у адміністрацыйных установах складала 51,3%, рускіх – 18, яўрэяў – 24,8, палякаў – 0,1, іншых – 5,8%. У цэнтральным савецкім апарате доля беларусаў складала 32,5%, рускіх – 24,2, яўрэяў – 36,8%. У гаспадарчых установах доля беларусаў раўнялася 30,8%, рускіх – 13,1, яўрэяў – 49,3, палякаў – 1,1, іншых – 5,7%. Напрыклад, у апарате Вышэйшага Савета Народнай Гаспадаркі Беларусі сярод спецыялістаў-інжынераў беларусы складалі 26%, рускія – 12,2, яўрэі – 52, палякі – 1,6, іншыя – 3,1%. У судовых установах беларусаў налічвалася 26,3%, рускіх – 21,1, яўрэяў – 42,2, іншых – 11,5%; у зямельных органах беларусаў было 59,5%, рускіх – 24,1, яўрэяў – 10,1, іншых – 6,3% [6].

Такім чынам, пераважны працэнт беларусаў назіраўся ў адміністрацыйных і зямельных органах, у гаспадарчых і судовых большасць складалі яўрэі, што тлумачыцца гістарычным мінулым, большым культурным узроўнем, большай падрыхтоўкай іх у галіне спецыяльных ведаў: юрыдычных, эканамічных, гаспадарчых.

У канцы 1920-х гг. у рэспубліцы стаў прыкметным паступовы адыход ад першапачатковага разумення беларусізацыі. Гэта было звязана з фарміраваннем і ўзмацненнем у краіне таталі-

тарнай адміністрацыйна-каманднай сістэмы, калі набіраў сілу дагматызм, у духоўным жыцці зацвярджаліся забароны, нацыянальнае ўсё часцей стала свядома атаясамлівацца з нацыяналістычным.

Адступленне ад прынцыпаў беларусізацыі знайшло адлюстраванне ў скарачэнні колькасці беларусаў у кіруючых органах, пераводзе дзейнасці школ, культурна-асветніцкіх устаноў з беларускай на рускую мову, змяншэнні тыражоў беларускамоўных выданняў і г. д. Пачалося адкрытае наступленне на нацыянальную інтэлігенцыю, якую ўсё часцей сталі абвінавачваць у прыхільнасці да «нацыянал-дэмакратызму», у імкненні «нацыянальныя інтарэсы ставіць вышэй за класавыя».

Заклучэнне. У заключэнні хацелася б падкрэсліць тое, што нацыянальная самасвядомасць фарміруецца пад уплывам аб'ектыўных фактараў, што робіць надзвычай актуальным этанакіраваны ўплыў на яе, а гэта, у сваю чаргу, спрыяе давядзенню самасвядомасці да ўзроўню, які забяспечваў бы поўную гарантыю ад культурнай асіміляцыі, знікнення як самастойнай нацыі. Асабліва важным тут з'яўляецца ўмелае выкарыстанне тых гістарычных традыцый і духоўных каштоўнасцей, якія назапашаны папярэднімі пакаленнямі, свядомае вяртанне народа да гістарычных каранёў, нацыянальных традыцый.

Літаратура

1. Практычнае вырашэнне нацыянальнага пытання ў БССР: у 2 ч. – Мінск: Выд-ва Нацкамісіі ЦВК БССР, 1928. – Ч. 1: Беларусізацыя. – 152 с.
2. Беларусізацыя: 1920-я гады: дакументы і матэрыялы / пад агул. рэд. Р. Платонава і У. Коршука. – Мінск: БДУ, 2001. – С. 57.
3. Альшэўская, С. І. Нацыянальна-дзяржаўнае будаўніцтва на Беларусі (1917–1927 гг.) / С. І. Альшэўская, В. Ф. Касовіч, Л. А. Шульга. – Мінск: БДУ, 2000. – 69 с.
4. Рэзалюцыя пленума ЦК КП(б)Б, 25–29 студзеня 1925 г. // Беларусізацыя: 1920-я гады: дакументы і матэрыялы / пад агул. рэд. Р. Платонава і У. Коршука. – Мінск: БДУ, 2001. – С. 58–69.
5. Агульныя вывады па праверцы беларусізацыі дзяржаўных устаноў БССР: пастанова Бюро ЦК КП(б)Б ад 1 красавіка 1927 г. // Беларусізацыя: 1920-я гады: дакументы і матэрыялы / пад агул. рэд. Р. Платонава і У. Коршука. – Мінск: БДУ, 2001. С. 175–178.
6. Беларусізацыя: 1920-я гады: дакументы і матэрыялы / пад агул. рэд. Р. Платонава і У. Коршука. – Мінск: БДУ, 2001. – С. 214.

Паступіла 30.03.2011

УДК 070(091):947.6

В. У. Коваль, кандыдат гістарычных навук, асістэнт (БДТУ)

ВЫЗНАЧЭННЕ АСНОЎНАЙ ТЭРМІНАЛОГІ ПРЫ ДАСЛЕДАВАННІ ЎЗАЕМАСУВ'ЯЗЕЙ БЕЛАРУСКАЙ І ЎКРАЇНСКАЙ ДЫЯСПАР У МІЖВАЕННЫ ЧАС

Публікацыя прысвечана разгляду пытання пра сучасныя развіццё тэрміналогіі пры вывучэнні гісторыі беларускай і ўкраінскай дыяспар. Асаблівая ўвага надаецца неабходнасці выкарыстання замежных даследаванняў па тэорыі эміграцыі. Аналізуюцца асноўныя тэндэнцыі беларуска-ўкраінскіх адносін у асяродку эмігрантаў міжваеннага перыяду. На думку аўтара, найбольш актыўна развівалася менавіта палітычнае і культурнае супрацоўніцтва беларускай і ўкраінскай дыяспар. У публікацыі прадстаўлены агляд тэрэтычнай базы разнастайных эміграцыйных працэсаў міжваеннага часу.

The article deals with the issue of contemporary evolution of terminology in the history of Belarusian and Ukrainian diaspora. Special attention is given to the necessity of the using different foreign researches about the theory of emigration. The article analyzes the main trends in Belarusian-Ukrainian relations among the emigrants in the inter-war period. The author notes that the main activities were observed in the cooperation of Belarusians and Ukrainians in policy and culture. The article provides a review of the theoretical basis in the different emigration processes in the period between the two world wars.

Уводзіны. Узрастанне актуальнасці гісторыі беларускай эміграцыі на сённяшні дзень спрыяе павелічэнню колькасці навуковых публікацый па дадзеным пытанні. Вывучэннем развіцця дыяспары займаюцца спецыялісты ў розных галінах ведаў, якія шырока выкарыстоўваюць сваю прафесійную тэрміналогію. На сучасны момант у беларускай гістарыяграфіі ўзнікла вострая патрэба ў вызначэнні асноўных дыяспаральных дыфеніцый.

Асноўная частка. Спецыяльных даследаванняў па тэорыі фарміравання эміграцыі ў беларускай гістарычнай літаратуры няма, таму выкарыстанне замежнага вопыту па вызначэнні тэрэтычнай базы дазволіць больш поўна і глыбока прадставіць напрацоўкі ў дадзеным кірунку. Асабліва распрацаваным дыяспаральным тэрміналагічным апарат з'яўляецца ў навукоўцаў Расіі і Украіны.

Дыяспара – слова грэч. паходжання. Яно ўтворана ад дзеяслова *diasperein* – «рассейвацца, рассыпацца, раздаваць», які складаецца з прэфікса *dia* – «наскрозь, праз» і дзеяслова *sperein* – «сеяць, засыпаць, ссыпаць» [1, с. 15]. Упершыню дадзены тэрмін пачалі ўжываць у дачыненні да класічнай яўрэйскай дыяспары.

У сучаснай гістарыяграфіі прынята вылучаць класічныя мадэлі дыяспары, да якіх можна аднесці, у першую чаргу, яўрэйскую, грэчаскую, армянскую, і «сучасныя», ці «новыя», дыяспары [2, с. 26]. Некаторыя аўтары тэрмінам «дыяспара» называюць усе групы этнічных меншасцей па-за межамі сваёй Бацькаўшчыны, што супярэчыць азначэнню класічнай дыяспары. Новае, больш шырокае значэнне тэрміна выклікае вострыя спрэчкі спецыялістаў, часам прыводзіць да блытаніны.

Вылучэнне паняццяў «новыя», ці «сучасныя», дыяспары тлумачыцца дынамічнасцю дадзенай сацыяльнай з'явы, што вымагае надаваць тэрмінам больш шырокі сэнс. Фарміраванне дыяспары непасрэдна звязанае з актывізацыяй палітычнага жыцця нацыянальных меншасцей за мяжой, стварэннем партый, грамадскіх арганізацый і іншых сацыяльных інстытутаў. Асаблівасцю палітычнай дзейнасці сталай дыяспары звычайна становіцца ўстойлівасць да працэсаў асіміляцыі, яна намагаецца такім чынам захаваць сваю нацыянальную ідэнтычнасць, падкрэсліць прыналежнасць да свайго этнасу.

Фарміраванне ўкраінскай дыяспары пачынаецца значна раней за беларускую, прыблізна з канца XIX ст. Беларуская дыяспара вызначаецца фактычна толькі ў міжваенны перыяд. Значна раней, яшчэ на пачатку XX ст., украінцы стварылі на эміграцыі пэўную колькасць палітычных, эканамічных, нацыянальных, культурных арганізацый і структур. Менавіта таму пазіцыі ўкраінскіх эмігрантаў у міжваенны час былі больш трывалымі, чым у беларусаў, яны аказвалі дапамогу і падтрымку беларускай супольнасці за мяжой. Беларускую і ўкраінскую дыяспары неабходна аднесці да «новых», ці «сучасных».

Крытэрыі дыяспаральнасці на дадзены момант знаходзяцца ў стадыі распрацоўкі. У разнастайных даследаваннях па гісторыі эміграцыі вядуцца дыскусіі па выпрацоўцы тэрміналагічнага апарата, сярод поглядаў спецыялістаў яшчэ няма адзінства. Шматлікія меркаванні і навуковыя падыходы ў азначэннях і характарыстыках дыяспары вядомы расійскі гісторык А. Б. Ручкін называе «тэрміналагічнай анархіяй» у сучаснай гістарычнай навуцы

[3, с. 46]. Для вывучэння пэўнай дыяспары неабходна прымаць да ўвагі ўсе эміграцыйныя хвалі, лічбавы склад, кампактнасць пражывання, ступень асіміляцыі, сацыяльны склад, узровень адаптацыі да мясцовых умоў, міграцыйную палітыку краіны-рэцэпіента. Розныя гісторыкі вылучаюць у якасці асноўнага свае фактары, што стала прычынай існавання неаднолькавых падыходаў і бурнай палемікі ў пытаннях вывучэння гісторыі эміграцыі.

Развіццё дыяспары, як правіла, адбываецца паэтапна. Дыяспары заўсёды знаходзяцца ў працэсе няспыннага развіцця, аднак сярэдняю працягласць кожнага этапа падлічыць немагчыма, гісторыю пэўнай супольнасці неабходна разглядаць асобна, улічваючы ўсе спецыфічныя рысы.

Важнай асаблівасцю функцыянавання дыяспары з'яўляецца захаванне яе калектыўнай памяці і паступовае фарміраванне міфа пра радзіму. Існуе тэндэнцыя: чым больш праходзіць часу, тым больш ідэалізуецца вобраз бацькаўшчыны ў калектыўнай свядомасці эміграцыі. Для моцных і буйных дыяспар рамантазаваны радзімы праходзіць дастаткова актыўна. Украінскія эмігранты і іх палітычныя інстытуцыі за мяжой значна шырэй за беларусаў замежжа працавалі ў кірунку ідэалізацыі бацькаўшчыны.

У сучаснай украінскай гістарыяграфіі працягваецца працэс фарміравання паняццйнага апарату па тэме гісторыі эміграцыі. Не даканца акрэсленым з'яўляецца і паняцце «ўкраінскай дыяспары». Украінскі гісторык Ф. Д. Застаўны падкрэслівае, што спрэчным пытаннем стала фармулёўка ўкраінскай супольнасці ў некаторых краінах, дзе пражывае вялікая колькасць украінцаў на сваіх этнічных землях у памежных рэгіёнах. На думку Ф. Д. Застаўнага, гэтыя ўкраінцы не ўтвараюць дыяспару, у дадзеным выпадку лепш выкарыстоўваць азначэнні «ўкраінцы ў замежных краінах», «замежныя ўкраінцы» [4, с. 10]. Такім чынам, тэрмінам «дыяспара» можна акрэсліць большасць украінцаў і асоб украінскага паходжання па-за межамі дзяржавы, аднак ён не ахоплівае цалкам усіх. Згодна разважанням украінскага гісторыка Ф. Д. Застаўнага, тэрмін «беларусы замежжа» таксама будзе больш шырокім за азначэнне «беларуская дыяспара».

Вядомая расійская даследчыца Г. Я. Тарле таксама распрацоўвае тэрміналогію гісторыі эмігрантаў, яна ўдакладняе сучасныя распрацоўкі паняццйнага апарату. Публікацыі Г. Я. Тарле прысвечаныя расійскай дыяспары, але логіку разважанняў можна выкарыстаць таксама ў дачыненні беларусаў і ўкраінцаў за мяжой. Па яе меркаванні, выразы «гісторыя

беларускага замежжа», «гісторыя ўкраінскага замежжа» будуць больш шырокімі за паняцці «гісторыя беларускай эміграцыі» ці «гісторыя ўкраінскай эміграцыі» [5, с. 17]. Дададзены тэрміналогію асабліва важна ўдакладніць для беларускай гістарычнай навукі, дзе відавочна існуюць супрацьлеглыя бачанні эміграцыйных працэсаў, а напэўненні тэрмінаў значна адрозніваюцца.

Украінская і беларуская дыяспары паміж сусветнымі войнамі мелі шэраг агульных рыс фарміравання. У пэўных краінах яны пражывалі кампактна (ЗША, Канада, Аргенціна), а былі рэгіёны, дзе беларусы і ўкраінцы жылі рассяяна (Германія, Аўстрыя). Міжваенная беларуская і ўкраінская эміграцыя падзяляліся на эканамічную і палітычную. Асаблівасцю перасялення насельніцтва па эканамічных прычынах стала больш хуткая сацыяльная адаптацыя за мяжой, частковая адмова ад калектыўнай ідэнтычнасці, перайманне асаблівасцей жыцця і каштоўнасцей тытульнай нацыі. Часта эканамічныя эмігранты сваім дзеям перадавалі веданне роднай мовы і культуры непаслядоўна, хаатычна, проста для ўласнага псіхалагічнага камфорту, а не па палітычных матывах ці ад пачуцця патрыятызму. Для палітычнай эміграцыі беларусаў і ўкраінцаў было характэрна нежаданне тэрмінова асімілявацца, падтрымка пастаяннай сувязі з радзімай. Прадстаўнікі палітычнай дыяспары актыўна стваралі свае арганізацыйныя структуры, якія павінны былі спрыяць захаванню этнічнай самабытнасці за мяжой.

Акрамя тэрміна «дыяспара», важна вылучыць для даследавання беларускай і ўкраінскай эміграцыі паняцце «радзіма». Звычайна пад «радзімай» маецца на ўвазе рэгіён ці краіна, дзе сфарміраваўся гісторыка-культурны воблік дыяспаральнай групы і дзе працягвае жыць асноўны культурна падобны да яе масіў [6, с. 12]. Паняцце «радзіма» мае ўмоўны характар, бо дзяржава не заўсёды эмігрантамі атаясамляецца з бацькаўшчынай. Адна і тая ж дыяспара сваёй радзімай можа лічыць адразу некалькі дзяржаў, як гэта адбылося ў міжваенны перыяд з беларускімі і ўкраінскімі эмігрантамі. Палітычная прэса беларускай і ўкраінскай дыяспары неаднаразова падкрэслівала на сваіх старонках, што адстойвае правы ўсёй нацыі: тых асоб, якія пражываюць як на тэрыторыі Польшчы, так і тых, хто жыве ў савецкай дзяржаве. Калі лічыць, што радзімай прынята называць месца нараджэння, дык міжваенныя межы для беларускага і ўкраінскага народа падзялялі этнаграфічныя тэрыторыі паміж дзяржавамі. Сапраўды, для беларусаў і ўкраінцаў замежжа паміж сусветнымі войнамі радзімай магла быць як Заходняя Беларусь і Заходняя Украіна, якія ўваходзілі ў склад Другой Рэчы Паспалітай, так і савецкія рэспублікі.

Фарміраванне большасці дыяспар адбываецца пад уздзеяннем такіх традыцыйных фактараў, як перанаселенасць, складанае матэрыяльнае становішча, непрымальны палітычны рэжым, недахоп прыродных рэсурсаў і г. д. Дыяспары падзяляюцца на гандлёвыя, працоўныя, каланіяльныя, культурныя і ахвярныя [7, с. 47]. У гісторыі часта здараецца, калі хвалі добраахвотнага перасялення насельніцтва змяняюцца на прымусовыя. Асноўная колькасць міжваеннай беларускай і ўкраінскай эміграцыі складалася з прадстаўнікоў працоўнай дыяспары, якія выехалі за мяжу добраахвотна. Некаторую частку прадстаўлялі палітычныя эмігранты, яны адрозніваліся актыўнай дзейнасцю па захаванні за мяжой калектыўнай памяці пра метраполію, імкнуліся вярнуцца на радзіму, аб'яднацца і дапамагчы землякам.

Асабліва складаным для даследчыкаў дыяспар з'яўляецца пытанне вызначэння іх памераў. Колькасць палітычнай і эканамічнай беларускай і ўкраінскай эміграцыйнай хвалі ў міжваенны час можна назваць толькі прыблізна. Існуючая польская афіцыйная статыстыка эканамічнай хвалі дае інфармацыю пра лічбу польскіх грамадзян, якія выехалі, куды прылічваліся беларусы і ўкраінцы. У статыстычных даных няма звестак пра нацыянальнасць эмігрантаў з Другой Рэчы Паспалітай, але ёсць інфармацыя пра іх веравызнанні. Разам з тым раздзяліць асоб на ўкраінцаў і беларусаў па веравызнанні неверагодна складана. Напрыклад, у Палескім ваяводстве правесці падзел паміж дадзенымі этнасамі можна толькі прыблізна.

Украінскія эмігранты былі прадстаўлены за мяжой некалькімі групамі: грэка-каталікі, рыма-каталікі, праваслаўныя. У той час, калі беларускія эмігранты ў асноўным былі праваслаўныя. Веравызнанне ў статыстычных зводках дазваляе гісторыкам выдзяліць сярод агульнай колькасці эмігрантаў «усходніх крэсаў» яўрэяў, іўдзеяў па веры.

Колькасць эмігрантаў звычайна не супадае з памерамі дыяспары. Вельмі складана прааналізаваць і выдзяліць ад агульнай лічбы прадстаўнікоў дыяспары (тым больш, што для беларускай і ўкраінскай эміграцыі міжваеннага часу яна прыблізная) тых асоб, якія спецыяльна прытрымліваліся традыцый і культурных звычаяў сваёй радзімы. Далёка не ўсе прадстаўнікі этнасу імкнуліся належыць да сваёй дыяспаральнай супольнасці. Частка эмігрантаў намагалася адаптавацца і быць асіміляванай у новай краіне пражывання. Асабліва характэрнай дадзеная тэндэнцыя была для эканамічных эмігрантаў.

Прадстаўнікам слаба кансалідаванай беларускай дыяспары было больш складана пераадолюваць псіхалагічныя бар'еры комплексу

эмігранта, чым украінцам замежжа. Моцная і колькасная ўкраінская дыяспара мела шэраг механізмаў захавання сацыяльнай памяці, якія выконвалі абарончую для псіхікі функцыю. Відавочнасць феномена «чужога» асабліва ярка праяўлялася ў крызісных сітуацыях у грамадстве [8, с. 25], такімі ў міжваенны час былі наступствы сусветнага эканамічнага крызісу, калі індывідуальныя і групавыя комплексы эмігранта моцна перашкаджаў працэсам адаптацыі за мяжой.

Важным паняццем у фарміраванні беларускай і ўкраінскай эміграцыі неабходна лічыць «адаптацыю». Адаптацыя эмігрантаў – гэта вынік узаемадзеяння абшчыны і прымаючага грамадства, паміж якімі існуе сацыякультурная дыстанцыя як важнейшы паказчык меры адрознення іх механізмаў рэгуляцыі [9, с. 46]. Працэсы адаптацыі розных дыяспар у кожнай краіне праходзяць са сваімі асаблівасцямі. Самая складаная адаптацыя ў тых эмігрантаў, мова якіх, рэлігія, традыцыі, знешні выгляд моцна адрозніваюцца ад тытульнай нацыі. Пры даследаванні эміграцыі можна весці гутарку як пра агульныя асаблівасці адаптацыі дыяспары, так і пра індывідуальную адаптацыю яе пэўных прадстаўнікоў. Пры міжкультурнай адаптацыі для эмігрантаў галоўным з'яўляецца дасягнуць у псіхалагічным і сацыяльным плане адпаведнасці новаму грамадству.

У міжваенны перыяд адаптацыя для беларусаў і ўкраінцаў у краінах Еўропы была не такой складанай, як у Паўднёвай і Паўночнай Амерыцы, дзе быў зусім іншы клімат і сістэма вядзення сельскай гаспадаркі. Неабходна падкрэсліць, што кантынентальная эміграцыя ўскладнялася значна большай культурнай дыстанцыяй паміж аўтэктонамі і эмігрантамі.

Пакаленні эмігрантаў звычайна па-рознаму праходзяць працэс сацыяльнай адаптацыі. Самы складаны працэс менавіта ў першым пакаленні, калі чалавеку неабходна прыстасоўвацца да іншага грамадства са сваімі асаблівасцямі культуры, мовы, традыцый, таму жыццё дадзеных прадстаўнікоў дыяспары часта характарызуецца наяўнасцю сацыякультурнага канфлікту. Сацыяльныя ролі другога і трэцяга пакалення ў дыяспары часта мяняюцца. Пасля масавай эміграцыйнай хвалі нярэдка актыўнасць супольнасці падае, а захаванне гістарычнай памяці працягваецца ў наступных пакаленнях ужо не па палітычных прычынах, а пры жаданні вылучыцца з грамадства сваёй прыналежнасцю да дыяспары. На сучасны дзень шэраг беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў у трэцім ці чацвёртым пакаленні намагаюцца падкрэсліць сваю ўнікальнасць ва ўласным сацыяльным асяродку, таму пазначаюць сваё славянскае паходжанне,

хаця ўжо не з'яўляюцца носьбітам мовы і культуры.

У сувязі з адаптацыяй эмігрантаў сучасныя расійскія і ўкраінскія даследчыкі часта выкарыстоўваюць паняцці «акультурацыя», «асіміляцыя» і «інтэграцыя». Для пералічаных тэрмінаў яшчэ не выпрацаваныя дакладныя і акрэсленыя фармулёўкі, таму шэраг даследчыкаў ужываюць іх у якасці сінонімаў. Самым распаўсюджаным паняццем пры апісанні адаптацыі эмігрантаў з'яўляецца акультурацыя. Працэсы акультурацыі, асіміляцыі і інтэграцыі для беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў фактычна былі падобнымі ў міжваенны час. Калі эканамічныя эмігранты не супраціўляліся дадзеным працэсам, дык прадстаўнікі палітычнай эміграцыйнай хвалі намагаліся захоўваць сваю культурную ідэнтычнасць і не паддавацца акультурацыі, асіміляцыі і інтэграцыі.

Заклучэнне. Такім чынам, даследаванне разнастайных тэарэтычных падыходаў у вызначэнні дыяспаральнасці дазволіць пашырыць тэрміналогію тэмы дыфеніцыямі некалькіх навуковых кірункаў, выкарыстаць шырокі вопыт замежных спецыялістаў. Тэарэтычныя распрацоўкі асаблівасцей развіцця класічных і новых дыяспар будуць спрыяць больш глыбокаму і дасканаламу апісанню ўзаема сувязей беларусаў і ўкраінцаў замежжа, даследаванню іх працэсаў адаптацыі, інтэграцыі і асіміляцыі.

Вылучэнне тэрміналогіі пры даследаванні гісторыі беларускай і ўкраінскай эміграцыі дапаможа навукоўцам дасканала разгледзець гістарычныя працэсы ў міжваенны час. Вызначэнне асноўных паняццяў дадзенай тэмы дазволіць пазбегнуць памылковых і радыкальных высноў. Даследаванне агульных характарыстык фармавання беларускай і ўкраінскай міжваеннай хвалі эміграцыі з'яўляецца тэарэтычным абгрунтаваннем шырокіх палітычных, эканамічных, творчых і культурных кантактаў дыяспар.

Літаратура

1. Євтух, В. Б. Закордонне україноство / В. Б. Євтух, В. П. Трошинський, А. А. Попок. – Київ: ВІК, 2005. – 308 с.
2. Попков, В. Д. Феномен этнических диаспор / В. Д. Попков. – М.: ИС РАН, 2003. – 340 с.
3. Ручкин, А. Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века / А. Б. Ручкин. – М.: Национальный ин-т бизнеса, 2006. – 464 с.
4. Заставний, Ф. Д. Українська діаспора (розселення українців у зарубіжних країнах) / Ф. Д. Заставний. – Львів: Світ, 1991. – 120 с.
5. Тарле, Г. Я. История российского зарубежья: некоторые понятия и основные этапы / Г. Я. Тарле // Проблемы изучения истории российского зарубежья: сб. статей. – М.: Ин-т российской истории РАН, 1993. – С. 14–24.
6. Тишков, В. А. Исторический феномен диаспоры / В. А. Тишков // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: сб. статей / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2001. – С. 9–44.
7. Ручкин, А. Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века / А. Б. Ручкин. – М.: Национальный ин-т бизнеса, 2006. – 464 с.
8. Кривда, Н. Ю. Українська діаспора: досвід культуротворення: автореф. дис. ... докт. філософ. наук: 09.00.12 – українознавство (філософські науки) / Н. Ю. Кривда. – Київ: Київський національний ун-т ім. Т. Шевченка, 2009. – 36 с.
9. Левин, З. И. Менталитет диаспоры. (Системный и социокультурный аспекты) / З. И. Левин // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: сб. статей / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2001. – С. 45–53.

Пастыніла 15.03.2011

УДК 323.1(476)«1930/1940»

Л. В. Жарина, кандидат исторических наук, доцент (БГТУ)

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ В 1930–1940-Е ГГ.

30–40-е гг. XX в. в истории БССР характеризовались решением крупномасштабных задач. Осуществлялась индустриализация страны, социалистическое переустройство села. Республика принимала участие в формировании целостного народнохозяйственного комплекса СССР при ориентации на качественное изменение социальной структуры наций. В статье раскрывается сочетание национальных и интернациональных аспектов в процессе реализации избранной политики.

The 1930-s and the 1940-s in the history of BSSR were characterized by solving large-scale problems. The country was being industrialized and the rural areas were being reconstructed at that time. The Republic participated in the development of the USSR, qualitative change in social structure of nations being the main factor. The article reveals the combination of national and international aspects in the process of realization of the chosen policy.

Введение. Синтез означенных направлений в политике был предопределен характером общественных отношений, имевших место в БССР в тот период, что отражалось в различных сферах: политической, правовой, социально-экономической, культурной. Прежде всего для республики национальный вопрос имел две составляющие, связанные с проблемами развития: во-первых, коренной национальности – белорусов, а, во-вторых, национальных меньшинств – русских, украинцев, евреев, поляков, латышей, литовцев, немцев и др.

Основная часть. Анализ документов этого периода позволил сделать вывод, что советские органы власти понимали, насколько важной являлась в столь сложный момент задача регулирования межнациональных отношений в белорусском регионе.

В 30–40-е гг. XX в. в ходе выполнения народнохозяйственных планов во всех слоях населения Беларуси формировались и закреплялись идеи единства национальных и интернациональных задач. В условиях многонациональности республики этот фактор является непременным условием поступательного движения общества. Сбалансированное сочетание национального и интернационального элемента в политике государства – очень сложная задача. Национальные отношения очень тонкая субстанция, они предполагают наличие культуры межнациональных отношений. В означенный период эта культура могла сложиться, прежде всего, только в совместной деятельности по достижению определенной цели, в данном случае строительства социалистического общества, создании единого народнохозяйственного комплекса, введении страны в русло индустриального развития, укрепления обороноспособности, решения социальных задач, повышения культурного уровня людей.

При выборе форм и методов воздействия на население Белоруссии партийные организации, руководящие этим процессом, учитывали уровень развития культуры населения, общеобразовательной и политической подготовки граждан. Большое значение имело национальное самосознание народа. Для белорусов его становление было сопряжено с большими трудностями, учитывая исторический путь развития, и своими корнями уходит в более ранние времена. Кроме того, все проблемы (экономические, социальные, национальные и др.) должны решаться в комплексе, так как они связаны и обострение одних ведет к обострению других.

В литературе 20-е гг. XX в. характеризуются как период взлета интеллектуальных сил белорусского народа, подъема культуры, науки, успехов народного образования и многого другого, что вызвало рост национального самосознания в то время. Все это стало возможным благодаря политике «белорусизации». Совершенно справедливо центральное место в политике белорусизации отводилось языку. В 1922 г. белорусскоязычными были только около четверти школ, а в 1928 г. – до 80%. Белорусская Академия наук, ставшая ведущим научным учреждением республики, занялась разработкой норм современного белорусского языка, белорусской научной терминологией, выявлением особенностей белорусского этноса и белорусской культуры, изучением общественных отношений в белорусском обществе. Инбелкульт координировал краеведческую деятельность, широко развернувшуюся в БССР.

Белорусизация несомненно пробудила к активной общественной жизни широкие слои белорусского общества. Социальные изменения сопровождались ликвидацией старой социальной структуры и соответствующих ей способов самоидентификации. Этот процесс происходил

на разных уровнях – от повседневной жизни до государственной идеологии и внешней политики. В 20–30-е гг. XX в. происходило формирование новой социокультурной среды, старая социальная структура изменялась, менялась самоидентификация человека. Это было время глобальных перемен в сознании, время радикального пересмотра жизненных ориентиров и ценностей.

Надо сказать, проблеме национальных отношений уделялось достаточно много внимания, ее теоретическому осмыслению, анализу практической реализации. Помимо отдельных статей, брошюр, посвященных этому вопросу, на основе материалов Центральной национальной комиссии ЦВК БССР в 1927–1928 гг. была издана двухтомная монография «Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике». В работе исследовались сущность политики белорусизации и причины ее проведения, определялись основные направления работы органов Советской власти в среде еврейского, литовского, латышского и польского населения. В дополнение в работе помещены постановления ЦК КП(б)Б и Советского правительства по национальному вопросу.

С начала 1930-х гг. в СССР стал выходить журнал «Революция и национальности». В этом периодическом издании помещались статьи членов Совета национальностей, руководящих деятелей союзных республик.

С целью более полного удовлетворения потребностей национальностей, живущих за пределами своих государственно-территориальных образований, до середины 30-х гг. XX в. в Белоруссии, как и в других республиках, практиковалось создание национальных Советов. Однако постепенное свертывание демократии привело в дальнейшем к постепенному уменьшению числа национальных административно-территориальных единиц, а позже – и к их полному упразднению.

В годы первых пятилеток одной из основных народнохозяйственных задач было выравнивание экономического и культурного развития народов СССР. Этот процесс самым непосредственным образом предполагал сочетание национального и интернационального, затрагивал формирование отношений между различными нациями страны на качественно новой основе. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс обращали внимание на то, что взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производственные силы, разделение труда и внутреннее общение.

Осуществление программы индустриализации привело к быстрому росту численности

рабочего класса. Всего в промышленности, строительстве и на железнодорожном транспорте к концу 1937 г. трудились 262,2 тыс. человек [1]. Численность рабочего класса БССР росла быстрее, чем в целом по стране. За 1920–1940 гг. рабочий класс Белоруссии вырос в 3,3 раза, а СССР – 2,7 раза [2]. Количественные изменения отразились на национальном составе рабочего класса. Это наглядно видно из данных по крупной промышленности БССР.

Характерной чертой социально-экономической политики в 1930–1940-е гг. в БССР была подготовка и выдвижение национальных кадров. Но надо было считаться и с тем неоспоримым фактом, что на территории республики по переписи 1926 г. проживали представители 57 национальностей.

Многонациональные коллективы преобладали в промышленности, но они имели место и в сельском хозяйстве. Многонациональными были различные общественные организации. К началу Великой Отечественной войны в состав КП(б)Б входили представители 52 наций [3]. Территория СССР представляла собой огромную площадку для разнородного сотрудничества многочисленных наций и народностей. Включение советских республик в единый хозяйственный комплекс предполагал активное их сотрудничество. Происходил взаимообмен промышленной и сельскохозяйственной продукции, природными ископаемыми и т. д. Например, в 1937 г. в БССР поступило чугуна, железа и стали из РСФСР – 47,6 тыс. т, из Украины – 11,4 тыс. т, прокатных изделий соответственно 59,1 и 65,4 тыс. т, каменного угля из УССР – 1092,3 тыс. т и т. д. [4]. В 1938 г. РСФСР поставила Белоруссии 9,6 тыс. различных сельскохозяйственных машин [5].

С учетом того факта, что 30-е–40-е гг. XX в. в СССР были периодом интенсивного промышленного развития, широко использовался обмен квалифицированными кадрами в различных отраслях для обмена опытом. Так, крупнейшие стеклозаводы РСФСР – Константиновский, Гусь-Хрустальный подготовили для Гомельского завода 700 рабочих. На предприятия Москвы, Ленинграда и других городов совершили творческие поездки группы работников фабрики «Октябрь» и передовики производства кондитерской фабрики «Коммунарка». В ноябре 1938 г. была организована поездка типографских работников на полиграфические предприятия Москвы и Ленинграда. В мае 1939 г. группа рабочих и мастеров станкостроительного завода им. Ворошилова во время поездки в Ленинград изучала методы сборки и приемки станков на заводе им. Свердлова и других предприятиях.

Специалисты и рабочие из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова и других городов участвовали в строительстве БелГРЭС, Могилевской фабрики искусственного волокна, Гомельского завода сельскохозяйственного машиностроения и ряда других объектов. Свыше 5 тыс. комсомольцев БССР строили Урало-Кузнецкий угольно-металлургический комбинат, город Комсомольск-на-Амуре, работали в шахтах Донбасса [6]. Только из Могилева для работы на шахтах Донбасса выехали 200 комсомольцев [7]. На многих предприятиях РСФСР и УССР представители БССР проходили производственное обучение, изучали и перенимали передовой опыт. Надо сказать, что все это не только налаживало контакты на республиканском уровне, но и на личностном, формировало культуру межнационального общения. Зачастую большое количество рабочих после окончания совместного строительства предприятий вливались в ряды промышленно-производственных коллективов, в результате изменялся национальный состав республик и областей.

Взаимообмен продукцией потребовал усиления ответственности со стороны трудовых коллективов БССР за выполнение обязательств по поставкам в другие республики. Во многих регионах СССР можно было увидеть продукцию из Белоруссии. В Узбекистане работали белорусские гидротурбины малой мощности. Кричевский цемент шел на строительство Московского метро и канала Москва – Волга [8]. БССР являлась одним из крупнейших поставщиков крепежного леса для угольных шахт Донбасса. Белорусское отделение «Шахта – лес» Главугля Наркомтяжпрома СССР снабжал крепежным лесом тресты Макеевуголь, Дзержинскуголь, Ордженикидзеуголь [9]. Из Белоруссии поступал лес, другие строительные материалы и механизмы для строительства ирригационных систем в республиках Средней Азии [10]. Продукция белорусских швейников поступала в Новосибирск, Вологду, Челябинск, Магнитогорск и другие города [11]. Металлообрабатывающие заводы БССР выполнили ряд заказов на изготовление оборудования для Кузнецкстроя и Магнитостроя, которое ранее ввозилось из-за границы [12].

Заключение. Трудящиеся Белоруссии вносили посильный вклад в общее дело социалистического строительства. Тот факт, что рес-

публика способна не только принимать помощь, но и имеет возможность поделиться с другими своими достижениями, сыграл немалую роль в формировании гордости за свой народ, в утверждении своей национальной значимости.

Литература

1. История рабочего класса Белорусской ССР: в 4 т. / гл. редкол.: П. Т. Петриков (предс.) [и др.]; АН БССР. Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1985. – Т. 2: Рабочий класс БССР в годы Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма (1917–1937). – С. 324.
2. История рабочего класса Белорусской ССР: в 4 т. / гл. редкол.: П. Т. Петриков (предс.) [и др.]; АН БССР. Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1985. – Т. 3: Рабочий класс БССР и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества (1938–1960). – С. 38.
3. Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах 1918–1978 / Ин-т истории партии при ЦК КПБ. – Минск: Беларусь, 1978. – С. 102–103.
4. Роль рабочего класса в развитии интернациональных традиций народов СССР и экономических связей республики / ред. К. В. Гусев [и др.]. – М.: Политиздат, 1972. – С. 105.
5. Братское содружество союзных республик в развитии народного хозяйства СССР (1919–1971 гг.) / ред. М. П. Ким [и др.]. – М.: Политиздат, 1973. – С. 205.
6. Очерки истории Ленинского комсомола Белоруссии / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, А. Е. Журов, С. Г. Анисов, Г. П. Антипов [и др.]. – Минск: БГУ, 1975. – С. 36.
7. Звезда. – 1938. – 25 ліпеня.
8. Из истории рабочего класса и крестьянства СССР. – М.: ВПШ и АОН, 1959. – С. 86.
9. Звезда. – 1938. – 15 ліпеня.
10. Лихолат, А. В. Содружество народов СССР в борьбе за построение социализма. 1917–1937 / А. В. Лихолат. – М.: Политиздат, 1976. – С. 316.
11. Сцяг індустрыялізацыі: газета. – 1938. – 8 чэрвеня.
12. Центральный государственный архив Октябрьской революции БССР. – Фонд 265. – Оп. 1. – С. 53.

Поступила 30.03.2011

УДК 908:06(476)«1930»

А. У. Дзянісаў, кандыдат гістарычных навук, асістэнт (БДТУ)

ГЕНЕЗІС НАПРАМКАЎ АРГАНІЗАЦЫЙНАЙ І ДАСЛЕДЧАЙ ДЗЕЙНАСЦІ КРАЯЗНАЎЧЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ Ў ПАЧАТКУ 1930-Х ГГ. У БССР НА ПРЫКЛАДЗЕ ВЫВУЧЭННЯ САЦЫЯЛІСТЫЧНАГА БУДАЎНІЦТВА

Публікацыя закранае тэму дзейнасці краязнаўчых арганізацый ў пачатку 1930-х гг. пад кіраўніцтвам Цэнтральнага бюро краязнаўства БССР. Разглядаецца генезіс напрамкаў арганізацыйнай і даследчай дзейнасці краязнаўчых арганізацый ў перыяд актыўнага будаўніцтва сацыялістычнага грамадства, ідэалагічнага ўціску на навуковую, сацыяльна-палітычную і культурную сферы жыцця БССР. У сувязі з распачатымі кампаніямі па калектывізацыі сельскай гаспадаркі і індустрыялізацыі прамысловасці Савецкай Беларусі краязнаўчы рух быў накіраваны на актыўны ўдзел у вывучэнні іх вынікаў і агітацыйна-прапагандысцкай працы.

The article examines the genesis of organizational direction and research of local history organizations of the BSSR in the early 30-s of XX century. In the modern Belarusian historical science theme of local history of Socialist Society 1930-th is not investigated. Nevertheless, this issue remains unexplored to the present. Local history organization of the Soviet of Belarus in the early 1930-s has been active for the Study of the productive forces of the country, at first the collectivization of agriculture, industrial production and nature's resources. Historians have been studying the success of collectivization on the ground, cooperate with local communities, regional authorities and research institutions. If in 1920 the subject of study for local history organizations had a history, culture, ethnography and folklore, in 1930. historians have been studying natural resources of the region. Local history in this period were heavily exposed Soviet ideology. However, we should not forget the achievements of local lore, great organizational and research work that was done during this period. On the other hand, we should recognize that the work of local historians BSSR not have an absolute success. The reason for this was the political terror of 1930, a lack of funds and human resources.

Уводзіны. У гісторыі Беларусі 20–30-х гг. XX ст. краязнаўчы рух, актыўная дзейнасць краязнаўцаў Савецкай Беларусі атаясамліваюцца ў асноўным з дасягненнямі ў вывучэнні гісторыі, культуры, фальклору і этнаграфіі беларускага краю. Разам з тым краязнаўчыя таварыствы зрабілі вялікі ўклад у даследаванне прыродных багаццяў Беларусі, флоры і фаўны, эканамічных магчымасцей тэрыторыі. Займаліся краязнаўчыя таварыствы і вывучэннем сельскай гаспадаркі і прамысловасці БССР. Пры гэтым вывучэннем не толькі яе гістарычных аспектаў, але і сучаснага ім развіцця. Найбольш актыўнае вывучэнне праходзіла ў пачатку 1930-х гг., калі краязнаўчы рух Беларусі быў уцягнуты ў шматлікія масавыя кампаніі: калектывізацыя сельскай гаспадаркі, індустрыялізацыя, барацьба з недахопамі, з рэлігіяй і царквой, выкрыццё і крытыка «нацыянал-дэмакратызму». Канешне, мы павінны растлумачыць, што ў савецкім грамадстве пад вывучэннем сацыялістычнай рэчаіснасці разумелася поўнае ўваходжанне суб'эта ў аб'ект, ліквідацыя дыстанцыі. Іншымі словамі, *краязнаўцы павінны былі вывучаць сацыялістычнае будаўніцтва праз непасрэдны ўдзел у гэтых працэсах.*

Генезіс краязнаўчага руху ў БССР пачаўся ў 1920 г., калі ў добраахвотных краязнаўчых таварыствах з'явілася магчымасць легалізаваць сваю даследчую дзейнасць. У 1924 г. пры Ін-

белкульце было створана Цэнтральнае бюро краязнаўства (далей – ЦБК), якое ажыццяўляла кіраўніцтва ўсёй краязнаўчай працай рэспублікі. У 1928 г. краязнаўчы рух БССР набыў масавы характар (каля 10 000 членаў краязнаўчых арганізацый па ўсёй рэспубліцы). Карысць у дзейнасці краязнаўчых таварыстваў прызнавала і кіраўніцтва рэспублікі, якое імкнулася аказваць ім пасільную падтрымку.

Асноўная частка. Першыя спробы пераарыентаваць краязнаўчы рух на даследаванне вынікаў сацыялістычнага будаўніцтва былі распачаты ў 1929 г., які быў адзначаны далейшым узмацненнем камандных метадаў кіраўніцтва эканомікай. На першае месца быў выведзены абавязковы дзяржаўны план, павышаныя вытворчыя заданні, жорсткая цэнтралізацыя кіравання.

У гэтых умовах у дзейнасці ўсёй Беларускай Акадэміі навук (далей – БАН) і ЦБК прынцыпы вывучэння вытворчых сіл, асвятленне поспехаў сацыялістычнага будаўніцтва і яго галоўных дасягненняў – калектывізацыі і індустрыялізацыі, – выходзяць на першы план. «Гэтаму “аграмаджванню” сялянскай гаспадаркі, будаўніцтву па магчымасці буйных калгасаў (і саўгасаў) нашы краязнаўчыя арганізацыі павінны дапамагчы ў максімальнай меры, і гэта тым больш патрэбна, што да гэтага часу мы яшчэ не вывучалі належным чынам нашага калгаснага

будаўніцтва, рост якога адбываўся досыць стыхайна. Роля краязнаўчых арганізацый – навукова і ў папулярнай форме паказаць селяніну перавагу вядзення буйной гаспадаркі над гаспадаркай дробнай», – адзначаў сакратар ЦБК В. Самцэвіч у артыкуле «Бліжэйшыя задачы краязнаўчай працы ў сувязі з выкананнем пяцігадовага плана сацыялістычнага будаўніцтва» [1, с. 6].

На Трэцяй Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі, якая адбылася 25–26 студзеня 1930 г., ЦБК было прапанавана прыняць усе неабходныя меры па пераводзе краязнаўчай сеткі на новы напрамак, у бок арганізацыі вытворчага краязнаўства.

Прынятая пленумам Трэцяй Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі рэзалюцыя прадпісвала ЦБК прыняць ўсе неабходныя меры па пераводзе краязнаўчай сеткі на новы напрамак, у бок арганізацыі вытворчага краязнаўства. Сярод галоўных пытанняў, якія павінны даследаваць краязнаўцы, вылучаюцца наступныя: індустрыялізацыя краіны, вывучэнне энергетычных рэсурсаў, вывучэнне калгасаў, калгаснага руху, павышэнне вытворчасці сельскай гаспадаркі, эканамічнага стану раёна, вытворчых прыродных сіл, рэвалюцыйнага, антырэлігійнага руху і інш. ЦБК павінна было дамовіцца з народным камісарыятам асветы аб вызначэнні пэўнага зместу і форм школьна-краязнаўчай працы, краязнаўчыя арганізацыі былі закліканы да актыўнага ўдзелу ў сацыялістычных саборніцтвах, трохмесячніках беларускай сацыялістычнай культуры, культуры нацменшасцей і інш. [2, с. 34].

З канца 1930 г. вывучэнне вытворчых сіл краю¹, калектывізацыя сельскай гаспадаркі пачынаюць займаць галоўнае месца сярод накірункаў дзейнасці краязнаўцаў. ЦБК працягвала прымаць удзел у сацпаборніцтвах і кампаніях [2, арк. 355]. У пачатку 1931 г. быў складзены і зацверджаны прыкладны гадавы план працы раённых таварыстваў краязнаўства. Пры складанні яго за ўзор быў ўзяты план працы ЦБК, распрацаваны ў канцы 1930 г. Раённыя краязнаўчыя таварыствы павінны былі сумесна з мясцовымі органамі правярць склад членаў таварыстваў і гурткоў з мэтай ачысткі ад нацыяналізацыйных элементаў, арганізаваць

краязнаўчыя гурткі (ячэйкі) на ўсіх вытворчых прадпрыемствах: фабрыках, заводах, калгасах і саўгасах, правесці падрыхтоўку новых краязнаўчых кадраў з асяродку рабочых, калгаснікаў і саўгаснікаў, разгарнуць сацпаборніцтва і ўдарную працу сярод краязнаўчых арганізацый, прымаць актыўны ўдзел у сацыялістычным будаўніцтве, выбарах мясцовых саветаў, супрацоўнічаць з часцямі Чырвонай Арміі, гаспадарчымі ўстановамі, органамі ўлады з мэтай выпрацавання сумеснай тактыкі прац і інш.

Раённыя таварыствы павінны былі за 1931 г. правесці вывучэнне рацыяналізацыі вытворчасці, сацпаборніцтва і ўдарнай працы, арганізаваць даследчыя экспедыцыі па вывучэнні глеб, раслін, карысных выкапняў, прадпрыемстваў, форм калектывізацыі сельскай гаспадаркі і інш. Краязнаўчыя ячэйкі павінны былі дзейнічаць непасрэдна ў саўгасах і калгасах, адзначаць поспехі і недахопы калектывізацыі, прыярытэт і эфектыўнасць калектывізацыйнага спосабу арганізацыі сельскай гаспадаркі над усімі астатнімі, разгарнуць крытыку так званых «шкодных» элементаў вёскі. У планах раённага краязнаўчага бюро на 1932 г. прадугледжвалася даць сацыяльна-эканамічнае апісанне свайго раёна, прыняць удзел у павышэнні ўраджайнасці і складці манаграфічнае комплекснае апісанне як мінімум аднаго калгаса.

Таксама краязнаўчая праца прадугледжвала масавае ўцягванне мясцовага насельніцтва ў вывучэнне аб'ектаў сацыялістычнага будаўніцтва. У вывучэнні калгасаў і саўгасаў планавалася ўцягнуць каля 80% усяго працаздольнага насельніцтва кожнага раёна БССР да 1933 г. [3, арк. 12–14].

У 1932 г. свет убачыў зборнік «Аб становішчы арганізацыі працы ў калгасах БССР». Даныя былі сабраны ў выніку абследавання 40 калгасаў БССР у 1931 г. У ім адзначаўся стан калектывізацыі, поспехі і недахопы працы калгасаў, тэмпы калектывізацыі і інш. [4].

ЦБК актыўна дзейнічалі ў сферы распрацоўкі метадыкі даследавання. Усяго за 1931–1932 гг. ЦБК сумесна з Масавым сектарам і інстытутамі БАН было выдадзена каля 15 брашур метадычнага характару. Сярод іх: «Вывучай калгас» В. Серафімава, «Зрухі і задачы санітарнага здараўлення вёскі ў сувязі з яе сацыялістычнай рэканструкцыяй» доктара З. Магілеўчыка, «Праграма па вывучэнні глеб Беларусі» П. Рагавага, інш. Асаблівай актыўнасцю вылучалася дзейнасць намесніка старшыні ЦБК, вятэрана краязнаўчага руху В. Самцэвіча. У сваіх манаграфіях «Як арганізаваць манаграфічнае апісанне раёна», «Як арганізаваць вывучэнне калгасаў», «Праграма школьна-краязнаўчага вывучэння саўгаса», у шматлікіх артыкулах

¹ Пад «вытворчымі сіламі» у 1930-х гг. у савецкім грамадстве разумеліся асноўныя элементы эканамічнага патэнцыялу (прыродныя, людскія, створаныя чалавекам рэсурсы, тэхнічныя сродкі, каштоўнасці, запасы, магчымыя крыніцы прыбытку), якія выкарыстоўваюць для дасягнення канкрэтных мэт эканамічнага і сацыяльнага развіцця. Усе вытворчыя сілы павінны былі выкарыстоўвацца для паскарэння тэмпаў сацыялістычнага будаўніцтва ў БССР.

у часопісе «Савецкая краіна» ён правёў велізарную працу, накіраваную на наладжванне новай навукова-даследчай краязнаўчай дзейнасці і папулярызацыю савецкага краязнаўства сярод працоўнага насельніцтва ў новых умовах [5, арк. 22].

Разам з тым праца краязнаўчых бюро і ячэек на месцах, тэмпы і маштабы дзейнасці па вывучэнні вытворчых сіл, калектывізацыі сельскай гаспадаркі, ідэалагічнай працы не задаволілі як мясцовае, так і вышэйшае кіраўніцтва рэспублікі [6, с. 113]. Да пачатку 1933 г. на тэрыторыі БССР дзейнічала каля 60 краязнаўчых арганізацый, якія вывучалі прадпрыемствы, калгасы і саўгасы. Планы па масавым уцягванні ў краязнаўчую працу мясцовага працоўнага насельніцтва таксама не былі рэалізаваны [7, с. 79]. Як вынік, з 1933 г. краязнаўчай працы пачынае надавацца менш увагі, спыняе дзейнасць часопіс «Савецкая краіна», а з 1935 г. – краязнаўчая праца ў БССР пачынае згортацца.

Заклучэнне. Такім чынам, абапіраючыся на дакладныя даныя гэтага даследавання, можна зрабіць наступныя высновы. Арганізацыйная і даследчая праца краязнаўчага руху Савецкай Беларусі ў пачатку 1930-х гг. істотна змянілася. Сярод асноўных напрамкаў было вызначана вывучэнне вытворчых сіл краіны, актыўны ўдзел у сацыялістычным будаўніцтве і яго шматлікіх кампаніях. Асноўны ўпор рабіўся на арганізацыю масавай даследчай працы непасрэдна на прадпрыемствах і аб'ектах калектывнай гаспадаркі з ўцягваннем мясцовага працоўнага насельніцтва. Краязнаўчыя арганізацыі павінны былі абапірацца на дапамогу мясцовых органаў улады, а таксама і навуковых арганізацый. З 1930 па 1933 г. ЦБК была праведзена вялікая праца па стварэнні навукова-метадычнай базы для даследавання вытворчых сіл краіны. Разам з тым краязнаўцы на месцах сутыкнуліся з пэўнымі цяжкасцямі матэрыяльна-тэхнічнага характару (недахоп сродкаў, людскіх рэсурсаў, рэальнай дапамогі мясцовых улад). Нягледзячы на гэта, краязнаў-

чыя арганізацыі БССР прынялі актыўны ўдзел амаль ва ўсіх кампаніях, значана садзейнічалі іх папулярызацыі. З іншага боку, трэба адзначыць, што ўдзел гэты быў вымушаны, а некаторыя дасягненні былі ў асноўным фармальнымі.

Галоўнай перашкодай для вывучэння вытворчых сіл краіны і больш актыўнага прыняцця ўдзелу ў сацыялістычным будаўніцтве было, на нашу думку, тое, што адначасова з рэарганізацыйнай і метадычнай пераарыентацыяй краязнаўчага руху пачалася кампанія па выкрыцці т. зв. «нацыянал-дэмакратызму» ў краязнаўстве. У выніку чаго шмат актыўных дзеячаў краязнаўчага руху былі арыштаваны, а краязнаўчыя таварыствы прыпынілі сваю дзейнасць.

Літаратура

1. Самцэвіч, В. Бліжэйшыя задачы краязнаўчай працы / В. Самцэвіч // Наш край. – 1929. – № 8–9. – С. 3–7.
2. Вынікі Трэцяй Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі // Наш край. – 1930. – № 3. – С. 34.
3. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМВ). – Фонд. 328. – Воп. 1. – Спр. 12. Логойский районный отдел народного образования. Мероприятия по развертыванию краеведческой деятельности. Постановление СНК от 01.06.1932 г. – 16 л.
4. Фішар, Н. Аб становішчы арганізацыі працы ў калгасах БССР (паводле матэрыялаў абследавання 40 калгасаў БССР у 1931 г.) / Н. Фішар. – Менск: Масава сектар і ЦБ краязнаўства, 1932. – 39 с.
5. Цэнтральны навуковы архіў Акадэміі навук Беларусі (ЦНА АНБ). – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 15. Переписка Центрального бюро краеведения. Копия проекта положения Сектора массовой работы АН БССР. – 75 л.
6. Што робіцца ў раёнах па краязнаўству // Савецкая краіна. – 1932. – № 9. – С. 113.
7. Работа ЦБК у 1932 г. // Савецкая краіна. – 1933. – № 1. – С. 78–80.

Паступіла 15.03.2011

УДК 947,6

В. П. Гарматны, аспірант (БДУ)

СТРУКТУРА І АСНОЎНЫЯ НАКІРУНКІ ДЗЕЙНАСЦІ «САЮЗА АСАДНІКАЎ» ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА Ў 1922–1939 ГГ.

У публікацыі разглядаюцца структура і асноўныя накірункі дзейнасці «Саюза асаднікаў» на тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1922–1939 гг. Асаднікі – гэта былыя ўдзельнікі Савецка-польскай (1919–1921 гг.) вайны, якія атрымалі свабодныя сельскагаспадарчыя землі і выконвалі ролю палітычнай апоры польскіх улад у Палескім ваяводстве. Публікацыя распавядае пра кіруючы склад «Саюза асаднікаў», а таксама сацыяльна-эканамічныя і палітычныя мэты арганізацыі. Аўтар паказвае ролю Юзэфа Пілсудскага ў жыцці асаднікаў і іх дзейнасць па ўшанаванні яго памяці.

This article is dedicated to the structure and the main activity directions of «Osadniks Union» on the territory of Polesian Voivodeship in 1922–1939. Osadniks were the former participants of the Soviet-Polish war (1919–1921), they received free agriculture lands and played the role of the political support of the Polish government on this territory. Article tells about the leaders of Polesian «Osadniks Union», social-economical and political aims of the organization. The author of the article shows the role of Josef Pilsudski in the osadniks' life and their activity to glory his memory.

Уводзіны. 19–21 сакавіка 1922 г. у Варшаве прайшоў з'езд асаднікаў, на якім прысутнічалі дэлегаты з 27 павеатаў II Рэчы Паспалітай (у тым ліку і з заходнебеларускіх). Прысутныя абмеркавалі пытанні становішча вайсковых асаднікаў на «Крэсах Усходніх» і прынялі рашэнне аб стварэнні Цэнтральнага Саюза асаднікаў (ZOS, Związek Ogólny Osadników, «Саюз асаднікаў») [1, s. 172], які выконваў функцыі пасрэднага паміж асаднікамі і ўстановамі і арганізацыямі, якія былі задзейнічаны ўладамі пры насаджэнні на новадалучаных землях вайсковага асадніцтва. На з'ездзе распрацаваны першы Статут Саюза, які быў зацверджаны ў жніўні 1922 г. [2, с. 74; 3, с. 27]. У кожным заходнебеларускім ваяводстве ствараліся аддзяленні (філіі) «Саюза асаднікаў», на чале якіх стаяла Ваяводская Рада [4, с. 66–67; 5, арк. 2].

Асноўная частка. Вышэйшым органам кіравання «Саюза асаднікаў» стаў Вальны (Агульны) Сход Асаднікаў (Walny Zjazd Delegatów, на якім удзельнічаў 1 дэлегат ад 30 членаў, а з 1936 г. – 1 ад 50) [1, s. 177], а ў перапынку паміж сходамі – Галоўная ўправа (Zarząd Główny) Саюза. Асадніцкія арганізацыі ствараліся на ўзроўні ваяводства, павеата і гміны. Ніжэйшай структурнай адзінкай «Саюза асаднікаў» з'яўлялася таварыства, якое ўзнікала пры наяўнасці не менш за 10 членаў [2, с. 75].

Членам Саюза мог стаць кожны поўнагадоваы грамадзянін II Рэчы Паспалітай, які атрымаў асаду (надзел зямлі), члены яго сям'і і тыя асобы, дзейнасць якіх магла быць для асаднікаў карыснай. Прыём у «Саюз асаднікаў» праводзіўся на з'ездах па пісьмовай рэкамендацыі двух членаў. Званне ганаровага члена арганізацыі надавалася рашэннем Вальнага Схода

па рэкамендацыі Галоўнай управы Саюза [6, с. 143]. Маршал Юзэф Пілсудскі як «першы салдат адроджанай Польшчы» атрымаў у падарунак ад буйных польскіх магнатаў маёнтак Свяцінікі (Віленскае ваяводства) і быў абраны першым ганаровым членам «Саюза асаднікаў». Такім чынам, Ю. Пілсудскі стаў «Асаднікам № 1» – іх апорай і надзеяй.

Мэты дзейнасці Саюза: праца над умацаваннем незалежнасці Польшчы; уздым эканомікі краіны і асабліва ўсходніх ваяводстваў; выхаванне насельніцтва ў духу польскіх грамадзян і г. д. [7, s. 3–4].

Асноўнымі накірункамі дзейнасці «Саюза асаднікаў» сталі: культурна-асветніцкая і гаспадарчая дзейнасць як сярод сваіх членаў, так і сярод навакольнага насельніцтва сумесна з іншымі зацікаўленымі арганізацыямі; арганізацыя народных дамоў, бібліятэк, музеяў, школ і г. д., арганізацыя рознага роду бясплатных выстаў і мерапрыемстваў; супрацоўніцтва з мясцовымі сельскагаспадарчымі і грамадскімі арганізацыямі ў справе апекі над гаспадарчай дзейнасцю асаднікаў; стварэнне рознага роду культурна-асветніцкіх, спартовых, жаночых і моладзевых асадніцкіх арганізацый («ognisko») з мэтай падтрымкі ідэалогіі і таварыства паміж асаднікамі; юрыдычная дапамога членам арганізацыі; правядзенне спартовых і ваенізаваных мерапрыемстваў з мэтай фізічнага ўдасканалення і падрыхтоўкі юнакоў да службы ў войску; арганізацыя акцыі братэрскай дапамогі праз арганізацыю кас узаемадапамогі і г. д.; выданне ўласнага друкаванага органа і публікацыя ў ім матэрыялаў аб дзейнасці Саюза; падтрымка іншых саюзаў і таварыстваў, якія ставілі на мэце гаспадарчае і культурнае ўзняцце ўсходніх ваяводстваў і г. д. [1, s. 375; 4, с. 66; 6, с. 144].

У адпаведнасці са Статутам «Саюза асаднікаў» кожны яго член меў права карыстацца ўсякага роду сродкамі Саюза; у рамках дзейнасці Саюза адчуваць дапамогу як для сябе, так і для сваіх блізкіх; выбіраць і быць абраным у кіруючыя органы Саюза.

Разам з тым асаднік павінен быў стаяць на стражы інтарэсаў дзяржавы, яе аўтарытэту і міжнароднага становішча; браць актыўны ўдзел у грамадскім жыцці; прызнаваць сваю прыналежнасць да «Саюза асаднікаў», бараніць гонар арганізацыі і яе членаў; захоўваць паслухмянасць да ўлад арганізацыі, выконваць яе Статут і паставы; плаціць членскія ўзносы [7, s. 7].

Першай асадніцкай арганізацыяй, створанай польскімі ўладамі на тэрыторыі Палескага ваяводства ў разглядаемы перыяд, стаў Драгічынскі павятовы адзел, які распачаў сваю работу яшчэ вясной 1921 г., менавіта тут былі паселены ўрадам першыя 50 вайсковых асаднікаў [2, с. 74]. У чэрвені 1922 г. распачаў сваю дзейнасць Брэсцкі павятовы адзел «Саюза асаднікаў», які размяшчаўся па адрасу: г. Брэст-над-Бугам, вул. Садовая, 37а [2, с. 75; 5, арк. 7], але асаднікам неабходна было ахапіць усё ваяводства.

14 верасня 1922 г. старшыня Цэнтральнага Саюза асаднікаў капітан Ежы Банковіч-Сітаор звярнуўся ў Палескую ваяводскую ўправу з просьбай аказаць садзейнічанне ў стварэнні ваяводскай філіі Саюза і яго павятовых адзелаў і адзначаў, што «Саюз асаднікаў» займае важнае месца ў абароне інтарэсаў Польшчы на «Крэсах Усходніх» і ўмацаванні тут польскага элемента [5, с. 66]. Просьба старшыні была задаволена і за 1922 г. ва ўсіх паветах ваяводства створаны павятовыя адзелы «Саюза асаднікаў» [6, с. 144].

На чале Палескага ваяводскага «Саюза асаднікаў» стаяла Галоўная Рада (Zarząd Główny), у склад якой звычайна ўваходзілі дзесяць старшын павятовых адзелаў Саюза, дзесяць старшын рэвізійных камісій павятовых адзелаў і тры члены пастаянна дзейнічаючага Прэзідыума Рады ваяводскага «Саюза асаднікаў» (усяго звычайна 23 чалавекі) [5, арк. 7]. Па стане на чэрвень 1922 г. Прэзідыум Палескай ваяводскай Рады Саюза складалі старшыня – Севярын Чарноўскі, намеснік – Уладыслаў Шляхетка і сакратар – Аляксандр Бржэўскі [2, с. 75].

Галоўная Рада ваяводскага «Саюза асаднікаў» абіралася на тры гады і кожны год змянялася трэць яе членаў. Паседжанні Галоўнай Рады праходзілі звычайна 2–3 разы на год у залежнасці ад патрэбы [1, s. 179]. Акрамя таго, існаваў Таварысцкі Суд (Kolezieski Sad) «Саюза асаднікаў», які складаўся з трох членаў і пяці

намеснікаў і займаўся разглядам супярэчнасцей паміж асобнымі членамі «Саюза асаднікаў», паміж структурнымі арганізацыямі Саюза і глумачэннем Статута арганізацыі [7, s. 15].

На 1930 г. старшынёй Палескага ваяводскага «Саюза асаднікаў» і адначасова Пінскага павятовага адзела Саюза быў Севярын Чарноўскі (член Беспартыйнага Блока Супрацоўніцтва з Урадам, Bezpartyjnego Bloku Współpracy z Rządem – ББСУ), віцэ-старшынёй – Уладыслаў Шляхетка (член ББСУ), сакратаром – Байкоўскі Аляксандр (член ББСУ) [5, арк. 8].

Членскія ўзносы «Саюза асаднікаў» Палескага ваяводства вагаліся ў залежнасці ад павета і складалі ад 4 да 9 злотых у год. На 1930 г. Палескі ваяводскі «Саюз асаднікаў» налічваў каля 4 000, а Брэсцкі павятовы – каля 650 членаў.

За сваю дзейнасць старшыня ваяводскага адзела Саюза атрымоўваў ад Цэнтральнага Саюза асаднікаў 400, а сакратар – 250 злотых у год. Старшыня павятовага адзела Саюза атрымоўваў за кошт членскіх уносаў 250, а павятовы сакратар – 200 злотых штогод [8, арк. 12].

Палескі ваяводскі «Саюз асаднікаў» вёў у 1922–1939 гг. актыўную культурна-асветніцкую дзейнасць, якая ішла ў трох накірунках: арганізацыя асветніцкіх і гаспадарчых прадстаўніцтваў, народных дамоў, бібліятэк, музеяў, школ і г. д.; стварэнне і арганізацыя бібліятэк; арганізацыя рознага роду святкаванняў і спарторніцтваў [9, с. 208–209].

Большасць культурных мерапрыемстваў Палескага ваяводскага «Саюза асаднікаў» з мэтай найбольшага ахопу і ўплыву на мясцовае насельніцтва былі бясплатнымі: так, напрыклад, 20 лютага 1938 г. у Народным Доме ў асадзе Лышчыцы гміны Матыкалы Брэсцкага павета вучаніцы школы пашыву вайсковых мундзіраў давалі спектакль па п’есе Людвіка Канаршэвіча «І мае дзяўчаты ваяваць хацелі...», прадугледжваліся таксама танцы [8, арк. 6].

Асаблівая ўвага ў дзейнасці Палескага ваяводскага «Саюза асаднікаў» у 1922–1939 гг. надавалася асобе «Першага Салдата Польскага Войска» – Юзэфа Пілсудскага, які заслужана карыстаўся славай « апекуна асаднікаў », « Асадніка № 1 » [9, с. 209; 10, с. 13], напрыклад, у гадавіну яго смерці, 12 мая 1938 г., у Народным Доме ў асадзе Лышчыцы Брэсцкага павета распачалася ўрачыстая імпрэза, прысвечаная адданню пашаны Пілсудскаму [8, арк. 3].

На Вальных з’ездах разглядаліся асноўныя пытанні і праблемы дзейнасці «Саюза асаднікаў», а таксама падводзіліся вынікі мінулага года. Так, напрыклад, 23 студзеня 1938 г. адбыўся Вальны з’езд асаднікаў Брэсцкага павета. Ва ўласным будынку «Саюза асаднікаў» Палескага ваяводства (г. Брэст-над-Бугам, вул. Пераца, 20)

сабраліся 100 дэлегатаў. На з'ездзе прысутнічалі сенатар маёр Людвік Скібінскі і Брэсцкі павятовы стараста Хмялеўскі. Адкрыў паседжанні з'езда старшыня Брэсцкага павятовага «Саюза асаднікаў» паручнік Антоні Каварчык, пасля чаго ганаровым старшынёй з'езда быў абраны старшыня Палескага ваяводскага «Саюза асаднікаў» дырэктар Беднарчык.

Каварчык зрабіў справаздачу дзейнасці павятовай Галоўнай Рады, а палкоўнік Гуменюк зачытаў справаздачу Рэвізійнай камісіі: за 1937 г. асаднікамі пабудаваны Народны Дом у Лышчыцах гміна Матыкалы Брэсцкага павета, планавалася пабудова народных дамоў у Ямна (каля Брэста) і Карчы (каля Маларыты).

Пасля справаздачы разгарэлася гарачая дыскусія, пад час якой востра абмяркоўваліся самыя актуальныя праблемы жыцця асаднікаў: недахоп пачатковых школ у асадніцкіх калоніях, цяжкае матэрыяльнае становішча асаднікаў і г. д. Напрыканцы з'езда абраны новы склад Галоўнай Рады Брэсцкага павятовага «Саюза асаднікаў»: старшыня – А. Каварчык (павятовы адрас: г. Брэст-над-Бугам, вул. Пярацкага, 7), члены: Вальдэмар Шварцбарт (г. Брэст-над-Бугам, вул. Дамброўскага, 23), Антоні Сурвіла (асада Лышчыцы, гмін Матыкалы), Антоні Зялінскі (асада Макраны, гмін Вялікарыта), Антоні Гухрак (асада Ставы, гмін Воўчын), Юзаф Кролік (асада Лышчыцы, гмін Матыкалы) і Караль Барысавіч (г. Брэст-над-Бугам, Алея Каштанавая).

5 сакавіка 1939 г. адбыўся апошні Вальны з'езд асаднікаў Брэсцкага павета. Праграма з'езда складалася з адкрыцця з'езда і работы з'езда і выбару Прэзідыума з'езда; зацвярджэнне пратакола з папярэдняга Вальнага з'езда; справаздача Прэзідыума Рады за мінулы год; дыскусія над справаздачай; план працы на наступны год; выбару новага Прэзідыума Рады і Таварысцкага Суда; разгляду іншых пытанняў і закрыцця [8, арк. 2].

Заклучэнне. Палескі ваяводскі «Саюз асаднікаў» уяўляў у 1922–1939 гг. добра структураваную і даволі паспяхова дзеючую арганізацыю. Палескі ваяводскі Саюз складаўся з дзесяці (пасля 1930 г. – дзевяці) павятовых аддзелаў. Асноўнымі мэтамі дзейнасці Саюза былі ўмацаванне польскага элемента на новадалучаных землях і іх гаспадарчае адраджэнне. «Саюз асаднікаў» праводзіў актыўную работу па выхаванні насельніцтва ў польскім духу і стаў супрацьвагай дзейнасці тут левых арганізацый.

Літаратура

1. Stobniak-Smogorzewska, J. Kresowe osadnictwo wojskowe 1920–1945 / J. Stobniak-Smogorzewska. – Warszawa: RYTM, 2003. – 431 s.

2. Выростка, А. Ф. Працэс стварэння і структура арганізацыі «Саюз асаднікаў» / А. Ф. Выростка // Культура, наука, образование в современном мире: материалы III Междунар. науч. конф, Гродно / Грод. гос. аграр. ун-т, редкол.: Л. П. Мельникова, П. К. Банцевич. – Гродно, 2007. – С. 73–78.

3. Выростка, Е. Ф. Основные направления деятельности Союза осадников» на территории Полесского воеводства (1921–1939 гг.) / Е. Ф. Выростка // Вести Института современных знаний. – 2008. – № 1. – С. 26–29.

4. Гарматны, В. П. Сацыяльна-эканамічная і грамадска-палітычная дзейнасць вайсковых асаднікаў Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг. / В. П. Гарматны // Научные труды РИВШ. – Вып. 6 (11): в 2 ч. – Минск: РИВШ, 2008. – Ч. 1. – С. 65–71.

5. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 2. – Воп. 2. – Спр. 21. Дело об организации и деятельности Варшавского центрального союза осадников за 1930 г.

6. Утгоф, В. Общественные организации осадников и их деятельность на территории Полесского воеводства (1921–1939 гг.) / В. Утгоф // Беларусь і Польшча ў XX стагоддзі: агульнае і адметнае ў гістарычных лёсах: матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф., Брэст, 7–8 красавіка 2000 г. / БрДУ імя А. С. Пушкіна. – Брэст, Выдавецкі дом С. Лаўрова, 2001. – С. 143–146.

7. Statut Związku Osadników. – Warszawa: Drukarnia Leona Nowaka, 1929. – 22 s.

8. ДАБВ. – Фонд 2. – Воп. 2. – Спр. 1377. Типовой Устав Союза осадников, заявления и сообщения кружков союза о проведении собраний, отчёты о деятельности.

9. Выростка, А. Ф. Сучасныя погляды на культурна-асветніцкую дзейнасць асаднікаў / А. Ф. Выростка // ЕС и восточнославянский мир (конец XX – начало XXI в.): материалы междунар. науч. конф., Гродно, 19 окт. 2008 г. / ГрГУ им. Я. Купалы. – Гродно, 2008. – С. 206–212.

10. Баюра, А. Н. Аграрная реформа во II Речи Посполитой: некоторые вопросы проведения политики осадничества / А. Н. Баюра // Осень 1939 года: коренной перелом в судьбе белорусского народа: материалы республик. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию воссоединения Западной Беларуси с Белорусской Советской Социалистической Республикой, Брест 24–25 сент. 2009 г. / Брест. гос. техн. ун-т. – Брест, 2009. – С. 10–14.

Публікацыя выканана ў рамках гранта Музея гісторыі Польшчы (Muzeum Historii Polski, Варшава, чэрвень 2010 г.)

Паступіла 20.02.2011

УДК 355.257.72(476) + 355.65 + 94(476)«1941/1944»

Е. Н. Докунова, аспирант (БГУ)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944 ГГ.)

В статье рассматривается вопрос о продовольственном обеспечении советских военнопленных в лагерях на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.). Приводятся официальные нормы питания военнопленных, описаны условия получения и приема пищи.

В исследовании на основе архивных документов, воспоминаний бывших военнопленных делается вывод, что нормы питания не соответствовали стандартам для нормальной жизнедеятельности человека, а это приводило к увеличению смертности и каннибализму среди военнопленных.

The article addresses the issue of food security of Soviet POWs in camps in the occupied territory of Belarus (1941–1944 years). Given official food rations of prisoners of war, a description of the conditions for obtaining food. In a study based on archival documents, memoirs of former prisoners of war concluded that nutritional standards are not meet the standards for normal human activities.

Введение. Здоровье военнопленных и продолжительность их жизни во многом зависели от питания. Проблему продовольственного обеспечения советских военнопленных фрагментарно затрагивали в своих исследованиях (М. Я. Савоняко, В. Д. Селеменев, Р. А. Черноглазова). Цель данной статьи – проследить политику нацистского руководства по продовольственному обеспечению советских военнопленных в лагерях на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.).

Основная часть. Проблемой номер один в лагерях для советских военнопленных был голод. К началу войны с СССР не существовало единых норм питания для военнопленных.

В лагерях комендант решал самостоятельно вопрос о качестве и количестве выдаваемых продуктов. Это зависело от места расположения лагеря, его технических возможностей, например, наличие транспортных средств, баз снабжения, личных убеждений коменданта: его заинтересованности и инициативности. Так, в шталаге (стационарный лагерь для сержантов и рядовых) № 337, Барановичи военнопленным выдавали 127 г хлеба с опилками, не более половины консервной банки баланды без соли; в дулаге (пересыльный лагерь) № 121, Гомель хлеба не давали, выдавали баланду из отрубей и мерзлой картошки. Такое отношение объяснялось тем, что в отношении СССР не существовало никаких международно-правовых обязательств, норм. Нацистская система военного плена в вопросах режима содержания, охраны, продовольственного обеспечения, медицинского обслуживания, использования труда военнопленных в ходе Великой Отечественной войны дифференцировано относилась к военнопленным различных враждебных государств. Советские военнопленные оставались внутри иерархии пленных на одной из самых низких ступеней. Подтверждением тому служит положение

приказа генерала-квартирмейстера сухопутных войск Э. Вагнера от 21.10.1941 г.: «Советский Союз не присоединился к соглашению об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г., а поэтому с нашей стороны нет обязательства обеспечивать советских военнопленных установленным этим соглашением количеством продовольствия и предусмотренной квотой [1, л. 109]. Только 06.08.1941 г. по приказу военно-административного отдела главного командования сухопутных войск питание советских военнопленных было впервые единообразно урегулировано. Рационы по питательности соответствовали 2040 калориям, а для пленных, занятых на работах, – примерно 2200 калориям. Продукты необходимо было использовать плохого качества, а не из армейских продовольственных складов.

Отчеты коменданта по делам военнопленных округа «Я» полковника Маршалла, донесения о проведенной им инспекции, воспоминания бывших военнопленных дают все основания говорить о том, что данные рационы оставались только на бумаге и не соблюдались. Пленные не получали даже этих совершенно недостаточных рационов для жизнедеятельности живого человека. По целому ряду лагерей документально доказано, что военнопленные ели траву, листья, древесную кору, имели место среди пленных случаи каннибализма в лагерях (шталаги № 337, 357, 313, дулаг № 121). Низкие нормы питания, некачественная пища, условия раздачи и получения пайков приводили к увеличению смертности в лагерях. В отчете коменданта округа «Я» указывалось, что в дулаге № 185 18.11.1941 г. ежедневная смертность военнопленных составляла 5% т. е. при содержащихся в лагере 30 000 военнопленных – 1500 чел. в день. Неработающие военнопленные получали 1400 калорий в день, а работающие – 1600 калорий [2, л. 116]. Только те военнопленные,

которые использовались в составе рабочих команд, питались лучше (писари, рабочие по обслуживанию администрации лагеря, портные и др.). Низкое качество продуктов подтвердили врачи лазаретов. Они неоднократно говорили о желудочно-кишечных расстройствах у пленных, писали письма с обращением к администрации лагеря с просьбой увеличить нормы питания. Заместитель начальника госпиталя по медицинской части в своей докладной записке на имя начальника лагерного лазарета шталага № 352 отмечал, что получаемый со склада хлеб поражен плесенью не только с поверхности, но и на значительную глубину. В результате вырезания испорченных частей хлеба большие недополучали положенные им нормы. Употребление такого хлеба являлось причиной желудочно-кишечных расстройств. А для быстрого восстановления сил военнопленных главврач лазарета доктор Тарасевич определял к существовавшему пайку на одного человека прибавку белка 50 г, жиров 20 г, хлеба 200 г, овощей 300 г [3]. На уровень здоровья военнопленных влиял также процесс раздачи и приема пищи в лагерях. Так, солдат немецкой армии в своем дневнике детально описал практику раздачи пищи в лагере для военнопленных в Молодечно. По его воспоминаниям, раз в сутки выдавали на семь человек по буханке хлеба и по две консервные банки с водой. Именных списков военнопленных не существовало, так как невозможно было вызывать всех по одному – в лагере находились 26 000 военнопленных. Далее семь человек выстраивались в ряд, брали друг друга под руку и, скрестив на груди руки, образовывали неразрывную цепь. На флангах этой цепи две свободные руки держали по консервной банке. Когда семерка добиралась до места назначения, пленный, стоящий в середине цепи, подходил к солдату, раздающему хлеб, крайние подходили к солдатам, раздающим воду. Семерки уходили от раздатчиков к своим землянкам, где делили пищу. Получали еду только трое, остальные четверо являлись свидетелями [4, с. 84]. Трудности были и с наличием приборов для питания. Получить пищу могли только те, кто имел посуду: котелок, каску или консервную банку. За неимением посуды под черпак подставляли пилотки.

Политика нацистского руководства по вопросу питания советских военнопленных изменилась 31.10.1941 г., когда был издан приказ Гитлера о массовом трудоустройстве советских военнопленных в немецкой экономике. Итак, впервые был проявлен принципиальный интерес к сохранению жизни как можно большего числа пленных с целью использования их как рабочей силы. В некоторых лагерях были

увеличены нормы питания, однако данные нормы оставались ниже минимума выживания, улучшены условия размещения, появились крытые постройки, бани, снизилась массовая смертность. Однако предписания Вермахта по обеспечению военнопленных продуктами питания были одни, а на местах другие. Очень часто некоторые перечисленные в рации продукты не выдавались, заменялись другими. Для военнопленных был изготовлен специальный хлеб, который состоял из 50% ржаной муки грубого помола, 20% отжимок сахарной свеклы, 20% целлюлозной муки и 10% муки из соломы или листьев. Появилась проблема обеспечения военнопленных продуктами, так как первоначально необходимо было обеспечить немецкую армию, гражданское население, а уж потом советских военнопленных. В донесениях квартирмейстера в тыловом районе группы армий «Центр» за ноябрь 1941 г. указывалось, что существовала проблема снабжения военнопленных в пределах тылового района группы армий «Центр». Пересыльные лагеря не располагали ни оборудованием, ни административным аппаратом, чтобы прокормить огромное количество пленных. Доставку продуктов питания пересыльный лагерь не мог осуществлять из-за нехватки транспортных средств. Необходимо было обеспечить снабжение военнопленных за счет добровольных пожертвований и услуг деревенских общин» [5, с. 163]. Снабжение лагерей продовольствием было технически трудной задачей: не каждый лагерь располагал своими собственными транспортными средствами для доставки продуктов, дров, отсутствовали котлы для варки, столовые приборы. Так, в среднем на 10 000 военнопленных требовалось 100 центров картофеля, 16 конных упряжек, 10 конных упряжек для доставки хлеба, 4 повозки для доставки другого продовольствия. Обеспечение лагеря продуктами питания входило в функции коменданта. В основном доставка продуктов питания для лагерей военнопленных возлагалась на бургомистров, сельских старост. Так, 08.12.1941 г. генеральному комиссару в Вилейке о питании военнопленных доводились указания: всем бургомистрам приказывалось наладить места сбора отходов и побочных продуктов. В качестве основных мест сбора определялись районные города. Районные бургомистры были ответственны за то, чтобы собранные продукты питания еженедельно подвозились в лагерь для военнопленных. Ветеринарам приказывалось отбирать и доставлять в лагерь больной и непригодный для работы скот (в том числе и лошадей) [6, л. 64]. А бургомистру Экиманской управы Витебской области приказывалось немедленно

организовать сдачу картофеля колхозам в количестве 21 т в лагерь Боровуха. В оперативной зоне (зоне военных действий) в отношении продовольственного обеспечения и вещевого довольствия военнопленных несли ответственность шеф-интенданты. От них лагеря получали указания, в каких продовольственных отделах коменданты лагерей должны были получать продукты для военнопленных.

Жители Беларуси по собственной инициативе приносили в лагерь продукты питания. Во многих лагерях первые месяцы местным женщинам разрешалось приносить в лагерь еду. Жители передавали продукты через охрану, перебрасывали узелки через проволоку. Так, в шталаге № 313 свидетели рассказывали: «Население помогало, чем только могло: приносили сколько кто мог хлеба, супа, рожь, вместе с хлебом население стало передавать оружие, клещи, которыми можно было резать проволоку». В результате многим военнопленным удавалось осуществить побег.

Все это привело к тому, что администрацией лагерей военнопленных было запрещено подпускать женщин к лагерю. Так, комендатура лагеря шталага № 357 издала приказ от 19.09.1941 г. «О запрещении общения военнопленных с гражданским населением». Согласно приказу гражданскому населению, особенно женщинам, запрещалось подходить к лагерю военнопленных и передавать какие-либо предметы: продукты, бритвы и т. д. Также создавались на добровольной основе из представителей городского населения, крестьян, духовенства комитеты помощи русским военнопленным. Так, в г. Гомеле существовал комитет помощи советским военнопленным для дулага № 121. В своих воспоминаниях сотрудник комитета Шведов Е. З. отмечал, что по всем населенным пунктам, окружающих г. Гомель, были разосланы «подписные листы» с призывом оказывать помощь содержащимся в лагере военнопленным. Население собирало и привозило на подводах продукты, одежду, деньги, на которые комитет закупал продукты. Однако не все доходило до военнопленных [7, л. 95]. Огромную помощь военнопленным оказывали представители духовенства. Так, священник Груздово-Хожово-Полочанского прихода Молодечненского района Николай Гуринович в 1943 г. среди прихожан проводил сбор продуктов для военнопленных [8, с. 37].

Заключение. Вопросы продовольственного обеспечения военнопленных находились в компетенции Верховного командования сухопутных войск и Верховного командования вооруженных сил Германии. На местах, в лагерях

для военнопленных, приказы о питании военнопленных коменданты трактовали по своему собственному усмотрению. Нормы питания зависели от места расположения лагеря, количества военнопленных, личной инициативы коменданта в лагере, от запасов продовольствия в округе, пор года. Но все же нормы были намного ниже официально установленных. Нормы питания, качество пищи, условия ее получения для советских военнопленных являлись одной из главных причин, приводивших к высокой смертности и каннибализму среди военнопленных. Советские военнопленные оставались внутри иерархии пленных на одной из самых низких ступеней. В основу такого положения были заложены не нормы гуманности, международного права, а положения нацистской идеологии. Решением проблемы содержания и продовольственного обеспечения военнопленных в лагерях занимались коменданты. А за доставку продуктов в лагерь, расположенные в генеральном округе Беларусь, отвечали бургомистры и сельские старосты, в оперативной зоне – шеф-интенданты.

Литература

1. Продовольственное обеспечение советско-русских военнопленных // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд. 1440. – Оп. 3. – Д. 952. – Л. 109.
2. Донесение об инспекционной поездке по лагерям военнопленных округа «Я» полковника Маршала с 18.11.1941 г. // НАРБ. – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 917. – Л. 116.
3. Объяснительная записка начальника лазарета шталага № 352 Тарасевича / Белорусский государственный музей Великой Отечественной войны. – № н/в 23921.
4. Пауль, Кернер-Шрадер. Дневник немецкого солдата / Кернер-Шрадер Пауль. – М.: Воениздат, 1964. – С. 84.
5. Штрайт, К. «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / К. Штрайт; пер. с нем. И. Дьяконова. – М.: Русская панорама, 2009. – С. 163.
6. Донесение областному комиссару в Вилейке о питании русских военнопленных от 8.12.1941 г. // Государственный архив Минской области. – Фонд. 4232. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 64.
7. Протокол допроса Шведова Евтихия Захаровича // НАРБ. – Фонд 861. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 95.
8. Силова, С. В. Крестный путь. Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С. В. Силова. – Минск: Белорусский Экзархат, 2005. – С. 37.

Поступила 10.03.2011

УДК 008(476)(091)«1976/1985» + 316.7(476)«1976/1985»

Н. М. Якуш, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

РАЗВІЦЦЁ СФЕРЫ САЦЫЯЛЬНА-БЫТАВЫХ ПАСЛУГ І КУЛЬТУРНЫХ УМОЎ ЖЫЦЦЯ БЕЛАРУСКАЙ ВЁСКИ Ў 1976–1985 ГГ.

У публікацыі разглядаецца комплексная праграма сацыяльнай перабудовы беларускай вёскі ў 1976–1985 гг. У гэтай сувязі аналізуецца вынікі новага жыллёвага будаўніцтва і інжынерна-га абуладкавання сёл і вёсак, намаганні па ўдасканаленні форм камунальна-бытавога абслугоўвання сельскага жыхара, работа партыйных і савецкіх органаў па расшырэнні дыяпазону культурных паслуг, рацыяналізацыі форм адпачынку працаўнікоў калгасна-саўгаснай вытворчасці.

The article examines comprehensive program of social reconstruction of Belarusian rural areas in 1978–1985. In this respect, the article provides the analysis of the results of housing construction and development of utilities in rural settlements and villages, the efforts for improvement of forms of general services for rural inhabitants, work of the Communist and Soviet authorities for extension of cultural services, rationalization of free time and recreation of collective and state farm workers.

Уводзіны. 1976–1985 гг. (дзевятая і адзінаццатая пяцігодкі) выявілі адмоўныя моманты ў міграцыйных працэсах беларускай вёскі. У асобных калгасах, саўгасах і цэлых раёнах маштабы і тэмпы міграцыі пачалі перавышаць эканамічна мэтазгодныя іх памеры, што прыводзіла да дэфіцыту працоўных рэсурсаў. Гэта абвастрала праблему замацавання прафесійных кадраў на вёсцы. Адным з накірункаў яе вырашэння стала распрацоўка і рэалізацыя праграмы па паляпшэнні вытворчых, жыллёвых, камунальна-бытавых і сацыяльна-культурных умоў жыцця ў калгасах і саўгасах.

Асноўная частка. XXVIII і XXIX з'езды Камуністычнай партыі Беларусі акцэнтавалі ўвагу на комплекснай сацыяльнай і культурнай перабудове сяла з улікам міжгаспадарчай кааперацыі, разглядаючы яе як фактар грамадскага развіцця і стабілізацыі працоўных калектываў.

Праграма адзначанай перабудовы ўключыла ў сябе ўдасканаленне планіроўкі, узвядзенне новых аб'ектаў вытворчай і культурна-бытавой сферы, умацаванне матэрыяльна-тэхнічнай базы будаўнічай індустрыі. Прычым у адзінаццатой пяцігодцы ва ўсіх населеных пунктах значна павялічваліся аб'ёмы індывідуальнага жыллёвага будаўніцтва ў комплексе з надворнымі забудовамі, пашыраліся віды работ па інжынерным добраўпарадкаванні вясковых пасяленняў, даводзіліся заданні па ўзвядзенні ў калгасах і саўгасах філіялаў прамысловых прадпрыемстваў і падсобных вытворчасцей [1].

Канкрэтная рэалізацыя праграмы разгарнулася з улікам дэмаграфічнай сітуацыі ў асобных рэгіёнах і вопыту эксперыментальна-паказальнага будаўніцтва, якое вялося ў рэспубліцы ў некалькіх гаспадарках з 1969 г. У выніку быў зацверджаны метады рэгіянальнай забудовы, калі паскоранае развіццё атрымліваюць некалькі населеных пунктаў, якія павінны стаць апорнымі культурна-бытавымі цэнтрамі асобных раёнаў.

Зыходзячы з адпаведных рашэнняў раённых камітэтаў КПБ і райвыканкамаў мясцовых Саветаў распрацоўваліся праекты перспектывных населеных пунктаў, планы рамонту і будаўніцтва жылых дамоў, добраўпарадкаваных кватэр, школ і дашкольных устаноў, паліклінік, прадпрыемстваў грамадскага харчавання, бань, клубаў і Дамоў культуры.

Трэба зазначыць, што планы перабудовы беларускай вёскі суадносіліся з момантамі ўмацавання эканамічнага становішча гаспадарак. Сярод мер такога накірунку можна назваць значнае павышэнне закупачных цэн на сельгаспрадукцыю, 50%-ную надбаўку за продаж прадукцыі звыш сярэдняга ўзроўню, дасягнутага ў 1976–1980 гг., вызваленне ад падаходнага падатку калгасаў з рэнтабельнасцю ніжэй за 25% і інш. Адначасова павялічваліся дзяржаўныя асігнаванні эканамічных і сацыяльных праграм сяла. Вынікам гэтага стала ўзвядзенне значнай колькасці заводаў і камбінатаў будаўнічай індустрыі і будаўнічых матэрыялаў у раённых гарадах рэспублікі. Была створана вытворчая база, якая дазваляла разгарнуць інтэнсіўнае будаўніцтва на вёсцы ў буйных па тым часе маштабах.

За гады дзевятнай пяцігодкі у сельскай мясцовасці Беларусі было збудавана 111 тыс. кватэр агульнай плошчай 6 млн. м², 209 камбінатаў бытавога абслугоўвання, 345 агульнаадукацыйных школ на 176,3 тыс. вучнёўскіх месцаў, дзіцячых дашкольных устаноў на 40,4 тыс. месцаў, аўтаматызавана тэлефонных станцый ёмістасцю 791 тыс. нумароў, пракладзена 5,3 тыс. км дарог з цвёрдым пакрыццём, газіфікавана 436,6 тыс. дамоў [2]. На Усесаюзным аглядзе забудовы і добраўпарадкавання ўзнагароды Выставы дасягненняў народнай гаспадаркі СССР атрымалі 129 беларускіх вёсак. Пасёлкі Сноў і Новапалескі Мінскай, Мышкавічы – Магілёўскай, Копці –

Віцебскай і Малеч – Брэсцкай абласцей былі прызнаны лепшымі ў Савецкім Саюзе [3].

За адзінаццатую пяцігодку на вёсцы было пабудавана каля 6 млн. м² жылля, 9,4 тыс. км дарог з цвёрдым пакрыццём. Праводзілася інжынернае абуладкаванне населеных пунктаў [4].

Шмат гаспадарак і раёнаў рэспублікі накіравалі станоўчы вопыт вырашэння сацыяльна-дэмаграфічных праблем за кошт перабудовы быту вясковага жыхара і паслядоўнага вырашэння яго сацыяльна-культурных запатрабаванняў. У ліку паказальных гаспадарак такога характару вызначыліся калгасы «Чырвоная змена» Любанскага раёна, «Запаветы Леніна» Маларыцкага, «Праўда» Мсціслаўскага, шэраг калгасаў і саўгасаў Асіповіцкага, Бялыніцкага, Хоцімскага, Чавускага раёнаў. Па прыкладзе калгаса імя Сільніцкага Полацкага раёна пачаў укараняцца метады гаспадарчага будаўніцтва ўласнымі брыгадамі. Аднак ажыццяўляць яго маглі толькі эканамічна моцныя гаспадаркі з трывалым фінансавым становішчам і шматгадовай практыкай дагаворных адносін з дзяржпрадпрыемствамі.

Комплексная перабудова вёскі ўключала ў сябе ўдасканаленне сферы камунальна-бытавога абслугоўвання. У даследуемы перыяд найбольшае значэнне набылі пытанні пошуку рацыянальных шляхоў і форм абслугоўвання сельскага жыхара пры нарошчванні аб'ёмаў камунальна-бытавых паслуг. Ставілася задача пераўтварэння службы абслугоўвання ў буйную, высокамеханізаваную галіну, павышэння ўзроўню спецыялізацыі выконваемых ёю работ, пашырэння на вёсцы сеткі гандлёва-бытавых комплексаў, Дамоў быту і комплексных прыёмных пунктаў, стварэння сельскіх камбінатаў камунальнай гаспадаркі.

Найбольш эфектыўна праца па комплексным развіцці службы быту на вёсцы і стварэнні рэальных умоў для атрымання неабходнага пакета паслуг па месцы жыхарства праводзілася ў Брэсцкай і Гродзенскай абласцях. Тут быў узятая накірунак на канцэнтрацыю вытворчай базы абслугоўвання пры адначасовым максімальным набліжэнні прыёмнай сеткі да насельніцтва. Планы асваення новых відаў паслуг і работ, заданні па адкрыцці на вёсцы прыёмных пунктаў і гандлёва-бытавых комплексаў рэалізаваліся з удзелам арганізацыі каардынуючай дыспетчарскай службы, наладжвання каапераваных сувязей сельскіх прыёмных пунктаў з вытворчымі прадпрыемствамі раёна і спецыялізаванымі прадпрыемствамі службы быту, укаранення комплекснай сістэмы кіравання якасцю. Уводзіліся і новыя формы кіравання: былі створаны абласныя вытворчыя аб'яднанні па галіновых відах паслуг, а райбыткамбінаты

рэарганізаваны ў раённыя бытавая ўпраўленні. У выніку ў Брэсцкай вобласці адначасова з традыцыйнымі паслугамі па індывідуальным пашыве і рамонце адзення і абутку, праз стацыянарныя і перасоўныя пункты быў наладжаны прыём заказаў на рамонт складанай бытавой тэхнікі, хімічэтку, сцірку бялізны, пракач прадукцыі, рытуальныя паслугі, вязанне, рамонт і абнаўленне трыкатажу [5].

На Гродзеншчыне дамагліся таго, што прадпрыемствы сферы быту былі адкрыты ва ўсіх сельскіх гаспадарках. Па іх колькасці на канец 1980 г. вобласць мела лепшы паказчык у БССР. Сельскаму насельніцтву аказвалася 12 відаў разнастайных паслуг, а сярэднямесячныя аб'ёмы ў разліку на адзін сельскі прыёмны пункт былі на 30% вышэйшыя за рэспубліканскія [6].

Заслугоўваюць увагі і намаганні калгаса «Нёман» Стаўбцоўскага раёна па стварэнні ўласнай камунальнай службы і аблягчэнні дамашняй працы жыхароў. Тут пры камбінаце камунальна-бытавога абслугоўвання былі створаны 4 звяны будаўнікоў, сталярная і лесаспільная брыгады, выконваліся работы па ўзворванні сядзібных участкаў, пасеве, наглядзе за пасевамі і ўборцы ўраджаю, забеспячэнні асабістай жывёлы насельніцтва грубымі кармамі. Гэтыя паслугі аказаліся вельмі запатрабаванымі для жыхароў сталага ўзросту.

Развіццё камунальнай службы на вёсцы знаходзілася на кантролі партыйных і савецкіх арганізацый усіх абласцей рэспублікі. Выканкамы Саветаў народных дэпутатаў раёнаў распрацоўвалі палажэнні аб камбінатах службы быту, іх штатах, структуры, відах абслугоўвання, праводзілі конкурсы на лепшую пастаноўку камунальна-бытавога абслугоўвання калгаснікаў і рабочых саўгасаў. У выніку гаспадаркі сталі штогод планавачы аб'ёмы паслуг і работ па вода- і газазабеспячэнні, будаўніцтве і рамонце жылля, завозе паліва, працы бань. Агульны аб'ём гэтых паслуг дасягнуў у 1982 г. 4,8 млн. руб., ці ў 1,8 разу болей, чым у 1977 г. Калі ў 1975 г. ў сельскай мясцовасці было аказана ўсяго паслуг на сумму 55,5 млн. руб., то ў 1983 г. – 165,4. Амаль у тры разы ўзраслі аб'ёмы работ па рамонце бытавой тэхнікі, рамонце і згатаванні мэблі, у шэсць – паслугі па сцірцы бялізны [7].

Удасканаленне культурнага абслугоўвання вёскі ў гэты перыяд разгортвалася ў русле патрабаванняў, якія ЦК КПБ і СМ БССР ставілі да ідэйна-выхаваўчай і асветніцкай работы з насельніцтвам краіны. Галоўным накірункам стала цэнтралізацыя кіравання клубнымі ўстановамі і бібліятэкамі сельскай мясцовасці, стварэнне на такой аснове сацыяльна-культурных комплексаў. Новае ўтварэнне сацыяльна-культурнай сферы

ў эксперыментальным парадку ўпершыню было створана ў 1978 г. на базе калгаса імя Урыцкага і Урыцкага сельсавета Гомельскага раёна. У яго увайшлі сельскі Дом культуры, 2 сельскіх і 1 брыгадны клубы, 2 філіялы цэнтралізаванай бібліятэчнай сістэмы, 3 кінастакіяны, філіял дзіцячай музычнай школы, народны музей, спарткомплекс. Кіраўніцтва ажыццяўляў Савет па каардынацыі. Падобная работа актыўна вялася ў Мінскай і Віцебскай абласцях, дзе ў 1985 г. функцыянавала цэнтралізаваных клубных сістэм, культурных і сацыяльна-культурных комплексаў адпаведна 295 і 255 [8].

Бясспрэчна, што з увядзеннем гэтых новаўтварэнняў у большасці выпадкаў ствараліся спрыяльныя магчымасці для развіцця тэхнічнай творчасці, дэкаратыўна-пракладнога мастацтва, аматарскіх аб'яднанняў вясковай моладзі. Напрыклад, у Брэсцкай вобласці было створана звыш сарака музыкальна-мастацкіх салонаў, якія сталі дзейнымі цэнтрамі эстэтычнага выхавання сялян. Першае месца трымаў Рудскі салон Іванаўскага раёна, абсталяваны музычнай апаратурай і запісамі класічнай і сучаснай музыкі. Тут была наладжана дэманстрацыя перасоўных выстаў брэсцкіх мастакоў, мясцовых аматараў жывапісу, вырабаў і сувеніраў калгасных майстроў. Праводзіліся музычныя вечарыны, сустрэчы з народнымі ўмельцамі, урокі эстэтыкі і блакітныя агенчыкі для перадавікоў сельскагаспадарчай вытворчасці.

У Мінскай і Гродзенскай абласцях шырокае распаўсюджанне атрымалі клубы рознай тэматычнай скіраванасці з улікам інтарэсаў і густы сельскіх жыхароў. Найбольш папулярнымі сталі клубы «Панорама событий», «Современник», «Гаспадарыня», клуб «Будучага воіна».

Заклучэнне. У цэлым распрацоўка і рэалізацыя праграмы жыллёвага і культурна-бытавога будаўніцтва на вёсцы адбіліся на тэмпах і накірунках міграцыйных працэсаў. Значная колькасць калгасаў і саўгасаў у разглядаемы перыяд і нават шэраг раёнаў рэспублікі здолелі ўзяць гэтыя працэсы пад кантроль, планамерна кіраваць імі з улікам задавальнення запатрабаванняў у працоўных рэсурсах.

Аднак кардынальных перамен у сацыяльна-бытавых і культурных умовах жыцця на вёсцы не адбылося. Сацыяльна-культурнае будаўніцтва вызначалася значнай колькасцю праблем

і іх нявырашанасцю. Так, у цэлым тэмпы перабудовы вёскі адставалі ад патрэб. У сярэднім штогод на адну гаспадарку прыходзіўся ўвод усяго толькі 2–3 добраўпарадкаваных кватэр, паколькі эканамічна слабыя гаспадаркі фактычна не маглі здавальняюча разгарнуць сацыяльнае будаўніцтва. У моцных гаспадарках намерна зацягваліся тэрміны ўзвядзення аб'ектаў бытавога прызначэння, бо асноўная ўвага надавалася вытворчаму будаўніцтву.

Адмоўна паўплывала на маштабы абнаўлення і характар добраўпарадкавання беларускіх сёл і вёсак тое, што значная колькасць населеных пунктаў у гады дзесятай пяцігодкі была аднесена ў разрад неперспектыўных і падлягала ссяленню ў цэнтральныя сядзібы. У адзначаных пасяленнях увогуле не праводзілася ніякае добраўпарадкаванне, і яны заставаліся ў непрыглядным становішчы.

Некаторыя негатыўныя моманты выявіла і арганізацыя цэнтралізаваных клубных сістэм і культурных комплексаў. Вельмі часта дэфармавалася сама сутнасць задачы іх стварэння, паколькі ўся культурная праца праводзілася на галоўнай сядзібе гаспадаркі, а аддаленныя і маланаселеныя вёскі пакідаліся без усялякага культурнага абслугоўвання.

І ўсё ж пастаноўка праблемы сацыяльнага развіцця вёскі, творчыя пошукі і намаганні па вырашэнні вельмі складаных задач падаюцца цікавымі і заслугоўваюць увагі з мэтай іх вывучэння і пераймання назапашанага плённага вопыту.

Літаратура

1. Известия исполнительного комитета Совета Западной области и Смоленского Совета. – 1918. – 26 сентября.
2. Искусство: газета. – 1919. – № 23. – С. 3.
3. Известия Велижского уездного Совета рабочих, крестьянских и батрацких депутатов: газета. – 1919. – 1 марта.
4. Лерман, М. Из воспоминаний о мастере / М. Лерман // Творчество. – 1987. – № 6.
5. Институт белоруской культуры / М. П. Касцюк [і інш.]; пад рэд. М. П. Касцюка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – С. 65–71.
6. Піятуховіч, М. М. Нарысы гісторыі беларускай літаратуры / М. М. Піятуховіч. – Мінск: Інбелкульт, 1928. – С. 6.

Паступіла 30.03.2011

УДК 947.6-058.232.6

С. В. Потапенко, кандидат философских наук, доцент (БНТУ);

Н. В. Зайцева, кандидат исторических наук, доцент (БНТУ)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ (1966–1975 ГГ.)

В статье подчеркивается, что гарантированная оплата труда способствовала повышению трудовой активности работников села. Устойчивость заработной платы достигалась тем, что заранее фиксированный уровень вознаграждения за труд на протяжении определенного отрезка времени оставался стабильным. Исключалась случайность и непостоянство оплаты труда, что способствовало закреплению рабочей силы в сельскохозяйственном производстве и порождало уверенность колхозника в своевременной оплате. Это стимулировало заинтересованность и мотивацию у работников села, что, несомненно, положительно отразилось на эффективности выполнения сельскохозяйственных работ. Были предприняты определенные шаги в направлении повышения уровня основной оплаты труда в сочетании с дополнительной и премиальной.

The article is devoted the problems of improvement of guaranteed wages and additional payment of collective – farmers in 1966–1975. For studying social and living conditions byelorussians collective – farmers, the questions of development guaranteed wages and additional payment are the general in that time. The high level of the basic social and industrial foundations and houses, the flats with all modern convinces, the result of the successfully work of a lot of farm-hands, that's why, there are a lot of young people choose the villages for their's permanent places for living.

Введение. Формы и методы материального стимулирования труда колхозного крестьянства явились результатом длительного развития производительных сил и производственных отношений. В свою очередь от уровня их состояния в большой, если не в решающей степени зависела судьба колхозной деревни.

Для всестороннего исследования социально-бытовых условий белорусского села, в первую очередь материального стимулирования, в 1965 – 1975 гг. использованы данные Национального архива Республики Беларусь и материалы проводимых ранее исследований.

Основная часть. Главным источником доходов колхозного крестьянства, роста его благосостояния были поступления от общественного хозяйства. К началу 1971 г. в совокупных доходах колхозников они составляли 2/3 и были в 1,6 раза выше уровня 1965 г. Возрастающий удельный вес в их доходах приобретала заработная плата, среднегодовой заработок колхозников повысился почти на 30%. Предусматривалось повысить в течение 5 лет оплату труда колхозников в среднем на 30–35% [1, с. 38].

Переход на гарантированную оплату труда и повышение уровня оплаты труда колхозников были осуществлены, главным образом, за счет возросших доходов колхозов, увеличения отчислений в фонд оплаты труда от валового дохода, а также за счет полученных от государства кредитов на эти цели.

Повышение эффективности колхозного производства способствовало росту его товарности, которая приобрела исключительное значение, так

как только посредством роста товарной продукции растениеводства и животноводства, прежде всего на ограниченном рынке, можно было обеспечить соответствующий рост денежных поступлений, а следовательно, и формирование денежного фонда оплаты труда. Так, если за 6 лет, предшествовавших введению гарантированной оплаты труда (с 1960 по 1965 г.), денежные поступления в колхозах Минской обл. увеличились только на 83,9%, то за 6 последующих лет они возросли на 130,5%. Что касается денежного фонда оплаты труда, то для него характерен неуклонный рост. Если принять 1960 г. за отчетный, то в 1965 г. денежный фонд увеличился на 92% [2, л. 33], а в 1975 г. – более чем на 170% [3, л. 25].

Переход к гарантированной оплате труда привел не только к абсолютному росту ее уровня, но и к структурным изменениям фонда оплаты труда: увеличению удельного веса денежной части и уменьшению натуральной. Если до введения гарантированной денежной оплаты труда доля денег в фонде оплаты труда находилась в пределах 70%, то начиная с 1966 г. прослеживается резкое снижение доли натуральной оплаты. С 1966 по 1975 г. удельный вес натуральной оплаты уменьшился на 12,6% и в 1975 г. он составил только 1,8% [3, л. 87], т. е., по существу, достиг своего необходимого минимума. Речь идет о том, что в условиях существования личного подсобного хозяйства колхозы были источником поступления кормов и фуража для скота, содержащегося в личном подсобном хозяйстве колхозников. Это означало, что нельзя было полностью ликвидировать

натуральную оплату труда колхозников. Нужно было лишь перейти к товарной форме распределения грубых кормов и фуража. Во-первых, во многих хозяйствах наблюдался такой переход. Однако это не изменяло существа дела, так как не изменяло размеры фонда оплаты труда. А во-вторых, никто иной, как только колхоз обеспечивал и в будущем личный скот колхозников пастбищами и кормами.

Опыт колхозов по применению гарантированной оплаты труда колхозников убедительно показал ее огромное стимулирующее значение. В 1975 г. все колхозы республики применяли прямую денежную оплату труда. Она упростила всю систему расчетов по оплате труда, облегчила экономическую работу в колхозах, а главное позволила видеть и ощущать каждому колхознику свой реальный заработок.

Нельзя не заметить, что абсолютно увеличилась дифференциация (при относительном ее уменьшении) в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных колхозников, несмотря на то, что наблюдался самый высокий темп роста оплаты одного человеко-дня последних (68%).

Ликвидация неоправданных различий в уровне оплаты человеко-дня колхозников оставалась важной проблемой. Однако это вовсе не означало необходимость уничтожения всякой ее дифференциации, поскольку ее наличие отражало требования закона распределения по труду и являлось материальным стимулом повышения квалификации.

Помимо гарантированной оплаты труда, достаточно широко применялась и дополнительная оплата. Она представляла собой материальное вознаграждение колхозников за высокопроизводительный труд. Необходимость такой оплаты была вызвана тем, что основная оплата труда не учитывала многих аспектов труда колхозников. Прежде всего в основной оплате, рассчитанной на средние условия производства, недостаточно учитывалась срочность и трудность некоторых работ. При изменении же условий (например, природно-климатических) нормы выработки и расценки не обеспечивали равной оплаты за равный труд. А ведь известно, что сельскохозяйственное производство требует выполнения работ в оптимальные агротехнические сроки. Если удлинить их, то обесценятся результаты ранее затраченного труда. Отсюда вытекало необходимость стимулирования труда с помощью дополнительной оплаты.

Кроме того, основная оплата не учитывала дополнительно затраченного труда для получения сверхплановой и высококачественной продукции. Это происходило потому, что расценки

основной оплаты были относительно стабильны и не увеличивались вместе с ростом выхода и повышения качества продукции.

В большинстве колхозов в расценках основной оплаты не учитывалось качество продукции и работ, которое положительно влияло на увеличение выхода продукции. Так, например, на весеннем севе основная оплата труда начислялась за гектары засеянной площади. Но качество могло быть разным, что, в конечном счете, сказывалось на урожайности.

Наконец, колхозники прилагали определенные усилия, добиваясь снижения себестоимости производимой продукции. Но этот труд, как правило, не учитывался через основную оплату. Стало быть, за эти показатели необходимо было применять дополнительную оплату труда.

Формы дополнительной, как и основной оплаты труда колхозников изменялись вместе с развитием производства. При низкой оплате, дополнительная в какой-то мере помогала преодолеть ее недостатки. В экономически слабых колхозах она являлась едва ли не главным средством проведения работ, закрепления кадров. В условиях гарантированной оплаты труда дополнительная оплата связывала гарантированный заработок колхозников с конечными результатами производства.

Сложившиеся в исследуемый период формы дополнительной оплаты труда применялись в каждом колхозе в разных сочетаниях с учетом природно-климатических условий, уровнем развития экономики колхоза, размера основной оплаты труда и других конкретных условий. По своей структуре дополнительная оплата труда в колхозах республики была представлена следующим образом. Самый большой удельный вес в дополнительной оплате занимали расчеты за продукцию. За 1975 г. в колхозах республики они составили 16 070 тыс. руб., или 35,8%. Вторым по величине структурным элементом дополнительной оплаты являлась статья за перевыполнение плана производства сельскохозяйственной продукции, доля которой равнялась 6648 тыс. руб. (14,8%). На третьем месте по величине, но не по значению, стояли выплаты колхозникам за качество работ, которые составляли 4428 тыс. руб. (9,8%) [4, л. 112].

Самый меньший удельный вес занимали в дополнительной оплате выплаты за экономию прямых затрат – 332 тыс. руб. (1,6%).

В ряде колхозов применялась и высококачественное проведение отдельных видов работ. Эти виды материального поощрения применялись там, где необходимо было улучшить качество выполняемых работ и сократить сроки их проведения путем усиления интенсивности труда

и удлинения рабочего дня. Особенно важно было поощрять работы, которые из рядовых в обычных условиях превращались в очень срочные, если изменились условия, например испортилась погода.

Дополнительную оплату труда за своевременное и высококачественное проведение работ иногда называли поощрением в процессе работы, так как поощрения выдавались сразу после выполнения работ. Сближение сроков выполнения работы и ее оплаты делали этот вид дополнительной оплаты особенно эффективным. Например, в полеводстве такие формы дополнительной оплаты труда применялись на весеннем севе и на уборочных работах, когда требовалась наибольшая трудовая активность колхозников. Также широкое распространение получило повышение оплаты труда на 50–60% в первые 10 дней уборки урожая комбайнерам и трактористам колхозникам на конно-ручных работах – 15–25%.

Такого рода материальное поощрение являлось необходимостью, так как в сельском хозяйстве конечные результаты производства прямо и непосредственно зависели от качества и сроков выполнения работ. Сокращение сроков уборки зерновых непосредственно сказывалось на объеме собранного урожая. Еще следует заметить, что и государственные закупочные цены на некоторые виды сельскохозяйственной продукции изменялись от сроков ее поступления.

Система дополнительной оплаты включала также единовременное премирование колхозников, отдельных звеньев, производственных бригад и ферм за лучшие достижения в социалистическом соревновании, за рекорды в производстве и другие качественные показатели, усиливая тем самым коллективную заинтересованность работников. Источником таких премий являлся чистый доход колхоза, часть средств которого в порядке его распределения использовалась хозяйствами для дополнительной материального стимулирования труда.

Текущее премирование всех основных сельскохозяйственных работ в колхозах способствовало более качественному выполнению производственных заданий, сокращению их сроков и более рациональному использованию трудовых ресурсов.

Такая система поощрений являлась эффективной, так как она опиралась на реальную основу, прямо и непосредственно стимулировала рост производительности труда. Недостатком этой системы следует признать то, что она ставила передовых колхозников в менее благоприятные условия.

Заключение. Таким образом, своеобразие колхозной собственности на средства производства и специфика сельскохозяйственного производства обусловили своеобразие форм и механизма оплаты труда в колхозах. Размер оплаты каждого колхозника зависел не столько от величины его трудового вклада в общественное хозяйство, сколько от объема созданного в хозяйстве валового дохода, природно-климатических условий и других факторов. Однако, несмотря на существенное повышение за изучаемый период, она продолжала оставаться невысокой и по-прежнему значительно уступала зарплате рабочих и служащих.

Литература

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 13 т. / под ред. А. Г. Егорова [и др.]. – М.: Политиздат, 1983–1987. – Т.12: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1971–1975) / А. Г. Егоров [и др.]. – 574 с.
2. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Т. 3. – Д. 8997. Планы долгосрочного кредитования колхозов на 1965 г. – 62 л.
3. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Д. 9427. Планы долгосрочного кредитования колхозов на 1970 г. – 57 л.
4. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Т. 3. – Д. 6504. Итоги хозяйственной и финансовой деятельности колхозов БССР за 1975 г. – 282 л.

Поступила 30.03.2011

УДК 159.942.53.316.62

А. П. Александрович, кандидат психологических наук (БГТУ)**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИДАКТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ
СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО И ВТОРОГО КУРСОВ**

В статье отображена проблема адаптации студентов первого курса к условиям обучения в высшем учебном заведении. Новые требования, иное, нежели в школе отношение со стороны преподавателей, незнакомые лица однокурсников, наконец стремление понять, что значит быть студентом, – все это характеризует первые месяцы нахождения первокурсников в вузе.

В статье дается определение адаптации как сложного динамического многоуровневого процесса перестройки потребностно-мотивационной сферы, комплекса имеющихся навыков, умений и привычек в соответствии с новыми задачами, целями, перспективами и условиями их реализации. Значительная часть адаптивных ситуаций возникает вследствие изменения условий обучения при поступлении в университет.

The article deals with the problem of first-year students adaptation to the study at the higher educational establishment. Important changes taking place in the country have made the problem concerned especially serious. The article contains the the definition of the term «adaptation», particular attention being paid to its forms.

Введение. Адаптация студентов первого курса к условиям обучения в высшем учебном заведении – для многих молодых людей сложный и волнующий процесс. Новые требования, иное, нежели в школе, отношение со стороны преподавателей, незнакомые лица однокурсников наконец, стремление понять, что значит быть студентом, – все это характеризует первые месяцы обучения первокурсников в вузе [1, с. 12].

Основная часть. Проблема адаптации первокурсников в высшем учебном заведении всегда была актуальна, но не стояла так остро, как в настоящее время. За последние годы произошли серьезные изменения в социальной, экономической и культурной жизни нашей страны. Активно перестраивается система ценностей, охватывающая сферу как материальной, так и духовной жизни людей, все острее становятся проблемы личностного выбора, требующие осознания своей позиции и принятия того или иного ответственного решения в условиях усложнения системы отношений. Усиление роли знаний в общественном развитии, постепенное превращение информации в основной капитал принципиально меняет роль и место высшего образования в структуре современного общества. Специфика современного высшего образования состоит в том, что оно должно не только вооружить современного студента прочными знаниями, но и сформировать у него потребность в непрерывном самостоятельном и творческом подходе к овладению новыми знаниями, создавать возможность для отработки умений и навыков самообразования [2, с. 35].

Адаптация студента в университете – это сложный, динамический, многоуровневый и многосторонний процесс перестройки потребностей

и мотивационной сферы. Студент как человек определенного возраста и как личность может характеризоваться с трех сторон: психологической, социальной и биологической. Изучение этих сторон раскрывает качества и возможности студента, его возрастные и личностные особенности. Так, если подойти к студенту как к человеку определенного возраста, то для него будут характерны наименьшие величины латентного периода реакций на простые, комбинированные и словесные сигналы, оптимум абсолютной и разностной чувствительности анализаторов, наибольшая пластичность в образовании сложных психомоторных и других навыков. Сравнительно с другими возрастами в юношеском возрасте отмечается наивысшая скорость оперативной памяти и переключения внимания, решения вербально-логических задач и т. д. Таким образом, студенческий возраст характеризуется достижением наивысших, «пиковых» результатов, базирующихся на всех предшествующих процессах биологического, психологического, социального развития.

Высшее образование оказывает огромное влияние на психику человека, развитие его личности. За время обучения в вузе при наличии благоприятных условий у студентов происходит развитие всех уровней психики. Они определяют направленность ума человека, т. е. формируют склад мышления, который характеризует профессиональную направленность личности. Для успешного обучения в вузе необходим довольно высокий уровень общего интеллектуального развития, в частности восприятия, представлений, памяти, мышления, внимания, эрудированности, широты познавательных интересов, уровня владения определенным кругом логических операций и т. д. При некотором снижении этого уровня возможна компенсация

за счет повышенной мотивации или работоспособности, усидчивости, тщательности и аккуратности в учебной деятельности. Но есть и предел такого снижения, при котором компенсаторные механизмы не помогают и студент может быть отчислен.

Необходимым условием успешной деятельности студента является освоение новых для него особенностей учебы в вузе, устранившее ощущение внутреннего дискомфорта и блокирующее возможность конфликта со средой. На протяжении начальных курсов складывается студенческий коллектив, формируются навыки и умения рациональной организации умственной деятельности, осознается призвание к избранной профессии, вырабатывается оптимальный режим труда, досуга и быта, устанавливается система работы по самообразованию и самовоспитанию профессионально значимых качеств личности.

Резкая ломка многолетнего привычного рабочего стереотипа, основу которого составляет открытое И. П. Павловым психофизиологическое явление – динамический стереотип, иногда приводит к нервным срывам и стрессовым реакциям. По этой причине период адаптации, связанный с ломкой прежних стереотипов, может на первых порах обусловить и сравнительно низкую успеваемость, и трудности в общении. У одних студентов выработка нового стереотипа проходит скачкообразно, у других – ровно. Несомненно, особенности этой перестройки связаны с характеристиками типа высшей нервной деятельности, однако социальные факторы имеют здесь решающее значение. Знание индивидуальных особенностей студента, на основе которых строится система включения его в новые виды деятельности и новый круг общения, дает возможность избежать дезадаптационного синдрома, сделать процесс адаптации ровным и психологически комфортным.

В проведенных исследованиях процесса адаптации первокурсников к вузу обычно выделяются следующие главные трудности: отрицательные переживания, связанные с уходом вчерашних учеников из школьного коллектива с его взаимной помощью и моральной поддержкой; неопределенность мотивации выбора профессии, недостаточная психологическая подготовка к ней; неумение осуществлять психологическое саморегулирование поведения и деятельности, усугубляемое отсутствием привычки к повседневному контролю педагогов; поиск оптимального режима труда и отдыха в новых условиях; налаживание быта и самообслуживания, особенно при переходе из домашних условий в общежитие; наконец, отсутствие навыков самостоятельной работы, неумение конспектировать,

работать с первоисточниками, справочниками, указателями [3, с. 33].

Адаптация – это предпосылка активной деятельности и необходимое условие ее эффективности. В этом положительное значение адаптации для успешного функционирования индивида в той или иной социальной роли. Исследователи различают четыре формы адаптации студентов-первокурсников к условиям вуза:

1) формальные, т. е. трудности, связанные с новой организацией учебного процесса в среднем специальном учебном заведении, и касающиеся познавательно-информационного приспособления к новому окружению, его структуре, особенностям содержания обучения в нем, его традициям, а также к своим новым обязанностям;

2) социальные, т. е. трудности общения и коммуникации, трудности социализации иногородних студентов, ситуации противоречия аттитюдам, неудовлетворенность социальным статусом;

3) дидактические, т. е. трудности, возникающие при активном освоении новых, отличных от школьных, форм занятий, видов работ, необходимых навыков, приемов, способов решений. Сложность адаптации в данном случае зависит от широты и содержания, разнообразия видов деятельности, интереса к ней, мотивации;

4) личностные (психологические), т. е. трудности, обусловленные проблемами эмоциональной сферы, психологических и психических особенностей личности, саморганизованности [4, с. 42].

Повторяем, что успешность обучения студентов зависит от многих факторов, среди которых одним из важнейших является его интеллектуальное развитие как показатель умственной деятельности и внимание – функция регуляции познавательной деятельности.

Исследования показывают, что первокурсники не всегда успешно овладевают знаниями отнюдь не потому, что получили слабую подготовку в средней школе, а потому, что у них не сформированы такие черты личности, как готовность к учению, способность учиться самостоятельно, контролировать и оценивать себя, владеть своими индивидуальными особенностями познавательной деятельности, умение правильно распределять свое рабочее время для самостоятельной подготовки.

Известно, что методы обучения в вузе резко отличаются от школьных, так как в средней школе учебный процесс построен так, что он все время побуждает ученика к занятиям, заставляет его работать регулярно, иначе очень быстро появится масса двоек. В иную обстановку попадает вчерашний школьник, переступив порог вуза: лекции,

лекции, лекции. Когда же начинаются семинары, к ним тоже оказывается можно не всегда готовиться. В общем, не надо каждый день что-то учить, решать, запоминать. В результате нередко возникает мнение о кажущейся легкости обучения в вузе в первом семестре, формируется уверенность возможности все наверстать и освоить перед сессией, возникает беспечное отношение к учебе. Многие первокурсники на первых порах обучения испытывают большие трудности, связанные с отсутствием навыков самостоятельной учебной работы, они не умеют конспектировать лекции, работать с учебниками, находить и добывать знания из первоисточников, анализировать информацию большого объема, четко и ясно излагать свои мысли.

Адаптация студентов к учебному процессу (по данным изучения регуляторной функции психики) заканчивается в конце 2-го – начале 3-го учебного семестра. Одной из основных задач работы с первокурсниками является разработка и внедрение методов рационализации и оптимизации самостоятельной работы. Существующая система контроля за самостоятельной работой студентов через семинарские, практические и лабораторные занятия отнюдь не исключает пассивности и уклонения от выполнения соответствующих требований со стороны некоторой части студентов.

Большие резервы для повышения качества подготовки специалистов открывает совершенствование контроля за знаниями студентов. Система контроля успеваемости на экзаменационных сессиях порождает нередко лишь штурмовщину, когда студент в течение нескольких дней зазубривает записанные в конспекте основные положения данного учебного курса, а после экзамена забывает их. Не случайно, часть студентов не умеют работать с книгой, систематически заниматься в течение всего семестра. Для усиления контроля за учебной работой студентов в течение каждого семестра устанавливаются три срока, к каждому из которых преподаватель обязан лично сообщить в деканат о текущей успеваемости своих студентов.

Информация, полученная деканатами, распределяется по степени ее важности и содержанию и используется ими непосредственно или передается кафедрам и общественным организациям для оказания помощи отстающим студентам, поощрения успевающих, наказания нерадивых. Деканатам и кафедрам, по представлению преподавателей, дано право освободить регулярно работающих и хорошо успевающих в течение семестра студентов от зачетов и экзаменов, переводить их на индивидуальный график обучения.

Преподаватель, читающий лекцию потоку, естественно, не может учитывать индивидуаль-

ный темп усвоения учебного материала каждым студентом, способность каждого к анализу и синтезу, уровень развития мышления. Преподавателям труднее заметить изменения психических состояний студента в стрессовых ситуациях, к примеру, зачета или экзамена, уже хотя бы потому, что им не с чем сравнивать их – при слушании лекции студент «растворен» в общей массе аудитории. Не случайно многие студенты-первокурсники, чувствовавшие еще вчера внимание и опеку школьных учителей, в условиях вуза чувствуют себя на первых порах дискомфортно. Во всех вузах обычно специально планируется система мероприятий, способствующая адаптации первокурсников к условиям вуза. К числу наиболее важных мероприятий относятся: работа по формированию и комплектованию академических групп; ритуал «Посвящение в студенты» и чтение курса «Введение в специальность»; выступления ведущих преподавателей в группах; знакомство с историей вуза и выпускниками, прославившими его; организация консультационных пунктов в общегити силами преподавателей и студентов-первокурсников; введение ежемесячной аттестации, что позволяет контролировать самостоятельную работу студентов, вовремя оказывать им необходимую помощь [5, с. 63].

Заключение. Решение вузовских проблем, как показывает практика жизни высших учебных заведений, наталкивается на неподготовленность первокурсников, и, прежде всего психологическую, к быстрой адаптации ко всему укладу высшей школы. Это особенно разительно заметно при попытках ввести в учебный процесс современные технологии обучения. Отсюда одна из важных задач в работе вуза – поиск эффективных путей и методов приобщения первокурсника к новым для него условиям учебы и жизни.

Литература

1. Просецкий, П. А. Психологические особенности адаптации студентов нового приема к условиям обучения в вузе / П. А. Просецкий. – Минск: Слово, 1996. – 85 с.
2. Бозаджиев, В. А. Адаптация студентов младших курсов в вузе / В. А. Бозаджиев // Вестник. – Челябинск: ЧГАКИ. – 2003. – № 8. – С. 32–38.
3. Брудный, В. И. Адаптация студентов младших курсов вуза / В. И. Брудный, А. Б. Катаков. – М.: НИИВШ, 1975. – 36 с.
4. Козарь, Н. И. Адаптация первокурсников к условиям обучения в вузе / Н. И. Козарь // Психология. – 1979. – № 16. – С. 151–156.
5. Александрович, П. И. Основы психологии и педагогики / П. И. Александрович, А. П. Александрович. – Минск: БГТУ, 2004. – 273 с.

Поступила 30.03.2011

УДК 378.1

Веска Шивачева, доктор педагогических наук, профессор (Бургасский ун-т, Болгария)**ПАРАДИГМЫ УЧЕБНОГО ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ**

В статье анализируются подходы к организации деятельности студентов, которые включены в научный эксперимент в рамках вузовской системы. Рассматриваются разновидности экспериментирования и их эффективность. Показаны открытые проблемы, связанные с качественными характеристиками проводимого научного эксперимента, который способствует развитию у студентов творчества, наблюдательности, умения концентрировать внимание на главном.

The report presents the paradigm aspects of experimentation in the university. This article analyzed the training, which is oriented to personality. Anthropological approach appears in the context of interactivity. The report points the student as a subject of research.

Введение. Потребность в создании мотивирующей учебной среды, настоятельно подчеркнутая в Декларации из Будапешта и Вены (2010) о Европейском пространстве для высшего образования, связывается с моделями личностно-центрированного обучения, при котором стимулируется познавательная активность студента и его участие в эксперименте и исследовании. Теоретическая интерпретация и практическая реализация учебного экспериментирования требует обозначения парадигмальных оснований. Поскольку парадигма является основным конструктом при анализировании проблемы в данной области знания и представляет определенную систему научных достижений, по образцу которой организовывается исследовательская практика, то ее присутствие в тезаурусе педагогических феноменов закономерно. Раскрытием парадигм учебного экспериментирования, что является целью настоящей статьи, визируются конструктивные позиции для обоснования его как значимого явления в университетском образовании.

Основная часть. При экспериментировании исследователь включается в ход его осуществления через воспроизведение исследуемого явления, через целенаправленное воздействие на процессы его протекания посредством опыта, моделирования, проверки гипотезы и т. п. Этот метод способствует в наивысшей степени утверждению исследования как деятельности студентов для развития их познавательных интересов и приобщения их к технологиям. Студент не только наблюдает, но имеет возможность осуществлять изменения с исследуемыми объектами. Экспериментальное установление фактов облегчает осмысливание основополагающих понятий, закономерностей, принципов, теорий. Студенты вкладывают свои усилия и чувства при восприятии новой научной информации. Развивается их наблюдательность, внимание, способность постановки и решения проблемы. Создается эмоционально-ценностное отношение к изучаемому

и к экспериментальной деятельности. Ценностный смысл имеет сама возможность переоткрывать или создавать новые научные знания и научно-прикладные продукты через аудиторное и внеаудиторное экспериментирование, а также возможность обоснования и развития обучения. Через исследовательские технологии студентам становится возможным в большей степени осознавать и уважать общечеловеческие ценности, применяя их реально как личностные ориентиры при реализации учебного экспериментирования. Вместе с тем руководители научных проектов должны были бы предохранять себя от крайнего прозелитизма, чтобы определенные ценности не навязывались за счет свободного выбора. Самым главным из всех факторов, которые субъектам необходимо учитывать при экспериментировании, является экологический.

Реализация экспериментирования как научнообоснованной системы, отработка схем и алгоритмов, обеспечивающих воспроизведение и гарантирование результатов, отражает осуществление соответствующей технологии, что является *технологической парадигмой* университетского образования. Независимо от специфики содержания исследуемой проблемы следуем обобщенной технологической схеме: практическая задача – научная проблема – идея решения – гипотеза – способы проверки гипотезы – теоретическая интерпретация результатов – выводы.

Так как инструментарий является отличительной чертой экспериментирования, необходимо уточнение, что инструментальность связывается как с использованием идей, принципов, теорий и понятий в качестве инструментов для включения опыта учащегося, так и с конкретным смыслом отработанности и алгоритмизации действий и техник для достижения целей. В этой связи осуществляемые учебно-исследовательские технологии в университете должны иметь практико-прикладную направленность или, словами Дж. Дьюи, их инструментарий

при данных условиях должен работать [1]. Внимания заслуживают тезисы автора о необходимости развития способностей молодого человека принимать свободное участие в общих и совместных видах деятельности, о пользе собственных идей и его индивидуального опыта, особенно при осуществлении проектного обучения. Эти идеи в условиях современного университетского образования продолжают иметь актуальное звучание как при учебном проектировании, так и при внеаудиторной научно-исследовательской деятельности, однако нельзя допускать недооценивания методов теоретического исследования, единства чувственного и логического познания. Поэтому технологическая парадигма связывается с тезисами конструктивизма, в которых визируются условия и ситуации, помогающие студентам в ходе экспериментирования создавать знания или научно-прикладной продукт на основе ранее усвоенного опыта.

Поскольку учебное экспериментирование в университете интерпретируется как целенаправленный, социально и индивидуально обусловленный и педагогически организованный процесс развития личности студентов, то его реализация в контексте *личностно-центрированного обучения* имеет парадигмальное основание. В этом смысле ведущий ориентир, основное содержание и главный критерий качества научных проектов – это не только знания, умения, функциональная подготовка студентов к исследованию и решению проблем, но и развитие личностных качеств, позволяющих им быть адаптивными, конкурентоспособными, ставящими цели и достигающими их, совершенствующими себя и свое окружение. Поэтому функции преподавателя в отношении участия студентов в экспериментальной деятельности относятся к мотивированию, стимулированию, активизированию осмысленного и продуктивного ее реализации, планированию, организации, коммуницированию, координированию, контролированию, регулированию, корректированию, консультированию, диагностированию, прогнозированию, к работе с информацией и пр. Эти функции взаимосвязаны и реализуются, только если университетский преподаватель является личностью, которая может создавать и развивать личности, ориентированные на исследование и творческое совершенствование. Основательны тезисы приверженников гуманной педагогики о фасилитировании, поощрении, стимулировании, способствующем достижению успехов в исследовательской деятельности [2]. Ориентирование на развитие личности учащихся требует от преподавателя профессиональной и педагогической компетентности, требует быть гуманной лично-

стью со своим индивидуальным стилем, тактом, культурой, позволяющим ему применять традиционную и нетрадиционную педагогическую технику, развивать сильные стороны студентов, нейтрализовать их уязвимые проявления. Личностно-центрированная исследовательская деятельность связывается с осуществлением интенсивного педагогического взаимодействия, эмоционального ценностного общения и создания психоклимата, которые нацеливают студентов на рациональный выбор стратегии исследования с учетом достижения успешных результатов и осмысливания свободного времени. В этом аспекте современное личностноцентрированное обучение требует переосмысливания субъектной активности студентов. Каждый студент имеет свой опыт для эксперимента и исследования. Полезно, чтобы университетский преподаватель стимулировал стремление студентов к раскрытию и развитию их собственных сил и возможностей в исследовании, помогал и содействовал созданию адекватных условий. Поэтому парадигма *компетентностно-ориентированного исследования* связывается с теми компетенциями, которыми должна овладеть личность, чтобы реализовать эксперимент качественно: специфичные для решения проблем конкретной научной области, конструктивные, интерактивно-коммуникативные, информационные, социокультурные, санитарно-экологические, организационно-технические.

Экспериментальную деятельность принято считать тихой работой, но когда она осуществляется в группе, есть возможность привлечь интерактивность, осуществление интенсивного взаимодействия, диалогичность, обмен научными идеями, предположениями, догадками. Именно через интерактивный характер обучения возможно включить в большей степени антропологический компонент, а это, со своей стороны, позволяет достигать сбалансированности сциентично-технологичной модели университетского образования, базированного на исследованиях. В этом направлении *парадигма партнерства, согласованности обеих сторон, их сотрудничество и договоренность* требуют от преподавателя взять на себя роль консультанта, медиатора, помощника. Добровольное включение студентов в деятельности, базированные на эксперименте, является предпосылкой усвоения ими конкретного учебного содержания, культуры и методологии научного исследования в единстве, развития личностных качеств и постановки студентов в позицию открывателей научных истин, обращающихся к творческому самосовершенствованию [3].

Интерсубъектность научно-исследовательской деятельности нацелила настоящее исследование

на установление точек зрения преподавателей и студентов-педагогов на этот феномен. Производит впечатление, что каждая из отраженных парадигм присутствует в оценке сравнительно большей части исследованных лиц. Так, компетентностно-ориентированное экспериментирование учитывается половиной исследованных студентов (53,48%). Реализацию научно-исследовательской деятельности как личностно-ориентированной принимают 51,42% всех преподавателей, но среди студентов их относительная часть ниже (37,85%). Устанавливается, что не придается значимость определению рациональной меры между когнитивным и эмоционально-волевым компонентом при экспериментировании. Поэтому велика относительная доля преподавателей (48,58%), которые не осуществляют технологию экспериментирования как технологии диалогичности, партнерства, сотрудничества, создания ситуации успеха. Исследование устанавливает, что в университетской подготовке будущего учителя присутствуют различные разновидности экспериментирования, причем демонстрационный эксперимент (всегда – 3,80%, часто – 59,52%, иногда – 29,76%) представлен шире, чем лабораторный (всегда – 1,9%, часто – 19,04%, иногда – 40,95%, никогда – 23,8%). По мнению студентов, исключительно редки случаи использования виртуального эксперимента (иногда – 2,30%, никогда – 83,80%), а из разговоров с ними выясняется, что чаще всего это случается в подготовке учителей естественных наук.

Для установления зависимостей между исследуемыми феноменами применяется корреляционный анализ через использование коэффициента Пирсона (r) и коэффициента детерминации (r^2). Результаты преобразующего исследования показывают, что между всеми исследованными связями наблюдается прямая зависимость. Наличие корреляционных зависимостей между использованными видами эксперимента в обучении и полученными результатами говорит о том, что исследованные студенты связывают свои достижения с реализацией учебного экспериментирования и с их активным включением на различных этапах его технологической реализации, с проявлением субъект-субъектных отношений. Данные показывают, что в контрольных группах преобладает высокая и умеренная корреляция в отношении демонстрационного и лабораторного эксперимента и слабая корреляция относительно виртуального эксперимента, в отличие от экспериментальных групп, в которых имеется перевес высокой и сильной корреляции с показателями, близкими к функциональным. Производит впечатление, что, независимо от широкого исполь-

зования демонстрационного и лабораторного эксперимента в обеих группах, существуют значительные различия корреляционных зависимостей в отношении определенных аспектов сформированных компетенций. Так, например, в 77,44% (r^2) случаев в экспериментальных группах повышение степени реализации виртуального экспериментирования ведет к повышению уровня формирования конструктивных компетенций, в отличие от контрольных групп, где этот процент вариаций между переменными значительно ниже – $r^2 = 0,33\%$. Для количественной проверки гипотез формулируются статистические гипотезы (нулевая гипотеза H_0 и альтернативная гипотеза H_1). Их проверка выполняется через статистический критерий t (t – распределение по Стьюденту). Для экспериментальных групп при $r = 0,88$ статистический критерий показывает величину $t = 2,439$, что превышает критический показатель критерия Стьюдента (2,132) при избранном уровне достоверности $\alpha = 0,05$ и величине степеней свободы v ($v = n - 2$; n – число коррелированных пар измерений). Принимается альтернативная гипотеза H_1 , что высокая степень применения виртуального эксперимента в сочетании с реальной оказывает сильное воздействие на формирование у студентов анализируемых компетенций. Проверка, проведенная в контрольных группах при $r = 0,057$ по тому же критерию, показывает величину $t = 0,081$, которая ниже критической.

Заключение. Анализ результатов показывает, что еще не оказывается должной заботы функциям экспериментирования и его реализации с учетом современных парадигм. Существуют открытые проблемы, связанные с качественными характеристиками исследовательской деятельности, взаимодействием со студентами, активизацией их в процессе ее проведения, ресурсным обеспечением экспериментов. Нахождение адекватных решений при осуществлении образования, базированного на исследованиях, с учетом обозначенных парадигмальных оснований способствует повышению качества университетской подготовки будущих учителей.

Литература

1. Радев, П. Философия на образованието / П. Радев. – София: Фабер, 2009. – С. 25.
2. Каленникова, Т. Г. Основы психологии и педагогики / Т. Г. Каленникова, А. Р. Борисевич. – Минск: БГТУ, 2009. – 151 с.
3. Шивачева, В. Интерактивни технологии в обучението на бъдещите учители / В. Шивачева. – Габрово: Екс-Прес, 2009. – 340 с.

Перевод с болгарского Е. В. Кремаковой

Поступила 30.03.2011

УДК 821.163.2

Нели Иванова, доктор педагогических наук, профессор
(Софийский ун-т «Св. Климент Охридски», Болгария)

СТАНОВЛЕНИЕ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБНОСТИ К ЧТЕНИЮ У ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

В статье раскрываются периоды развития болгарской литературы с середины XVIII в. до современности. Анализируется тематика произведений, различные художественные методы и приемы и их роль в формировании личности ребенка. Поднимается вопрос о ценностях болгарского фольклора и классической литературы, показан их неповторимый стиль и язык для воспитания современной молодежи. Делается вывод, что болгарская литература является важным средством формирования у подростков потребности в самосовершенствовании, целеустремленности, активности, развития интеллектуальных способностей и метаценностей.

The characteristics of the different periods of the development of children's literature in Bulgaria – from the folklore to our days – are clarified in the article. The main focus is on the ideas of the representatives of the different children's literary schools and their works. The role of the literature for children for the formation of the next generations' reading culture and interests in reading are underlined.

Введение. Формирование потребности в чтении у подростков реализуется через произведения анонимного творчества (фольклора) и художественную литературу – личное творчество.

Дети прикасаются к художественной словесности через произведения художественной литературы, созданные специально для них, интерпретирующие волнующие их проблемы в доступной стилистике. Кроме литературных произведений, написанных специально для детей, в круг детской литературы входят и литературные произведения, написанные первоначально для взрослых, но попавшие в учебники и хрестоматии для начальной школы и превратившиеся в предпочитаемые произведения для детей. По этой причине в речевой практике бытуют два понятия «литература для детей» и «детская литература».

Согласно Мл. Енчеву, термин «литература для детей» не изменяет своего традиционного эстетического обхвата, продолжая представлять, как и прежде, все литературные произведения, сознательно адресованные детям. Различия от предшествующей практики фокусируются в редуцированной совокупности текстов, называемых «детская литература», включающей уже только произведения, адекватные детским читательским предпочтениям. Практически в самых общих чертах это сводится к следующему: во-первых, было бы неточно использовать понятие «детская литература» для обозначения всей совокупности произведений, написанных для детей, представляемой как в глобальном, так и в национальном плане – такие всеобъемлющие и исчерпывающие возможности имеет только термин «литература для детей»; во-вторых, синонимичное употребление

обоих терминов допустимо, но не принципиально и тотально, а единственно в отношении конкретного текста или группы текстов, характеризующихся доказанной адресованностью к ребенку и с несомненной «детскостью» своего рецептивного потенциала» [1].

Основная часть. Первые словесные художественные произведения для детей – это произведения *детского фольклора*.

Литературные, авторские произведения для детей появляются позже, в эпоху письменности.

Начиная с возникновения первых книг, входящих в круг детского чтения (от появления Паисиевой «Истории славяноболгарской»), оформляются *несколько основных периодов в развитии литературы для детей*, а именно:

- первый период – с *середины XVIII в. до Освобождения Болгарии от Османского владычества* [1878 г.];
- второй период – *от Освобождения до Первой мировой войны*;
- третий период – *от конца Первой мировой войны до 1944 г.*;
- четвертый период – *после 1944 г.*

Эти периоды совпадают с развитием болгарской литературы вообще, частью которой является и детская литература [2].

Подобную периодизацию в развитии болгарской литературы для детей делает и Ж. Атанасов: до Освобождения Болгарии от Османского владычества; от Освобождения Болгарии от Османского владычества до конца XIX в.; от начала XX в. до конца Первой мировой войны; от конца Первой мировой войны до 1944 г.; от 1944 г. до наших дней.

К предложенным периодизациям в развитии болгарской литературы для детей необходимо добавить и

• период *после 1989 г.*, т. е. *период, связанный с демократизацией нашего общества.*

Как видно из предложенных периодизаций, общественное развитие накладывает на литературу для детей свой отпечаток. Это находит выражение как в отношении проблематики, интерпретированной в произведениях для детей, так и в отношении тенденций в развитии литературы для детей.

Начало детской литературы можно искать в фольклоре.

Детский фольклор. Сокровищница фольклора отражает вожелания людей и национальный колорит. Прикосновение детей к богатству образов и идей фольклорных произведений содействует формированию эстетического вкуса и пиетета к нравственным ценностям. *Сказки, народные песни, пословицы, поговорки, загадки* и т. п. Являются частью фольклорного богатства каждого народа. К анонимным кратким жанрам принадлежат и сентенции, и крылатые выражения.

Сказки являются частью духовной культуры народа и наследия нравственных и эстетических ценностей человечества в целом. Мир сказок несет в себе богатство образов и идей, тем и сюжетов и житейскую мудрость, накопленную в веках. *Пословица* как краткий фольклорный жанр отличается своей неповторимостью и оригинальностью. Для пословицы характерно многообразие жанровых проявлений, синтаксических конструкций, образов и языковых выразительных средств и художественных приемов, глубокий подтекст и нравственные послания. *Поговорка*, в сравнении с пословицей, не так многозначна. Ей не достает притчи, широкого обобщения и поучительного характера, присутствующих в пословице. *Загадка* также принадлежит к кратким фольклорным жанрам – подобно пословице, поговорке, скороговорке, причитанию и прочему. Загадка как фольклорный жанр отличается образно-эмоциональной формой, через которую намекается на скрытый предмет; краткостью; поэтичным характером; остроумием и т. п.

Первыми книгами для детей у нас были учебные книги, отвечающие необходимости обучения детей грамоте. К сожалению, не располагаем источниками, из которых можно было бы сделать выводы, какие именно книги читали дети тогда и в более поздние века – во время Второго болгарского царства и в первые века Османского владычества. Книги, дошедшие до нас и о которых имеем сведения, что они входили в круг чтения болгарских детей, появились в эпоху Возрождения. Это те же книги, которые называют начало новоболгарской литературы – **Паисиева «История славяноболгарская»**,

«Житие и страдания грешного Софрония» и др. [3].

Петко Рачов Славейков – один из перво-создателей болгарской детской литературы – болгарский поэт, публицист, фольклорист и политик. Кроме этого, поэт, писатель и журналист П. Р. Славейков остается в болгарской литературе и как переводчик, филолог, фольклорист, основоположник болгарской литературы для детей, автор учебников; проявляет себя как географ, историк и мемуарист. Пишет под множеством псевдонимов. Издает *«Болгарские притчи и пословицы и характерные слова»*, исследует болгарские обычаи, обрядовую систему, демонологию и народопсихологию. П. Славейков ратует за реальное, светское образование и является продолжателем традиции, завещанной П. Бероном его *«Рыбным букварем»* с первой четверти IX в.

Большинство его стихотворений выражают любовь к родному, Родине, природе, умению, труду и знанию, к России и т. п. Его произведения отпечатаны в следующих книгах: *«Първа читанка»* [*«Первая хрестоматия для начальной школы»*] (1868), *«Кратка читанка»* [*«Краткая хрестоматия для начальной школы»*] (1869).

В созданных П. Славейковым стихотворениях, баснях, небылицах, считалках и песенках выражаются нравственные, идейно-политические и эстетические взгляды творца и представляют его современным читателям как прогрессивно мыслящего общественного деятеля и радетеля посредством созданного им поэтического слова за новое образование, за новую педагогику, как формирующего нравственные добродетели и чутые к красоте поэтической речи, к красоте окружающего нас мира. Стихотворения Славейкова связаны с основными проблемами нашего общественно-политического развития второй половины XI в. до Освобождения и от Освобождения до 90-х гг. XI в. Поэтому характерным для поэзии Славейкова является идейность, народность, актуальность и жизнерадостность, реализм. Любовь к отечеству и народу – ведущая тема в поэзии П. Славейкова для детей.

Ряд болгарских поэтов и писателей учатся поэтичному мастерству П. Р. Славейкова при создании поэзии для детей.

Литература для детей от Освобождения от Османского владычества до Первой мировой войны. Непосредственно после Освобождения литература для детей все еще ограничена как по числу произведений, входящих в круг чтения детей, так и по числу писателей, пишущих для детей. Все еще литература для детей не может ответить высоким требованиям, которые выдвигает ей наша демократическая общественность,

а именно – помогать быстрому развитию культурной жизни в стране, активно содействовать демократизации культуры, помогать школе в учебно-воспитательной работе. Сколь острой была потребность в художественном чтиве в то время становится ясно из предисловия к хрестоматии для первого класса, составленной в 1884 г. Ат. Т. Илиевым: «Имея перед глазами большую пустоту, которая чувствуется в наших школах из-за отсутствия очень нужных пособий для изучения нашего отцовского и материнского языка, мы решились приняться за работу с полным сознанием большой трудности, которая нас ожидала» [4].

К концу XIX – началу XX в. у нас появляются первые писатели, пишущие исключительно для детей или посвящающие специально детям большую часть своих произведений: *Чичо Стоян, Цанко Церковски, Цоню Калчев, Васил Ив. Стоянов, Стоян Дринов, Трайко Симеонов, Ран Босилек и Елин Пелин*.

В указанный период появляется и первая у нас газета для детей «Славейче» [«Соловушка»] в 1906 г. под редакцией Дядо Благо и Чичо Стояна, увеличивается значительно и число произведений, написанных для взрослых, но вошедших и в круг детской литературы, обогащается также переводная литература: произведениями русской классической и западноевропейской литературы.

Новый толчок в развитии литературы в Болгарии дан талантливыми поэтами и писателями: *Константин Величков, Захари Стоянов, Стоян Михайловски, Алеко Константинов, Тодор. Г. Влайков, Пенчо Славейков, Антон Страшимиров, Кирил Христов, Пейо К. Яворов, Петко Ю. Тодоров* и др. Центральное место среди них занимает *Иван Вазов*. Большая часть произведений этих писателей-классиков пробуждают живой интерес у детей и юношей и становятся их любимыми произведениями, помогают им развивать свою речь, учат их любви к Родине и родной природе [5].

Появляются и специально написанные произведения для детей авторов *Ивана Вазова, Константина Велиčkова, Цани Гинчева, Чичо Стояна* и др.

Иван Вазов, названный патриархом болгарской литературы, продолжает дело П. Р. Славейкова в литературе для детей. Почти все его литературное творчество и особенно роман «Под игото» [«Под игомм»], повесть «Немилинедраги» [«Немилы-недороги»], поэма «Грамада» [«Громада»], патриотичные оды из «Епопея на забравените» [«Эпопея забытых»], рассказы «Една българка» [«Одна болгарка»], «Иде ли?» [«Идет ли?»], «Дядо Йоцо гледа» [«Дед Йоцо наблюда-

ет»] и другие, путевые записки и большая часть его стихотворений, – входит в золотой фонд литературы для детей. Но Вазов и специально пишет стихотворения для детей («Училище» [«Школа»], «Кон» [«Конь»], «Уловената птичка» [«Словенная птичка»] и др.).

Литература для детей от Первой мировой войны до 1944 г. Первая мировая война приносит нашей стране много жертв, голод и нищету. Болгария выходит из войны с расстроеной индустрией и сниженным производством сельского хозяйства.

Общественная ситуация накладывает свой отпечаток и на детскую литературу, провоцирует появление таких творцов, как *Трайко Симеонов, Гео Милев, Христо Смирненски, Никола Вапцаров, Христо Радевски, Камен Калчев, Емилиян Станев-младший, Ст. Ц. Даскалов* и др.

В этот период значительно возрастает число писателей, пишущих преимущественно для детей. Кроме уже знакомых авторов произведений (*Чичо Стоян, Елин Пелин, Трайко Симеонов и Ран Босилек*), для детей пишут и писатели, превратившиеся в классиков болгарской литературы для детей, такие, как *Дора Габе, Асен Разцветников, Елисавета Багряна, Константин Константинов, Ангел Каралийчев, Йордан Стубел, Калина Малина, Веса Паспалева, Лъчезар Станчев, Атанас Душков* и др.

Наряду с писателями, которые пишут преимущественно для детей, в этот период развития детской литературы включаются и писатели, писавшие преимущественно для взрослых. Некоторые из них издали также книги для детей, другие сотрудничали в журналах для детей, например: *Емануил Попдимитров, Георги Райчев, Николай Райнов, Добри Немиров, Стоян Чилингиров* и др.

Литература для детей после 1944 г. В первые годы после победы социализма в Болгарии создаются литературные сочинения, которые утверждают в детском сознании новый строй, воспитывают его в любви к народу, к рабочему классу, к народам других социалистических стран и т. п. Разрабатываются сюжеты из близкого прошлого, связанного с драматичной борьбой против фашизма, воссоздаются образы взрослых и детей – героев сопротивления. Создаются романы партизанской тематики. Находит отражение и интернациональная тематика: в рассказах *Ангела Каралийчева, Ст. Ц. Даскалова, Николы Маринова*, в поэмах *Веселина Ханчева, Валери Петрова, Леды Милевой и Асена Босева*.

Основная направленность в поэзии и прозе для детей состоит в отражении специфическим способом исторического оптимизма времени –

преданность и верность делу социализма, бодрость духа и готовность к учению и труду во имя будущего.

Кроме поэтов, пишущих для детей и до 1944 г., а именно: *Елин Пелин, Трайко Симеонов, Ран Босилек, Дора Габе, Елисавета Багряна, Христо Радевски, Асен Разцветников, Никола Фурнаджиев, Асен Босев, Веса Паспалева, Лъчезар Станчев* и других, – в поэзию для детей приходят как поэты, ранее писавшие для взрослых, так и более молодые авторы, а именно: *Веселин Ханчев, Валери Петров* и др. [6].

Литература для детей после 1989 г. После 1989 г., в период демократизации болгарского общества, в литературе для детей внимание авторов художественной образности обращается к непреходящим человеческим нравственным и эстетическим ценностям. Свобода слова, демократические перемены устраняют ограничения в подборе тем и в стилистике при интерпретации проблем, связанных с детским миром и душевностью.

В этот период продолжают создавать произведения для детей такие авторы, как *Леда Милева, Валери Петров, Марко Ганчев, Йордан Радичков, Георги Константинов, Петя Александрова* и др.

Авторы *Виктор Самуилов, Петя Александрова, Марко Ганчев, Валери Петров, Леда Милева, Йордан Радичков, Панчо Панчев* и другие становятся любимыми для современных детей.

Современная болгарская сказка преимущественно авторская. Очень редко появляются сборники с пересказанными народными сказками, и причиной этому служит не только сниженная престижность пересказа как вида литературной деятельности, сколько обескураживающий для молодых писателей пример выдающихся рассказчиков, например: *А. Каралийчева, Рана Босилека, Николая Райнова, Светослава Минкова* и др. Из современных авторов литературных сказок производят впечатление имена таких творцов, как *Марко Ганчев, Георги Константинов, Петя Александрова, Румен Шомов, Иван Мариновски, Кръстьо Станишев, Радой Киров* и др. От пластичных и увлекательных юмористических сказок М. Ганчева через поучительные и добродушные сказки Г. Константинова до пестрых образных сказок П. Александровой и Ив. Мариновского раскрываются разнообразные и яркие проявления парадоксального в детской сказке. **Гротеск, небылица, гиперболизация и уменьшение, олицетворение** – вот основные приемы детских авторов, через которые в современных сказках достигается ирония и парадокс. Но если

в сказках, например, Марко Ганчева, необыкновенное, парадоксальное идет от слияния несовместимых представлений и начинает жить новой жизнью через отдельный случай, предмет или действие, то в сказках Г. Константинова небылица является лишь трамплином для защиты какого-то нравственного тезиса. Г. Константинов акцентирует не столько необыкновенное, сколько нравственный вывод из него. Провоцирование детского мировоззрения сливается с нравоучительной целью. П. Александрова же синтезирует одухотворенные предметы, конкретные метафоры и чувственные парадоксы, ломая несовместимые по размеру рамки и синтезируя их в единое целое. У Р. Шомова, в свою очередь, парадоксы и небылицы проистекают из естественного хода событий, как, например, при этом части разломанных времени и пространства перегруппируются. У Ив. Мариновского парадокс, порожденный одним событием, в свою очередь порождает все новые парадоксы и парадоксальные столкновения. В творчестве цитированных современных болгарских творцов авторских сказок поэтика нонсенса находит своеобразное проявление в соответствии с творческой натурой писателя [7].

Заключение. В современной литературе для детей поэзия и проза интерпретируют темы, связанные с миром ребенка – детские игры и шалости, волнения и желания, любовь к прекрасному и родному, к природе, детскую любознательность, неизвестные миры и пр. Художественная стилистика современной литературы для детей отличается богатством образов, творческими интенциями и оригинальностью выражения, свободой выбора тем и образов героев и слов образов.

Литература

1. Енчев, Мл. Българска литература за деца. Интерпретации на текстове / Мл. Енчев. – В. Търново: Университетско издателство «Еп. К. Преславски», 1999. – С. 16.
2. Димитров, П. Нашата детска литература / П. Димитров. – София: Екс-Прес, 1954. – Ч. 1. – С. 46.
3. Там же. – С. 54.
4. Там же. – С. 84.
5. Там же. – С. 81.
6. Там же. – С. 194.
7. См. Хаджикосев, С. Вълшебният свят на детството / С. Хаджикосев. – София: Отечество, 1989. – С. 78.

Перевод с болгарского Е. В. Кремаковой

Поступила 30.05.2011

УДК 316.324.8

П. А. Водопьянов, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси (БГТУ);
Ч. С. Кирвель, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой (ГрГУ)

ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье дана содержательная интерпретация постиндустриального общества в его западной модели, показана ограниченность следования по его пути многими странами мирового сообщества, раскрыты общие признаки постиндустриализма, выявлены его противоречия на современной стадии развития общества. Обосновывается положение о возможности дальнейшего прогресса человечества при условии смены сложившихся мировоззренческих ориентаций во взаимодействии общества и биосферы, намечаются основные направления дальнейшего развития цивилизации.

The article presents contextual interpretation of the postindustrial society in its western model and reveals some negative consequences of its following by many countries of the world community. In the article common features of postindustrialism are described and its contradictions on the present stage of social development are revealed. It substantiates the statement that the further progress of the mankind is possible only if there are changes in the existing outlook orientation in the relationship of society and biosphere. In the article the main directions of civilization development are outlined.

Введение. Постиндустриальное общество – это общество, в экономике которого в результате достижений научно-технической революции, значительного повышения уровня и существенного роста доходов населения приоритет в экономическом развитии перешел от преимущественного производства товаров к оказанию услуг.

Основным производственным ресурсом на стадии постиндустриального общества являются информация и знания, а научные разработки становятся главным определяющим фактором экономики. Уровень образования, профессионализм, обучаемость и креативность являются качественными характеристиками специалистов, способных решать сложные производственные задачи.

Основная часть. Постиндустриальное общество, по мнению ряда западных ученых, определяется как высшая стадия эволюции современной западной цивилизации, которая намечает перспективы развития цивилизации.

Несмотря на имеющиеся различия в понимании постиндустриализма, существует ряд общих признаков, присущих данной стадии развития общества, таких как переход от производства товаров к оказанию услуг и расширению их сферы, доминирование профессионального и технического персонала, переход от следования рыночным принципам к постэкономическим ценностям и активному социальному регулированию, радикальному изме-

нению прежних методов и форм труда, максимальному использованию творческого потенциала работников, формированию нового типа семьи и новых форм социального партнерства, повышению роли научного знания и изменению системы образования и т. п. При этом сторонники концепций постиндустриального общества уделяют особое внимание широкому применению информационных технологий, распространению гибких форм мелкосерийного производства, приходящего на смену унифицированному массовому производству и потреблению. Благодаря всеобщему доступу к основному ресурсу постиндустриального общества – знаниям, по мнению ряда исследователей, произойдут существенные изменения в его социальной структуре, будут размываться и исчезнут границы общественных классов, на смену собственности как критерию социальной стратификации общества придет уровень образования и накопления знаний.

В отличие от индустриального общества, раздираемого классовыми противоречиями и социальными конфликтами, стадии постиндустриализма, с точки зрения сторонников этих концепций, будет присущ только один основной конфликт между знанием и эффективностью – с одной стороны, некомпетентностью и неэффективностью – с другой.

Вместе с тем теоретические установки далеко не всегда соответствуют их реальному воплощению в жизнь, что в полной мере

соответствует и концептуальным положениям постиндустриального общества.

Современная стадия постиндустриализма отнюдь не выступает в качестве гуманистической альтернативы индустриально-рыночной цивилизации, а ведет к новым, еще более жестким вызовам природе и культуре. Неслучайно ряд исследователей в замыслах «постиндустриального» и «информационного общества» и других обществ усматривают некоторую фиктивность и относят их к числу интеллектуальных фантомов. «Что касается "постиндустриального общества", "сверхиндустриализма", "пост-фордизма", "информационного общества", "второго индустриального раскола", "информационной революции", "экономики знаний", "сетевого общества", "новой экономики" и т. п., то это термины либо от философии номинализма, либо от идеологии иллюзий», – отмечает С. Губанов [1, с. 3].

Такого рода утверждения далеко не случайны. Даже Д. Белл – один из основоположников и теоретиков постиндустриального общества в своей новой книге «Эпоха разобщенности» подчеркивал, что проблематику, связанную с теорией постиндустриального общества, он считает «пройденным этапом» [2].

И такое утверждение закономерно, поскольку недооценка роли индустриального производства лишена оснований, и потому следует вести речь о переходе ведущих индустриальных стран не к постиндустриальному обществу, а к новой стадии индустриального развития – неоиндустриализации [1, 3–6].

Под неоиндустриализацией обычно понимается совокупность автоматизированных или технотронных производительных сил, а сама индустриализация не есть одноразовый процесс, завершаемый становлением крупномашинного производства.

В реальности практика представила не одну, а две фазы индустриализации. Первая фаза индустриализации имеет своим результатом электрификацию производительных сил общества, а вторая фаза привела к возникновению автоматизированных или технотронных производительных сил. «Действительно, всеобщая электрификация выступает основой всеобщей автоматизации или компьютеризации производительных сил. Автоматизировать паровые машины и средства производства, т. е. интегрировать их цифровыми технологиями, было невозможно. Действует принцип последовательности или эволюции средств производства: компьютеризируется или автоматизируется только то, что электрифицировано. Вначале общество добивается электрификации, и лишь затем оно

получает возможность автоматизации своих производительных сил» [1, с. 17].

В концепции «неоиндустриализма» на основе анализа производства средств производства и производства предметов потребления подчеркивается, что экономика развитых стран осуществляется за счет производства средств производства, а не услуг.

Ссылаясь на официальные данные относительно межотраслевых балансов (таблиц «затраты – выпуск»), сторонники неоиндустриализма подчеркивают, что «удельный вес средств производства во всех без исключения странах "большой семерки" превышает 50%... В США доля средств производства в совокупном общественном продукте составила по итогам 2009 года более 55,8%, а в Германии – свыше 58%, в Японии – около 60%. Все остальное приходится, естественно, на второе подразделение, на производство предметов конечного потребления» [1, с. 12]. Сегодня, к примеру, совокупное конечное потребление домохозяйств в США почти на $\frac{2}{3}$ обеспечивается не услугами, а материальными товарами.

Разумеется, это не означает отрицания прогресса в развитии нынешней стадии экономики развитых стран... Напротив, реальный прогресс несомненен, но его суть состоит в другом – «в изменении пропорции между занятыми собственным трудом и занятыми обеспечением функции целесообразности труда: разработкой продуктов, материалов, технологий, средств производства с новыми полезными свойствами, оптимизацией форм организации интеграционных связей в производстве, автоматизацией планирования и проектирования работы технологических цепочек, сбыта и снабжения предприятий и корпораций в целом.

Затраты рабочего времени общества на обеспечение целесообразности труда и впрямь становятся больше, чем непосредственные затраты на осуществление самого индустриального труда. В экономике США названная пропорция составляет, по приблизительным оценкам, 50 на 50. Иными словами, на одного работника, занятого выполнением индустриально-трудовых операций, приходится один работник, занятый обеспечением функции целесообразности труда, т. е. разработкой более прогрессивных и эффективных средств производства» [1, с. 14].

Важно отметить и то обстоятельство, что творческий труд, в котором исследователи усматривали чуть ли не одну из самых существенных характеристик постиндустриального общества, на сегодняшний день остается уделом немногих, а большинству по-прежнему приходится довольствоваться либо рутинным

трудом, либо вынужденным досугом и «расширенным потреблением». Тем самым можно утверждать, что постиндустриальное общество в нравственном аспекте далеко не безупречно и покоится на зыбкой почве.

Современное капиталистическое производство существует и функционирует ради прибыли и для частного присвоения прибыли. Рыночные отношения выходят далеко за пределы экономики и активно вторгаются в другие сферы жизни: семью, политику, образование, здравоохранение и т. п. Это дало основание некоторым исследователям назвать этот процесс «рыночным вызовом цивилизации» (А. Панарин). Если на заре возникновения постиндустриализма предполагалось, что центральным социальным институтом общества будет университет как источник творчества, то сегодня центром социума зачастую становится банк как «сборщик дани» с любой производительной активности. В самом лучшем случае, то, что называли постиндустриализмом, превратилось в новый виток научно-технической революции, продолжением техногенного пути развития на основе более рафинированных технологий. В худшем случае, постиндустриализм грозит выродиться в такой путь экономического развития, в котором господствует экономический эгоизм, бездуховная сила, алчность, праздность и другие пороки.

Как следствие этого, надежды и помыслы целого ряда футурологов относительно постиндустриальной перспективы в развитии человечества, похоже, не оправдались. Развернувшиеся на нашей планете трансформационные процессы явились реальным препятствием на пути осуществления данных упований и надежд. Более того, глобальный экономический кризис – еще одно свидетельство ущербности постиндустриализма.

В самом деле, как можно считать постиндустриальным обществом такую организацию экономической жизни, при которой индустриальное производство сконцентрировано в одних регионах планеты, а печатание денег и потребление – в других странах? Это просто не что иное как перенос производства из одной сферы в другую со всеми вытекающими отсюда последствиями.

На практике постиндустриальное общество в его западной модели обернулось лишь перераспределением мировых ролей: высокоразвитые страны освобождаются от индустриальной функции – перерабатывающей промышленности – и становятся центром мировой финансовой игры и перераспределения ресурсов; индустриальные функции передаются определенному количеству стран «второго эшелона

развития», способным обеспечить успешное функционирование перерабатывающей промышленности; на остальные страны выпадает роль поставщиков сырья и дешевой рабочей силы. Причем постсоветскому пространству – части мировой периферии, богатой сырьевыми ресурсами и осуществившей в свое время собственными силами индустриализацию, предстоит в соответствии с данным распределением ролей деиндустриализоваться и превратиться в ресурсного и экологического донора западного центра силы. Такова структура мира, планируемая и выстраиваемая на нынешней фазе развития капиталистического общества. Поэтому в своем нынешнем, буржуазно-либеральном варианте концепция постиндустриализма не представляет никакой реальной альтернативы экологически разрушительному индустриализму, инструментально-потребительскому отношению к миру.

В настоящее время наша планета оказалась разделенной на две части не только по уровню научно-технического и экономического развития, но и по экологическому признаку, на страны экологических доноров, интересы которых никак не защищены справедливыми законами и эффективным контролем, и страны-перципиенты, имеющие возможность (безвозмездно и безнаказанно) потреблять чужие экологические ресурсы в размерах, далеко превосходящих воспроизводство этих ресурсов на их национальных территориях.

Сегодня в связи с означенными процессами человечество оказалось в ситуации своего рода экологического антагонизма [7, с. 14]. Богатые страны не желают поступиться своим «образом жизни», а страны третьего мира с их увеличивающимся населением не могут отказаться от развития и экономического роста. «Конкуренция за ограниченные земные ресурсы втягивает богатый Север (Запад) и бедный Юг (Восток) в конфликтные отношения (которые проявляются также в форме культурно-цивилизационных противоречий), побуждая придавать особое значение фактору силы в мировой политике и расходовать все больше средств на вооружение, в том числе и на разработку его новых видов.

Драматизм ситуации состоит в том, что стремление ряда стран мирового сообщества приблизиться к стандартам потребления в западноевропейских странах на нынешней технологической основе может быстро натолкнуться на абсолютные пределы ресурсов, находящихся в распоряжении человечества. Такие попытки неизбежно обернутся коллапсом, подлинной экологической катастрофой. Например, если бы все страны достигли уровня потребления энергоресурсов на душу населения такого как

в США, то нефть и газ были бы выкачены из недр Земли за одно десятилетие» [8, с. 286], и потому путь, приведший промышленно развитые страны к процветанию, не может быть приемлем для всех стран мирового сообщества.

Ныне охвативший все страны мирового сообщества глобальный финансово-экономический кризис выявил новые тенденции развития современного мира, внес существенные поправки в устоявшиеся представления относительно будущего человечества. Наряду с другими кризисными явлениями он существенно ускорил процесс переосмысления теоретических и идеологических основ, на которых до недавнего времени базировались концепции постиндустриального общества по западному образцу.

Стало очевидным то, что подспудно вызревало уже на протяжении нескольких десятилетий: «ведущие капиталистические державы и их партнеры-союзники из числа стран "золотого миллиарда" не являются неоспоримыми лидерами мирового развития. Став эпицентром глобальных финансовых потрясений, они не просто скомпрометировали себя, но и продемонстрировали остальному миру, что чрезмерная зависимость от них как источников финансирования и рынков сбыта чревата большими опасностями для стран, в такой зависимости оказавшихся» [9, с. 53].

В результате, что особо следует подчеркнуть, эффективность присущей евроатлантической цивилизационной модели развития повсеместно стала подвергаться сомнению и критике, в том числе и в западной литературе. Так, американский экономист Роджер Олтман в своей статье «Геополитическое поражение Запада» пишет о том, что «глобальный финансово-экономический кризис подорвал доверие к экономике Запада, что он уводит мир от однополярной системы и смещает мировой фокус в сторону от США» [10]. Британский эксперт Андриан Пабст заключает: «Мир больше не будет тянуться за Западом. "Атлантическая однополярность"... уже не формирует и не направляет глобальную геополитику и геоэкономику» [11, с. 90]. Джордж Е, министр иностранных дел Сингапура, отмечает: «Развивающиеся страны уже не станут устремлять свои взоры только на Запад как источник вдохновения; они тоже повернутся к Китаю и, может быть, к Индии» [12, с. 29]. А бывший премьер-министр Бельгии Ги Верхофстадт утверждает, что «...мы в каком-то смысле возвращаемся к региональным империям и вступаем в новый век...» [13, с. 26–27].

Итальянский исследователь Алессандро Полити констатирует, что «идеология рыноч-

ной экономики (невидимая рука, витальная сила и демократия рынка) подорваны» [14, с. 68]. Д. Белл, анализируя процессы регионализации мира, приходит к выводу о том, что наша эпоха становится «эпохой разобщенности». Он подчеркивает, что, несмотря на усилия некоторых политиков сконструировать однополярный мир, реальные события идут своим чередом. «Именно поэтому, – согласно его утверждениям, – мы наблюдаем сегодня прецеденты региональной интеграции... Регионы – вот те политические, социальные и культурные единицы, из которых будет строиться мир XXI века» [15, с. 6]. Английский исследователь Н. Фергюссон предсказывает: «Если события будут и далее развиваться так, как они развивались в последние несколько десятилетий, двухвековому доминированию Европы, а затем и ее гигантскому североамериканскому отпрыску, придет конец. Япония была лишь провозвестником азиатского будущего. Она оказалась слишком мала и слишком интравертна, чтобы изменить мир. Но те, кто идет вслед за ней – и, прежде всего, Китай, – свободны от этих недостатков... Европа была прошлым, США являются настоящим, а Азия, с доминирующим в ней Китаем, станет будущей мировой экономикой» [16].

Даже небезызвестный З. Бжезинский признает, что «...глобальное доминирование атлантических держав подходит к концу» [17, с. 17]. Такова реальная ситуация, сложившаяся в развитых странах мира, которая обозначила тупики постиндустриализма...

Со времени утверждения на мировой арене финансово-олигархического капитализма человечество вступило в новую фазу своего развития – фазу «игрового» (если так можно выразиться) капитализма, втягивающего в крупную спекулятивную игру всю мировую экономику. Наиболее рельефным проявлением этого стало возникновение не имеющих аналогов в прошлом финансово-экономических «игровых» технологий, способных подрывать национальный суверенитет многих народов.

«Игровые» технологии изначально оказались ориентированы на дематериализацию богатства, придания ему знаковой формы для последующего включения в систему мирового информационно-электронного обмена, что на деле сплошь и рядом оборачивается откатом в развитых странах от продуктивной экономики и утверждением новой формы ростовщичества – господства «электронных денег» и власти виртуальной экономики, связанной с фиктивным капиталом, банка – над предприятием, а международной финансовой олигархии – над национальными

экономиками, т. е. по сути дела, новой формой паразитизма и глобального хищничества.

Однако «игровая» капиталистическая экономическая система – это система апокалиптически-катастрофическая, которая не имеет будущего, и потому, как отмечал А. С. Панарин, постиндустриальное общество не может возникнуть как результат простого углубления индустриальной эпохи, а будет представлять собой развитие по закону «отрицания отрицания», ознаменуется парадоксом «возвращения» к некоторым «исконным», традиционным принципам человеческого существования, явится результатом тотального преобразования ценностного типа, включая новые принципы жизнеустройства, открывающие долговременную перспективу для всех, а не для одних только потребительских обществ Запада; что механизм постиндустриального сдвига лежит не в сфере технологий, а в сфере человеческого духа, в системе ценностей [16].

Не следует также возлагать большие надежды в развитии общества на его информатизацию, поскольку благосостояние людей зависит, прежде всего, от материального производства. Причем основным ресурсом экономики, определяющим это самое благосостояние общества, выступает не информация, а энергия – это неоспоримо не только для индустриального, но и любого другого общества. Например, благосостояние США основывается на максимальном потреблении энергии, прежде всего ее носителя, нефти – 3 т на каждого человека в год [17]. Информация и знания действительны только при наличии энергии, а ее получение с помощью информационных технологий пока не достижимо. К тому же мы никуда не ушли от экономического неравенства, ни от разделения мира на Север и Юг, ни от повышения цен на продукты питания и их возрастающего дефицита в современном мире. На нашей планете сохраняется прежняя экономика и прежние социальные проблемы.

Кроме того, сам по себе рост объема информации не существенен, а главную роль для развития общества играет лишь ценность информации, увеличение которой далеко не бесспорно. Скорее растет количество бессмысленной информации, производимой на псевдоинтеллектуальных конвейерах, что приводит к существенным негативным трансформациям духовного мира человека («поколения пепси» и тому подобные термины обозначают эту ситуацию).

Правомерно ли сегодня любые модели развития общества, основанные на экономическом

эгоизме и фундаментализме, рассматривать в качестве магистрального пути развития человечества? Вряд ли.

Сегодня даже без особой исследовательской интуиции становится очевидным, что евроатлантическая цивилизация, основанная на идеологии неограниченного прогресса и потребительской психологии, и сама вступила в кризисное состояние, и всему человечеству навязывает бесперспективный, тупиковый путь развития. Мало того, что нынешний финансово-олигархический капитализм запутался в своих внутренних противоречиях, обернувшись глобальным финансово-экономическим кризисом, но он еще, помимо всего прочего, оказался принципиально несовместим с экологическим императивом.

Человечество достигло той точки в своем развитии, когда дальше невозможно совмещать экологическую безопасность и предпринимательскую рыночную экономику, основанную на принципе получения максимальной прибыли. А это означает, что мы стоим на пороге эпохи смены парадигм развития.

Становится очевидным, что сугубо потребительский вектор социально-экономического развития оказался неадекватным природным закономерностям и привел к глобальному экологическому кризису.

Похоже, уже пришло время, когда нельзя даже игнорировать факт моральной усталости техноцентрической модели развития, которая, хотя и обеспечила в свое время мощный рывок Запада, сегодня ведет весь мир к тотальной экологической катастрофе. Поэтому, как бы нам ни было тяжело расставаться с привычными взглядами, мы должны согласиться с данными современной глобалистики, указывающими на то, что продолжение сложившихся тенденций развития современной техногенной цивилизации уже в недалеком будущем будет закончено. Более того, проблемы, порожденные развитием техники, невозможно решать с помощью самой же техники, пусть даже еще более совершенной, что новая эффективная техника очистных сооружений, энергосберегающих технологий и других достижений научно-технического разума не поможет избежать экологического коллапса, что при любых сценариях технического развития планета не выдержит техногенной перегрузки. Все дело в том, что технический прогресс воспроизводит на Земле процессы, к которым эволюционно не приспособлены ни окружающая природа, ни сам человек. Ведь в естественных условиях на Земле нет источников атомной энергии, термоядерных реакций, нет природных квантовых генераторов,

не происходит в короткий промежуток времени массового образования материалов с новыми химическими свойствами, макротела не передвигаются со сверхзвуковой скоростью, не взлетают в космос многотонные массы и т. д. Все эти процессы являются инородными в макромире Земли, нарушают эволюционно установившееся природное равновесие, создают эколого-кризисные состояния. Поэтому ставка на либеральную программу всемирной вестернизации на деле представляет собой бесперспективный путь развития.

Это означает, что сегодня, для того чтобы выжить, человечеству необходимо реализовать другие стратегии, связанные с преодолением техноцентрической модели развития и возрождением этикоцентричных традиций мировой культуры, среди которых свое законное место занимает и наша, восточнославянская, православная традиция. Речь, собственно, идет об утверждении эпохи постэкономизма, которая будет означать смену приоритетов земной цивилизации в целом, переориентировку усилий человечества с инструментальной деятельности, направленной на удовлетворение растущих потребительских вожделений, с всепожирающего молоха экономизма и техноутилитаризма на деятельность, связанную с сохранением пригодной для обитания окружающей среды. В хозяйственном плане эта эпоха, как нам представляется, будет характеризоваться переходом от технически деструктивных к биологически конструктивным технологиям.

Заключение. Дальнейший прогресс человечества предполагает преодоление сугубо экспансионистской предпринимательской экономики, основанной на принципе получения максимальной прибыли и расширенного потребления.

Представляется обоснованным утверждать, что грядущий формационный «скачок» мировоззренческой, ценностной революции в развитии человечества явится в первую очередь результатом новой революции, равной по значению и масштабам, но принципиально отличной по своему содержанию от той, которая произошла в эпоху Возрождения. Задача этой революции – утвердить новые ценности, новую мировоззренческую систему координат, которая призвана обеспечить стратегию выживания человечества. Эта революция должна осуществить пересмотр идеалов, ориентированных на силовое преобразование окружающего мира, на безудержный технологический активизм, и выработать нравственные «противовесы» и «ограничители» устремлениям современной технологической цивилизации, выдвинуть и обосновать

новые общезначимые ценности, новое понимание перспектив человечества.

Литература

1. Губанов, С. Неоиндустриализм плюс вертикальная интеграция / С. Губанов // *Экономист*. – 2008. – № 9.
2. Белл, Д. Эпоха разобщенности / Д. Белл, В. Иноземцев. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007.
3. Амосов, А. К дискуссии о новой индустриализации / А. Амосов // *Экономист*. – 2009. – № 6.
4. Черковец, В. Инновационное производство как антикризисный ресурс / В. Черковец // *Экономист*. – 2009. – № 6.
5. Вебер, А. Б. Глобальное потепление и устойчивое развитие / А. Б. Вебер // *Свободная мысль*. – 2006. – № 5.
6. Моисеев, Н. Н. Расставание с простотой / Н. Н. Моисеев. – М.: Аграф, 1998.
7. Краснояров, В. Н. Глобальный кризис и изменение расстановки сил на мирохозяйственной арене / В. Н. Краснояров // *Российский экономический журнал*. – 2010. – № 4.
8. Олтман, Р. Великий крах – 2008: геополитическое поражение Запада / Р. Олтман // *Россия в глобальной политике*. – 2009. – Т. 7, № 1.
9. Пабст, А. Берлинская доктрина: от атлантической однополярности к панъевразийскому сообществу безопасности / А. Пабст // *Россия в глобальной политике*. – 2009. – Т. 7, № 1.
10. Ео, Дж. Эпоха великой переоценки / Дж. Ео // *Россия в глобальной политике*. – 2009. – Т. 7, № 1.
11. Верхофстадт, Ги. Три выхода для Европы: на пороге «нового века империй» / Ги Верхофстадт // *Россия в глобальной политике*. – 2009. – Т. 7, № 1.
12. Полити, А. После «бушеномики». От бездержавной многополярности к текучим балансам / А. Полити // *Россия в глобальной политике*. – 2009. – Т. 7, № 1.
13. Белл, Д. Эпоха разобщенности / Д. Белл // *Свободная мысль*. – 2006. – № 6.
14. Фергюссон, Н. Мир без гегемона / Н. Фергюссон // *Свободная мысль*. – 2005. – № 1.
15. *International Herald Tribune*. – 2008. – Dec. 17.
16. Панарин, А. С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке / А. С. Панарин. – М.: Логос, 1998.
17. Мясникова, Л. А. Экономика постмодерна и отношения собственности / Л. А. Мясникова // *Вопросы философии*. – 2002. – № 7.

Поступила 30.03.2011

УДК 37.01

В. П. Шалаев, доктор философских наук, профессор, декан
(Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия)

ЗАПАДОФИКАЦИЯ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ): ОПЫТ ФИЛОСОФСКО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье на примере метаморфоз современного образования исследуется феномен западофикации (уподобления и подчинения Западу) как фактор угрозы национальной безопасности отдельных стран и народов мира и человечества в целом на путях их дальнейшего развития. В центре внимания статьи находится процесс уподобления и подчинения образования западным моделям как процесс западного управления незападными странами и народами посредством унификации и обеднения возможностей института образования, особенно опасный в условиях глобализации и нарастающих глобальных вызовов современности.

In article, on an example of metamorphoses of modern formation, the phenomenon likening and submission to the West, as the factor of threat of national safety of the separate countries and nations of the world and mankind as a whole on ways of their further development is investigated. In the centre of attention of article process of likening and formation submission to the western models, as process of the western management by the not western countries and the people, by means of unification and pauperisation of possibilities of institute of the formation, especially dangerous in the conditions of globalisation and accruing global calls of the present.

Введение. Поставленный вопрос не может быть сущностно исследован вне полотна социальных процессов и изменений, произошедших с человеком и обществом за последнее столетие, особенно за последние несколько десятилетий и, прежде всего, в призме инверсий западной истории, решающим образом влияющей на остальной мир. Под воздействием унифицирующего влияния Запада мир становится все менее стабильным и предсказуемым. С философско-синергетической точки зрения мир является все более нестабильным и бифуркационным, т. е. его наличное состояние все более начинает подчиняться законам случайности, малой флуктуации, малого воздействия, способных привести мировую систему к необратимому социальному хаосу, когда уже наличный традиционный сдерживающий цивилизационный и культурный потенциал народов и государств мира будет неэффективен для упорядоченного решения встающих проблем, поскольку будет к тому времени уже достаточно размыт. Университетское образование имеет к этому самое прямое отношение.

Основная часть. В своих предыдущих работах мы уже не раз в той или иной мере исследовали данный вопрос и с позиций методологии, и с позиций проблемного полотна событий [1–7]. В ситуации нестабильности и непредсказуемости путей дальнейшего развития формирующейся глобальной системы любой из кризисов, связанный с деформациями базовых потенциалов всякого общества, способен сыграть решающую роль в их будущей

судьбе. Мировоззренческий фактор, заключенный в ряде потенциалов национальной безопасности, становится решающим. Связанное с ним образование и воспитание, в том числе и университетское, лежащее в основе социализации личности как гражданина страны, в этом смысле выступают важнейшими факторами сохранения и развития культурной и цивилизационной идентичности стран и народов современного нам мира.

Центральная роль в вопросе безопасности народов, безусловно, принадлежит институтам воспитания и образования в детстве и юности. Современные дети, молодежь отражают и воспроизводят общую атмосферу глобальной потребительской цивилизации, устремленной к индивидуальному успеху, культу телесного над духовным. В атмосфере экономической глобализации и общества потребления они во все большей степени становятся жертвами победы технологизма и инструментализма над гуманитарностью и духовностью.

Как наиболее сензитивная часть общества они копируют мировоззренческую атмосферу глобального общества, становясь плацдармом будущности народов в общечеловеческой истории. В этом смысле у современного института образования и воспитания, в том числе университетского, появились серьезные вызовы внутреннего и внешнего характера. С одной стороны, оно не может не быть образованием национальным, не может не работать на сохранение социально-культурной идентичности и сплоченности своего родного общества, с другой стороны, оно не может

не быть образованием глобализационным и не готовить молодых людей к жизни в большом, глобальном обществе, а значит, невольно становится трамплином для перехода молодых людей в наднациональные широты своей будущей социально-культурной реализованности и состоятельности.

В вопросе каким быть нашему отечественному воспитанию и образованию, мы сосредоточимся на университетской и среднепрофессиональной форме (колледжи) и в целом – на социализации молодых людей. Наша позиция здесь заключается в следующем:

1. Ситуация глобализации, понимаемая как распространение общества массового потребления и массового производства, на основе западной системы ценностей и западных образцов организации общественной жизнедеятельности народов, есть западнцентристский феномен, в основе которого фактор превращенной формы капитала, живущей по своим внутренним, над- и внеобщественным национальным, культурным законам.

2. Развиваемая и распространяемая Западом система профессиональной подготовки населения является одним из инструментов реализации глобализации в ее западификационной форме общества массового производства и массового потребления и, в конечном счете, выступает модусом, важнейшим свойством превращенной формы капитала, устремленного к общемировой западной форме организации жизни народов.

3. Двухступенчатый процесс высшего образования является фактором подготовки массовой исполнительской рабочей силы на уровне инструментального, узкомыслящего специалиста, на примере бакалавра прежде всего. Глобальному массовому производству необходима ускоренно подготовленная за 2–3 года, исполнительная, вышколенная рабочая сила, солидарная с ценностями общества массового производства и потребления и способная на высокий уровень мобильности по законам развития международного производства.

4. Готовящаяся по западным образцам в университетах и колледжах массовая рабочая сила изначально должна рассматриваться как профессиональная сила, лояльная к ценностям экономической глобализации, прежде всего ценностям общества потребления, высокого массового потребления и материального благополучия как главной ценности человека и общества Запада.

5. Готовящаяся в университетах и колледжах массовая рабочая сила должна быть наднациональной, приверженной ценностям глобального, но не национального общества, гло-

бальной, но не национальной культуры, что и реализуется в форме либерально-демократической системы образования и воспитания в современной, рожденной на Западе, глобальной модели двухступенчатого, практико-ориентированного образования.

В целом перед современными университетами и колледжами, в том числе и российскими, встали следующие важнейшие вопросы выбора своей ответственной миссии, в форме уже реально существующего дуализма: служить национальной или наднациональной системе ценностей, целей и интересов общественного развития, служить развитию общества потребления (ускоренное развитие сферы услуг и массового потребления) или общества развития (ускоренное развитие фундаментальных знаний и технологий) и др.

В этой ситуации все национальные университеты и колледжи, в том числе и российские, принявшие принципы западной двухуровневой системы образования, оказались в своеобразной ситуации буриданового осла. Переход на западные образцы организации учебного процесса делает их трамплином, гигантским интеллектуально-профессиональным насосом по перекачке огромного профессионального, интеллектуального ресурса из незападных стран в наднациональные, контролируемые западным капиталом и западной цивилизацией системы организации массового производства и потребления. Они становятся важным условием содействия массовой трудовой миграции наиболее профессиональных и мобильных кадров из стран незападных, стран третьего мира в развитые страны Запада.

Национальное университетское образование и образование в колледжах отрывается от хозяйственно-экономических традиций своих стран, от национальной культурной почвы и начинает поддерживать наднациональные формы экономической организации жизни народов. В конечном итоге, перекачка «серого вещества» становится формой дополнительной эксплуатации западным капиталом и бизнесом незападных стран. Интеллект («серое вещество») не может не рассматриваться в качестве важнейшего фактора, влияющего на национальную безопасность стран и народов незападного мира. В то же время он является важным фактором снижения экономической и политической состоятельности этих стран и народов в будущем.

С другой стороны, национальное университетское образование и образование в колледжах может остаться приверженным отечественным традициям организации образовательного процесса, сохранить накопленный

опыт подготовки специалистов, восприняв некоторые позитивные новшества, присущие западной системе образования. Дуализм национального высшего и среднепрофессионального образования различных стран мира выступает проявлением другого, более фундаментального дуализма общества потребления и общества спасения, свойственного глобальной экономической цивилизации. Между тем национальное образование, в том числе и российское, действительно могло бы сохранить в себе традиционную отечественную систему фундаментальной подготовки специалиста. Это в значительной степени повлияло бы на реализацию принципов национальной безопасности, которые должны занять в нашей системе образования гораздо большую роль, чем мы до сих пор привыкли это считать.

Наверное, можно выделить и другие тенденции. Но даже этого достаточно для постановки философского диагноза нынешнего состояния отечественного высшего и среднеспециального образования, как во многом кризисного, все более хаотического, переходного и непредсказуемого в своих последствиях для общества и страны. Но нет худа без добра. Осуществленный опыт западофикации нашего университетского и среднепрофессионального образования позволяет четче оценить, что мы приобретаем и что мы теряем, уточнить начальные цели, пути и формы задуманной и проводимой реформы высшего образования в контексте глобализации и проблем национальной безопасности страны и общества.

Полученный опыт на путях реализации болонского процесса позволяет российскому обществу и государству лучше понять систему образования на Западе, связанного с общим контекстом развития западного общества.

По нашему убеждению, Россия стоит на пороге переосмысления реформ образования. Этот период дает хорошие шансы диалектически взвешенному взгляду на все наши предшествующие опыты либерализации и западничества в подготовке специалистов. Главной миссией высшего и среднеспециального образования все же должна быть национальная приверженность и развитие своего общества, своей страны и своего государства. По-видимому, эпоха национальных границ – пока единственный фактор сохранения стран и народов. В этом смысле глобализация если и должна иметь место в будущем, то место это должно быть диалектически адекватным.

В исследуемой теме есть и еще одна грань национальной безопасности. Она заключается в том, что и сами западные страны в существенной степени становятся заложниками

расширяющегося влияния западной же модели организации образования и ее содержания на незападный мир. Влияние болонского процесса на западное образовательное пространство, безусловно, ведет к фрактальному повторению (тиражированию) этой модели западными странами. Это повторение (копирование) формирует ситуацию принципиальной идентичности образовательных моделей разных стран и народов мира. Несомненно, что приобретая общую формообразующую основу деятельности, национальные образовательные модели становятся понятнее друг другу, создают возможности для обмена и мобильности студентов и преподавателей, т. е. являются важным фактором взаимопонимания и развития в рамках общего образовательного пространства мира. Эти позитивные последствия кратковременны и, безусловно, противоречивы. Обратной стороной этих процессов становятся унификация и падение качества образования, особенно фундаментального, являющегося базисом научного и технического творчества в области практических сфер. Это обусловлено и бездумным копированием, западничаем, и увлеченностью развитием направлений, связанных с профессиональными нишами коротких денег (менеджеры, юристы, экономисты и др.), тогда как фундаментальное образование становится все менее востребованным у молодежи.

Известные научные центры мира, подобные силиконовой долине в США, со временем могут попасть в ситуацию ничем не обеспеченных воздушных шаров, не имеющих в своем базисе необходимого квалифицированного специалиста. В пользу этого говорит доминирующая тенденция силиконовой долины, впрочем как и любого другого центра науки и инноваций в западном мире. Эти центры в значительной степени основаны на интернациональном интеллекте, подготовленном не на Западе. Развитие за счет интеллектуального ресурса мира, как принцип западной системы организации труда и производства, рушится под влиянием самой этой системы, которая распространяясь в мире через образовательные модели, «заточенные» на потребление, разрушает сама себя.

Все это демонстрирует идущий на наших глазах естественно-исторический процесс развития одной из общечеловеческих подсистем, ставшей волею развития человечества доминирующей на этапах современной истории. Но это доминирование во все большей степени приходит к своей диалектической противоположности, как и для всякого иного частного человеческого образования мировой истории (отдельного народа, культуры, в их

государственной форме), как мы ее знаем. В пользу этого говорят, в том числе, и возвращенные под влиянием и обучением Запада новые мировые центры науки, техники и бизнеса, представленные Китаем, Индией, Бразилией и др. Их развитие во многом основано на влияниях и экономических вливаниях Запада, но с сохранением своей собственной национальной культуры, традиций и видения развития в мире.

Заключение. Мы являемся свидетелями зарождающегося конфликта между западно-европейской и восточной осями мировой истории, диалектически созревавшего под влиянием Запада. Западофикация постепенно, но верно становится причиной незападных сценариев мировой истории, в том числе и российского.

России важно сохранить в этих процессах свой иммунитет и свою собственную оригинальную систему образования и науки, являющуюся важным элементом национальной безопасности, устойчивого развития мира в целом, на путях его диалектической истории и исторического выбора перспективной роли в мировой истории.

Литература

1. Шалаев, В. П. Глобализация, постмодерн, бифуркационный тип личности – модусы переходной эпохи человеческой истории: синергетический аспект / В. П. Шалаев // Социальная синергетика: безопасность и глобализация в парадигме современного научного знания и практики: сб. науч. тр. / МарГТУ; под общ. ред. проф. В. П. Шалаева. – Йошкар-Ола, 2006. – С. 269–287.

2. Шалаев, В. П. Мировоззрение как фактор национальной безопасности в условиях запа-

дофикации глобального мира / В. П. Шалаев // Регионоведение. Научно-публицистический журнал. – 2008. – № 3. – С. 272–278.

3. Шалаев, В. П. Национальные проекты России как технология экстремального управления (синергетический аспект) / В. П. Шалаев // Социальная синергетика и актуальная наука: национальные проекты России как фактор ее безопасности и устойчивого развития в глобальном мире: сб. науч. тр. / МарГТУ; под общ. ред. проф. В. П. Шалаева. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 126–135.

4. Шалаев, В. П. Синергетика как поле парадигмальных поисков современного научного знания или тезисы в пользу развития науки / В. П. Шалаев // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение стратегического управления, разработки и реализации приоритетных национальных проектов и программ: сб. науч. тр. / ИНИОН РАН; редкол.: Ю. С. Пивоваров (отв. ред) [и др.]. – М., 2007. – 700 с.

5. Шалаев, В. П. Социосинергетика: истоки, теория и практика в современном мире / В. П. Шалаев. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 1999. – 272 с.

6. Шалаев, В. П. Синергетика в пространстве философских проблем современности / В. П. Шалаев. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2009. – 360 с.

7. Шалаев, В. П. Глобализация, постмодерн, бифуркационный человек: современные контексты историософской судьбы человека и общества / В. П. Шалаев // Синергетическая парадигма: социальная синергетика: сб. ст. / ред.-сост. О. Н. Астафьева, В. Г. Буданов. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – С. 468–482.

Поступила 27.03.2011

УДК 316.324.8

П. М. Бурак, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой (БГТУ)**МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА**

В статье обосновывается необходимость обеспечения мировоззренческой безопасности становления постиндустриального общества. Выявление содержания и перспективного значения мировоззренческой безопасности осуществляется на основе анализа работ Д. Белла, У. Бека, Г. Бехманна, С. Н. Некрасова, В. И. Вернадского, Н. Н. Моисеева с учетом современных научных и философских знаний о природе человека как активного участника универсальной (глобальной) эволюции.

The article substantiates the necessity of providing outlook safety of postindustrial society formation. The content and perspective importance of outlook safety are revealed on the basis of analyzing the works by D. Bell, U. Beck, G. Bekhmann, S. N. Nekrasov, V. I. Vernadsky, N. N. Moiseyev with the account of modern scientific and philosophic knowledge on the nature of man as an active participant of universal (global) evolution.

Введение. Нарастание интенсивности и многообразия внешних и внутренних рисков и угроз стабильности современного общества во всех важнейших сферах его жизни вынуждает разрабатывать как специальные концепции безопасности (продовольственной, информационной, демографической, энергетической, социально-экономической, экологической и др.), так и в целом принимать и реализовывать стратегию национальной безопасности, обеспечивающую защиту основных достижений, приоритетов и ценностей общества и государства, их устойчивое развитие. Например, «под национальной безопасностью РФ понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [1].

В новой редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной в 2010 г., национальная безопасность характеризуется в близком по смыслу значении – как состояние защищенности национальных интересов Беларуси от внутренних и внешних угроз. Данные интересы характеризуются как общие для личности, общества и государства. Поэтому все граждане должны понимать, что национальная безопасность зависит от каждого из них.

Вместе с тем необходимость периодического уточнения задач стратегии национальной безопасности и совершенствования содержания соответствующих концепций в связи с изменением экономических, социальных, международных и других условий обязывает осуществлять опережающую разработку теоретико-методологических и мировоззренческих вопросов обеспечения безопасного

развития общества и государства. Актуальность таких исследований обусловлена, в особенности, потребностью в формировании мировоззренческих ориентиров и целей постиндустриального общества, в становлении которого сохраняются потребительская направленность и акцентирование на самодостаточности социальных механизмов стабильного развития. Эти факторы являются важнейшими причинами кризиса современной цивилизации, социальной и социоприродной нестабильности, новых рисков.

Поэтому в статье рассматриваются тенденции включения общества в более широкий контекст системных связей социоприродного характера, которые обуславливают ценностные ориентации, детерминирующие стабильность и безопасность существования человека и воспроизводства общества. Содержание понятия и необходимость мировоззренческой безопасности раскрываются в связи с оценкой места и роли общества в глобальной эволюции, представления о которой составляют ядро современной научной картины мира, и в контексте закономерного становления ноосферы.

Основная часть. В этой части рассматриваются важнейшие тенденции формирования условий обеспечения безопасности современного общества.

Становится все более очевидной закономерность развития специфической деятельности в направлении от концептуального обеспечения безопасности отдельных сфер в жизни общества и отраслей производства к формированию целостной системы такой деятельности по отношению к государству, обществу и человеку. Эта тенденция выявляет необходимость разработки общей теории и методологии безопасности, а значит, и соответствующей подготовки специалистов. Подобные шаги предпринимаются некоторыми российскими учеными.

Государственная политика по обновлению общества, выраженная в стратегии инновационного развития, делает ставку на приоритетность интеллекта человека, творческую активность граждан, создание новейших технологий. Инновационное развитие оценивается специалистами как органическая составная часть национальной безопасности в целом. Не только философия замечает, но и современная практика международных отношений, складывающаяся под влиянием процессов глобализации, все более убеждает, что именно развитие человека и общества в согласовании с новыми знаниями о явлениях и законах природы выступают факторами обеспечения стабильности и безопасности той или иной страны в контексте противоречивых процессов обострения конкурентных отношений и формирования мирового сообщества.

Современная история внутриобщественных, межнациональных, межцивилизационных, международных и прочих социальных отношений, а также состояния взаимодействия общества с природными явлениями, включая стабильные и нестабильные их варианты, показывают, что национальная и, в более общем плане, социальная безопасность зависят от степени овладения человеком новыми теоретическими знаниями и практическими навыками регулирования своего взаимодействия с аperiodическими и периодическими, кратковременными и долговременными, медленно протекающими и взрывными процессами перехода от порядка к хаосу и последующего образования новых системных структур и отношений.

Землетрясения и цунами, дестабилизирующие жизнь на части северных территорий Японии, ясно показали, насколько важно создавать технологии, строить национальную культуру и систему организации жизни общества, управления им, руководствуясь опережающим знанием. С другой стороны, природные катаклизмы, равно как и повторяющиеся «приливы» социальной нестабильности в той или иной стране мира, регулярно напоминают о существующей независимо от желаний человека закономерности, состоящей в том, что взаимодействие с природой и внутрисоциальные отношения складываются в определенной степени стихийно, изменяя прежние устойчивые состояния социума и обуславливая поиск новых вариантов обеспечения безопасности. Всякая стабильная система постоянно подвергается ударам различных по природе и масштабам хаосогенных процессов. Согласно существующим оценкам, каждая система включает в себя элементы хаоса, которые являются фактором

ее постоянного совершенствования в направлении поиска и создания новых ресурсов и механизмов стабильности. В радикальных же вариантах, при условии если система не «утруждает» себя такими поисками, происходит накопление энергии и увеличение масштабов хаотических изменений, ведущих к саморазрушению системы. Онтологическая сущность данной проблемы заключается в том, что человек является плотью от плоти природных и социальных систем и он не может иными способами организовывать свою жизнь, как только черпая энергию для созидания из природных и социальных структур, что сопровождается их определенной дестабилизацией и переходом в новые более адекватные интересам различных групп людей состояния. Поэтому в центр разработки проблем безопасности необходимо поставить вопрос об онтологических закономерностях деятельности человека в его связях с природой и обществом. По современным представлениям природа человека выражает в сжатом виде характеристики основных этапов развития Вселенной, и поэтому человек рассматривается как космобиопсихосоциальное существо.

Опираясь на идею В. И. Вернадского о том, что сфера устойчивости жизни шире, чем область биосферы, можно, рассуждая по аналогии, утверждать, что национальная безопасность и стабильность зависят от поддержания безопасности и стабильности в обществе, механизмами которых являются моральные устои, культурное творчество народов, его традиционные ценности, идеалы, жизненные ориентации, убеждения и межнациональные отношения, а также прочие факторы, которые законодательно не регламентируются и полностью государством не регулируются. В этом отношении воспроизводственный потенциал общества по сравнению с ресурсами самоорганизации государства является более подвижным и универсальным, выступая историческим контекстом формирования той или иной государственной системы.

Историческая практика государственного строительства и социального прогресс зависят друг от друга. Безопасность и стабильность государства могут обеспечиваться, если оно выражает интересы общества, стимулирует свободу проявления позитивной активности и поддерживается им. Безопасность и стабильность общества обеспечиваются государством, если оно доверяет этому государству, делегирует ему свою волю по установлению одобряемых им законодательных правил общежития, формирует его как свою органическую часть и сохраняет государство в моральной чистоте,

приоритетном социальном статусе, признавая его в качестве авторитетного арбитра, незаформализованного судьи, помощника, официального инициатора и организатора, деятельность которого направляется во благо народа.

Учитывая, что всякая живая, открытая система (в том числе государство и общество) может существовать только лишь за счет притока энергии, вещества и информации извне, следует отметить соответствующие природные основания национальной безопасности и устойчивого развития общества и государства, без которых социальная стабильность является недостижимой. Многие из природных источников (солнечная энергия, движение воздушных масс, образование пресных вод, энергия приливов, географические условия и другие факторы) находятся за пределами юрисдикции государства и никогда полностью не регулируются обществом. Поэтому, если даже в том или ином обществе и реализуется проект построения отношений социальной справедливости, но он основан на формировании лишь социоцентристски ориентированных культуры, идеологии производства, инновационных технологий и формировании экономики потребления, имеющей целью благо всех, то такое общество будет неизбежно замыкаться на собственном воспроизводстве, вступая во все более масштабные и опасные конфликты с природой (биосферой).

Более общей, стратегической целью исторического развития человека, интегративным результатом преобразований природы является, как это показано В. И. Вернадским, формирование ноосферы. Ноосфера представляет собой преобразуемую человеком биосферу, формируемую разумом и трудом, новую системную основу жизни человека, его социоприродный дом, опирающийся на фундамент направляемой коэволюции, процессов и явлений неживой, живой природы и общества. Определяющую роль в стабильности ноосферы играет объединенный человеческий разум или коллективный разум человечества. В этой связи стратегия национальной безопасности, безусловно сохраняя свое конкретное предназначение, с необходимостью должна согласовываться с требованиями безопасности более широкого системного целого – становлением ноосферной организации жизни социума, которая должна обретать статус общего механизма и цели всего человечества и каждого народа. Уже упоминаемая катастрофа в Японии наглядно демонстрирует, что средств обеспечения национальной безопасности для предотвращения и устранения негативных последствий природной стихии недостаточно даже в высокоразвитой стране.

По некоторым данным помощь Японии вызвалась оказать 91 страна мира. Это и есть пример кооперативного действия различных стран и культур по преодолению хаоса, целенаправленной стабилизации ситуации в обществе. Общество является частью природы и его внутренняя безопасность находится в зависимости от характера взаимодействия с природой как более общей открытой системой. Любое национальное общество так или иначе включено в процесс становления ноосферы, что требует сверки ценностных и мировоззренческих оснований национальной безопасности с закономерностями становления ноосферы, ее ценностными ориентациями, включая согласование путей и условий воспроизводства общества с законами природы в целом.

Современные условия развития, стабилизации и безопасности общества обусловлены действием различных по природе переходных состояний, вызывающих неопределенность, нестабильность и различного рода риски. Объектом изучения постнеклассической науки являются человеко-природные, человеко-технические и другие подобные системы, что значительно увеличивает роль производства переходного, связующего знания с целью обеспечения эффективности практической деятельности. Формируется целое научное направление по производству междисциплинарного и трансдисциплинарного знания, необходимого для решения комплексных проблем социального развития. Реализация стратегии инновационного, устойчивого развития требует усилий по созданию стабильно функционирующей системы «наука – образование – производство – общество – природа – ноосфера», являющейся своеобразной матрицей организации ноосферной деятельности по производству инновационного продукта, который представляет собой результат регуляции и управления переходами между частями данной системы.

Становление ноосферы на основе коэволюционной стратегии, как наиболее вероятный путь безопасного развития общества, должно опираться на систему знаний о закономерностях перехода биосферы в ноосферу и обратно, о прямых и обратных связях между ними. Однако такая система знаний в достаточной мере еще не сложилась.

Анализ возможностей построения постиндустриального общества связан с необходимостью выявления специфики переходных социальных изменений. Один из теоретиков постиндустриального общества Д. Белл отмечал: «Я использую термин "постиндустриальный" по двум причинам. Во-первых, чтобы подчеркнуть промежуточный или переходной характер

происходящих в обществе изменений. И, во-вторых, чтобы выделить осевой, определяющий их направление фактор – интеллектуальную технологию. Но это отнюдь не означает, что технология является движущей силой всех иных общественных перемен. Никакая концептуальная схема никогда не исчерпает социальную реальность» [2].

Согласно Д. Беллу, постиндустриальное общество порождает ряд имманентных факторов нестабильности и риска, к которым относятся следующие: исключение из процессов труда и повседневной практики природы и искусственно созданных предметов; новые дефициты – дефициты информации и времени; утрата системной целостности общества, расхождение между технико-экономическим строем, государственным устройством и культурой, принципы функционирования, которые нередко находятся в противоречии с принципами других; рост благосостояния, поощрение гедонистического образа жизни и отсутствие высшей идеи, ощущения цели и смысла человеческого существования; усиление инструментальной власти, власти над природой и, в какой-то степени, над человеком [3].

Немецкий социолог У. Бек, анализируя кризисные явления в современных западных обществах, также развивает идею, заключающуюся в том, что модернизация классического индустриального общества не ликвидирует угрозы нестабильности, порожденные потребительской стратегией индустриализма, а напротив, «размывает контуры» данного общества и, отделяясь от него, приобретает новые очертания – очертания индустриального «общества риска» [4].

В модернизируемом индустриальном обществе складывается новая тенденция роста нестабильности, состоящая в изменении соотношения производства богатства и производства рисков, которая приняла глобальный масштаб. «...В то время как в индустриальном обществе, – отмечает У. Бек, – "логика" производства богатства доминирует над "логикой" производства риска, в обществе риска это соотношение меняется на противоположное. ...Выгода от технико-экономического "прогресса" все более оттесняется на задний план производством рисков. ...В центре стоят модернизационные риски и их последствия, которые проявляются в непоправимом ущербе для жизни растений, животных и людей. ...В них присутствует тенденция к глобализации, которая охватывает производство и воспроизводство, пересекает национально-государственные границы и в этом смысле порождает наднациональные и неклассовые глобальные угрозы...», «...индустриаль-

ное общество в процессе развития само делается неустойчивым. ...Вера в науку и прогресс расшатывается, возникает новая двусмысленная связь между массами и рисками, т. е. вырисовываются контуры общества риска» [5].

Известный немецкий ученый Г. Бехманн в своих исследованиях проблем становления информационного общества предпринял попытку показать, что неопределенность, риски, нестабильность и неуверенность обусловлены в значительной степени имманентными особенностями развития научного знания, которое становится все более определяющим в организации жизни общества, субъективными причинами, отношениями между людьми, социальными запросами и условиями приспособления знания для удовлетворения разнообразных социальных потребностей.

Любое научное (истинное) знание не является полностью завершенным по отношению к изучаемому объекту. Оно включает черты относительности, признаки неопределенности и как бы неполную готовность для целей практического использования. «Наука, – констатирует Г. Бехманн, – не в состоянии гарантировать когнитивную определенность. Иначе говоря, научный дискурс депрагматизируется. Он не может предложить окончательные или просто истинные утверждения (в смысле подтвержденной причинной цепочки) для практических нужд, но только более или менее пластичные и часто дооспариваемые допущения, сценарии и вероятностные предположения. Вместо того, чтобы быть источником достоверного знания, наука становится источником неуверенности» [6].

В силу отмеченных особенностей научного познания «...любое приращение знания выявляет еще больший масштаб незнания. Чем больше общество полагается на знание, тем более трудным становится понимание, описание, предсказание и контроль... социальных изменений – просто в силу недостатка знания» [7].

Анализ работы Г. Бехманна позволяет сделать ряд важных выводов относительно возможностей обеспечения безопасности общества знания, которое характеризуется в качестве определяющей системы по увеличению производства и росту роли научного знания в становлении постиндустриального общества. Во-первых, выявляется устойчивый процесс трансформации общества знания в общество риска. Во-вторых, важнейшей причиной такого превращения является постоянно расширяющийся заказ на производство и применение точного, технологичного, прикладного знания, которое

приносит конкретные материальные потребительские блага и, вместе с тем, стимулирует рост негативных последствий и рисков научно-технического прогресса. В-третьих, поставленная лишь на службу непосредственному производству и потреблению наука в ее связи с экономикой и соответствующей политикой обнаруживает свою недостаточность в решении проблем снижения уровня рисков и опасностей научно-технического прогресса в предотвращении разрушения природы и, следовательно, в обеспечении безопасности развития общества знания. Тем самым данное общество объективно «настраивается» на постоянное воспроизводство внутреннего конфликта между узконаправленным воспроизводством человека как потребителя и его универсальной природой, выражающейся в потенциальной способности к разносторонней творческой деятельности и саморазвитию. В-четвертых, неопределенность самого научного знания, относительность научной истины, являющиеся внутренними, характерными особенностями науки, значительно усиливаются реализацией приоритета прикладных исследований и практико-прагматическим использованием ее результатов. В итоге наука приносит не только блага, но и новые проблемы и опасности для жизни масс людей, сквозь призму которых ими оценивается наука в целом и происходит формирование устойчиво негативного к ней отношения. В-пятых, стремление создать механизм более безопасного применения науки в различных интересах и целях, использовать знания с большей практической эффективностью приводит к формированию новой иерархической структуры научного знания, включая принцип создания знания о знании. Это по расчетам некоторых специалистов должно уменьшить нежелательную неопределенность и относительность научной истины, но в итоге происходит обратный процесс – увеличение неопределенности и рост релятивизма научного знания.

Все отмеченные обстоятельства обуславливают процесс порождения в информационном обществе иерархической структуры знаний. В эту структуру включается: основное или исходное знание, над ним надстраивается экспертное знание, над экспертным знанием возникает еще один слой экспертного знания, включающий социальные требования, заказы, методы анализа и оценки характера первичной экспертизы, на следующем уровне образуется знание, полученное в исследованиях нестабильных и неопределенных состояний, ситуаций риска, в том числе порождаемых научно-техническим прогрессом. Как к данной гносеологической структуре добавляется знание о

фальсификациях и манипуляциях с информацией, далее следует производство знаний для обучения деятельности в условиях риска и, наконец, осознается потребность в разработке системы знаний об общих закономерностях человеческой деятельности, в том числе и научной, ее ценностных основаниях, закономерностях развития общества, его взаимодействия с природой о природе человека, поскольку, как отмечает Г. Бехманн, научно-технический прогресс, создавая риски и опасности, затрагивает основы человеческого существования, создает проблемы сохранения жизни. Все это означает, что более широкие возможности и условия безопасности (равно как предпосылки новых опасностей) объективно складываются за пределами непосредственно практико-ориентированных научных знаний, за рамками информационного общества. Развитие общества знания, включающее противоречие между ожиданиями, позитивными результатами развития науки и техники, приращением знания важнейшего фактора жизни общества и нарастанием негативных последствий рисков и неопределенности обуславливает необходимость разработки новых ценностно-ориентационных представлений о законах развития человека и общества, формирования новых убеждений и идеалов, которые выполняли бы роль обеспечения мировоззренческой безопасности становления постиндустриального общества.

В современной литературе, посвященной проблемам безопасности социально-экономического развития, анализируются новые тенденции кризисного состояния постиндустриализма и процессы, обуславливающие возможность саморазрушения информационного общества. Одной из таких тенденций является отделение финансов от сектора реального производства товаров, увеличение выпуска пустой денежной массы, что ведет к снижению стабильности и безопасности, угрожающих основам жизни общества. Как отмечает С. Н. Некрасов, «вопрос сегодня стоит так: безопасность экономики постиндустриальной глобализованной цивилизации "третьей волны" находится под смертельной угрозой распада индустриальной инфраструктуры, а потому безопасность общества и национальных государств возможна только при условии создания работоспособной экономики неоиндустриального типа. Эта экономика станет экономикой обеспечения социальной безопасности...», что будет означать избавление от «разрушительного курса постиндустриализма» [8]. Действительной задачей должно стать «соединение информационных технологий с индустриальным производством и машинным парком в целях образования

передовой промышленной системы...» [9]. Неоиндустриализм должен опираться на взаимосвязанные процессы инновационного развития науки, образования и промышленности. С. Н. Некрасов считает, что в России, учитывая конкретные условия, нужно разрабатывать концепцию формирования неоиндустриальной системы.

Доминирование узкого практицизма в регуляции внутрисоциальных отношений постиндустриального или неоиндустриального общества ограничивает использование современного мировоззренческого знания о множественно проявляющейся природе человека, обусловленной его органической включенностью в биосферу, процессы ее трансформации в ноосферу, ноосферогенез, глобальный эволюционный процесс. Это означает, что человек выполняет свои многообразные функции в контексте более общей, в сравнении с обществом, системной организации жизни, природы в целом. Его положение в мире многофункционально и противоречиво. По оценке В. И. Вернадского, человек как живое существо и его сознание есть функции биосферы [10]. Подобным же образом человек связан с историческим процессом перехода биосферы в ноосферу, с механизмами воспроизводства ноосферы, общества. Он также является субъектом и объектом собственной жизни. Кроме того, он выступает объектом и субъектом глобальной эволюции [11]. В современной науке все чаще обсуждается идея о том, что человек по своей природе является космобиопсихосоциальным [12] существом и его многофункциональный статус не должен характеризоваться только лишь стремлением к росту благосостояния. Соответственно, решение проблем безопасности общества и человека, как и характер рисков, связаны с формированием коэволюционных механизмов согласования развития общества с закономерностями биосферы, ее переходом в ноосферу, функционированием ноосферы и глобальной эволюцией. Под мировоззренческой безопасностью понимается состояние духовной жизни общества, выражающееся в формировании и функционировании системы знаний, убеждений, ценностных ориентаций, идеалов на основе механизмов внутрисоциальной и социоприродной коэволюции, организации ноосферной системы взаимодействия общества с живой и неживой природой.

Заключение. Важнейшими причинами нестабильности и роста рисков в становлении постиндустриального общества являются: практическая акцентировка на самодостаточность сугубо социальных механизмов устойчивого развития общества, доминирование потребительской культуры, увеличение релятивности

научного знания в связи с ростом его производства и расширяющимся практическим использованием, недооценка воздействия самоорганизации природы как системы, формирующейся в процессе глобальной эволюции, включая и этап социального развития материи. Поэтому стабильность и безопасность общества обусловлены его «участием» в едином мировом процессе системогенеза, в том числе в обеспечении перехода биосферы в ноосферу. Благосостояние как внутренняя цель общества оказывается зависимым от более общей задачи – построения ноосферной организации жизни людей при помощи регулируемой коэволюции явлений и процессов живой, неживой природы и самого общества. Достижение более высокого уровня безопасности и ответственности в обществе связано с разработкой и практическим использованием мировоззренческих знаний ноосферного уровня в качестве направляющих и регулирующих идей, ценностных ориентаций в динамике постиндустриального и неоиндустриального обществ.

Литература

1. Фомин, М. В. Россия. Матрица социальной (не) стабильности / М. В. Фомин // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 8. – С. 56–57.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. CXLVI.
3. Там же. – С. CLI, CLIV, CLVI, CLVIII, CLIX, CLXI–CLXIII.
4. Бек, У. Общество риска. На пути к новому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 8.
5. Там же. – С. 14, 16.
6. Бехманн, Г. Общество знания – краткий обзор теоретических поисков / Г. Бехманн // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 124.
7. Там же. – С. 125.
8. Некрасов, С. Н. Как гарантировать безопасность России в глобальном мире / С. Н. Некрасов. – Екатеринбург: Изд-во УрГСХА. – 2008. – С. 6.
9. Там же. – С. 8.
10. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1989. – С. 197, 229.
11. Моисеев, Н. Н. Алгоритмы развития / Н. Н. Моисеев. – М.: Наука, 1987. – С. 143.
12. Волков, Ю. Г. Человек: энциклопедический словарь / Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов. – М.: ГАРДАРИКИ, 1999. – С. 41.

Поступила 27.03.2011

УДК 10(09); 17.024.3

О. П. Пунченко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
(ОНАС им. А. С. Попова, Украина)

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН РЕФЛЕКСИРУЮЩЕГО САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Рационализация рассматривается как объективный процесс развития социальной природы человека, связанный с формированием сознания и выступающий средством выражения и сохранения духа человека. Исследуются особенности рационализации, ее структурная организация и проявления в системе «рассудок – разум».

Rationalisation is considered as the objective process of development of social human nature which is connected with the process of formation of consciousness and which is presented as a mean of expression and preservation of human spirit. The features of rationalisation, the structural organisation and the display in system «mind – reason» are investigated.

Введение. В процессе антропосоциогенеза формирующаяся трудовая деятельность выступает фундаментом трансформации исходных биологических предпосылок в осознающую себя материю – Homo Sapiens. На этом этапе в одном субстрате (человеке) складываются две структуры – биологическая и социальная и вместо генетически обусловленных механизмов поведения возникают различные типы социальной деятельности, передаваемые другим поколениям через формирующуюся культуру. Уже в этот период человек начинает выступать как культуропроизводящий субъект. И можно согласиться с Д. Франклом, что «фундаментальной характеристикой человека служит то, что он экстарнализирует свои мыслительные процессы, воспроизводя их во вне в виде материальных символов и культурных идей. Этот процесс экстарнализации технологической и мыслительной деятельности человека фундаментален для всех культур: он предшествует как патриархату, так и матриархату, возникая со становлением человека как вида около одного миллиона лет назад. Человека характеризует то, что он является творцом культуры, и без нее не может существовать ни один человеческий индивид» [1, с. 47–48].

Основная часть. Процесс социальной деятельности уже на начальной стадии своего развития по своей архитектонике был сложен и многофункционален, поскольку отражал:

- фундаментальные экстраналистские мыслительные процессы индивида как личностного «Я» (формирование индивидуального сознания);
- необходимость выкристаллизации коллективного сознания (общественного мозга);
- необходимость интеграции индивидуального и коллективного сознания на основе возникающих новых социальных отношений;
- формирование самосознания как рефлексивного компонента индивидуального

сознания, которое рождалось как историческая необходимость в самоконтроле, как жизненно детерминирующее средство регуляции поведения человека в зародившейся системе общественных отношений. Это истоки формирования разумной деятельности человека, его рационализации.

Рационализация человека как процесс развития психики людей от архантропов до Homo Sapiens является общепризнанным фактом научной истины человечества. Каждый новый человек в этой картине был разумнее и в этом смысле рациональнее, чем его предшественники. Этапы рационализации людей закреплялись изменениями в их телесной организации, где главными были объем и строение головного мозга. Развитие психики происходило благодаря труду, накоплению знаний, совершенствованию общественных отношений, развитию тела, изменениям в структуре самой психики и возрастанию активности сознания.

Homo Sapiens за время своего существования претерпел лишь расово-этнические изменения, не приведшие к таким существенным различиям, чтобы можно было какую-то расу или этнос считать переросшими границы принадлежности к одному виду и, следовательно, рассматривать народы в такой же интеллектуальной иерархии друг к другу, как это очевидно в отношении всех предшествующих видов человека. В этом смысле рациональность человека постоянна и современные люди по своим задаткам в принципе являются такими же разумными, как и те, что рождались на Земле десятки тысяч лет назад. История в то же время подтверждает, что в отличие от древнейших людей, диапазон развития интеллекта современного человека не имеет очевидных ограничений, хотя и не безграничен и не бесконечен, а этническое многообразие закрепляет некоторые конкретные проявления вида, в том числе и специфику их психического отображения мира.

Становление и развитие рациональности было связано с формированием практического знания, которое было первичным и исторически, и логически. Это знание выступило в форме практических навыков, умений, операций, составляющих в единстве идеальное знание – содержание практического опыта. Но процедуры проверки истинности этого знания не существует. «И не существует ее потому, что это знание предназначено для практики. А практика и есть главный критерий истинности наших знаний. Таким образом, способ существования такого знания совпадает со способом его проверки» [2, с. 287].

Но человечество стремилось и стремится познать истину. И когда возникла система теоретического знания, только тогда практика выступила в качестве смыслообразующего критерия истины. А становлению теоретического знания способствовало развитие логики рассудочной деятельности. Это было уже отражено в философских системах Востока и Запада, возникших еще до новой эры. Именно рассудочная деятельность помогала вскрывать причины происходящего в структурах объективной и субъективной реальностей.

Рациональность как эпистемологическая ценность включает в свое содержание две составляющие – рассудок и разум. Это дает возможность обоснования их как рассудочной рациональности и как разумной. Исследование этих видов рациональности несколько не противоречит обоснованным В. С. Степиным типам научной рациональности – классическому, неклассическому и постнеклассическому, начинающим отсчет от философии Нового времени и которые стали центром методологических исследований движения научной мысли с отмеченного периода.

Анализ рассудочной и разумной рациональностей требует обоснования рассудка и разума как исходных понятий. Рассудок помогает человеку открывать причины происходящего для себя. «Рассудок, – отмечает А. Г. Спиркин, – низшая ступень логического мышления. Это скорее житейское, расчетливое мышление, отличающееся чувственной конкретностью и ориентированное на практическую пользу» [3, с. 106]. Следовательно, можно утверждать, что это деятельность людей, основанная на здравом смысле, а не на теоретических конструкциях. Рассудок надо отличать от предрассудка, поскольку последний не предполагает каких-либо рассуждений. Предрассудки отличаются прежде всего тем, что они основаны на вере, это своего рода аксиомы, не подлежащие рассудочному анализу. Предрассудок часто апеллирует к нереальному объяснению

сущности предмета или процесса, к тому, что не имеет причины, например за счет веры в позитивное решение проблемы средствами вмешательства неестественного, реально не существующего. Рассудок же характеризует здравый смысл, на который люди полагаются как в науке, так и в обыденной жизни. Рассудок во всем ищет причины и стремится обосновать их. Поэтому «основной принцип рассудочной рациональности – принцип причинности» [2, с. 288].

Разумная рациональность отличается логичностью, последовательностью, системностью, она проникает в глубинные основы сущности исследуемых процессов. «Разум же, – утверждает А. Г. Спиркин, – высшая ступень логического понимания, теоретическое, рефлексивное, философски мыслящее сознание, оперирующее широкими обобщениями и ориентированное на более полное и глубокое знание истины. Мышление на уровне разума освобождается от застывших рассудочных форм» [3, с. 107].

Несомненно, разум обладает большей самостоятельностью и благодаря постоянной самопроверке имеет тенденцию к самосовершенствованию. Разум выступает регулятором всех сфер деятельности человека. Он находится в единстве с бытием.

Но это не означает, что в науке не используется рассудок как низшая степень рациональности. «Рассудок проявляет себя в частных науках, где он занимается какой-либо специфической областью. Его функция – сопоставление суждений, формальное отношение к вещам» [3, с. 104].

Но и разум и рассудок являются продуктами развития рационализации человечества в ходе ее самосовершенствования. А рациональность – это представление о том, как необходимо действовать, чтобы достичь поставленной, желаемой цели.

Рационализация как феномен рефлексивного самосознания и духовных потребностей, т. е. разума в узком смысле этого слова, стремится раскрыть свое содержание через определенные виды познавательной деятельности. Это – самоцель рационализации, способ ее существования. Знания способны рождать другие знания по законам логического вывода, что доказывает возможность филиации идей. На основании данных фактов можно рассуждать о возможности существования объективного закона саморазвития сознания как имманентной рационализации человека.

Закон рационализации как объективный процесс человеческой истории нельзя сводить лишь к проявлению внутренней активности сознания. При всей важности этого фактора его

действие всегда связано с совокупностью многих других причин и условий рационализации человека. Если бы сознание Homo Sapiens могло накапливать знания только по принципу филиации идей и развиваться имманентно и независимо от характера деятельности и внешних условий существования, история человечества была бы относительно однообразным процессом саморазвития общин, племен и народов, примерно в одно и то же время вступивших на путь цивилизации и параллельно друг другу проходящих все последующие ступени развития. Реальная история подтверждает иное, что одни народы могут существенно отставать от других. Объяснить этот факт тем, что отстающие народы имеют слабый интеллектуальный потенциал, необъективно. Сегодня при переходе к информационному обществу многие народы отстают в этом процессе, но это вовсе не означает слаборазвитого у них интеллектуального потенциала, а объясняется низким уровнем организации и развития материального производства. Ведь можно согласиться с утверждением, что стран со слаборазвитым интеллектуальным потенциалом и материальным производством не бывает, есть слаборазвитое управление. Это хорошо подтверждается практикой перемещения интеллектуального, причем высокого, потенциала из слаборазвитых стран Азии, Африки и других регионов мира в высокоразвитые в материальном отношении страны – США, Канада, ряд центрально-европейских и скандинавских стран.

Что же представляет собой разумная рациональность в познавательном процессе?

Во-первых, разумная рациональность – это работа по познанию истины с устойчивым содержанием исследуемого объекта, его существенных характеристик (в этом плане А. Ф. Лосев утверждал, что огонь горит, а идея огня не горит). Именно в процессе познания истины пылкий ум человечества движется от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго и так далее, углубляясь в устойчивое содержание объекта.

Во-вторых, разумная рациональность предполагает строгость экспликации и дефиниции исследуемого объекта. И здесь необходимо учитывать одно из требований диалектического ряда в познании, сформулированного Ортегой-и-Гассетом, что экспликация выражает в предмете то, что в нем заложено имплицитно. Следовательно, экспликация объекта должна

носить объективный, конкретный характер. А это достигается в разумной рациональности реализацией разумной деятельностью законов логического и новейшего операционально-методологического инструментария.

Обобщая эти моменты, можно утверждать, что для разумной рациональности присущи такие черты, которые отражают ее четырехуровневую структуру:

- 1) целеполагание, выступающее альфой и омегой в научном познавательном процессе;
- 2) отбор и использование наиболее эффективного полного набора операций, методов и форм познания для достижения поставленной цели;
- 3) формирование порядка действий (алгоритма) в достижении цели;
- 4) наличие разума (там, где нет субъекта – носителя разума, нельзя говорить о рациональности, он должен там присутствовать, хотя бы опосредованно).

Эта структура является универсальной и присуща любой форме рациональности или ее виду. Отличия между конкретными проявлениями рациональности обусловливаются наполнениями выделенных нами уровней, зависят от исторических условий реализации.

Заключение. Таким образом, исследование рациональности дает возможность обоснования ее содержания в рассудочной и разумной действительности. В ходе их развития из соответствующего проблемного поля выпадают те вопросы, для которых сегодня еще нет достаточного обоснования, и поэтому их отодвигают в область паранаучного знания. Вероятно, пылкий ум человечества со временем найдет и этим вопросам научное объяснение. И основой объяснения этих фактов станет рефлексивное самосознание личности, являющейся базой переоценки ценностей, что позволит человеку продвигаться по пути научного и социального прогресса.

Литература

1. Франкл, Д. Археология ума / Д. Франкл; пер. с англ. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 254 [4] с.
2. Мареева, Е. В. Философия науки / Е. В. Мареева, С. Н. Мареев, А. Д. Майданский. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 333 с.
3. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – М.: ИПЛ, 1972. – 303 с.

Поступила 22.01.2011

УДК 0.88

В. В. Криворотько, кандидат философских наук, доцент (БГТУ)**К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕОГЕНЕЗА В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА**

Статья посвящена анализу недостаточно разработанной проблемы геогенеза и его сущности в контексте парадигмы глобального эволюционизма. Основное внимание уделено инновационному переосмыслению динамики геосфера в системном становлении ноосферной организации социума. Показана необходимость углубления методологической разработки концепции геосфера в совершенствовании общегеографической картины мира и преодоления некоторых теоретических коллизий в теории географии.

In the present article is an attempt to rethink the dynamics of innovation geovesum, as well as the essence of the process geogenesis, their role and importance in the global system of evolution of the universe as a whole. In this regard, the decision of the aforementioned problems will overcome a number of methodological difficulties in developing and deepening the content of the geographical pattern of the world. The necessity of deepening the methodological concept geovesum in becoming general geographic picture of the world and to overcome some theoretical conflicts in the theory of geography.

Введение. В условиях глобализации все ускоряющимися темпами обостряются процессы взаимодействия социума и природы. С появлением новых вызовов человечеству становится очевидным насущная необходимость поиска путей устойчивого развития современной цивилизации и биосферы, а также разработки наиболее адекватной стратегии перехода к ноосферной организации. В ходе становления коэволюционной стратегии развития назрел вопрос не только пересмотра исторически сложившихся норм научной рациональности, некоторых традиционных концепций развития науки, но и инновационной переоценки продуктивности некоторых идей и принципов тех научных дисциплин, которые вовлечены в этот процесс.

В таком понимании приоритетной стороной любых исследований в данной области был и остается методологический аспект проблемы. В частности, это касается переосмысления места и роли процесса геогенеза в контексте принципа глобального эволюционизма.

Основная часть. В целом, системно-структурная и динамическая характеристики материального мира отображаются понятием «универсум». В предельно широком смысле этот термин обозначает целостную систему объективной реальности (мир в целом), которая находится в постоянном движении и изменении, а значит, непрерывно и необратимо развивается. Такое развитие получило название глобального (универсального) эволюционизма.

Данная идея представляет собой дальнейшее углубление и конкретизацию содержания принципа всеобщего развития. Ее истоки восходят к классическим работам В. И. Вернадского [1] и П. Тейяр де Шардена [2]. Однако лишь

в конце XX в., благодаря научным трудам Н. Н. Моисеева [3], она получила концептуальное оформление. В основе концепции универсального эволюционизма, согласно Н. Н. Моисееву, заложены следующие принципы:

- универсум представляет собой целостную (единую) саморазвивающуюся систему;
- эволюция характеризуется прогрессирующим развитием, направленным от низших форм движения материи к высшим;
- развитие систем сопровождается как ростом меры разнообразия, так и уменьшением их устойчивости;
- на эволюцию оказывают влияние случайные факторы (флуктуации), в результате чего сценарий развития становится принципиально непредсказуемым;
- в динамике универсума прослеживается механизм самосохранения, позволяющий выбрать из множества сценариев наиболее устойчивые варианты развития.

Исходя из вышеприведенных положений, основной теоретической задачей формирования этой концепции является научное обоснование целостного и единого процесса развития мира. Это позволяет протянуть нить причинно-следственной связи от астрономического (физического) мира к социальной организации человечества не только через результаты биоэволюции, но и сквозь процесс геогенеза. Осмысление фундаментальной роли последнего в мировой динамике универсума остается пока недостаточным для становления целостной картины глобального эволюционизма.

Другими словами, построение концептуальной модели «универсальной эволюции» позволит целостно интерпретировать представления о происхождении и развитии универсума,

связав воедино: космогенез – зарождение Вселенной, геогенез – возникновение планеты Земля, биогенез – появление жизни, антропогенез – происхождение человека, а затем и социогенез – становление общества. Сегодня большинство концептуальных коллизий, возникших в ходе осмысления и интерпретации модели универсальной эволюции, напрямую связаны с проблемой реализации механизма теоретического синтеза гуманитарного и естественно-научного знания. И это в первую очередь относится к попыткам объяснения природы геоверсума, сущности процесса геогенеза, их роли и значения в системе глобального эволюционизма всего универсума в целом.

Атрибутами любой науки являются ее объект и предмет исследования. Геоверсум (от лат. *geoverse*) – географическая реальность (геопространство). Как объект исследования относительно тождественен понятию «географическая оболочка (геосфера, или ландшафтная сфера) Земли». Задачей географических исследований является познание законов развития географической реальности, предметом которого выступает географическая картина мира, отражающая научные представления о динамике геоверсума.

Геогенез как относительно самостоятельный элемент механизма глобальной эволюции универсума формирует не суммативную, а интегративную систему саморазвивающихся территориальных объектов различной организационной природы – начиная от физических полей и частиц, заканчивая биосферой и планетой в целом. Кроме этого, он представляет собой неотъемлемый атрибут эволюционного процесса становления и развития биосферы в целом. Однако уровень изученности геогенеза остается еще недостаточным, что затрудняет его целостное осмысление как в рамках наук биосферного цикла, так и в структуре предмета наук о Земле.

Серьезным прорывом в осмыслении единых оснований развития универсума стала теория биосферы, разработанная академиком В. И. Вернадским. Ученый подчеркивал, что биосфера – глобальная биоценологическая система Земли, в которой геохимические и энергетические превращения определяются суммарной активностью всех живых организмов. В настоящее время человечество своей хозяйственной деятельностью во многом превзошло масштабы активности самих живых систем. Оно по своей силе оказывает планетарное влияние на геохимические функции биосферы, тем самым нарушает ее равновесие и подрывает механизмы устойчивого развития. Однако ученый не успел создать законченного учения о биосфере, поэтому в настоящее время сложилось

несколько альтернативных точек зрения на ее природу.

Сегодня очевидно, что в традиционной интерпретации теории биосферы акцентируется внимание на аспект, связанный с возрастанием активной роли живого вещества в рамках костной материи. В таком контексте классическое понятие «биогеоценоз» (экосистема) представляет собой «биоакцентированную» целостность или начало, отражающее только лишь совокупность всех живых организмов на Земле. Исходя из этого, главной ценностно-мировоззренческой установкой остается принцип биоцентризма, который на долгие десятилетия предопределил стратегию биосферных исследований в рамках субстратно-биологического видения геоверсума.

Биогеоценоз – это система «особого порядка». На эту особенность в свое время обратил внимание академик В. Н. Сукачев [4]. Разрабатывая биогеоценологическую концепцию, он углубил представления о природе биосферы и внес существенный вклад в понимание абиогенной сущности биогеоценоза и его роли в становлении биосферной организации. Ему удалось указать на не менее значимую роль геосистемного субстрата биоценоза в качестве «пассивного» начала для активизации живого вещества в биосфере. Тем самым содержательно обогатил субстратно-биологическую концепцию принципами субстратно-пространственного видения. Это в свою очередь обеспечило возможность перехода к эволюционно-субстратно-пространственной трактовке биосферы, которая стала общенаучной.

В контексте подобной интерпретации биосферы экосистемы стали рассматриваться как сложные биокостные системы, отражающие взаимодействие живых и абиогенных объектов. Это позволяет им функционировать на более высоком организационном уровне, отражая новую системную целостность. Они опираются на сложный комплекс циклов, которые поддерживают их устойчивое существование. Подобная система циклов позволяет одновременно обеспечивать многовариантность и устойчивость развития. Таким образом, в биогеоценозе как бы совмещены несовместимые тенденции, связанные с консервативностью (сохранением) и развитием (изменением): с одной стороны, ими обеспечивается оптимизация всех биосферных процессов, с другой – осуществляется регулирующее воздействие на смежные геосферы. В частности, процесс геогенеза позволяет постоянно осуществлять накопление, трансформацию и передачу энергии и информации от внешних сфер геоверсума к биосфероорганизованным системам и социуму в целом. Геосфер-

ная информация не исчезает, а передается в виде особых эмерджентных «реликтовых следов», которые фиксируются в структуре геосистем. Они являются своеобразными «соединительными тканями» между такими протосистемами, как космос, физиосфера, биосфера, антропосфера, социосфера и ноосфера. Таким образом, геогенез генетически сохраняет всю историческую вариацию палеогеосистем (досоциального, переходного и современного геоверсума), позволяя отбирать наиболее устойчивые варианты для последующей их реконструкции.

В этой связи следует подчеркнуть, что недооценка геосистемной составляющей процесса биосферизации науки в методологическом плане привела к тому, что научное осмысление геоверсума стало серьезно отставать от уровня метатеоретического понимания проблем глобального эволюционизма в целом. В результате в рамках географического знания на долгие десятилетия установился определенный «теоретический вакуум», не позволявший осмыслить в полной мере значимость процесса геогенеза в системной динамике универсума.

Подобная ситуация нашла свое отражение в том, что многие ведущие специалисты ограничились в своих исследованиях лишь разработкой теоретических вопросов в рамках отдельных направлений (естественной и социальной географии), не пытаясь подняться на уровень метатеоретического осмысления проблемы в целом. Все это тормозило и ослабляло интеграционный потенциал географического знания в интерпретации содержательной стороны геогенеза и его роли в становлении и развитии био- и социогенеза. Следует отметить, что изначально природа географического знания позволяет целостно и синтетически осмыслить природу территориальности земной поверхности. Поэтому она обоснованно занимает уникальную нишу среди фундаментальных наук: это единственная наука, которая сочетает естественную и общественную составляющие, и все в большей степени испытывает тенденцию к интеграции, формируя общегеографическую картину мира.

Появление глобальных проблем и становление элементов постиндустриальной трансформации глубоко затронули различные стороны бытия. В частности, это коснулось изменения стиля научного мышления. Односторонность «локального» стиля мышления, часто ассоциирующаяся с такими представлениями, как «мой дом», «моя семья», «моя страна» и т. д., уступает место новому, глобальному мышлению. Традиционные ценностно-мировоззренческие установки неклассической науки, в частности принцип биоцентризма, уступают место ноосферному или принципу экосоциоцентризма, который

адекватно отвечает требованиям постнеклассической организации науки. Это в свою очередь содействует серьезному всплеску интереса к исследованиям проблем ноосферы со стороны наук интегративного типа. Они способны осуществлять синтез естественно-научных и гуманитарных знаний. В таком понимании к ноосферным дисциплинам относится и современная география. Изучая разнообразные процессы и явления географической реальности, она концептуально интерпретирует целостный характер процесса геогенеза.

Развертывание процесса «ноосферизации» современного научного знания, определяя стратегию научно-исследовательских программ в целом, активизирует поиск новых моделей интерпретаций геогенеза в процессе глобальной эволюции универсума. Это в свою очередь предполагает инновационно переоценить предыдущие достижения теоретического наследия географического знания, в частности теорий, которые в результате определенных ценностно-мировоззренческих установок не получили достойного внимания и последующего развития. Это прежде всего касается тех концептуальных положений, которые обладают сквозным, проникающим характером, имеющим интегративный потенциал.

Заключение. Методология глобального эволюционизма как новая парадигма постнеклассической науки позволяет ориентировать научный поиск на универсальные (интегральные) процессы развития социума и природы. В этой связи, в контексте принципа универсальной эволюции, возможно продуктивно осмыслить и уточнить роль и значение геогенеза в динамике универсума в целом. А также преодолеть методологические проблемы теоретического (концептуального) осмысления фундаментальных теорий и гипотез на уровне географической картины мира с последующей их интеграцией в общенаучную картину мира.

Литература

1. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1989. – 432 с.
2. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
3. Моисеев, Н. Н. Универсум. Информация. Общество / Н. Н. Моисеев. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 199 с.
4. Сукачев, В. Н. Избранные труды: в 3 т. / В. Н. Сукачев; под ред. Е. М. Лавренко. – Л.: Наука. – Т. 1: Основы лесной типологии и биогеоценологии. – 1972. – 419 с.; Т. 2: Проблемы болотоведения, палеоботаники и палеогеографии. – 1973. – 352 с.; Т. 3: Проблемы фитоценологии. – 1975. – 543 с.

Поступила 04.03.2011

УДК 101:1:316

М. В. Подручный, ассистент (БГТУ)**ПОНЯТИЕ БИОСОЦИАЛЬНОСТИ И СТАНОВЛЕНИЕ
ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ БИОСОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ**

В статье рассмотрены проблемы эпистемологического и методологического статуса междисциплинарных исследований биосоциальной эволюции. Представлен анализ содержания понятий: биосоциальности, социального поведения и социальной системы (сообщества). Предпринята попытка проблемной реконструкции принципов формирования данных концептов в естествознании (биологии и этологии) и философии. Сформулированы категориальные предпосылки формирования редуccionистского и коэволюционного подходов к биосоциальной эволюции.

The problems of epistemological and methodological status of interdisciplinary studies of biosocial evolution. The article contains an analysis of content of concepts: the biosocial, social behavior and social system (community). An attempt was made problematic reconstruction of the principles of formation of these concepts in the natural sciences (biology and ethology) and philosophy. The article defines the categorical preconditions of the reductionist and coevolutionary approaches to biosocial evolution.

Введение. Несмотря на колоссальный прогресс практически во всех областях науки, в объяснении и теоретическом анализе социального поведения животных (как природной предпосылки эволюции общественной жизни человека) мало что изменилось. За это время был предпринят целый ряд попыток решить проблему развития социальности у животных и тем самым найти место представлению о социальности в системе представлений биологии, соотнести развитие человеческого общества с его природными корнями. Однако мы и сегодня не имеем тех результатов, которые стали бы значительным этапом в движении нашего познания.

Такое изучение под силу только специальной научной дисциплине, у которой есть свой предмет, свои методы и свой объект. Между тем до сих пор даже название этой дисциплины не устоялось: то ее называют социологией животных, то социозтологией или социобиологией. Представление о предмете исследования каждый раз оказывается немного, но иным. Однако во всех случаях перспективы развития этой биологической дисциплины неразрывно связаны с решением вопросов социоантропогенеза, а следовательно, с социогуманитарным знанием. Каково бы ни было отношение исследователей социального поведения животных к гуманитарным дисциплинам, предмет их исследования требует междисциплинарного подхода. Подобный междисциплинарный статус данного направления обуславливает практическую и теоретическую значимость получаемых в его рамках результатов и поэтому периодически вызывает чрезмерный интерес философов и методологов, как это наблюдается теперь в отношении социобиологии. Представляется необходимым рассмотреть круг тех основных понятий, которые используются при изучении индивидуального поведения (взаимодействия) животных и организационных структур, возни-

кающих в результате такого взаимодействия. Анализа требуют три основных понятия: биосоциальности, социального поведения и социальной системы (сообщества).

Основная часть. Биосоциальность – основное понятие в структуре рассуждений. Оно отражает далеко не очевидное даже для этологов положение, которое было сформулировано А. В. Эпинасом в качестве «социобиологической аксиомы»: «...совместная жизнь в животном царстве не составляет случайного явления; она появляется не по прихоти или какому-либо капризу то там, то здесь; это совсем не привилегия нескольких отдельно стоящих на зоологической лестнице видов, а, напротив, – нормальный, постоянный и всемирный факт» [1, с. 3].

Первый и непосредственный вывод из этой аксиомы – утверждение о первичности биосоциальности: она есть имманентное свойство живого, следовательно, возникает одновременно с появлением жизни. Данное утверждение можно назвать «сильным» утверждением – оно предполагает независимость феномена биосоциальности от феномена собственно органической жизни.

Однако есть и другая, более распространенная, точка зрения на феномен биосоциальности. В соответствии с ней биосоциальность понимается как эпифеномен биологической эволюции и считается, что как таковой она возникает лишь на достаточно поздних, развитых стадиях биологической эволюции. Это – «слабое» утверждение о вторичности биосоциальности, приспособительном характере ее, т. е. об обусловленности ее органической эволюцией.

Существует и третья точка зрения на феномен биосоциальности. Согласно этой точке зрения, биосоциальность есть специфически человеческий феномен, который характеризует начальные этапы становления общества.

Обосновать введение данного понятия трудно. Очевидно, что существование всякой

биологической системы возможно лишь при наличии среды. Среда для биосистемы – это то, с чем осуществляется взаимодействие. Фундаментальным условием существования всякого организма является взаимодействие его со своей средой. Для организма среда имеет две формы. «Первую» среду составляют так называемые абиотические и биотические факторы: климатофизические, экологические; «вторую» же среду составляют себе подобные организмы – конспецифики. Формы и принципы взаимодействия с «первой» и «второй» средами существенно различаются. Под феноменом биосоциальности понимаются именно взаимодействия организма со «второй» средой – с представителями своего вида. Но это слишком широкое и неуточненное определение, которое годится лишь при описании таких далеких от нас видов, как бактерии или простейшие многоклеточные. Сузить понятие можно следующим определением. Биосоциальность – это имманентное свойство организмов, заключающееся в способности устанавливать и поддерживать взаимодействия с конспецификами на разных уровнях интеграции.

Представление о взаимодействии на разных уровнях интеграции отражено в том, что взаимодействовать могут как отдельные индивиды, так и группы или целые сообщества. Во всех указанных случаях характер взаимодействий различен. По признаку доминирования того или иного вида взаимодействий Эспинас выделял три основных типа сообществ у животных, три основных ступени эволюции социальности: сообщества, которые базируются на взаимодействиях, связанных с совместным потреблением пищи, на взаимодействиях, обусловленных функцией воспроизводства, и на взаимодействиях «вследствие причин чисто интеллектуального характера» [2, с. 386]. Таким образом, лишь взаимодействия на третьем уровне интеграции есть истинно социальные.

Понятие «биосоциальность» специфицируется, уточняется через понятие «социальное поведение». В специальной и философской литературе термин «социальное поведение» применительно к животным не употреблялся довольно долгое время. Вместо него использовались четыре других: «общественное», «групповое», «коллективное», «кооперативное поведение». Многообразие терминов, как и многообразие определений соответствующего понятия, сохраняется и по сей день. С начала нашего века термин «социальный» применительно к животным заменяется на его русский перевод – «общественный». Появляются «общественные насекомые», общественным поведением называются всякие формы взаимодействия индиви-

дов внутри популяции. Однако невозможность использования данного термина для описания внутривидовых взаимодействий у животных предопределена тем, что он соотносится с понятием «общество», т. е. характеризует специфически человеческие формы взаимодействия. Если в содержание термина «социальное поведение» прямо не включены представления о культурных ценностях, нравственности, то термин «общественное поведение» обязательно предполагает указание на них.

Термин «групповое поведение» заведомо уже термина «социальное поведение»: он описывает лишь некоторые формы взаимодействий в рамках социального поведения – те взаимодействия, которые мы наблюдаем внутри отдельных функциональных групп, составляющих сообщество (например, внутри «банды» молодых самцов). Термин «коллективное поведение» заимствован из психологии и употребляется чаще для описания пред- или раннесоциальных этапов развития социальной жизни у человека. Термин «кооперативное поведение» отражает лишь один из аспектов взаимодействия индивидов внутри сообщества: совместное строительство, совместную охоту, совместную защиту. Но кооперативное поведение не охватывает всего социального поведения, поскольку «кооперация не единственно возможный вид социального взаимодействия, так как кроме кооперации можно назвать такие совершенно специфические виды социальных отношений, как конфликт, паразитизм, обучение».

Таким образом, в распоряжении остается всего один термин – «социальное поведение». Его использование предпочтительнее по следующим причинам. Во-первых, он указывает на глубокую связь, единые природные корни между сообществами животных и человеческим обществом. Во-вторых, предпочтение связано с традиционностью и широким употреблением термина. В-третьих, само значение слова «socialis» очень широкое: товарищеский, приятельский, дружеский, супружеский (брачный), общительный, союзный, союзнический. Поэтому термин «социальное поведение» перекрывает области, описываемые другими терминами.

В то же время нельзя признать достаточным определение социального поведения, принятое в классической этологии, где под ним подразумеваются «такие поведенческие паттерны животных и человека, частота которых изменяется в присутствии конспецифика». Под социальным поведением в этологии понимается любое взаимодействие конспецификов, но «на основе дружеской связи». Следовательно, все формы антагонистических взаимодействий не являются социальными. Значит, этология предполагает

существование и третьего специального вида взаимодействий, помимо индивидуального и социального поведения, – взаимодействия борьбы?

Несомненно, что социальное поведение есть взаимодействие. Однако не всякое взаимодействие есть социальное поведение. По-видимому, это особые формы взаимодействий – такие, которые направлены на развитие и воспроизводство отношений с определенным, ограниченным кругом сородичей. Результатом подобных взаимодействий оказываются социальные отношения, т. е. то, что наряду с элементами и образуют социальную систему. Социальные отношения – это структура сообщества, то, без чего сообщество как система существовать не может. Следовательно, социальное поведение – взаимодействия, обеспечивающие существование (развитие и, уж во всяком случае, воспроизводство) социальной системы. Ясно, что дружеские связи тут необходимы, но столь же важны и антагонистические взаимодействия.

Сообщество есть социальная система. Оно представлено совокупностью элементов, определенным образом связанных друг с другом социальными отношениями. Термин «сообщество» кажется очень удачным для обозначения социальных систем у животных. Наряду с ним, мы можем использовать и понятие «социетация» – латинский эквивалент термина «сообщество», подобно тому как эквивалентом понятия «общество» является «социум». Сообщество (социетация) у животных в экологическом смысле – это, как уже говорилось, локальная внутривидовая группировка. Такие группировки почти всегда носят естественный характер: они образованы либо одной родственной группой, либо «репродуктивной группировкой» (небольшая группа индивидов, связанных знакомством либо также дружбой, которые могут свободно вступать друг с другом в сексуальные связи).

Конечно, сообщество существует лишь при условии, что в его основе лежат наряду с родственными дружеские отношения. Однако любой индивид, а не только человек с самого момента своего рождения включен в какое-то сообщество, принадлежит ему – сначала как существо, целиком зависимое от матери и (или) отца, затем как член своего выводка, как подросток, включенный в группу своих сверстников, и наконец как взрослый индивид, добивающийся места в сообществе. Поэтому жизнь любого живого существа протекает в сообществе либо в непосредственной связи с сообществом, даже если мы изучаем виды, представители которых ведут «одиночный» образ жизни или в определенные периоды жизни как будто живут сами по себе и не вступают во взаимодействия с сородичами.

Популяция обычно состоит из нескольких сообществ. Возможны случаи, когда популяция и сообщество совпадают по объему. Как правило, это происходит в условиях физической изоляции – на небольших островах или когда пространства, пригодные для обитания данного вида, разделены непригодными для жизни пространствами. К изоляции физической обычно, особенно у высших животных, присоединяется и социальная изоляция. Тогда сообщество, охватывая собой целую популяцию, само становится фактором увеличения межпопуляционных различий. Поскольку же социальные изолирующие механизмы действуют так же эффективно, как и экологические, сообщество может выступать в качестве важного фактора эволюции. Таким образом, социологическое определение сообщества наполняет соответствующее понятие и популяционно-экологическим смыслом. Каждый организм появляется в сообществе. Есть основания утверждать, что популяция возникает на основе сообщества, в результате развития, социотомии и взаимодействия нескольких сообществ. Та совокупность индивидов, находящихся в определенных отношениях друг с другом, которую мы описываем в популяционно-генетических и экологических терминах как популяцию, есть образование социальное по происхождению, а значит, оно, вероятно, и описано может быть в социологических терминах.

Заключение. Признание неотделимости феномена социальности от живого необходимо ставит и вопрос об эволюции биосоциальности. Параллельно с биологической эволюцией и сопряженно с ней происходила и биосоциальная эволюция. Данное предположение породило два конфликтных подхода: считать ли биосоциальную эволюцию простым отражением органической эволюции или наделять ее специфическими чертами. Важны исторические аспекты проблемы биосоциальности: предпосылки появления идеи биосоциальности, прежде всего как научной, а не философской проблемы, и пути развития этой идеи. Основными объектами такого исторического исследования станут три биологические дисциплины (и, соответственно, три системы взглядов): социология животных, этология и социобиология.

Литература

1. Эспинас, А. В. Социальная жизнь животных / А. В. Эспинас. – М.: Наука, 2001.
2. Плюснин, Ю. М. Проблема биосоциальной эволюции / Ю. М. Плюснин. – М.: Наука, 1989.

Поступила 15.03.2011

УДК 177:57:61

Н. А. Лазаревич, старший научный сотрудник (Ин-т философии НАН Беларуси)**ПРОБЛЕМЫ ЭТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
СФЕРЫ БИМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Данная статья посвящена выявлению различных областей (оказания медицинской помощи, поддерживающего лечения, направленного воздействия на биологические характеристики человека, продления продолжительности жизни и т. п.) развития биомедицинских наук и биомедицинских технологий, порождающих наиболее острые этические проблемы. Стратегия биоэтического сопровождения инновационных проектов в биомедицине нацелена на выработку в совместных обсуждениях (в них участвуют ученые, философы, богословы и «люди с улицы») конкретных морально обязывающих норм. Автор рассматривает подобное этическое регулирование биомедицинских технологий как необходимость соблюдения принципов гуманизма, нравственности и биомедицинской этики.

This article is dedicated to the development of different regions (rendering to medical aid, which supports treatment, the directed action on the biological characteristics of man, prolongation of the lifetime, etc) of the development of biomedical sciences and biomedical technologies, which generate the most acute ethical problems. Strategy of the bio-ethical tracking of innovation projects in the biomedicine is aimed at the production in the joint considerations (in them they participate scientists, philosophers, theologians and “people from the street”) concrete morally of those forcing. The author considers a similar ethical regulation of biomedical technologies as the need of observing the principles of humanism, morals and biomedical ethics.

Введение. Современное общество технологизировано практически во всех отношениях. Научно-технологический прогресс активно влияет на экономику, культуру, сферу социальных коммуникаций, индивидуальный мир людей. К числу перспективных и быстро развивающихся достижений науки относятся биотехнологии, которые кардинальным образом изменяют не только материальные основы человеческого бытия, но и мировоззрение, мораль, религиозные предпочтения, стереотипы жизни и поведения людей. При этом заметно отстает сфера социально-нравственного регулирования технологических новаций. В конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. достижения биотехнологии стали частью мирового научно-технологического и социально-экономического производства. Это связано с тем, что с помощью биотехнологии стали решать такие масштабные задачи, как производство фармацевтических препаратов, средств защиты растений, продуктов питания, энергии. Лекарственные препараты, созданные посредством биотехнологии, оказались более дешевыми и более совместимыми с организмом человека.

В сельском хозяйстве и промышленности ресурсосберегающие экологически чистые технологии позволяют минимизировать вред окружающей среде и затраты невозполнимых источников сырья и энергии. Уже к середине 80-х гг. XX в. стало возможным создание растений с заданными свойствами. С использованием механизмов биотехнологии удалось получить также первых трансгенных сельскохозяйственных животных – кроликов, овец, свиней. Но современ-

ный прогресс в области биотехнологии не ограничивается подобными задачами: результаты научных исследований в этой сфере все чаще начинают использоваться для удовлетворения не только запросов общества, но и личных потребностей человека. В результате люди во все большей мере становятся зависимы от знаний, технологий и продуктов, создаваемых в биомедицинских исследованиях. В этой связи встает вопрос о моральных и законодательных аспектах регулирования процесса активного «вторжения» биотехнологии в социально-экономическую сферу общества. Возникает ряд вопросов следующего порядка: как обеспечить соблюдение прав и обязанностей ученого-биотехнолога? каких ценностей следует придерживаться при экстраполяции биотехнологий на сферу здравоохранения? каковы перспективы биотехнологической культуры и соответствующего общества вообще?

Основная часть. В начале XXI в. выявлена качественная специфика наследственности человека, организации и функционирования его генетического аппарата. Осуществление проекта «Геном человека» связано с революционными молекулярно-биологическими технологиями, которые нашли применение в диагностике и коррекции генетически детерминированных заболеваний, а также в медицинской практике.

Уже на сегодняшний день можно сказать, что достижения биотехнологии в этой области впечатляющие. Соответствующие методики позволяют задолго до рождения ребенка узнать о его внешности, интеллекте, психических особенностях, предрасположенности к болезням и

других характеристиках. По результатам такой пренатальной диагностики в случае выявления тяжелых генетических дефектов родители имеют право принять решение о судьбе еще не родившегося ребенка. Современная наука позволяет дать оценку вероятности появления врожденных дефектов в так называемых группах риска, а также корректировать состояние здоровья человека, непосредственно воздействуя на структуру ДНК.

Достижения биотехнологии в лечении наследственных болезней можно свести к трем основным направлениям. Первое связано с введением в организм больного человека нормального вещества, обычно белка, который ввиду генетического дефекта в организме отсутствует или имеется в дефектной форме. Второе направление – это введение в организм больного генетически здоровых клеток, берущих на себя функцию, отсутствующую у клеток генетически измененных. Третье направление – это выделение из организма больного генетически дефектных клеток, их корректировка и обратная пересадка.

Благодаря новым технологиям становится возможным изменение физических параметров тела человека, увеличение продолжительности жизни, приостановка биологического старения и т. п. Проблема продления жизни ставит не менее важные вопросы, касающиеся изменения статуса и роли человека в обществе и его окружения. В век прогресса медицины люди способны думать, что все, что может победить болезнь и продлить жизнь, является добром по определению. При этом забывается о том, что важно также качество жизни, а не только количество прожитых лет. Стремление продлить жизнь мотивируется на индивидуальном и социальном уровнях. Последний имеет, в том числе, и экономическую императивность, связанную с поддержанием потенциала трудоспособности населения. В этой плоскости проблем ведутся сегодня дискуссии о возможности и необходимости продления пенсионного возраста. Создается новая ситуация, в которой люди разных возрастов, связанные различного рода узлами (родственными, опекунами и пр.), сталкиваются с ограничением собственного выбора, потому что у них на попечении находятся зависимые от них престарелые родители, родственники и пр. «В идеале человек хочет не просто жить дольше, но и еще, чтобы различные его способности и умения отказали как можно ближе к смерти, и тогда не придется в конце жизни проходить через период беспомощности и повышения зависимости» [1, с. 237].

Трудности решения данной проблемы актуализируют в современном обществе пробле-

мы эвтаназии, организации хосписов и т. п. Происходят изменения в определении понятий жизни и смерти. Новые достижения в области биомедицинских научных и методологических исследований позволяют сохранить жизнь серьезно больным и получившим травмы людям, лечение которых еще вчера не представлялось возможным. При этом возможны ситуации искусственного поддержания жизни человека, вне его связи с функционирующим сознанием. Это послужило причиной горячих дискуссий по поводу ненужной реанимации и права на смерть. Концепция большинства лечебных учреждений не предполагает таких механизмов, ибо клиника на данный момент развития медицины и не предназначена для решения подобных проблем. Она ориентирована на достаточно быстрое и эффективное возвращение человека к здоровому образу жизни.

В соответствии с этим все более востребованной становится методика паллиативной медицины, как поддерживающего лечения больных, болезни которых вылечить невозможно, но при этом дающего контроль над болью и другими симптомами. Вопросы паллиативной помощи, особо остро заявившие о себе с 70-х гг. XX в., инициировали создание специальных учреждений – хосписов, являющихся в некотором роде альтернативой эвтаназии. Необходима разработка соответствующего законодательства в этой сфере, которое бы защищало больного, формировало его уверенность в том, что последние часы жизни он проведет достойно. В то же время для биоэтики хосписы оказываются «полигоном» для «проигрывания» глубинных нравственных вопросов [2, с. 42].

Ключевыми для биоэтического регулирования являются также проблемы справедливости, соотношения этической теории и практики. Как известно, в биоэтике наработаны очень важные механизмы, которые вполне заслуживают применения в самых разных областях жизни общества. Это – механизмы информированного согласия и механизм этической экспертизы принятия решений, касающихся нашего здоровья. Проблемы справедливого доступа к медицинской помощи, как и ко всему комплексу услуг, связанных с обеспечением здоровья, касаются всех и каждого. Многие новейшие биомедицинские технологии открывают колоссальные возможности в том, что касается восстановления и укрепления здоровья, однако распределение этих возможностей очень часто оказывается далеко не справедливым.

Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что не только не сокращается, но, напротив, быстро растет разрыв между теми, кто имеет возможности доступа к новейшим биотехноло-

гическим достижениям, и основной массой населения. Сегодня в мире 90% средств тратятся на биомедицинские исследования и направляются на создание средств борьбы с теми заболеваниями, от которых страдает 10% мирового населения. И только 10% средств, расходуемых на эти исследования, идет на лечение заболеваний, которым подвержены 90% жителей планеты. Прогресс биомедицины в этой связи начинает выступать одной из причин расслоения общества на бедных и богатых в связи с высокой стоимостью новых технологий, генной терапии, соответствующих лекарств.

К началу XXI в. появилась возможность не только улучшить человеческую телесность, но и создавать то, что не заложено природой изначально, например, в случае вмешательства в геном человека или при изменении пола. По сути, появилась возможность (и даже потребность) не только проектирования идентичности по индивидуальному выбору, но и ее перепроектирования [3, с. 34].

Данная тенденция может быть связана с проникновением в такие области исследования, как, например, высшая нервная деятельность. В настоящее время идет работа над расшифровкой механизмов процессов восприятия, ощущения, обучения, мышления. Известно, что передача сигнала в центральной нервной системе осуществляется с помощью специальных химических веществ – нейромедиаторов. Многие из них уже синтезированы и идентифицированы кодирующие их гены. Поскольку моделирование работы центральной нервной системы в лаборатории невозможно, использование нейромедиаторов в медицине будет связано с определенным физиологическим риском. Поэтому, с одной стороны, за ними, как следующим поколением психофармакологических препаратов, есть будущее в лечении нервно-психических заболеваний, с другой – они могут стать инструментом, с помощью которого можно воздействовать на человека и управлять им.

В связи с этим появляются принципиально новые моральные проблемы: что считать нормой, а что патологией? где граница между лечением и улучшением (например, внешности человека)? что такое здоровье вообще? что меняется в индивидуальности со сменой идентич-

ности? На эти вопросы биоэтика пока не может дать однозначные ответы, хотя разработки, касающиеся философско-антропологического анализа проблемы идентичности человека в изменившихся современных социокультурных условиях, ведутся.

Заключение. Все вопросы, связанные с соблюдением общих принципов гуманизма, нравственности и биомедицинской этики, рассматривают соответствующие этические комитеты. Выделяют два основных механизма такого сопровождения и этического регулирования научных исследований. Во-первых, процедура информированного согласия, которое перед началом исследования дает каждый испытуемый. Во-вторых, современная практика биомедицинских исследований предполагает, что каждый исследовательский проект может получить поддержку только после того, как заявка будет одобрена независимым этическим комитетом.

Этические комитеты – это структурные подразделения, обеспечивающие, прежде всего, регуляцию проведения независимой этической экспертизы, обязательной для всех биомедицинских исследований. Этические комитеты являются в современных условиях важнейшей структурой для соблюдения различных нормативных актов, принятых на международном уровне в области биоэтики. Этический комитет призван способствовать и всемерно содействовать укреплению доверия, консолидации и партнерских отношений между врачами, медицинскими работниками и пациентами, добиваться согласия путем объективного и принципиального обсуждения сложных в морально-правовом отношении ситуаций.

Литература

1. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2008.
2. Яскевич, Я. С. Биоэтика как императив современной общественной морали / Я. С. Яскевич // Сучасні проблеми біоетики. – Киев: Академперіодика, 2010.
3. Юдин, Б. Г. Жить или не жить? / Б. Г. Юдин // Человек. – 1990. – № 2.

Поступила 16.03.2011

УДК 167/168:001

А. В. Кокорев, преподаватель (ОНАС им. А. С. Попова, Украина)**АРХИТЕКТОНИКА ТЕХНОСФЕРЫ**

Анализируется сущность и архитектура техносферы, выявляются ее структурные компоненты и дается их содержательная интерпретация. Раскрывается содержание ее составляющих: техники как артефактов; технологий; технических наук как особого комплекса знаний, быстро развивающихся в современных условиях, а также объясняется необходимость политехнической подготовки специалистов. Подробному анализу подвергается содержание современных высоких технологий инновационного характера, особое внимание уделяется выявлению особенностей развития технических наук.

The essence and architectonics of technical sphere is analyzed and the content of its components is revealed: technique as a aggregation of artifacts; technologies; technical sciences as a special complex of knowledge which quickly develop in the modern conditions. Also in the article the necessity of polytechnical preparation of experts is demonstrated. The content of modern innovated high technologies is considered in detail, special attention is paid to the analysis of peculiarities of technical sciences.

Введение. Человечество вступило в XXI в. в условиях глобализации всех сфер общественного бытия. Сегодня развитие человечества – это далеко не идеальный процесс его движения к стремлениям и целям людей. Анализировать его состояние с идеалов утопизма тоже нельзя, поскольку это реальный жесткий период в жизни народов практически всех континентов. Единственной общей идеологией выступает формирование политических, технико-технологических, правовых, нравственных и других основ информационного общества. В этом процессе можно выделить ряд тенденций, но детерминирующая из них заключается в прогрессивном нарастании научно-инновационных, нано- и биотехнологий, артефактов технического характера – всего того, что составляет реальные основания нового общества и вне которых оно функционировать не сможет.

Основная часть. Исследование процесса развития техносферы позволяет утверждать, что ее содержание постоянно изменялось, если отсчет вести от возникновения человека разумного, не только использующего подручные средства для достижения целей в освоении природы, но и активно создающего искусственные орудия труда. Этот процесс и характеризует на всем протяжении развития человечества его активность и созидательную силу разума. Формирование техносферы усложнялось по мере необходимости включения в ее содержание новых составляющих, вне которых она прогрессивно функционировать не может.

Сегодня техносфера – это целое бытие взаимосвязанных между собой ее составляющих. В ее архитектуру входят:

- целостное бытие мира артефактов (самой техники);
- широкое развитие технологий, «как объекта, материала и физических процессов, отде-

ленных от человеческих существ... Технология не является нейтральной» [1, с. 38];

- система постоянно развивающихся технических наук;

- система политехнического образования, задачей которого выступает подготовка квалифицированного инженера – мозгового центра техносферы.

Мультифункциональное содержание техносферы стало основой возникшей в структуре философского знания философии техники, нацеленной прежде всего на осмысление феномена техники, требующего междисциплинарного подхода при системном исследовании техники в историко-цивилизационном, культурологическом, методологическом, антропологическом, нравственно-эстетическом и аксиологическом контекстах. Философия техники – это прежде всего продукт рефлексии самой философии.

Философия техники, а по концепции В. П. Котенко «философия технической реальности» (ФТР) – обобщающее, всеобъемлющее, системное, мировоззренческое, методологическое, онтологическое, эпистемологическое, социально-философское, этическое и т. п. исследование технической реальности, включающее рефлексии всех компонентов технического мира – историю технической реальности, мифологию технической реальности, обыденные представления о технической реальности и т. д., естественные измерения технической реальности (наука, инженерная экология), человеческое и индивидуальное измерение технической реальности (атропономия, антропология, психология, физиология, эстетика и др.), социальное измерение технической реальности (экономика, социология, политическая наука и др.) [2, с. 43].

Если основным элементом техносферы выступает техника, то что понимается под ней?

Термин «техника» (от греч. *tehne*) означает: во-первых, искусство, навык исполнения чего-

либо; во-вторых, артефакт, изготовленный человеком предмет инструментального назначения; в-третьих, машина (хитроумное устройство, предназначенное для замещения рабочей силы человека, ее умножения, имеющее собственную двигательную основу).

В историческом плане техника предстает как совокупность орудий труда, машин, механизированных и автоматизированных комплексов различного функционального назначения, информационные системы, совокупности коммуникаций (транспортных, промышленных, медицинских, образовательных и др.). «Техника, – отмечает А. И. Зеленков, – исторически развивающаяся совокупность создаваемых человеком средств (орудий, устройств, знаний, навыков), которые позволяют людям преобразовывать и использовать естественные и искусственные материалы, явления и процессы для удовлетворения своих потребностей... Техника всегда была уникальным средством преобразования окружающей человека среды в ее природном и социальном проявлениях» [3, с. 229].

Следовательно, техника выступает одной из важнейших предпосылок человеческой деятельности. Преобразовательный характер техники можно определить как философскую и историческую суть, ее культурное призвание. Техника выступает посредником между человеком и природой, в этом значении преобразует предметную среду человеческой деятельности. Эволюция техники от различных орудий к ремесленно-мануфактурному производству, машинной технике, автоматизированным и компьютерным системам отражает процесс все более глубокого освоения человеком природы. В этой ипостаси техника предстает еще и как инструмент, который используется как средство, удовлетворяющее потребности человека. Но прежде всего техника принадлежит к сфере артефактов (искусственных образований, которые человечество создавало и создает на всем протяжении своего развития), она есть овеществленная сумма знаний, ее основы заключены в строгом логико-математическом и физическом мышлении и расчетах.

Обобщая различные точки зрения на предмет философии техники, ее сущность, отметим свое понимание философии техники. Рефлексируя над техникой и технологиями, философия техники предстает как система объективных знаний о технике и технологиях, имеющих законы своего функционирования, истинность и достоверность которых подтверждается все возрастающей человеческой практикой в ходе освоения окружающего мира. Техника как артефакт выступает как постоянно реализующий-

ся интеллектуальный разум человечества, его интеллектуальная собственность.

Техника – это особый, специальный артефакт человеческой деятельности, возникшей на этапе становления в биологическом человеке второй его структуры – социальной. Для освоения окружающего мира этот «мыслящий тростник» (по выражению Б. Паскаля) начинает активно вначале использовать те подручные средства, которые есть в природе. Но это не артефакт. Артефакт (техника) возникает тогда, когда в результате повседневной практики человек осмысленно, целенаправленно создает орудия труда, необходимые для решения конкретных производственных задач.

Техника выступает как системно-структурное единство артефактов, создаваемых человечеством для прогрессивного развития их социокультурного бытия. Она есть не просто совокупность орудий, средств труда (в этом случае техника отражает качественную характеристику), она есть мера обобществления, опосредования и воплощения идей творческого субъекта. Эта мера отражает как степень овладения человеком природы, так и движение его творческого потенциала. Единство качества и меры позволяет обосновать закономерности ее развития, пути прогнозирования технического прогресса.

В целом же сущность техники как артефакта заключается в том, что она предстает и как особая деятельность, кристаллизирующаяся в специфической, относительно автономной технической сфере, и как результат, в котором она есть совокупность орудий, механизмов, машин, технических сооружений, а в более широком культурно-историческом смысле – как техническая среда, в которую погружена современная личность.

Со становлением техники возникают и технологии, которые можно репрезентовать в двух ипостасях. Первая – это технология создания самих орудий. Еще в первобытном строе человек создает орудия труда и в устной форме передает технологию их производства. Со становлением теоретического уровня знания этот процесс приобретает «онаученный» характер, но это не означает исчезновения развития того способа создания техники и передачи технологии ее изготовления, который был свойственен для обыденного познания. Примером может служить деятельность «технарей-самоучек», а сегодня – рационализаторов. В этом плане техника и технологии возникают одновременно, технологии предстают как процесс создания и закрепления в сознании человека того или иного артефакта.

Современные высокие технологии инновационного характера, нанотехнологии, биотехнологии

несут в своем содержании не только прогресс, но и содержат негативные элементы в виде воздействия на человеческий фактор. И уже сегодня новые технологии требуют контроля. «Сегодня технология – это самозаводящаяся машина, – отмечает Д. Нейсбит, – своего рода вечный двигатель, подталкивающая самое себя постоянными усовершенствованиями, дополнениями и новым топливом. Технология ускоряет темп жизни и усиливает нашу зависимость, которая с необходимостью требует облегчения» [1, с. 47]. Это и есть главные составляющие контроля над технологиями. Но это сложный процесс, носящий политико-правовой характер.

Особое внимание в структуре техносферы принадлежит техническим наукам, выделившимся в особую ветвь научного знания в XIX в. Это одна из составляющих производительных сил общества, на их основе формируются новые технологии, что убедительно раскрывает рост социальной силы этих наук. Сегодня можно аксиоматически утверждать об их автономности и обособленности, поскольку трансляция их содержания в сознание социума приобретает приоритетный характер. В архитектонике технических наук как системе теоретического знания, направленного на изучение и разработку идеальных средств целесообразной деятельности людей, можно выделить следующие специфические особенности этих наук.

Во-первых, каждая объектная область технической науки является целостной и конкретной. Сумма содержащихся в них знаний должна нести всю информацию, необходимую для материализации идеальных образов в реальные технические объекты.

Во-вторых, особое соотношение теоретических и эмпирических составляющих.

В-третьих, неотъемлемой составляющей технических наук является ее операционально-методологическая база, на которой и разворачивается творческая мысль инженера.

Сегодня технические наукиполнились информациологией, квантовой теорией, системой информационно-коммуникационных технологий, рядом других технических дисциплин и формируют новую методологическую и информационную культуру специалиста.

Становление технического знания потребовало и реальных людей, занимающихся разви-

тием этого знания и внедрением его в сферу материального производства. Их необходимо было готовить по особым программам, методикам. Начинается бурный процесс формирования технической элиты, призванной обеспечить общество совокупностью инструментальных артефактов. В сфере промышленного производства формируется новый элемент социальной структуры – инженерия. Предметом архитектоники техносферы стало осмысление статуса инженера. В этом отношении П. К. Энгельмейер разделил поле деятельности инженера, техника и ремесленника, раскрыв инженерное образование как творческую деятельность. Основу этой деятельности составляет техническая рациональность как особое осмысление процесса конструирования техники, отражающего логику движения мысли этого специалиста. Под влиянием идей превращения техники из статуса ремесленного занятия в профессиональную инженерную деятельность и сформировалась система высшего политехнического образования, которая существует во всех странах мира. Общество обязано сформировать техническую элиту, которая призвана решать проблемы формирования технико-технологических основ новой антропогенной цивилизации.

Заключение. Таким образом, исследование архитектоники техносферы представляет ее как сложное образование, имеющее свою архитектонику. Все элементы этой архитектоники глубоко взаимосвязаны между собой – техника, технологии, технические науки и политехническое образование – и представляют техносферу как уникальную социокультурную и социальнотехническую систему, вне которой решать задачи цивилизационного процесса практически невозможно.

Литература

1. Нейсбит, Д. Высокая технология, глубокая гуманность / Д. Нейсбит. – М.: АСТ: Транзит книга, 2005. – 381 [3] с.
2. Котенко, В. П. История и философия технической реальности / В. П. Котенко. – М.: Академический проект: Трикста, 2009. – 623 с.
3. Философия и методология науки / А. И. Зеленков [и др.]; под ред. А. И. Зеленкова. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. – 479 с.

Поступила 22.01.2011

УДК 1(091)+165

И. Н. Сидоренко, кандидат философских наук, доцент (БГТУ)**ЭМПИРИЗМ И КОНСТРУКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ПОЗНАНИЯ**

В статье раскрываются основные положения эмпиризма Нового времени, представленные концепцией Дж. Локка, в частности, такие как анализ непосредственной данности сознания, концепция первичных и вторичных качеств, активность познающего субъекта, конструирование опыта и смысла. На основании этого делается вывод о том, что философия Нового времени, акцентировав проблему воли мыслящего субъекта, дала возможность выйти на обоснование творящего и конструирующего субъекта познания. В силу этого эмпиризм рассматривается автором как предтеча возникновения конструктивистского подхода, в частности развития такого его варианта, как феноменологический конструктивизм.

In this article the author is discovering the substantive provisions of empiricism of the New time, presented by the concept of Dj. Lock, in particular, such as the analysis of a direct reality of consciousness, the concept of primary and secondary qualities, activity of the cognitive subject, constructing of human experience and sense. On the basis of it the author has concluded that philosophy of New time, having accented a problem of will of the thinking subject, has given the chance to come on a substantiation of the creating and designing subject of knowledge. Owing to it empiricism is considered by the author as the forerunner of beginning of the constructivist approach, in particular developments of its such variant, as phenomenological constructivism.

Введение. Классическая эпистемология базируется на положении, что мы можем наблюдать мир как объективную реальность, таким, как он есть. В отличие от нее, в неклассической эпистемологии полагается, что субъект и объект познания составляют единую систему, взаимно детерминируя друг друга: нет наблюдения без наблюдателя. Кроме того, познавательные способности самого субъекта определены его телесностью и тем окружающим миром, в который он встроен. Человек как субъект познания воспринимает мир через свои органы чувств, он понимает его с помощью своих эволюционно выработанных способностей ума. Именно поэтому субъект не только и не столько отражает, сколько конструирует реальность. В силу этого, в отличие от классической и неклассической рациональности, постнеклассическая рациональность сталкивается с таким типом предметности, познание которого как существующей вне человека законченной «реальности» невозможно. Постнеклассическая рациональность не существует вне измерения социально-гуманитарного проектирования, поэтому она выступает формой социально-гуманитарной проектно-конструктивной рациональности. Таким образом, под конструктивизмом в теории познания понимается подход, в рамках которого считается, что человек в процессе восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его.

Основная часть. Основой конструктивизма является свойственное классическому рационализму и эмпиризму представление об активности субъекта познания, под которой понимают креативные функции разума, такие как ин-

теллектуальная интуиция, врожденные идеи, конструирование опыта и смысла в нем, волевые аспекты познания. Один из основных тезисов британских эмпиристов заключается в том, что разуму ничего не представлено, кроме восприятий. Так, в частности, сенсорный аппарат человека не только отражает объект чувственного познания, но и конструирует его. Поэтому эмпиризм Нового времени можно рассматривать как предтечу конструктивизма, в частности развития такого его варианта, как феноменологический конструктивизм (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти и др.). Необходимо отметить и то, что именно постановка проблемы воли мыслящего субъекта в философии Нового времени дала возможность выйти на обоснование действующего, творящего и конструирующего субъекта познания.

Атрибутивной чертой эмпиризма как методологии является анализ непосредственной данности сознания. Опыт в трактовке эмпиризма представляет собой не модификацию эмпирического «Я», а непосредственное сознание, открывающееся каждому из нас. Для разрешения вопроса о природе познавательной способности Дж. Локк предлагает непосредственное наблюдение своего собственного сознания. При этом естественная установка направлена на непосредственную регистрацию наличного содержания сознания. Фактически это приводит к тому, что опыт начинает рассматриваться как вся наличная совокупность чувственно-наглядных представлений сознания. Для того чтобы раскрыть чистую данность сознания, необходима, с точки зрения Локка, интроспективная установка, т. е. собственный опыт самонаблюдения. Таким образом, сознание берется

так, как оно открыто человеку в его внутреннем опыте. Чувственные образы эмпирического сознания Локк называет «определенными идеями», отмечая, что они гносеологически нейтральны, т. е. представляют собой просто факты внутреннего опыта. Несмотря на то, что познание в эмпиризме выводится из опыта, сама фиксация идей требует внимания, а значит, определенные идеи – это факты эмпирического сознания, зафиксированные умом. Внешний опыт состоит из ощущений свойств и восприятий тел, а опыт внутренний, т. е. по терминологии Локка, рефлексия, представляет собой познание души о своей собственной деятельности, полученные через самонаблюдения. Таким образом, приобретенные из опыта идеи – это еще не само знание, а только материал для него. Для того чтобы идеи стали знанием, они должны быть переработаны посредством деятельности рассудка, т. е. абстракции, другими словами, сконструированы и преобразованы в сложные идеи. Так, процесс познания превращается в восхождение от простых идей к сложным. Однако такое восхождение возможно благодаря конструктивной деятельности органов чувств человека.

Для иллюстрации конструктивного характера познания в концепции Локка обратимся к концепции первичных и вторичных качеств, суть которой заключается в том, что познаваемому объекту «самому по себе» присущи не все чувственно воспринимаемые качества, а лишь «первичные и реальные», такие как плотность, протяженность, форма, количество, движение и т. п., вторичные, такие как вкус, цвет, запах и т. п. представляют собой комбинацию первичных качеств, возникающую в результате не столько отражения, сколько преобразования, конструирования опытных данных сенсорным аппаратом человека. Таким образом, вторичные качества носят субъективный характер, по меньшей мере, частично, в том смысле, что не отражают объективных свойств самих вещей, хотя и вызываются ими к существованию.

Однако эти комбинации, сцепления идей не произвольны, несмотря на то, что нет ничего свободнее, чем способность ума оперировать идеями. У Локка основой для сцепления идей становится внимание, внутренний опыт или, другими словами, внутреннее чувство, которое представляет собой «направленность на...» предмет сознания. Таким образом, внимание у Локка можно рассматривать как непосредственную наличность самого эмпирического сознания через фиксирование содержания сознания. Кроме самих идей в опыте есть ум как определенная сила их фиксации, как способность размышления, проявляющая себя в оперирова-

нии идеями. Получая простые идеи, наш ум пассивен, однако получив их, он способен совершать с ними различные действия, в частности, может комбинировать идеи друг с другом и таким образом формировать сложные идеи, а используя абстрагирование, ум способен формировать общие идеи. Восприятие у Локка фактически отождествляется с мышлением, т. е. мыслить – значит фиксировать умом элементы опыта во внутреннем или внешнем чувстве. Однако для реализации этой фиксации необходимо не только восприятие, но и воля. Так, ум – это естественная активность сознания, обусловленная волей. Именно благодаря воле осуществляется непрерывность внимания, а значит, и непрерывность опыта. Поэтому основная конструирующая операция ума – это удержание идей в поле сознания посредством созерцания (феноменологически это переживается как «выделение» предмета для познающего) и памяти как волевого акта удержания образа в представлении. Локк говорит не о предметах, а об их явлении в опыте. Так, опыт осуществляется как развертывание самой пространственно-временной схемы явления предмета и проявления его внутренних свойств [1]. На основе сказанного мы можем сделать вывод о том, что такой важный для развития конструктивного подхода принцип активности познающего и, следовательно, активности знания был уже разработан в эмпиризме Нового времени. Так, например, Локк одним из первых акцентировал активный характер памяти: вспомнить – это значит применить волю.

Близость идей Локка в контексте проблематики феноменологического конструктивизма мы обнаруживаем с феноменологической концепцией опыта М. Мерло-Понти. Человеческий опыт здесь исследуется в единстве рационального как необходимого и случайного, в его историчности и действительной неоднородности, со всеми его «случайными» содержаниями и тем, что в нем считается «бессмысленным». Основную задачу феноменологии Мерло-Понти можно свести к разрешению проблемы описания изначального, дорефлексивного способа связи человека с миром, который осуществляется в восприятии и является одновременно подлинным самовыражением человеческой субъективности и конструированием культурного мира смысла. Если Локк обращался к чувственным образам эмпирического сознания, то Мерло-Понти предложил более радикальный вариант: теорию феноменального тела, в которой анализируется его особое существование и экзистенциальное «пространство», отличное от наличного бытия вещи и интеллигибельное сознание. Обращение к идее феноменального

тела позволило ему акцентировать онтологический пласт сознания, т. е. сферу интенционально действующей субъективности, представляющей собой совокупность неразложимых целостностей, чувственно-смысловых ядер. Присутствие и конституирование в опыте экзистенции этих фундаментальных смыслообразующих структур и содержаний организует, с одной стороны, опыт как целостность, а, с другой стороны, мир как конкретную ситуацию. Феноменологический призыв «назад, к вещам самим по себе» Мерло-Понти понимает как обращение к реальности, какой она дана до сознания, в опыте, предоставляемом нам собственным телом. Отсюда следует то большое значение, которое Мерло-Понти придает не чисто интеллектуальному знанию о мире, а опыту восприятия, или «перцептивной вере», агентом которой становится тело. Работа сознания выступает как нечто вторичное по отношению к телесным процессам.

Для Мерло-Понти тело не является просто объектом: оно не вещь в мире, но отношение к миру. Тело становится условием «сознательного Я» и, в силу этого, подлинным субъектом конституирования субъективности и конструирования смыслов. Объекты мира выступают для «сознательного Я» как смысловые единства, поскольку они независимо от него схвачены в качестве таковых телом, которое интенционально связано с миром и, именно поэтому, способно осуществлять предварительную конституцию. Тело функционирует как целостная система, все функции которой связаны друг с другом и с окружающим миром: не являясь механической суммой отдельных органов чувств, оно представляет собой связную систему межсенсорных взаимодействий. Мерло-Понти полагает, что единство воспринимаемого объекта обеспечивается единством и согласованностью объективных телесных механизмов, причем благодаря этому предмет сразу схватывается как таковой. О последнем свидетельствует опыт восприятия, в котором обычное, незамутненное рефлексией наблюдение не обнаруживает никакого процесса синтеза образа. Фактически философ наделяет тело функцией созна-

ния. Именно перцептивный, или, другими словами, дорефлексивный, опыт экзистенции является тем «типом первоначального опыта» человека, в котором конструируются смыслы, а значит, и реальный мир в его специфичности.

Заключение. Итак, было показано что, в эмпиризме восприятие не пассивно, а активно и выступает основой для конструкции идей как образов мышления. Это представление о том, что сенсорный аппарат человека не только отражает объект чувственного познания, но и в известной степени формирует его, оказал существенное значение на становление и развитие конструктивистского подхода в эпистемологии.

Неклассическая эпистемология, в русле которой развивается эпистемологический конструктивизм, также как и его версия, феноменологический конструктивизм, решительно отказывается от дихотомического разделения субъекта и объекта познания, человека с его органами чувств и ментальными способностями и окружающего мира, на которые направлены его познавательные усилия. Однако акцентируя активность знания и познающего субъекта, конструктивизм по-новому задает проблематику этичности выбора и ответственности. Так, в рамках конструктивистского подхода изменяются этические принципы человеческой деятельности. Человек как субъект познания и конструирующей деятельности сам становится, с одной стороны, творцом, а с другой – критиком своего творения, выносящим этическую оценку исходя из своих целей, ценностей и с осознанием тотальности своей ответственности за результат конструируемого им опыта, мира в целом. Более того, конструирование предполагает контроль за какими-либо отклонениями и в качестве истинности рассматривает способность к адаптации конструкта. Так, опыт и личная ответственность познающего становятся единственной основой самоорганизующегося целого.

Литература

1. Локк, Дж. Сочинения. В 3 т. Т. 1 / Дж. Локк. – М.: Наука, 1985. – С. 182.

Поступила 15.03.2011

УДК 316:723

С. Л. Шалаева, кандидат философских наук, доцент
(Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия)

СУБКУЛЬТУРА ДЕТСТВА И МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ГЛОБАЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье исследуются малоизученные в социально-гуманитарном знании проблемы метаморфоз межпоколенных отношений в современном глобализирующемся обществе. В частности, анализируется проблема изменения направления трансляции межпоколенного опыта – от младших, более динамичных поколений к старшим. Также рассматривается рост значения детской субкультуры в социализации подрастающих поколений и увеличение влияния субкультуры детства на культуру взрослого мира.

In article it is investigated problems of metamorphoses of relations of generations poorly studied in socially-humanitarian knowledge in a modern globalized society. In particular, the problem of change of a direction of translation of experience of the relation of generations – from younger, more dynamical generations, to the senior generations is analyzed. Also growth of value of children's subculture in socialisation of rising generations and increase of influence of subculture of the childhood on culture of the adult world is analyzed.

Введение. В современном обществе можно наблюдать возникновение и стремительное нарастание исключительно острых проблемных ситуаций в социальной, экономической, культурной, демографической и других сферах. Эти общественные изменения в науке именуется цивилизационным сломом. Человек живет сегодня в качественно ином пространстве открытых границ, находится под воздействием огромного прессинга информации, что определяет глубинные изменения его восприятия, сознания и мышления, потребностно-мотивационной и эмоционально-волевой сфер, пространства деятельности, ценностных аспектов бытия, появления новых потребностей и новых возможностей их реализации.

Особенности и характер всех этих процессов наиболее ярко проявляются в детстве, причем детство мы понимаем в широком смысле, как период от рождения ребенка до достижения им полной социальной зрелости, до возраста совершеннолетия. В этот период формируются социально-психологические особенности человека и происходит формирование личности, осуществляются процессы социализации и индивидуализации, осваиваются нормы общества. Детство – это период становления ребенка полноценным членом человеческого общества, это время интенсивного развития человека, которое невозможно без посреднической роли взрослого.

Основная часть. Особую актуальность сегодня для сферы образования приобретает изучение феноменов субкультуры детства, которые позволяют понять традиционные формы и способы регуляции отношений в детских группах, содержательную трансформацию их в детской среде в последние десятилетия, влияние их на специфику межпоколенных взаимодействий, а также влияние на мир взрослых в целом.

Детская субкультура – это вариант широко распространенного социального процесса трансляции культуры и социального опыта через соответствующие традиции, обычаи, ритуалы.носителем детской субкультуры является детское сообщество, канал передачи культурных ценностей в детской субкультуре – устный, из «поколения в поколение» сверстников. Посредством детской субкультуры удовлетворяются важнейшие потребности ребенка: в изоляции от взрослых, в близости с другими людьми за пределами семьи, в самостоятельности, в отстранении от групп сверстников, чуждых по духу, интересам, и участия в социальных изменениях [1].

Детская субкультура выполняет ряд других социальных функций, не осуществляемых или осуществляемых в недостаточной мере формальными социальными институтами. Это функции интеграции в детское сообщество путем предоставления неформальных правил поведения, регуляции взаимодействий между детьми разного возраста, между полами, адаптации в случае дополнения формальной организации детей, удержания образца через трансляцию норм и собственное воспроизводство, целедостижения, когда с помощью ее удовлетворяются потребности в признании, завоевании статуса, отличного от обязательных, формальных обязанностей ученика, ребенка в семье, социального контроля самого детского сообщества над сохранением детства через средства ожидания, признания, отчуждения, остракизма и т. п., но не через прямое принуждение [1].

Содержание традиционной детской субкультуры включает в себя: традиционные народные игры (хороводы, подвижные игры, военно-спортивные состязания и пр.); детский фольклор (считалки, дразнилки, заклички, сказки, страшилки, загадки); детский правовой ко-

декс (знаки собственности, взыскание долгов, мены, право старшинства и опекуинства в разновозрастных группах, право на использование выгодного в деятельности места); детский юмор (потешки, анекдоты, розыгрыши, поддевки); детская магия и мифотворчество («колдовство» против везучего, призывание сил природы для исполнения желания, фантастические истории-небылицы); детское философствование (вопросы типа «почему?», рассуждения о жизни и смерти и пр.); детское словотворчество (этимология, языковые перевертыши, неологизмы); эстетические представления детей (составление веночков и букетов, рисунки и лепка, «секреты»); наделение прозвищами сверстников и взрослых; религиозные представления (детские молитвы, обряды); детское коллекционирование (собираительство различных предметов, порой самых неожиданных); так называемые «приколы», шалости по телефону [2, 3].

Анализ детской субкультуры как социокультурной системы позволил нам выделить следующие ее специфические особенности:

- 1) зависимость от культуры и относительная автономия;
- 2) способность к сохранению и изменению;
- 3) способность проявляться в общем и особенном;
- 4) способность быть продуктом и демиургом социального взаимодействия;
- 5) трансляция традиции по вертикали и по горизонтали.

Сегодня представитель подрастающего поколения, особенно на верхних, крайних рубежах эпохи детства – в период старшего или зрелого детства, по своей физиологии и объему знаний, которыми владеет, рано перестает быть ребенком. Но к миру взрослых он не будет принадлежать еще продолжительное время, так как не обладает необходимым уровнем самостоятельности и экономической активности. И вот как раз здесь и возникает необходимость использования высокого потенциала субкультуры детства как в определенном смысле доступной социальной площадки для поиска своего статуса, упражнения в исполнении разных ролей, накопления необходимых навыков. В онтогенетическом аспекте субкультура детства представляется как фаза развития, через которую должен пройти каждый. Ее сущность – поиск социального статуса. Здесь самая доступная социальная площадка для конкретных дел – сфера досуга, где можно проявить собственную самостоятельность: умение принимать решение и руководить, организовывать и организовываться. Досуг – это не только общение, но и своего рода социальная игра, отсутствие навыков таких игр в детстве приводит к тому, что

человек и в зрелом возрасте считает себя свободным от обязательств.

В этом смысле субкультура детства обладает явно выраженной и стремительно нарастающей в своей значимости социализирующей функцией, что уже отмечено учеными в таких терминах, как «субкультура как стилизованный механизм социализации» [4, с. 76], «неинституционализирующая социализация в субкультуре» [3, с. 182], «детская субкультура как неинституционализирующий сектор детства» [1].

Вслед за российским психологом Б. Д. Элькониным [5] мы считаем состояние детской субкультуры, игры и детского сообщества важными индикаторами положения детства. Анализ детской субкультуры позволяет выявить ее главные трансформации – сужение игрового пространства детства, увеличение различий между субкультурными проявлениями на разных подпериодах детства, влияние криминальной субкультуры на подростковую среду [3]. В современном обществе возникает своеобразная оппозиция между культурой для детей и собственно культурой детей. Первая все больше пытается зафиксировать для детей определенное место, своеобразную «детскую площадку» под контролем взрослых. А между тем сегодня явно происходит перемещение локуса ориентации – личностной значимости для ребенка социальных групп принадлежности, специфического социального пространства, в котором осуществляется его развитие, – со взрослых на сверстников, начиная со старшего дошкольного возраста.

Постепенно взрослость перестает быть ценностью. Мало того, детские психологические характеристики, образы, формы поведения и творчества (непосредственность, эмоциональность, «детскость» в творчестве и т. д.) все более проникают в мир взрослых (феномен игризации [6], джейнизм, синдром Питера Пена, модная техника движений Фельденкрайза). Можно констатировать растущее влияние видов досуга и отдыха в молодежной среде, а также экстремальных видов спорта на мир взрослых [7].

В современном социально-гуманитарном знании набирает силу осознание того, что детство является реальностью, имеющей свою собственную субстанциональную природу, законы и логику развития, что это особая самоорганизующаяся реальность, которую необходимо изучать глубоко и целостно. Эта особенная природа детства с наибольшей силой проявила себя в ситуации глобализационной «смены времен», которой свойственна смена прежних онтологических статусов социальных институтов [7]. Движимое этими процессами детство из объекта воспитательного и образовательного воздействия

взрослого мира во все большей степени проявляет черты субъекта социальных отношений.

В 1988 г., когда впервые была переведена на русский язык и издана работа «Культура и преемственность» Маргарет Мид, с трудом верилось в возможность прихода префигуративной культуры взаимоотношений взрослых и детей. Сейчас ее слова поражают гениальностью предвидения: «Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ.

Сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие, но некоторые из взрослых предвидели, что так и будет. Те, кто предвидел, оказались предвестниками префигуративной культуры будущего, в которой предстоящее неизвестно» [8, с. 361].

Жутковатое предсказание сбывается? Феномен детства, определяющий будущее любого общества, на наших глазах становится ноуменом современной эпохи глобализации.

Сегодня детство не просто воспринимает мир взрослых и воспроизводит его модели мышления и поведения, но активно реагирует на мир взрослых, ставит перед ним все новые и новые задачи, прежде всего через своего рода «диктат развивающихся потребностей» [9, с. 213], заставляя считаться с собой и как с генеральным потребителем, и как все более влиятельным проектировщиком развития общества и его институтов. Тем самым детство во все большей степени определяет задачи и цели взаимодействия со взрослыми, определяет направления их деятельности с ним. Развивая свой общественно значимый мир и расширяя субкультурное пространство своего мира в мире взрослых и их большом совместном мире,

оно постепенно и все более решительно становится субъектом современной общественной жизни и его проекций в будущее. Все это является показателем стремительно приближающегося глубинного конфликта смены онтологических статусов базовых социальных институтов общества, который придется решать уже нынешним поколениям.

Литература

1. Майорова-Щеглова, С. Н. Детская субкультура – неинституционализированный сектор детства / С. Н. Майорова-Щеглова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://childos.ru/doc/child_sub_kult.pdf. – Дата доступа: 20.03.2011.
2. Виноградов, Г. С. Русский детский фольклор / Г. С. Виноградов. – Иркутск, 1990. – 195 с.
3. Абраменкова, В. В. Подростковая субкультура как пространство самореализации / В. В. Абраменкова // Мир психологии. – 2008. – № 1. – С. 175–189.
4. Мудрик, А. В. Социальная педагогика / А. В. Мудрик. – М.: Академия, 2007. – 224 с.
5. Эльконин, Б. Д. Введение в психологию развития / Б. Д. Эльконин. – М.: Тривола, 1994. – 168 с.
6. Шалаева, С. Л. От игры к играизации: на путях к общественной деструкции / С. Л. Шалаева // Человеческий капитал. – 2010. – № 7 (19). – Ч. 2. – С. 147–150.
7. Шалаева, С. Л. Мир взрослых и мир детства перед вызовами глобального общества / С. Л. Шалаева // Регионология. – 2009. – № 2. – С. 258–262.
8. Мид, М. Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
9. Фельдштейн, Д. И. Сущностные особенности современного Детства и задачи теоретико-методологического обеспечения процесса образования / Д. И. Фельдштейн // Мир психологии. – 2009. – № 1 (57). – С. 211–218.

Поступила 27.03.2011

УДК 316.74:94+930.1

О. А. Матусевич, кандидат исторических наук, ассистент (БГТУ)**ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ
КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ**

Статья посвящена анализу основных концептов, которые используются в современной теории памяти в рамках социально-гуманитарного знания. Автор сопоставляет понятия «коллективная память» и «историческое сознание», определяя их специфику. В статье представлены основные тенденции в изучении коллективной памяти и исторического сознания, а также предложены перспективные направления для историографических и социологических исследований массовых обыденных представлений о прошлом.

The article is devoted to the analysis of the terminology which is used in the modern theory of memory in socially-humanitarian sciences. The author correlates concepts «collective memory» and «historical consciousness» and defines their specificity. The author considers the basic tendencies in studying of collective memory and historical consciousness and offers perspective scientific directions for historiography and sociology.

Введение. Современная историографическая ситуация способствовала началу изучения не только прошлого как такового, но и образов, символов, представлений о прошлом, бытующих в различных обществах и социальных группах, что привело к формированию новых направлений в науке, таких как история ментальностей, история идей, история исторической культуры, историческая и культурная антропология, история памяти и интеллектуальная история. В зарубежной гуманитарной науке данные направления достаточно активно развиваются, в Беларуси они представлены несколькими эпизодическими публикациями.

Одной из характерных черт, которая значительно усложняет процесс восприятия результатов исследований и коммуникацию ученых, работающих над этими проблемами, является терминологическая неразбериха. Такая ситуация во многом обусловлена тем, что феномен памяти изучается различными науками, которые оперируют сложившимся в их научной области понятийным аппаратом. Существуют определенные трудности, связанные с переводом, поскольку простое калькирование с иностранных языков часто ведет к терминологической омонимии. Например, предмет исследования «исторической политики» и «политики памяти» один и тот же, только первое понятие является переводом с немецкого языка, а второе – с французского.

Многие ученые в своих публикациях оперируют целым рядом понятий, которые часто сложно коррелируются между собой в тексте: «коллективная память», «социальная память», «культурная память», «историческая память», «историческое сознание» [1].

Цель данной публикации – попытаться разграничить понятия «память» и «историческое сознание», а также определить основные тенденции в изучении этих феноменов общественной жизни индивида.

Основная часть. Наиболее простым представляется выявление специфики термина «коллективная память», поскольку в зависимости от носителей память бывает индивидуальной и коллективной, т. е. присущей какой-то группе индивидов. По сути, носителями коллективной памяти также являются индивиды, но проявляется она как массовые обыденные представления о прошлом. Изучением индивидуальной (автобиографической) памяти занимается устная история, основной же массив исторических и социологических публикаций посвящен именно коллективной памяти, которая по своей природе социальная и социальнообразующая. Именно поэтому допустимым является использование терминов «коллективная» и «социальная» память как синонимов, при этом понимая под последним коллективную память, которая присуща некой социальной общности и функционирует в определенных «социальных рамках», организуя повседневный опыт индивидов. Понятие «социальная память» употребляется в противовес биологической, как некая внегенетическая система наследования и передачи социально значимой информации. Данный подход был обоснован французским социологом М. Хальбваксом [2].

В межвоенный период советские психологи Л. С. Выготский и А. Р. Лурия, разрабатывая социальную концепцию памяти, выделяли термин «культурная память». Они отмечали, что память взрослого человека надо рассматривать не как биологический феномен, а скорее как культурный, приобретенный в процессе социальной деятельности [3]. Следовательно, они употребляли понятие «культурная память» в значении социально обусловленной надиндивидуальной памяти, т. е. социальной.

Термин «культурная память» развил немецкий египтолог Я. Ассман. Согласно его подходу, коллективная память функционирует в

двух модусах: коммуникативной и культурной памяти. Коммуникативная память представляет собой исторический опыт в рамках индивидуальной биографии, «живую память» современников. Она неформальна, возникает в повседневном взаимодействии и существует, пока живы участники и очевидцы событий, т. е. 3–4 поколения. Культурная память основана на событиях «абсолютного» прошлого. Она оформлена ритуально, существует в виде праздников, церемоний и является символической формой передачи и актуализации культурных смыслов прошлого. Носителями этой памяти являются специалисты, хранители традиции [4, с. 54–55].

Наибольшую сложность представляет собой определение понятия «историческая память», под которым понимают:

- способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции;
- коллективная память о прошлом, если речь идет о группе, и социальная память о прошлом, когда речь идет об обществе;
- идеологизированная история, более всего связанная с возникновением национального государства;
- совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе на массовом и индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты;
- опорные пункты массового знания о прошлом, минимальный набор образов исторических событий и личностей, которые присутствуют в активной памяти [5, с. 191–192].

Тенденцией в научной литературе становится отождествление исторической памяти и исторического сознания, что, на наш взгляд, ведет к подмене понятий, поскольку второе намного шире первого. Память не имеет перспективного измерения. Памятью в отличие от сознания нельзя проникнуть в будущее. Память можно восполнить информацией из различных источников. Сознанием можно проникнуть в прошлое, которое не зафиксировано в памяти. Сознание может управлять образами памяти, вызывать их, стирать и трансформировать; в то время как память осуществляет конкретный набор операций с информацией: запоминание, хранение, накапливание, воспроизводство и забывание. Процессы осмысления, оценки и интерпретации относятся к сфере деятельности мышления, а не памяти. Даже тот образ реальности, который сохраняется в памяти, первоначально преломляется в сознании человека. Возникает закономерный вопрос: можно ли изучать память, минуя проблему сознания, если уже само запоминание является сознательным актом?

Под историческим сознанием понимают форму общественного сознания [6, с. 11] либо срез общественного сознания, который представляет собой отражение, познание, осмысление, интерпретацию, вынесение оценок, выражение эмоций, постижение истории как процесса, протекающего во времени, в единстве прошлого, настоящего и будущего [7, с. 10]. Данный термин может использоваться для качественной характеристики общественного сознания, достижения определенного уровня исторических представлений, связанных с утверждением принципа историзма. Историческое сознание образует ядро этнической самоидентификации и национального самосознания, обеспечивает преемственность и направленность деятельности общества.

Историческое сознание формируется на основе обыденных социально-психологических представлений и знаний о прошлом (т. е. коллективной памяти); научных представлений и концепций; художественно-образного воспроизведения исторического процесса; политико-идеологических и морально-оценочных представлений о событиях прошлого [7, с. 10].

Историческое сознание разделяется на обыденное и научное. Научное историческое сознание фактически является объектом исследования истории исторической науки. Коллективная память в большей степени определяет обыденное историческое сознание, которое развивается в процессе повседневной жизнедеятельности людей в результате произвольных и специально организованных «встреч» с прошлым: воспоминания и рассказы старших, посредством СМИ и произведений искусства, посещения музеев и памятных мест.

Историческое сознание в основном является предметом исследования философов, которые рассматривают память как информационную базу сознания, которое в свою очередь формирует память и обеспечивает ее деятельность.

Относительно термина «историческая память» необходимо отметить, что коллективная память не только не совпадает с историей (имея ввиду историописание), но и противостоит ей. Согласно «классикам жанра» М. Фуко (философ), М. Хальбваксу (социолог), П. Нора (историк), история начинается тогда, когда коллективная память сходит с социальной сцены. Иногда по отношению к историописанию употребляют предложенное М. Фуко понятие «контрпамять», подчеркивая их противоборствующий характер. Если исходить из того, что в словосочетании «историческая память» слово «историческая» употребляется не в значении исторической науки, а понимается как прошлое, то исследователи пускаются в тавтологию, определяя

память как память о прошлом. Из всего вышесказанного следует, что выражение «историческая память» является достаточно спорным, поскольку связывает либо два противоположных понятия, либо два синонимичных.

Популярные в исторической науке исследования исторической памяти в большинстве своем являются ни чем иным как изучением обыденного массового исторического сознания, поскольку основаны на источниках, которые содержат интерпретации и оценочные суждения индивидов о прошлом, и редко историкам предоставляется возможность анализировать «чистые» образы когда-то «живой» коллективной памяти.

Поскольку социальная память – это не только совокупность информации о прошлом, но и механизм передачи и сохранения этой информации, сформировалось два основных направления изучения коллективной памяти: исследование социокультурных процессов функционирования памяти (механизмы формирования, преобразования и воспроизводства информации); исследование содержания коллективной памяти (представления, образы и др.) конкретных социальных общностей.

Достаточно перспективным представляется изучение следующих проблем социальной памяти: исследование роли социальной памяти в регуляции поведения различных социальных групп; изучение функционирования социальных институтов, которые формируют коллективную память обществ; выявление многофакторной обусловленности формирования социальной памяти. Востребованными у историков и социологов являются проблемы формирования содержания памяти (включая мифологизацию), политика памяти и коммемораций, которые гарантируют преемственность и стабильность официальной версии социальной памяти, а также проблема превращения прошлого в товар массового потребления и изобретение элитами специально организованных традиций для легитимации власти. Очень перспективной представляется предложенная П. Нора концепция изучения «мест памяти», которые представляют собой опорные пункты коллективной памяти, социально санкционированные и общественно значимые воспоминания, своеобразный «социально-мемориальный каркас» национальной идентичности.

Заключение. В современном социально-гуманитарном знании концепты «коллективная память» и «историческое сознание» являются

весьма востребованными. Однако многим публикациям по данной проблеме свойственна неопределенность предмета исследования и нестрогость терминологии. И, на наш взгляд, утверждение о полисемантической терминов «историческое сознание» и «социальная память» [1, с. 133] не заменит корректности в пользовании понятийным аппаратом.

В отечественной науке к изучению коллективной памяти приступили сравнительно недавно. Данные исследования весьма актуальны для Беларуси, поскольку вопрос формирования национального самосознания (основой которого является социальная память) для нас остается открытым. Изучение особенностей формирования и функционирования коллективной памяти белорусов может помочь ученым ответить на уже почти ставшим риторическим вопросом, завершилось ли создание белорусской нации.

Литература

1. Репина, Л. П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии / Л. П. Репина // Феномен прошлого / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 122–169.
2. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
3. Соколова, М. В. Что такое историческая память / М. В. Соколова // Преподавание истории в школе [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://pish.ru/articles/articles2008/142>. – Дата доступа: 02.02.2011.
4. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 363 с.
5. Савельева, И. М. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // Феномен прошлого / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 170–220.
6. Предбанникова, О. И. Историческое сознание и его динамика в современных условиях: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / О. И. Предбанникова. – М., 1992. – 17 с.
7. Свирида, Н. Н. Историческое сознание как явление культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Н. Н. Свирида. – Омск, 2004. – 18 с.

Поступила 15.03.2011

УДК 27+141.84

О. Ф. Оришева, кандидат философских наук, доцент (БГТУ)**ХРИСТИАНСТВО И ЛЕВАЯ ТРАДИЦИЯ**

Основным предметом рассмотрения в данной статье является двойственное отношение к христианству в левой мыслительной традиции, которое обнаруживает себя как в работах классиков марксизма, так и у постмарксистских авторов (С. Жижек, А. Бадью). Обосновывается мысль о том, что основной особенностью, общей для христианства и светских концепций социализма, является позиция универсализма – обращенность учения ко всем людям, независимо от их культурной принадлежности. Выдвигается предположение, что упорное присутствие темы христианства в левом дискурсе может быть описано в терминах «навязчивого повторения» (З. Фрейд), скрытым основанием которого является болезненная ситуация соперничества.

In the article the ambivalent attitude towards Christianity in the left tradition of thought is considered, which attitude manifests itself in the works of classics of marxism as well as in those of postmarxist authors (S. Zizek, A. Badiou). It is argued that main feature specific both for Christianity and secular socialist projects is a position of universalism – an address to all people irrespective of concrete cultural identity. A supposition is made that persistence of Christian problematics in the discourse of the left can be described in terms of «repetition compulsion» (Z. Freud), which hidden basis is a painful situation of rivalry.

Введение. Сближение христианства с левой традицией, в первую очередь – марксизмом, не является чем-то новым. В разное время и в разной связи об этом писали С. Булгаков, Н. Бердяев, известные историки А. Тойнби и Э. Хобсбаум, среди русскоязычных исследователей недавнего прошлого и настоящего – К. М. Кантор и С. Н. Земляной и др. Цель данной статьи состоит в том, чтобы прояснить парадоксальное отношение «притяжения-отторжения» к христианству, которое обнаруживает себя как в текстах классиков марксизма, так и в работах авторов постмарксистского плана, прежде всего – Алена Бадью.

Основная часть. Когда речь идет о марксизме, отсылки к христианству почти неизбежны, как в силу того, что он мог возникнуть только в рамках западной, христианской по своему духу, культуры, так и в силу синтетической природы марксизма. Действительно, марксизм трудно квалифицировать только как, скажем, политическую идеологию, поскольку в нем есть и мощная философская составляющая, и этика, и сильный утопический импульс, позволяющий рассматривать его как светский вариант религии. Последний момент входит в противоречие с атеистической позицией, не раз деклариовавшей классиками марксизма.

Основной водораздел между христианством и социалистическим проектом четко обозначается уже Марксом, воспринявшим критику религии Л. Фейербахом. Так, важнейшая идея работы «К критике гегелевской философии права. Введение» – преодоление катастрофизма истории, утверждение социального мира как подлинной и последней реальности для человека.

Для Маркса критика религии, отсекаание иллюзорного потустороннего мира есть этап, необходимый для перехода к критике и переустройству посюстороннего мира [1, с. 415]. Ины-

ми словами, если христианство обещает воздаяние и благую жизнь после смерти, то социализм предполагает направление энергии мысли и действия на социальную реальность, устройство «царства свободы» на земле. При этом классики марксизма, кажется, не допускали возможности сколь либо серьезных альянсов между христианской и социалистической мыслью и практикой. Например, в «Манифесте коммунистической партии» христианский социализм однозначно записывается в категорию реакционных социалистических проектов, и его рассмотрение завершается однозначной по смыслу фразой: «Христианский социализм – это лишь святая вода, которую поп кропит озлобление аристократа» [2, с. 449]. Тем не менее декларативного размежевания оказывается недостаточно: слишком многое в теории и практике христианства и рабочего социализма наводит на мысль о их родстве.

Одно из самых удивительных признаний этой близости мы можем обнаружить, как это ни парадоксально, в самом сердце научного атеизма, в работе, ставшей его классикой. Речь идет о работе «К истории первоначального христианства» Ф. Энгельса, в начале которой он прямо указывает на то, что в истории раннего христианства «имеются достойные внимания точки соприкосновения с современным рабочим движением» [3, с. 467]. Энгельс намечает аналогии как идеологического (ориентация на наиболее бесправных и угнетенных, стремление к избавлению от рабства и нищеты), так и исторического плана (жестокое преследование активистов и проповедников и последующая экспансия учения, массовое проникновение в христианские и социалистические сообщества разного рода чудаков и проходимцев; длительный процесс кристаллизации доктрины и др.).

Особого упоминания, на наш взгляд, заслуживает маргинально-шутливое упоминание «Второго послания к коринфянам» св. Павла, в котором апостол, подобно политическому активисту, не раз сетует на сугубо организационные проблемы (невыплату взносов), которые, как пишет Энгельс, не могут не задеть за живое деятеля Интернационала. Видимо, не случайно, что в дальнейшем – во введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции» – Энгельс, взывая к мужеству и решительности немецких социал-демократов, ставит им в пример некую образцовую партию переворота, социалистов времен Римской империи, т. е. христиан [4, с. 547–548]. Наиболее красноречивым с точки зрения исследуемой темы является, на наш взгляд, следующее высказывание: «„социализм” в той мере, в какой он был тогда (в эпоху Античности – *О. О.*), возможен, действительно существовал и даже достиг господства – в лице христианства» [3, с. 468].

Можно найти немало других аналогий, многие из которых, возможно, вызвали бы серьезный протест классика марксизма: эсхатологизм в понимании истории; хилястическая окрашенность идеи коммунизма; двойственная природа пролетариата и его мессианское предназначение, сближающее этот коллективный квазисубъект с фигурой Христа; актуальность для марксизма дилеммы «ересь – ортодоксия», связанная с существованием различных версий учения и разного рода гибридных форм и т. д. В рамках данной статьи нам хотелось бы придать решающее значение такой особенности, в равной мере свойственной как христианству, так и левой традиции, как *универсализм*, благодаря которому марксизм оказывается комплексом идей, так сказать, без четкой прописки.

В свое время Арнольд Тойнби характеризовал марксизм как учение, не признающее национальных границ, но проводящее четкие горизонтальные линии, разделяя общество на классы. Однако важнейшее значение концепта «классовой борьбы» в марксизме не означает, что принадлежность к определенной страте может стать окончательным знаком друга или врага. Идея общественной эмансипации не предполагает утверждения новой иерархии, где угнетенные и угнетатели поменяются местами, а уничтожение самой фигуры господства.

С нашей точки зрения, универсализм – один из важнейших маркеров левой позиции как таковой, особенность, которая объединяет современных левых с представителями классического марксизма, независимо от того, мыслят ли первые в рамках или за пределами ортодоксии. И, как нам кажется, не случайно, что продвижение принципа универсализма по крайней мере у двух «светочей» современной левой мысли –

С. Жижека и А. Бадью – сочленяется с христианской тематикой. Рассмотрим позицию последнего.

Ален Бадью, виднейший представитель современной французской философии, интересен, среди прочего, тем, что ему удается сочетать политическую заостренность мысли с плодотворными фундаментальными изысканиями. Если говорить о последних, то его важнейшей заслугой является реабилитация классических понятий истины и субъекта в контексте неклассической философии. Третьим термином, позволяющим связать проблематику истины и субъекта воедино, а также наполнить эти концепты новым содержанием, становится понятие *события*, прототипами которого в социальной жизни являются революции и сдвиги в области политики, науки, искусства, а в сфере индивидуального опыта – событие любви.

Предельно кратко событие можно определить как то, что произрастает из сингулярности конкретной («вот этой») замкнутой социокультурной (или экзистенциальной) ситуации, обнаруживая ее скрытые лакуны и противоречия и одновременно выявляя новые, ранее немислимые возможности и пути организации социальной жизни, художественного праксиса, научной мысли, индивидуальной жизни. Примечательно, что онтологический статус события является принципиально неопределенным: в силу того, что событие обнаруживает нечто радикально новое, немислимое и не имеющее обозначения в рамках устоявшегося дискурса, его как будто нет. Фактически событие реализуется только благодаря верности тех, кто угадывает возможность зарождения нового, декларирует («именует») событие и реализует его последствия в социальной практике, перестраивая само социальное поле. Именно таких адептов события, способных мыслить и действовать «поперек» своего времени, Бадью именует субъектами в полном смысле слова: только ангажированность выявляемой событием истиной порождает опыт автономии, не сравнимый с косным автоматизмом социально заданного «Я». Однако, несмотря на то, что событие удостоверяемо исключительно субъективно, оно не зависит от личного произвола, и важным критерием, позволяющим отличить событие, скажем, от персонального умопомрачения, является универсальный характер провозглашаемой истины, ее обращенность ко всем и каждому.

Здесь мы вновь сталкиваемся с христианской проблематикой, так как важнейшей фигурой, позволяющей продемонстрировать логику развертывания события, становится апостол Павел, которому Бадью посвящает отдельную книгу с красноречивым подзаголовком – «Обоснование универсализма». Не имея возможности представить детальный анализ книги

французского мыслителя, мы ограничимся указанием на отдельные параллели между текстами св. Павла и философией события.

Событие, субъектом которого является св. Павел, заявлено в краткой констатации «Христос воскрес», универсалистский смысл которой будет прояснен чуть ниже. С точки зрения Бадью, очень важно, что апостол ограничивается простой декларацией, предпочитая «скудность публичного действия» стратегиям убеждения. Апостол Павел отказывается от возможностей, предоставляемых рациональной аргументацией (дискурс грека-философа), от ссылки на знамения и ветхозаветные предсказания (профетический дискурс иудея), проявляет удивительное равнодушие к чудесам и даже самому учению Христа. Тем самым как бы подчеркивается, что событие-Христос не может быть рационально доказано или обосновано в рамках существующих традиций в силу своей транслегальности, невыводимости из наличной ситуации. Беспричинность события наиболее адекватно мыслима в терминах чистого дара или, в терминологии св. Павла, благодати: «Ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе» [Рим. 3; 22–24].

В интерпретации Бадью, св. Павел, отталкиваясь от (мифического) события воскресения, впервые в истории выстраивает теорию универсального субъекта, по отношению к которому культурные, этнические и прочие характеристики оказываются сугубо вторичными. Попрание смерти Христом оказывается не столько чудом, демонстрирующим мощь Божью, сколько событием, очерчивающим новые возможности для самого человека, иной способ мыслить и реализовывать противоположность жизни и смерти. «Жизнь» и «смерть» в данном случае берутся не в биологическом смысле, а как две возможные стратегии существования – «по духу» и «по плоти»: «помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир» [Рим. 8; 6]. Таким образом, конструируется новый тип субъективности – субъект, разделенный между двумя экзистенциальными возможностями, причем внутренняя раздвоенность *всякого* субъекта упраздняет частные культурные характеристики. В итоге, для св. Павла «нет ни Еллина, ни Иудея», как нет и принципиальных различий между мужчинами и женщинами.

Как показано в книге, апостолу Павлу удается превратить христианство из учения иудейской секты в мировую религию именно благодаря адресованию события-Христа всем и каждому без исключения, что, по сути, является результатом честного, бескомпромиссного продумывания и выведения практических следст-

вий монотеизма: «нет Единого кроме того, которое есть для всех. Монотеизм понимается лишь с учетом всего человечества» [5, с. 46].

Заключение. Дистанцируясь от текста Бадью, мы сталкиваемся с определенной трудностью: с одной стороны, материал св. Павла оказывается исключительно благодатным для иллюстрации связки «событие – универсализм», с другой стороны, непонятно, чем мотивировано обращение к апостолу, поскольку, по Бадью, сфера религиозного опыта не может быть местом порождения истины (таковым являются четыре «родовых» области – наука, искусство, политика и любовь). Несмотря на то, что в книге тексты св. Павла почти идеально конвертируются в положения философии события, сам Бадью подчеркивает, что апостол является всего лишь *теоретиком* универсального: «цезура Павла, в отличие от действенных процедур истины... не опирается на производство универсального». Фиктивность события Боговоплощения «отменяет претензии на действенность его истины» [5, с. 64]. Проблема в том, что если вслед за Бадью рассматривать истину как генерирование новых контекстов, то отрицание генеративной мощи христианства, засвидетельствованное двумя тысячелетиями существования христианской культуры, выглядит, как минимум, странно.

Как нам представляется, упорное присутствие в дискурсе левых отсылок к христианству вкупе с его отрицанием вполне позволительно рассматривать в психоаналитической перспективе: в терминах «навязчивого повторения» (З. Фрейд), как проигрывание болезненной ситуации неразрешимого соперничества.

Литература

1. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс // Соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1955. – Т. 1. – С. 414–429.
2. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1955. – Т. 4. – С. 419–459.
3. Энгельс, Ф. К истории первоначального христианства / Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1955. – Т. 22. – С. 465–492.
4. Энгельс, Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» / Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1955. – Т. 22. – С. 519–548.
5. Бадью, А. Апостол Павел. Обоснование универсализма / А. Бадью; пер. с фр. О. Головой. – М.: Московский философский фонд; СПб.: Университетская книга, 1999. – 66 с.

Поступила 15.03.2011

УДК 1:281.9(476)

Н. М. Кожич, кандидат философских наук, доцент (БГТУ)**ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В статье прослеживается эволюция взаимоотношений православной церкви и государства, анализируется современное состояние этих отношений. Показывается, что в настоящее время государство не возлагает на церковь выполнение государственных функций и не вмешивается в ее деятельность. Православная церковь всячески отстаивает мысль о социальном служении, но при этом заявляет о своей отстраненности от любого государственного строя. Перспективу взаимоотношений она усматривает в сотрудничестве с государственными структурами в решении социальных проблем.

In this article, author shows evolution of mutual relations of Russian Orthodox church and the state and analyze the modern condition of these relations. It is shown, that now the state does not assign to church task of performance of the state functions and also does not interfere with activity of this church. On the other hand, the Russian Orthodox church in every possible way defends an idea of its social service, in the same time declaring a distance from any political power. It sees prospect of mutual relations in cooperation with the state structures in solving of social problems.

Введение. В настоящее время религия снова становится заметным фактором в социокультурном пространстве Беларуси, что связано со сменой ценностных ориентаций, процессом демократизации общественной жизни, изменением взаимоотношений церкви и государства. Рассмотрение вопроса о специфике этих отношений имеет важное практическое значение. Дело в том, что деятельность многих церковных организаций выходит за пределы религиозной области. Можно также говорить о тенденции к обновлению религиозных доктрин, что сказывается на духовно-религиозной жизни общества. Данный процесс оказался характерным фактически для многих вероисповеданий, существующих на территории Беларуси. В этой связи особого внимания заслуживают взаимоотношения государства и православной церкви (Экзархат Русской православной церкви) как доминирующей конфессии. Важно отметить, что эти отношения имеют длительную предысторию.

Основная часть. Идеалом церковно-государственных отношений долгое время считалась византийская симфония, которая предполагала гармоничное сотрудничество церковной и государственной власти. Суть симфонии составляли «обоюдное сотрудничество, взаимная поддержка и взаимная ответственность, без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой... Государство при симфонических отношениях с церковью ищет у нее моральной духовной поддержки... а Церковь получает от государства помощь в создании условий, благоприятных для благоговения и для духовного окормления своих чад, являющихся одновременно гражданами государства» [1, с. 28]. Однако на практике симфония никогда не была реализована в чистом виде. В самой Византии государственная

власть всегда доминировала над церковной. То же самое произошло и в России.

К концу XIX – XX в. практически завершился процесс огосударствления православной церкви, начало которому положил Петр I. Церковь оказалась интегрированной в государственную систему как одно из административных учреждений, «ведомство православного исповедания». Поэтому она была вынуждена выполнять ряд государственных функций: вести запись актов гражданского состояния, заниматься организацией начального образования, следить за политической благонадежностью граждан и т. д. Г. Флоровский отмечал, что «государство утверждает себя самое как единственный, безусловный и всеобъемлющий источник всех полномочий, и всякого законодательства, и всякой деятельности, или творчества... Не столько ценится или учитывается истина, сколько годность, пригодность для политико-технических задач и целей. Поэтому само государство определяет объем и пределы обязательного и допустимого даже в вероучении. И потому на духовенство возлагается от государства множество всяких поручений и обязательств. Духовенство обращается в своеобразный служилый класс» [2, с. 82–84].

Важно подчеркнуть, что «ведомство православного исповедания» возглавлял светский чиновник обер-прокурор, который назначался императором. Он определял церковную политику, оказывал влияние на высшие церковные структуры. Таким образом, церковь не имела возможности самостоятельно решать даже свои внутренние проблемы.

Между тем исторически православная церковь всегда рассматривалась в качестве нравственной опоры Российского государства. Было официально признано, что основа империи состоит из трех элементов: православие –

самодержавие – народность. В правовом отношении интересы церкви были защищены соответствующими статьями в Своде законов Российской империи. Только православная церковь на правах «первенствующей и господствующей» обладала исключительным правом свободной проповеди. Государство создавало благоприятные условия для развития и функционирования церкви, оказывало материальную поддержку. Тем не менее синодальная система управления, тотальный контроль государства за церковью дискредитировали образ православия в глазах передовой общественности. Церковный историк Б. В. Титлинов отмечал, что «на пороге XX века церковь была учреждением уже вполне безличным, потерявшим свою нравственную физиономию и как зеркало отражавшим все настроения и зигзаги правительственного политического курса» [3, с. 7].

Следующий этап в развитии церковно-государственных отношений связан с революционными событиями 1905–1907 гг., которые влекли за собой постановку вопроса о реформировании религиозной политики. Либеральные круги общества настаивали на свободе вероисповеданий, равенстве религий и граждан, создании светского государства и т. д. Царское правительство вынуждено было пойти на уступки, в результате которых в общественную жизнь были привнесены элементы религиозной свободы. Например, 17 апреля 1905 г. был издан указ о веротерпимости, 17 октября вышел указ о свободе слова и т. д. В результате другие конфессии получили возможность активизировать свою деятельность, заниматься пропагандой своего вероучения. В западных губерниях начались массовые переходы из православия в католицизм и протестантизм. Эти обстоятельства способствовали формированию движения среди мирян, духовенства и части архиереев за реформирование церковной жизни. Оно было многоликим и разнообразным. По своему отношению к существующей политической и социально-этической направленности православия духовенство условно можно разделить на две группы – традиционалисты и реформаторы. Несмотря на разницу в подходах к проблеме реформы, их объединяло стремление преобразовать церковь таким образом, чтобы та смогла вновь стать социально деятельным живым организмом.

Духовенство, стоящее на ортодоксально-консервативной позиции (главным образом епископат и монашество), преобразование в церкви рассматривало как некоторую перестройку церковного управления. Они придавали большое значение восстановлению патриаршества, но при этом отстаивали незыбле-

мость церковных устоев, отвергали идею догматического развития православного вероучения. Представители реформаторского течения (значительная часть городского духовенства, профессура духовно-учебных заведений), признавая архаичность богословской системы, обряда, требовали кардинальных изменений в этих сферах. Патриаршество они рассматривали как необходимое условие христианизации общества, возрождения православия, повышения авторитета духовенства. С этой целью ими нередко отстаивалась мысль об отделении церкви от государства, изменении ее социально-политической направленности.

Следует отметить, что в условиях начала XX в. сама церковь стремилась к автономии в решении своих внутренних дел, но, между тем, искала поддержки у императора, в котором всегда видела защитника и хранителя постановлений и догматов православия. В итоге был разработан проект об отношении церковной власти к правительству. В основе церковно-государственных отношений был положен принцип «близкого взаимоотношения». Предполагалось, что церковь самостоятельно решает вопросы своей внутренней жизни, но с другой стороны, эта деятельность осуществляется «под верховной защитой Государя Императора» [4, с. 73]. Однако существенных изменений в области церковно-государственных отношений не произошло: поражение революции положило конец всем демократическим преобразованиям общественной жизни.

С октября 1917 г. до начала 1990-х гг. советским правительством подчеркивалась и всячески проводилась в жизнь идея отделения церкви от государства. Однако политике государства в решении религиозного вопроса нельзя назвать однозначной и последовательной. Общеизвестно, что Сталин в 30-е гг. свел ее к репрессиям, а в 40-е гг. – всячески обеспечивал «религиозное возрождение» в СССР.

Существенные изменения в области конфессиональной политики произошли в конце 80-х – начале 90-х гг. Беларусь стала независимым государством и в стране выявилась тенденция к построению демократического общества. В этой связи перед государством стояла задача выработки конфессиональной политики, которая была бы направлена на развитие всех конфессий и способствовала консолидации белорусского общества. В 1992 г. был издан Закон «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях». Он предусматривал равенство всех религий перед законом, возможность для граждан свободно определять свое отношение к религии, а также исповедовать любую религию или не исповедовать

никакой. Религиозные организации получили статус юридического лица, а также право участвовать в общественной жизни, использовать при этом средства массовой информации. Правительство не возлагало на религиозные организации выполнение государственных функций и не вмешивалось в их деятельность, если она не противоречила законодательству. Тем самым фактически был утвержден принцип равенства всех религий, правда, без учета их исторической роли в развитии Беларуси. Однако скоро стало очевидным, что такой подход вызвал не только позитивные, но и негативные перемены в конфессиональной жизни. Получили распространение деструктивные культы, имела место политизация религиозных организаций и т. д. Эти обстоятельства обусловили изменения в законодательстве, пересмотр многих нормативных актов. 31 октября 2002 г. Президентом Республики Беларусь был подписан Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон "О свободе вероисповеданий и религиозных организациях"». В преамбуле нового закона подчеркивается определяющая роль православия: «Настоящий закон регулирует правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также определяет правовые основы создания и деятельности религиозных организаций исходя из... признания определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа; духовной, культурной и исторической роли Католической церкви на территории Беларуси; неотделимости от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама» [5, с. 4].

Важно отметить, что особое отношение государства к православной церкви объективно обусловлено. Этническую основу населения страны составляют белорусы, которые по традиции являются последователями данной конфессии. Именно православие оказало влияние на формирование образа жизни и менталитета белорусов, способствовало консолидации людей в религиозном и политическом смысле. Церковь осуждала междоусобные войны, пропагандировала христианские ценности, на которые опиралась духовно-нравственная жизнь людей. Исходя из этих соображений государство законодательно разрешило религиозное образование, дало право религиозным организациям свободно осуществлять свою деятельность в церковных и монастырских пределах; расширило право на благотворительную и просветительскую деятельность; частично возвра-

тило право собственности церкви на ее здания и сооружения.

В свою очередь церковь ставит своей задачей восстановление культурной традиции и исторической роли православия. При этом церковь заявляет о своем отказе от византийской традиции обожествления власти и об отстранении от любого государственного строя и политических доктрин. Тем не менее церковь видит альтернативу церковно-государственным отношений в сотрудничестве с государственными структурами в различных сферах общественной жизни, особенно в области образования и воспитания подрастающего поколения. По словам пятнадцатого Предстоятеля Русской православной церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, «первостепенная задача... – помочь людям, ищущим духовной опоры, найти дорогу к храму. При этом Церковь... осуществляет широкое социальное служение, в меру своих возможностей поддерживая одиноких, престарелых, бездомных, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью, живущих с ВИЧ/СПИД, отбывающих заключение...» [6, с. 43].

Заключение. Из вышесказанного следует, что в настоящее время приздается определяющая роль православия в историческом развитии белорусского народа. Религиозные ценности рассматриваются в качестве идеологической составляющей социальной политики. Можно говорить о возникновении тенденции к сотрудничеству государства, общества и религиозных организаций, что является нормой для большинства развитых стран. Важной особенностью церковно-государственных отношений является актуализация социального служения религиозных организаций.

Литература

1. Русская православная церковь и право / А. И. Маслов [и др.]. – М.: БЕК, 1999. – 448 с.
2. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Киев: Путь к истине, 1991. – 599 с.
3. Титлинов, Б. В. Церковь во время революции / Б. В. Титлинов. – Петроград: Былое, 1924. – 196 с.
4. Сахаров, С. П. О Предсоборном присутствии / С. П. Сахаров. – Юрьев: Тип. К. Маттицена, 1910. – 76 с.
5. Мониторинг соблюдения законодательства РБ о свободе совести, вероисповеданий и религиозных организациях // Право на защиту. – 2003. – № 4. – С. 2–33.
6. Собиратель русской церкви // Беларуская думка. – 2008. – № 12. – С. 42–47.

Поступила 04.03.2011

УДК 347.77:339.543(47+476+574)

Н. П. Бородко, старший преподаватель (БГТУ)

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ТАМОЖЕННЫМИ ОРГАНАМИ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

В статье дается сравнительный анализ норм законодательства Республики Беларусь и законодательства Таможенного союза по вопросам охраны объектов интеллектуальной собственности таможенными органами государств-членов Таможенного союза. В статье рассматриваются вопросы включения объектов интеллектуальной собственности в Единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств-членов Таможенного союза, порядок приостановления таможенного оформления контрафактных товаров. В целях борьбы с контрафактной продукцией автором предлагается к нарушителям закона широко использовать уголовное преследование.

The article is devoted to the comparative analysis of legal regulations of the Republic of Belarus legislation and the Customs Union legislation concerning protection of intellectual property objects by customs bodies. The author studies the order of registration intellectual property objects in the Single Customs registry (of the objects of intellectual property) of the Customs Union member-countries. Also the article describes the order of suspension of infringing goods customs clearance. The author gives proposal to running criminal prosecution of the law-breakers in order to stop infringing goods.

Введение. Стремясь выступить в роли действительно равноправного партнера в международных экономических отношениях, Республика Беларусь подала заявку на вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО). Чтобы стать полноправным участником ВТО, Республика Беларусь должна быть готовой выполнять обязательства, предусмотренные многосторонними соглашениями организации.

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности ТРИПС – это одно из многосторонних торговых соглашений ВТО, предметом которого является урегулирование торговли товарами, содержащими права владельцев интеллектуальной собственности (ИС).

С учетом того, что трансграничные нарушения прав ИС представляют серьезную проблему, в разделе четвертом части третьей Соглашения ТРИПС предусматривается введение в национальных законодательствах так называемых «пограничных мер».

В Таможенном кодексе Республики Беларусь (ТК РБ) в главе 12 «Особенности таможенного оформления в отношении товаров, содержащих объекты ИС» [1], в нормативно-правовых актах Государственного таможенного комитета Республики Беларусь (ГТК) урегулированы таможенные операции, связанные с приостановлением таможенного оформления товаров, содержащих объекты ИС. Вступление в силу с июля 2010 г. Таможенного кодекса Таможенного союза (ТК ТС) (Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации) обуславливает повышенный интерес к его содержанию, особенно в сравнении с действующим таможенным законодательством нашей страны.

Основная часть. ТК ТС – это центральное звено системы таможенного законодательства Таможенного союза (ТС), и при его разработке

были учтены все наиболее прогрессивные международные стандарты в сфере таможенного регулирования. Поскольку наиболее успешным является функционирование ТС в рамках Европейского союза (ЕС), логичным представляется тот факт, что многие институты таможенного права ЕС нашли свое отражение и в тексте ТК ТС.

ТК ТС – основной документ, регулирующий отношения, которые связаны с перемещением товаров через таможенную границу ТС, их перевозкой по единой таможенной территории ТС под таможенным контролем; временным хранением; таможенным декларированием; выпуском и использованием в соответствии с таможенными процедурами; проведением таможенного контроля; уплатой таможенных платежей, а также властными отношениями между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и распоряжения указанными товарами.

В ТК ТС включена глава 46 «Особенности совершения таможенных операций в отношении товаров, содержащих объекты ИС». В главе содержатся положения о мерах по защите прав правообладателей на объекты ИС, принимаемых таможенными органами государств-членов ТС, определен срок защиты прав на объекты ИС таможенными органами, порядок приостановления выпуска товаров и основания для отмены решения о приостановлении выпуска товаров, содержащих объекты ИС.

Таможенные органы каждого государства-члена ТС ведут свои национальные таможенные реестры объектов ИС. Центральными таможенными органами (ЦТО) являются: в Республике Беларусь – ГТК, в Республике Казахстан – Комитет таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан, в Российской Федерации – Федеральная тамо-

женная служба Российской Федерации (ФТС). Одновременно предусмотрено ведение Единого таможенного реестра объектов ИС государственных ТС (Единый реестр). Условия включения объектов ИС в Единый реестр и порядок его ведения определяются Соглашением о Едином таможенном реестре объектов ИС государственных ТС от 21 мая 2010 г. 18 июня 2010 г. в соответствии со статьей 5 Соглашения о Едином таможенном реестре объектов ИС государственных ТС Комиссией ТС утвержден Регламент взаимодействия таможенных органов государств-членов ТС по вопросам ведения Единого таможенного реестра объектов ИС.

Решением комиссии ТС определено, что ФТС уполномочена на ведение Единого таможенного реестра. Регламент устанавливает порядок действий ЦТО, связанный с включением объектов ИС в Единый таможенный реестр; продлением сроков включения объектов ИС в Единый реестр; отказом о включении объектов ИС в Единый реестр; внесении изменений и дополнений в Единый реестр; исключением объектов ИС из Единого реестра.

Включение объектов ИС в Единый реестр и продление сроков включения осуществляется ФТС при условии получения положительных заключений ЦТО, сформированных после проверки полноты и достоверности предоставленных правообладателем сведений и документов. Заявление подается в порядке, предусмотренном статьей 3 Соглашения, в количестве экземпляров, соответствующем числу государств-членов ТС. Копии заявления правообладателя и прилагаемые к заявлению документы, полученные ЦТО в соответствии с пунктом 3 статьи 3 Соглашения, в течение 10 рабочих дней направляются в ЦТО. При поступлении заявления и прилагаемых документов в электронном виде и при наличии технической возможности копии заявления и документов могут быть направлены по электронным каналам связи.

Единый порядок передачи электронной информации и подтверждения ее получения утверждается ЦТО, который в течение 30 рабочих дней с момента получения копии заявления и документов направляет в ФТС заключение о возможности включения объектов ИС в Единый реестр и продления сроков включения или мотивированный отказ. Рассмотрение документов и копий документов для включения объектов ИС в Единый реестр и продления сроков включения осуществляется ЦТО в порядке, установленном национальным законодательством для ведения таможенного реестра объектов ИС данного государства-члена ТС.

В нашей стране порядок оформления решений о приостановлении таможенного оформле-

ния товаров, в отношении которых обнаружены признаки, указывающие на то, что товары могут являться контрафактными, отмена таких решений, а также порядок продления срока приостановления таможенного оформления и уведомления заявителя и декларанта о принятых решениях о приостановлении таможенного оформления товаров и о продлении срока приостановления их таможенного оформления определяется национальным таможенным кодексом, Постановлением ГТК Республики Беларусь от 20 июня 2007 г. № 55 «О таможенных операциях, связанных с приостановлением таможенного оформления товаров, содержащих объекты ИС», Указом Президента Республики Беларусь от 13 июля 2006 г. № 443 «О таможенных сборах». После рассмотрения заявлений и копий документов ЦТО выносятся заключения о возможности включения объектов ИС в Единый реестр и продления сроков включения. Принятие решения о включении объектов ИС в Единый реестр и о продлении сроков включения осуществляется ФТС при получении положительных заключений от всех ЦТО в течение 10 рабочих дней с момента получения последнего заключения. Решение о включении объектов ИС в Единый реестр и о продлении сроков включения вступает в законную силу через 10 рабочих дней с момента направления ФТС в ЦТО уведомлений, которые содержат данные Единого реестра и сведения, необходимые для принятия мер, связанных с приостановлением выпуска товаров.

Срок, на который объекты ИС включаются в Единый реестр, устанавливается с учетом срока, указанного правообладателем в заявлении, а также сроков действия представленных документов, но не более двух лет со дня включения в Единый реестр. Срок может быть продлен на основании заявления правообладателя (его представителя) неограниченное количество раз, но каждый раз не более чем на два года. В ТК РБ такая возможность отсутствует. Срок, на который объект ИС включается в Единый реестр, не может превышать срока правовой охраны объекта ИС в том государстве-члене ТС, в котором этот срок истекает раньше.

В течение 5 рабочих дней после принятия решения о включении объектов ИС в Единый реестр и продлении сроков включения ФТС направляются в ЦТО уведомления, содержащие данные Единого реестра и сведения, необходимые для принятия мер, связанных с приостановлением выпуска товаров. В отличие от ТК РБ в ТК ТС в статье 328 содержится исчерпывающий перечень товаров, перемещаемых через таможенную границу, в отношении которых таможенными органами не применяются меры по защите прав на объекты ИС, а именно:

– физическими лицами для личного пользования, в том числе пересылаемых в их адрес в международных почтовых отправлениях;

– в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита;

– дипломатическими представительствами, консульскими учреждениями, иными официальными представительствами иностранных государств, международными организациями, персоналом этих представительств, учреждений и организаций для официального и личного пользования.

Единый реестр ведется в электронном виде. Пункт 4 статьи 331 ТК ТС предусматривает возможность осуществления таможенными органами процедуры «ex-officio». Так, таможенные органы вправе приостановить выпуск товаров, содержащих объекты ИС, не включенные в национальный таможенный реестр и Единый реестр, без заявления правообладателя в порядке, определенном законодательством государств-членов ТС.

Решение о приостановлении выпуска товаров, согласно статье 332 ТК ТС, подлежит отмене до истечения приостановления выпуска товаров, если:

1) в таможенный орган поступило заявление правообладателя или лица, представляющего его интересы, об отмене такого решения;

2) объект ИС исключен из Единого реестра.

Статья содержит также отсылочные нормы на регулирование рассматриваемых правоотношений законодательствами государств-членов ТС. Отмена решения о приостановлении выпуска товаров оформляется в письменной форме руководителем таможенного органа или уполномоченным им лицом.

В соответствии с Соглашением о Едином реестре правообладатель в целях гарантии исполнения обязательства обязан в течение одного месяца со дня направления уведомления о принятии решения о включении объектов ИС в Единый реестр предоставить договор страхования ответственности за причинение имущественного вреда лицам в связи с приостановлением выпуска товаров, имеющий юридическую силу во всех государствах-членах ТС. При этом страховая сумма должна быть не менее 10 (десяти) тысяч евро. В случае отказа предоставить договор страхования принимается решение об отказе о включении в Единый реестр, о чем заявитель уведомляется в письменной форме.

Таможенный орган представляет декларанту, правообладателю или лицу, представляющему его интересы, информацию о товарах, в отношении которых принято решение о приостановлении выпуска. Информация, полученная декларантом, правообладателем или лицом,

представляющим его интересы, является конфиденциальной и не должна ими разглашаться, передаваться третьим лицам, а также государственным органам, за исключением случаев, предусмотренных законодательством государств-членов ТС.

Заключение. Меры, принимаемые таможенными органами по защите прав на объекты ИС, не препятствуют правообладателю прибегать к любым средствам защиты своих прав в соответствии с законодательством. Представляется целесообразным для выявления и принятия предусмотренных законодательством мер по недопущению распространения контрафактной и фальсифицированной продукции использовать в первую очередь уголовное преследование как наиболее эффективный способ.

В отличие от гражданско-правовой, административной ответственности (статья 9.21 КоАП Республики Беларусь), Уголовный кодекс (статья 201) устанавливает более высокую меру ответственности за такое нарушение прав – до пяти лет лишения свободы, а также предусматривает конфискацию контрафактной продукции, орудий преступления, т. е. оборудования для производства такой продукции, что особенно значимо для предупреждения совершения новых преступлений. Уголовно-процессуальный порядок позволяет обнаружить и зафиксировать следы преступления, используя такие оперативно-розыскные мероприятия, как проверочная закупка, исследование предметов и документов, контролируемая поставка и др. Уголовный порядок предусматривает протокольную форму фиксации следов преступления, что позволяет представить их в качестве неоспоримых доказательств в суде. При гражданско-правовой ответственности проблема сбора доказательств, а также обоснование их относимости и допустимости вызывает серьезные трудности.

Поэтому, на наш взгляд, в борьбе с контрафакцией гражданский и административный порядок должен лишь служить дополнением к уголовному, но не наоборот. При выявлении незаконного использования объекта ИС следует обращаться с заявлением о преступлении в следственные органы или органы дознания. При этом уголовное производство позволяет подавать в рамках уголовного процесса гражданский иск о возмещении вреда, причиненного преступлением.

Литература

1. Таможенный кодекс таможенного союза: с обзором изменений таможенного законодательства / автор обзора Ю. Н. Курявцев. – Минск: Амалфея, 2010. – 376 с.

Поступила 14.03.2011

УДК 343.241(476)

Е. В. Максименко, магистр юридических наук, ассистент (БГТУ)**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В настоящей статье затрагиваются вопросы совершенствования института уголовного наказания в Республике Беларусь на современном этапе. Проводится анализ применения лишения свободы как меры уголовного наказания и положений принятой в Республике Беларусь Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения. Рассматриваются направления развития как практики применения, так и действующего законодательства Республики Беларусь.

In the present article questions of perfection of institute of criminal punishment in Byelorussia in modern conditions are considered. The analysis of application of imprisonment as measures of criminal punishment and positions of the Concept of perfection of system of measures of a criminal liability accepted in Byelorussia and an order of their execution is carried out. Are considered a development direction, both application practice, and the current legislation of Byelorussia.

Введение. Проблема наказания является наиболее сложной в уголовно-правовой науке, поскольку путем применения наказания решается одна из основных задач государства – снижение уровня преступности в обществе. Этот критерий и в настоящее время является концептуальным для оценки деятельности государства в сфере обеспечения правопорядка и защиты своих граждан от преступных посягательств, выработки системы наиболее эффективных мер, оказывающих воздействие на уровень преступности. В различные исторические эпохи данная проблема решалась по-разному, но общим во всех методах и способах борьбы с преступлениями было наличие уголовного наказания как одного из основных факторов борьбы с преступностью.

Основная часть. Формирование белорусского уголовного законодательства неразрывно связано с историей белорусской государственности. Происходившие в обществе и государстве социально-политические изменения и тенденции непосредственно влияли на систему наказаний: изменялись их виды, одни наказания утрачивали свое значение и исключались из уголовного законодательства, появлялись новые виды, обусловленные общими изменениями и потребностями в общественно-политической, экономической и идеологической сферах. Наказание, выступая первоначально как месть, постепенно заменяется денежным эквивалентом, переходя к устрашающим и жестоким формам, а затем к современной системе наказаний. Развитие общества и демократические тенденции определяют гуманизацию и рационализацию карательной практики, т. е. под влиянием общего хода развития культуры отдельные грубые формы воздействия на личность преступника смягчались или исчезали, вместо них появлялись другие, соответствующие новой ступени культуры, новому право-

сознанию, дающему новую оценку отдельных правовых благ человека. Происходило упорядочение и систематизация мер уголовного наказания, в законе устанавливался их исчерпывающий перечень, что позволило ограничить судебский произвол.

Законодатель постепенно регламентирует систему наказаний с подразделением всех наказаний на основные и дополнительные, предусматривает разнообразные их сочетания в санкциях за конкретные виды преступлений. В отдельные периоды возникновения классовых противоречий либо сложные исторические периоды наблюдается обострение уголовной репрессии. Со временем наказание приобретает свою исправительную функцию, а правонарушители подвергаются последовательному и системному воздействию принудительных мер с целью сохранения их как активных членов общества.

Современная уголовная политика Республики Беларусь развивается по сформировавшимся в XX в. основным направлениям, таким как гуманизация уголовной ответственности, выражающаяся в сокращении объема применения наказания в виде лишения свободы и широком применении мер уголовной ответственности, не связанных с лишением свободы, а также усиление уголовной ответственности за отдельные, имеющие тенденцию к росту, опасные виды преступлений.

Несмотря на постоянное совершенствование уголовного законодательства Республики Беларусь, практика назначения и исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности показали их недостаточную исправительную и предупредительную эффективность, о чем свидетельствует высокий уровень рецидива преступлений (около 41%) и неполное возмещение причиненного преступлением ущерба (вреда).

Тем не менее такое тяжкое наказание, как лишение свободы, в структуре других видов

наказаний составляет около 24%. Учитывая применение наказания в виде ареста (около 11%), число лиц, направленных в 2009 г. в места лишения свободы, превысило 35% от общего числа осужденных. В исправительных учреждениях находится значительное число лиц, осужденных к длительным срокам наказания в виде лишения свободы. Из отбывающих данное наказание около 53% осуждено к лишению свободы на срок 5 и более лет [1].

Лишение свободы занимает по своей значимости особое положение. Речь идет об изоляции человека от общества, лишении его свободы, ограничении определенных прав, применении принуждения от имени государства за совершенное преступление. Лишение свободы оказывает самое сильное воздействие на человека, особенно на лиц, впервые осужденных к этому виду наказания, способствует восстановлению социальной справедливости, предупреждению совершения новых преступлений. Помимо этого, лишение свободы обладает повышенной репрессивностью, так как сопряжено с возложением на виновного определенных и достаточно серьезных правоограничений: свободного передвижения, возможности выбора вида трудовой деятельности, времени отдыха, общения с близкими и родственниками и т. д.

Лишение свободы, как и иные виды уголовного наказания, содержащие его элементы, должно применяться лишь тогда, когда достигнута цель наказания другими (более мягкими) средствами невозможно. В современных условиях по приговорам, вступившим в законную силу, более трети осужденных лишается свободы.

Наказание в виде лишения свободы невозможно оценить однозначно, ибо оно имеет и негативные, и позитивные стороны. По причине наличия позитивных сторон этот вид наказания не теряет своей актуальности в настоящее время. Конечно, было бы лучше исправлять всех правонарушителей, взывая к их разуму, пробуждая истоки доброго, имеющиеся у них. Но с точки зрения общественной безопасности лица, совершившие тяжкие преступления, рецидивисты не могут оставаться на свободе, поскольку будут причинять людям новое зло. Такие лица должны быть изолированы от общества и тем самым лишены возможности вредить ему. Лишение свободы должно применяться и в тех случаях, когда совершено менее опасное преступление, но личность виновного требует серьезного исправительного воздействия. Следовательно, лишение свободы должно быть таким наказанием, которое обеспечило бы должную кару преступнику в интересах его исправления, а также решение задач специально и общего предупреждения.

Лишение свободы, являясь ответом на общественную опасность преступления, его тяжесть, в значительной степени разрывает прежние социальные связи осужденного, лишает его возможности вести привычный образ жизни, заставляет переносить дополнительные физические нагрузки и тяготы, ставит в зависимость от многих людей, включая и лиц, склонных к агрессии, противоправному поведению.

Вместе с тем многочисленные социально-психологические и криминологические исследования показывают, что и среди осужденных, и среди законопослушных граждан устрашение как средство общего предупреждения не имеет серьезного мотивирующего значения. Особенно характерно это для преступников-рецидивистов. Поэтому не случайно социологические исследования свидетельствуют о том, что ужесточение наказания не способствует эффективности в борьбе с преступностью. Наказание вторично в борьбе с преступностью. Оно выполняет ограниченную функцию защиты общества от преступлений и преступников. По мнению И. И. Карпеца, наказание действует положительно на людей, которые не являются социально запущенными, но оно не предотвращает ни рецидива, ни роста преступности. Оно является одним из составных элементов комплекса мер экономического, политического, организационно-управленческого, правового, воспитательного характера, осуществляемого государством и обществом в сфере борьбы с преступностью [2, с. 12–13].

Для повышения эффективности исправительного и предупредительного воздействия мер уголовной ответственности в Республике Беларусь Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 утверждена Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (далее – Концепция) [1]. Как отмечается в преамбуле, она принята для оптимизации мер уголовной ответственности и порядка их исполнения.

Концепция ориентирует, во-первых, на более широкое применение средств материального воздействия на лиц, совершивших преступления; во-вторых, на оптимизацию сроков наказания в виде лишения свободы для восприятия этого наказания обществом, потерпевшим и осужденным как достаточного и справедливого; в-третьих, на дальнейшее расширение применения альтернативных лишению свободы видов наказаний и иных мер уголовной ответственности, усиление предупредительного воздействия отсрочки исполнения наказания, условного неприменения наказания, осуждения без назначения наказания.

Обращается внимание на необходимость повышения эффективности профилактики преступности и обеспечения прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, возмещение причиненного преступлением ущерба (вреда), в том числе посредством внесудебного урегулирования конфликтов. Ставится задача повышения эффективности исправительного и предупредительного воздействия наказаний и иных мер уголовной ответственности, досрочного освобождения от наказаний.

Результатами таких мер должны являться снижение рецидивной преступности, в том числе связанной с уклонением от отбывания наказаний, и совершенствование уголовно-исполнительной системы для обеспечения ее способности при оптимальных экономических издержках выполнять функции социальной адаптации и реабилитации осужденных.

Можно сказать, что положения Концепции во многом ориентированы на практику применения альтернативных лишению свободы видов наказаний и иных мер уголовной ответственности лицам, не представляющим опасности для общества, и определения оптимальных сроков наказания в виде лишения свободы за преступления, не сопряженные с посягательством на жизнь и здоровье человека, а также назначения в соответствии со статьей 70 Уголовного кодекса Республики Беларусь более мягкого наказания, в том числе при совершении тяжких преступлений.

Концепция четко оговаривает необходимость назначения наказаний в виде ограничения свободы и исправительных работ лицам, для которых эти меры будут способствовать исправлению, исправительные работы – лицам, имеющим на день постановления приговора постоянное место работы или принявшим меры к трудоустройству [1].

Практика применения наказаний, тем не менее, не может формироваться без законодательного закрепления конкретных позиций. В этой связи ряд положений Концепции ориентирован к законодательству:

1) проработать вопрос о декриминализации отдельных преступлений против собственности, порядка осуществления экономической деятельности, порядка управления и интересов службы, некоторых иных деяний;

2) снизить минимальные и максимальные сроки наказания в виде лишения свободы за некоторые преступления против собственности, порядка осуществления экономической деятельности, порядка управления, интересов службы, другие преступления, не сопряженные с посягательством на жизнь и здоровье человека, а также оптимизировать сроки наказания в

виде лишения свободы за отдельные тяжкие и особо тяжкие преступления;

3) расширить применение штрафа в качестве основного и дополнительного наказаний;

4) дополнительно предусмотреть назначение общественных работ в качестве альтернативы другим видам наказаний за совершение преступлений, не относящихся к тяжким и особо тяжким, а также возможность возложения обязанности по выполнению общественно полезных работ в качестве меры исправительного воздействия при осуждении с отсрочкой исполнения наказания, условным неприменением наказания [1].

Особую роль должен сыграть институт социальной компенсации, который предлагается ввести как условие освобождения от уголовной ответственности, осуждения с условным неприменением наказания, осуждения без назначения наказания при совершении преступлений, не относящихся к тяжким и особо тяжким, в том числе лиц, причинивших ущерб имуществу юридических лиц независимо от формы собственности, имуществу индивидуальных предпринимателей, с расширением полномочий соответствующих органов уголовного преследования по освобождению от уголовной ответственности. Предполагается, что указанный институт должен обеспечить восстановление социальной справедливости, достижение целей исправительного воздействия и оперативное устранение вредных последствий преступлений.

На современном этапе должно быть расширено применение наказаний имущественного характера, усилен восстановительно-компенсационный характер наказаний, обеспечена защита потерпевших от преступлений.

В системе альтернативных санкций должны преобладать наказания, объектом воздействия которых являются имущественные интересы преступника. К ним относятся штраф, конфискация имущества. Кроме того, следует расширить применение таких видов наказаний, как ограничение свободы, общественные работы и лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, как наказаний затрагивающих существенные интересы преступника.

Высокая степень эффективности наказания не является постоянным показателем, поскольку она определяется условиями общественного развития. Принцип развития предполагает учет того обстоятельства, что эффективность не всегда является свойством, постоянно присутствующим правовой норме на всем протяжении времени ее действия ввиду развития и изменения общественных отношений, регулируемых изучаемой нормой. Закрепленное в норме правило

поведения, имевшее вначале высокую эффективность, может стать менее эффективным.

Преступность также представляет собой сложное социально-правовое явление, существование которого определяется экономическими, социальными, правовыми, психологическими и иными факторами. Преступность никогда, ни в одной стране, ни в одной социально-политической системе не была величиной неизменной. При характеристике состояния преступности следует учитывать ее движение, динамику, от одного периода времени к другому, изменение видов преступности. Она, подчиняясь своим внутренним закономерностям и в то же время отражая глубинные либо открыто проявляющиеся противоречия в развитии общественных отношений, то взмывает вверх, ввергая в панику людей, то падает вниз, то стабильно держится какой-то период времени на одном уровне [3, с. 23].

Механизм противодействия преступности должен реализовать комплексный подход, предполагающий применение не только правовых, но и экономических, политических, культурно-воспитательных и других социальных мер.

Изменение законодательства должно базироваться на сочетании интересов государства и граждан. При разработке законопроектов, направленных на совершенствование уголовной политики в стране, следует учитывать два важнейших условия ее эффективности: уголовная политика должна соответствовать состоянию и степени общественной опасности совершаемых преступлений и отвечать задачам борьбы с преступностью, направленной на защиту личности и общества от преступных посягательств.

В каждом случае изменения норм уголовного закона необходимо глубокое научно-практическое обоснование таких изменений и разъяснения по применению измененных либо дополненных норм, которые могли бы сразу же, на стадии правоприменения, устранить неясности, что способствовало бы обеспечению единообразной практики в соответствии с истинным смыслом уголовно-правовой нормы [4].

Заключение. На современном этапе развития нашего общества уголовное наказание, яв-

ляясь одной из мер государственного принуждения, призвано играть немалую роль в борьбе с преступностью. Социальная необходимость довольно широкого использования наказания в сфере борьбы с преступностью определяется тем обстоятельством, что преступность представляет собой реальную угрозу социально-экономическому развитию государства и его безопасности.

Перечисленные выше факторы определяют в качестве основных задач государства: во-первых, установление системы наказаний и иных мер уголовной ответственности, соответствующих уровню социально-экономического развития государства, криминологической структуре и динамике преступности, социальной адаптации осужденных; во-вторых, снижение рецидивной преступности; в-третьих, обеспечение способности уголовно-исполнительной системы при оптимальных экономических издержках выполнять функции социальной адаптации и реабилитации осужденных.

Литература

1. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: Указ Президента Респ. Беларусь от 23 дек. 2010 г. № 672 // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2005. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/>. – Дата доступа: 24.02.2011.

2. Карпец, И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии / И. И. Карпец. – М.: Юрид. лит., 1976. – 223 с.

3. Карпец, И. И. Наказание: социальные, правовые и криминалистические проблемы / И. И. Карпец. – М.: Юрид. лит., 1973. – 287 с.

4. Саркисова, Э. А. Новое в уголовном кодексе / Э. А. Саркисова // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

Поступила 27.03.2011

УДК 347.77:339.543

В. А. Зенькович, кандидат юридических наук, доцент (БГЭУ)**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА
НА ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ АВТОРСКИЕ ПРАВА**

В статье анализируется действующее гражданское и уголовное законодательство, защищающее личные неимущественные авторские права от преступных посягательств. Автор делает вывод, что исключение части первой статьи 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь из категории дел частного-публичного обвинения с включением ее в категорию дел публичного обвинения будет способствовать повышению противодействия авторов и соавторов на незаконные посягательства на их авторские права.

In this article current civil and criminal law which protects private non-property copyright from criminal infringement is analyzed. The author comes to conclusion that exclusion of the first part of the clause 201 of Criminal Code of the Republic of Belarus from the category of cases of private-public accusation and including it into the category of cases of public accusation will help to increase authors' and co-authors' counteraction from illegal infringements upon their copyright.

Введение. Переход экономики на инновационный путь развития Республики Беларусь требует усиления правовых мер по защите прав создателей объектов интеллектуальной собственности от противоправных посягательств.

Основная часть. В настоящее время в статье 41 Закона Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» содержится перечень незаконных действий, нарушающих авторские права, за совершение которых предусмотрена ответственность. Это «присвоение авторства, принуждение к соавторству, незаконное разглашение сущности предполагаемых изобретения, полезной модели, промышленного образца до подачи на них заявки без согласия автора, а также нарушение исключительных прав патентообладателей» [1].

В пункте втором этой статьи дан перечень специальных субъектов, а также юридических лиц, несущих ответственность за разглашение сущности заявки до ее публикации. Речь идет об ответственности «должностных лиц и экспертов патентного органа, а также органа, уполномоченного выдавать разрешение на применение патентуемого продукта или способа» [1].

В действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь [2] (далее – УК) диспозиция части первой статьи 201 «Нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав» предусматривает ответственность для общего и специального субъектов за совершение в основном всех вышеуказанных действий.

Так, уголовная ответственность по части первой этой статьи установлена за «присвоение авторства либо принуждение к соавторству, а равно разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них».

Таким образом, законодатель защищает права автора, творческим трудом которого создан объект интеллектуальной собственности, от незаконных посягательств на присвоение авторства.

Также закон криминализировал противоправные действия лица за принуждение автора создаваемого (созданного) объекта интеллектуальной собственности включить его в состав соавторов.

Кроме того, диспозиция части первой статьи 201 УК предусматривает ответственность должностных лиц и экспертов патентного органа за разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них.

Законодатель специально в превентивных целях в пункте третьем статьи 5 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» перечислил все наиболее значимые действия лица, которые могут быть осуществлены им в процессе выполнения своих должностных обязанностей в период создания автором (соавторами) объекта интеллектуальной собственности.

В статье конкретно сказано, что «не признаются соавторами физические лица, не внесшие личного творческого вклада в создание изобретения, полезной модели, промышленного образца, а оказавшие автору (соавторам) только техническую, организационную или материальную помощь, либо только способствовавшие оформлению прав на изобретение, полезную модель, промышленный образец и их использованию» [1, ст. 5]. Такие же требования содержатся и в других законодательных актах [3, ст. 4, 35].

Кроме того, в пункте третьем статьи 982 Гражданского кодекса Республики Беларусь [4]

(далее – ГК) право авторства названо как личное неимущественное право, которое закон запрещает отчуждать и передавать.

За принуждение автора создаваемого объекта интеллектуальной собственности включить лицо в состав его соавторов только лишь за деятельность, выразившуюся в совершении действий, перечисленных в пункте третьем статьи 5, предусмотрена уголовная ответственность для общего субъекта, т. е. граждан, достигших шестнадцатилетнего возраста, и специального субъекта – должностных лиц.

Таким образом, законодатель с помощью норм гражданского и уголовного права создал правовой инструментарий по минимизации и пресечению способов незаконного присвоения права авторства или соавторства и других нарушений со стороны общего или специального субъектов.

Здесь следует отметить, что особенностью применения уголовной ответственности по части первой статьи 201 УК является то, что она наступает в соответствии с пунктом пятнадцатью части первой статьи 33 УК только по требованию потерпевшего. Это значит, что, согласно части четвертой статьи 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [5] (далее – УПК), такие дела относятся к категории дел частного-публичного обвинения.

Относя такие дела к этой категории, законодатель руководствовался, видимо, тем, что процесс создания объекта интеллектуальной собственности весьма конфиденциальный, и лучше автора его никто не знает, поэтому ему и было отдано право на защиту своих личных неимущественных и других авторских прав от незаконных посягательств.

Однако если обратиться к практическому аспекту вопроса реализации своего права на защиту физическим лицом нарушенного его права авторства, то здесь, на наш взгляд, есть вопросы, носящие дискуссионный характер.

В первую очередь нужно иметь в виду, что законодатель в принятых актах [1, ст. 5; 3, ст. 4, 35] специально акцентировал внимание, прежде всего, должностных лиц, призванных совершать юридически значимые действия, входящие в их компетенцию по созданию необходимых условий для творческой деятельности автора или авторского коллектива. В данном случае в статьях законов было уточнено, что организационные и материально-технические действия, которые необходимо осуществлять должностным лицам или специалистам в процессе создания объекта интеллектуальной собственности, не могут претендовать на получение права быть соавтором, а тем более автором созданного объекта интеллектуальной собственности.

Исключение из компетенции органов предварительного расследования полномочий на проведение расследования дел этой категории по собственной инициативе не способствует повышению уровня защиты потерпевших авторов, соавторов от совершенных противоправных действий.

Как показывает правоприменительная практика, сами авторы создаваемых объектов интеллектуальной собственности, в силу разных причин, не изъявляют желания защитить свои нарушенные права. Подтверждением этому является и отсутствие в статистических отчетах выявленных преступлений по части первой статьи 201 УК.

Наше суждение относится к ситуации, в которой речь идет, прежде всего, о совершении указанных противоправных действий руководителем организации, другим должностным лицом, являющимся, как правило, распорядителем финансовых средств, чьи действия могут повлечь юридические последствия для подчиненных, работающих над созданием объектов интеллектуальной собственности.

Кроме того, необходимо отметить имеющиеся огромные властные полномочия должностного лица, позволяющие «успокоить» борцов за справедливость из числа своих подчиненных.

К тому же, согласитесь, включение своего руководителя организации в число соавторов не исключает того, что последний в рамках своих полномочий может их официально «отблагодарить» премией, дать выгодный новый заказ, повысить в должности и т. д. Иначе говоря, у любого руководителя есть возможности для воздействия на подчиненного с помощью «кнута или пряника», и последние об этом хорошо знают.

Надо признать, что проблема защиты авторского права самим автором многократно усложняется в случаях, когда речь идет о создании объекта интеллектуальной собственности авторским коллективом, в котором мнения по этому аспекту бывают диаметрально противоположны. Такая ситуация также сдерживает несогласных авторов от обращения за защитой в правоохранительные органы, поскольку в таких случаях конечный результат можно прогнозировать изначально.

Думаем, не вызовет возражения констатация того, что сам факт обращения за защитой своих нарушенных прав в правоохранительные органы, особенно когда речь идет не о физическом насилии, для любого потерпевшего – это большой психологический стресс.

Не являются исключением и дела по защите авторских прав, требующие от потерпевше-

го преодоления большого психологического барьера, который обусловлен, прежде всего, синдромом подчиненности. Сам факт подачи жалобы на своего руководителя или другое должностное лицо – это уже, несомненно, поступок, вызывающий неоднозначную реакцию у окружающих.

Отсюда представляется, что далеко не всякий автор объекта интеллектуальной собственности, чьи права были нарушены руководителем организации или другим должностным лицом, особенно если речь идет не о присвоении права авторства, а только о принуждении к соавторству, воспользуется предоставленным ему законом правом обратиться за защитой в компетентные органы [1, ст. 33].

Нам могут возразить, что в некоторых случаях прокурор имеет предоставленное ему частью пятой статьи 26 УПК право возбудить уголовное дело по части первой статьи 201 УК, но это не правило, а исключение из него.

Кроме того, большим сдерживающим фактором для личного обращения за защитой в правоохранительные органы является малая вероятность того, что в ходе предварительного или судебного разбирательства будет доказана вина должностного лица, так как предмет доказывания имеет свои особенности, которые не всегда могут быть понятны даже всем участникам уголовного процесса. И как следствие, по делам такой категории доказать вину должностного лица достаточно трудно.

Поэтому предоставленное частью четвертой статьи 26 УПК право автору объекта интеллектуальной собственности самому или через своих представителей защищать свои права от преступных посягательств на самом деле фактически сужает возможности защиты их с помощью других заинтересованных субъектов в лице общественности или трудового коллектива. Мы имеем в виду ситуацию, когда в силу вышесказанного автор не пытается лично или через своих представителей защищать свои нарушенные авторские права.

Заключение. На основании вышеизложенного, в целях усиления возможностей защиты авторских прав потерпевшего, необходимо расширить круг субъектов уголовного процесса, уполномоченных защищать интересы автора на стадии создания объекта интеллектуальной

собственности. В этих целях следует включить в их число и представителей органов дознания милиции и предварительного следствия.

Соответственно, в статью 26 УПК необходимо внести следующие изменения: исключить часть первую статьи 201 УК из категории дел частного-публичного обвинения, т. е. из части четвертой статьи 26 УПК, что приведет к автоматическому переходу ее в категорию дел публичного обвинения.

Кроме того, в целях устранения расхождений необходимо исключить из части первой статьи 33 УК пункт пятнадцать, предписывающий наступление уголовной ответственности по требованию потерпевшего.

Принятие нашего предложения позволит расширить круг субъектов уголовного процесса в деле защиты от посягательств на личные немущественные авторские права в сфере интеллектуальной собственности, что будет минимизировать желание у должностного лица посягать на данные права его подчиненных.

Литература

1. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Респ. Беларусь от 16 дек. 2002 г. № 160-3 // Ведомости Нац. Схода Рэсп. Беларусь. – 2003. – № 1. – 2/9.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 1 янв. 2007 г. – Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2007. – 335 с.
3. О патентах на сорта растений: Закон Респ. Беларусь от 13 апр. 1995 г. № 3725-ХП // Ведомости Вярх. Савета Рэсп. Беларусь. – 1995. – № 19.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 7 дек. 1998 г. – Минск: Амалфея, 2007. – 703 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 2 авг. 2006 г. – Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2007. – 364 с.

Поступила 27.03.2011

УДК 347.214.2

Е. М. Сергеева, ассистент (БГТУ)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Развитию рынка недвижимости способствует свободный переход прав собственности на недвижимость и законодательная гарантированность этих прав. Приобретение и отчуждение недвижимости требует выполнения сложных действий, знания многих законодательных актов. Выполнять подобные действия в соответствии с законодательством могут не любые лица (особенно граждане). В связи с этим в рыночных условиях возникли коммерческие организации, которые стали именоваться риэлтерскими.

This article analyzes the free transfer of title to real estate and legal guarantees of these rights. Acquisition and alienation of real estate requires a complex actions, knowledge of many laws. The author pays special attention to the objective complexity of the legal regulation of the real estate market, which arise from the fragmentation of regulatory documents the lack of real enforcement practices. According to the legislation any persons (especially citizens) carry out these actions can not. In this connection in market conditions there were the commercial organizations, which are called realtor organizations.

Введение. Среди элементов рыночной экономики особое место занимает недвижимое имущество, которое выступает в качестве средств производства (земля, административные, производственные, складские, торговые и прочие здания и помещения, а также другие сооружения) и предмета или объекта потребления (земельные участки, жилые дома, дачи, квартиры, гаражи и т. д.). Недвижимость обеспечивает основу личного благосостояния граждан и служит базой для хозяйственной деятельности и развития предприятий и организаций всех форм собственности. В Беларуси происходит активное формирование и развитие рынка недвижимости, и все большее число граждан, предприятий и организаций участвует в операциях с недвижимостью.

Основная часть. Недвижимость является главным предметом обсуждения при приватизации государственной и коммунальной собственности и при покупке, продаже и аренде нежилых и жилых помещений. Появилась новая категория владельцев недвижимости как в сфере личного потребления, так и во многих сферах предпринимательской деятельности. Образовались коммерческие структуры, профессионально действующие на рынке недвижимости.

В стране разворачивается деятельность отечественных и зарубежных инвесторов, для которых большое значение имеет приобретение гарантированных прав пользования землей и правовая защита их интересов. Активно развивается законодательство по регулированию сферы недвижимости. Развитию рынка недвижимости способствует свободный переход прав собственности на недвижимость и законодательная гарантированность этих прав. Приобретение и отчуждение недвижимости требует выполнения сложных действий, знания многих законодательных актов. Выпол-

нять подобные действия в соответствии с законодательством могут не любые лица (особенно граждане). В связи с этим в рыночных условиях возникли коммерческие организации, которые стали именоваться риэлтерскими. Риэлтерская деятельность – это посредническая деятельность коммерческой организации по содействию при заключении, исполнении, прекращении договоров на строительство (в том числе доленое), купли-продажи, мены, аренды, иных сделок с недвижимым имуществом, правами на них (кроме проведения конкурсов и аукционов).

Осуществляя услуги, организация может выполнять следующие работы: оформление и заключение договора, сбор информации об объектах недвижимости, организация и проведение рекламы объекта недвижимости, содействие в проведении переговоров по поводу сделки с недвижимостью и многие другие работы, связанные с выполнением перечисленных выше риэлтерских услуг.

В соответствии с законодательством риэлтерская организация должна иметь лицензию, штат, состоящий не менее чем из пяти риэлтеров и агентов по операциям с недвижимостью, а для филиалов этой организации и других ее обособленных подразделений – как минимум одного риэлтера. Риэлтер – это работник, имеющий свидетельство об аттестации риэлтера, выданное в установленном законодательством порядке, и оказывающий от имени определенной риэлтерской организации все риэлтерские услуги. Кроме риэлтеров, в состав риэлтерской организации входят агенты по операциям с недвижимостью, количество которых не может превышать количества риэлтеров более чем в 3 раза, а также вспомогательный и технический персонал.

Для занятия риэлтерской деятельностью организация обязана иметь:

– договор ежегодного обязательного страхования своей ответственности за причинение вреда в связи с осуществлением риэлтерской деятельности;

– книгу замечаний и предложений;

– книгу регистрации договоров, порядок ведения которой определяется Министерством юстиции;

– документ, устанавливающий тарифы на оказываемые услуги, определяемые в соответствии с законодательством.

Прием наличных денежных средств за оказание риэлтерских услуг должен осуществляться через кассовый суммирующий аппарат и (или) специальную компьютерную систему. Законодательными актами установлены и другие дополнительные требования к риэлтерской организации. Например, специалисты по риэлтерской деятельности не вправе работать на основе гражданско-правовых и (или) трудовых договоров в других риэлтерских организациях.

Свидетельство об аттестации риэлтера выдается физическому лицу:

1) имеющему высшее, как правило, юридическое, экономическое образование или образование по строительной специальности;

2) имеющему стаж работы не менее одного года по специальности, соответствующей образованию, либо в качестве агента по операциям с недвижимостью;

3) сдавшему аттестационный экзамен.

Свидетельство выдается сроком на пять лет.

Агенты по операциям с недвижимостью вправе оказывать от имени риэлтерской организации только следующие услуги:

– представление потребителю информации о спросе и предложении на объекту недвижимости;

– подбор вариантов сделок с объектами недвижимости, участия в их строительстве;

– помощь риэлтеру в подготовке (оформлении) документов, связанных с осуществлением сделки с объектом недвижимости, сделки с участием в строительстве объекта, регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним.

Риэлтерская деятельность осуществляется на основании договоров об оказании возмездных услуг. Договоры заключаются на основании правил, регулирующих этот вид соглашений (ст. 773–777 ГК РБ) [1].

В договоре на оказание риэлтерских услуг указываются:

1) предмет договора;

2) номер лицензии риэлтерской организации, дата ее выдачи, срок действия и наименование органа, выдавшего эту лицензию;

3) сведения о заключении договора ежегодного обязательного страхования ответственности риэлтерской организации за причинение

вреда в связи с осуществлением риэлтерской деятельности;

4) обязанности риэлтерской организации и потребителя;

5) срок действия договора;

6) условия расторжения договора;

7) ответственность сторон, порядок и сроки возмещения расходов сторонами;

8) порядок разрешения споров;

9) адреса и реквизиты сторон;

10) перечень переданных риэлтерской организации документов на момент подписания договора;

11) иные условия по соглашению сторон.

Следует отметить, что наряду с приведенными обстоятельствами, в договоре должны приводиться условия об оплате риэлтерских услуг, в том числе о форме и порядке оплаты.

В настоящее время оплата риэлтерских услуг потребителем осуществляется по утвержденным тарифам (ставкам). Договор составляется в простой письменной форме в виде единого документа в соответствии с общими правилами гражданского законодательства.

В случае расторжения либо истечения срока действия договора на оказание риэлтерских услуг потребителю не позднее одного дня с момента предъявления соответствующего требования и оплаты оказанных услуг, согласно договору возвращаются документы, представленные потребителем риэлтерской организации.

Риэлтерская организация вправе рекламировать свою деятельность. В рекламе должны быть указаны номер лицензии, дата ее выдачи, срок действия и наименование органа, выдавшего эту лицензию. Реклама риэлтерской организации не должна содержать недостоверные сведения или вводить в заблуждение потребителей. Риэлтерская организация после заключения договора на оказание риэлтерских услуг с потребителем, который является приобретателем прав на объект недвижимости, обязана на срок, указанный в этом договоре, прекратить рекламу объекта и не предпринимать действий, направленных на его приобретение другими потребителями [2].

Порядок оказания услуг представляет собой комплекс требований, установленных законодательством, определяющих отношения риэлтерских организаций с потребителями оказываемых ими услуг. Порядок деятельности риэлтерских организаций необходим с целью укрепления правовых основ указанной деятельности, защиты прав и законных интересов потребителей риэлтерских услуг, повышения их качества и обеспечения роста профессионального мастерства специалистов по риэлтерской деятельности.

Кроме того, организация должна обеспечить выполнение наиболее ответственных услуг только риэлтерами. К таким услугам относятся:

- консультирование;
- подготовка проекта договора на оказание риэлтерских услуг, организация его подписания и контроль за его исполнением;
- организация и проведение переговоров;
- организация сбора и подготовки документов, связанных с заключением сделки;
- организация нотариального удостоверения сделки;
- организация и помощь в государственной регистрации объекта недвижимости.

Другие работники организации могут оказывать помощь риэлтерам, выполнять отдельные работы, связанные с оказанием перечисленных выше услуг, а также осуществлять менее значительные услуги. Услуги оказываются на основании договора с соблюдением установленных правил.

Так, при заключении договора, содержащего обязательство подбора вариантов сделки с недвижимостью, организация обязана в течение оговоренного в договоре срока обеспечить занесение заявки клиента в базу данных. После занесения в базу данных с согласия клиента заявка выставляется в качестве предложения для заинтересованных. Предлагая объекты недвижимости, организация обязана представить описание, необходимое для получения наиболее полного представления потребителей об этом объекте. В описании должны быть отражены характеристики, определенные СТБ 1098-98 «Услуги риэлтерские. Общие требования».

При подготовке к совершению сделки организация обязана проверить подлинность, правильность оформления необходимых документов, их комплектность, сделать все возможное для защиты прав и интересов потребителя услуг. Следует отметить, что установлена обязанность риэлтера, ответственного за исполнение договора на оказание риэлтерских услуг, присутствовать при удостоверении нотариусом сделок с недвижимым имуществом.

Если предусмотрено соглашением сторон, организация может оказывать и другие услуги, не противоречащие законодательству, полученному разрешению (лицензии), профессиональной этике.

Взаимоотношения коммерческой организации, риэлтеров с клиентами, иными организациями и коллегами определяются правилами профессиональной этики. Основные из них:

- 1) риэлтерская организация должна осуществлять деятельность в соответствии с требованиями законодательства и своими обязательствами по договору на оказание риэлтерских услуг;
- 2) она не вправе заниматься профессиональной деятельностью по сделке с недвижимостью, в отношении которой эта организация либо ее работники имеют заинтересованность;

3) при возникновении подобных обстоятельств организация обязана в течение трех дней с момента, когда ей стало известно об этом, письменно уведомить о них потребителя и расторгнуть договор на оказание риэлтерских услуг;

4) в случае если после заключения договора на оказание риэлтерских услуг выявятся обстоятельства, которые препятствуют его исполнению и не зависят от риэлтерской организации, организация в течение одного дня должна поставить в известность потребителя;

5) подобная ситуация является основанием для изменения или расторжения договора на оказание риэлтерских услуг;

6) риэлтерская организация не вправе заключать договор на оказание риэлтерских услуг, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого, ранее заключенного договора по одному и тому же объекту недвижимости. Риэлтерская организация обязана обеспечивать конфиденциальность информации полученной в процессе предоставления риэлтерских услуг потребителю. Обязанность соблюдения конфиденциальности остается в силе также после завершения отношений между риэлтерской организацией и потребителем.

Заключение. Профессия риэлтера с 1998 г. официально признана в Беларуси. С 1 апреля 2006 г. на Министерство юстиции были возложены функции управления и регламентирования риэлтерского бизнеса, который вместе с этим стал более профессиональным и прозрачным [3]. Однако эффективная работа требует применения новых технологий оказания риэлтерских услуг и правового обеспечения ответственности при сопровождении сделок с недвижимым имуществом.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 7 дек. 1998 г. – Минск: Амалфея, 2006. – 654 с.
2. О размещении (распространении) рекламы риэлтерскими организациями: Постановление Министерства торговли Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Беларусь, Министерства информации Республики Беларусь от 30 марта 2000 г. № 19/25/5 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 106. – 8/16243; 2007. – № 218. – 8/17413.
3. О риэлтерской деятельности в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 9 янв. 2006 г. № 15 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 7.

Поступила 30.03.2011

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 008:811.161.3

В. А. Кузьміч, дацэнт (БДТУ)

ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛАГІЧНЫ ПАДЫХОД ДА НАВУЧАННЯ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ Ў СІСТЭМЕ ІДЭАЛАГІЧНАГА ВЫХАВАННЯ

Канцэпцыя моўнай адукацыі істотна змяняе падыходы да выкладання роднай мовы ў вышэйшай школе. Згодна з новымі патрабаваннямі студэнт павінен валодаць мовай як сістэмай захавання і перадачы духоўна-маральных каштоўнасцей нацыі. Найпаўней ідэалагічная і выхаваўчая функцыі моўных дысцыплін рэалізуюцца пры лінгвакультурнаўчымым падыходзе. У публікацыі разглядаецца вопыт вучэбна-метадычнага забеспячэння моўных дысцыплін у гэтым напрамку на кафедры беларускай мовы БДТУ.

Conception of linguistic education significantly changes approaches to teaching native language in high school. According to new requirements student should know how to use language to keep and translate intellectual and moral wealth of nation. Such a ideological and educational function of linguistic subjects is being fully realized by the means of linguocultural approach. The paper analyzes experience in Belarusian language department of BSTU in this field, including new textbook developed on basis of linguocultural approach.

Уводзіны. Сістэма ідэалагічнага выхавання моладзі накіравана на разуменне сутнасці беларускай дзяржаўнасці, якая непасрэдна звязана з паняццямі грамадзянскасці і патрыятызму – найважнейшых духоўных і сацыяльных каштоўнасцей. Менавіта яны маюць прыярытэтнае значэнне для Беларусі як суверэннай дзяржавы, яе сучаснасці і будучыні. Развіццё грамадства перш за ўсё звязана з духоўна-культурным развіццём нацыі, што бяспрэчна з’яўляецца неабходнай умовай росквіту кожнай краіны і будаўніцтва цывілізаваных зносін з іншымі краінамі.

Асноўная частка. Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь неаднаразова падкрэсліваў, што ідэалогія беларускай дзяржавы грунтуецца на любові да сваёй зямлі, павазе да людзей і гонары за сваю дзяржаву. Гэта і ёсць ідэалогія патрыятызму. А вытокі яе ў гістарычнай памяці народа, якая захоўвае нашу мараль, наш лад жыцця, традыцыі, светабачанне. У гэтым наш духоўны гарт, маральная аснова, той вялікі скарб, перададзены нам нашымі продкамі, пакінуты нам, нашчадкам.

Зыходзячы з Канцэпцыі моўнай адукацыі, накіраванай адпаведна і на выхаванне моўнай асобы, істотна змяніліся падыходы да ролі мовы і яе ўсведамлення як формы існавання духоўнай культуры народа. Сённяшні выпускнік школ, а затым і вышэйшых навучальных устаноў павінен быць паўнацэннай моўнай і маўленчай асобай, гэта значыць чалавекам, «які ў любой сітуацыі можа карыстацца мовай як інфарматыўным, інтэрактыўным і перцэптыўным сродкам і ва ўсіх сферах жыццядзейнасці –

пазнавальнай, навучальнай, нацыянальна-культурнай, бытавой».

Улічваючы тое, што «задача моўнай адукацыі – дапамагчы чалавеку спазнаць сябе праз культуру, сфарміраваць уласнае культурнае аблічча», неабходна істотна мадэрнізаваць выкладанне беларускай мовы ў вышэйшых навучальных установах. Выпускнік ВНУ павінен не толькі карыстацца прафесійнай лексікай, але і быць асобай, якая валодае «правіламі маўленчых зносін, умеє ствараць вусныя і пісьмовыя выказванні розных тыпаў, стыляў і жанраў», валодае мовай як сістэмай захавання і перадачы духоўна-маральных каштоўнасцей нацыі. Праз светапогляд народа, яго гісторыю, філасофію, культуру будучыя спецыялісты пашыраюць веды пра наш край, яго адметнасць, пра наш лад жыцця, характар і менталітэт. Уменне папулярызаваць сваю радзіму за мяжой і годна прадстаўляць яе на сусветнай арэне закладваецца менавіта на роднай зямлі праз грунтоўнае ўсведамленне гісторыка-краязнаўчай адметнасці свайго краю. Не апошняю ролю гэта адыгрывае і ў захаванні эканамічнай стабільнасці краіны.

Для таго каб спалучыць шматгранныя задачы ідэалагічнага выхавання са змястоўным нападуненнем гуманітарных дысцыплін у ВНУ, неабходны цэласны і паслядоўны падыход. На сённяшні дзень такія магчымасці дае лінгвакультуралагічны, які з’яўляецца новым напрамкам у сучаснай лінгваметодыцы (поруч з традыцыйнымі сістэмна-функцыянальным і камунікатыўна-дзейнасным). Менавіта ён фарміруе лінгвакуль-

туралагічную кампетэнцыю, якая прадугледжвае паглыбленне нацыянальна-культурных звестак, адпаведнае выхаванне «чалавека ў культуры» і «чалавека культуры».

Тэрмін «лінгвакультуралагічная кампетэнцыя» яшчэ не замацаваўся канчаткова, і ў навукова-метадычнай літаратуры можна сустрэць розныя абазначэнні гэтай кампетэнцыі: культурознаўчая, сацыякультурная, этнакультурная. Пры такім падыходзе неабходна навучыцца ўспрымаць мову не як чыстую граматычную схему, а як сабраную за вякі скарбніцу філасофіі, гісторыі, духоўнай культуры народа ў цэлым. Мова адыгрывае важнейшую ролю не толькі ў фарміраванні свядомасці студэнцтва і моладзі, але і ў інтэграцыі яе ў культуру. Сутнасць гэтай кампетэнцыі – у пазнанні праз мову сваёй нацыянальнай культуры, разуменні адметнасці іншых культур, іх узаема сувязі з беларускай. Пры наяўнасці такой кампетэнцыі асоба авалодвае культурным багаццем нацыі, асэнсоўвае мову як элемент духоўнай культуры беларускага народа і яго менталітэту. Лінгвакультурознаўчая кампетэнцыя прадугледжвае ўсведамленне мовы як праявы духоўнай культуры народа, авалоданне нацыянальна-маркіраванымі адзінкамі мовы, засваенне нацыянальна-адметных этыкетных маўленчых норм культуры маўлення ў цэлым.

Мэта лінгвакультуралагічнага падыходу – каардынацыя ўсіх узроўняў валодання мовай на далучэнне студэнтаў да нацыянальнай і сусветнай культуры, вырашэнне новай інтэграванай задачы, духоўна-маральнага, эстэтычнага, грамадзянскага выхавання на аснове ўзаемадзеяння мовы, літаратуры, культуры, што садзейнічае далучэнню студэнтаў не толькі да нацыянальнай, але і сусветнай культуры.

У задачы лінгвакультуралагічнага падыходу ўваходзяць:

- авалоданне лінгвакультуралагічнай кампетэнцыяй, якая скіравана на паглыбленне нацыянальна-культурознаўчых звестак дзеля выкарыстання іх у працэсе маўленчых зносін;
- забеспячэнне свабоднага фарміравання пазнавальнай, маральнай, грамадзянскай культуры студэнтаў;
- забеспячэнне актыўнага ўдзелу ў грамадзянскім жыцці краіны.

Для вырашэння названых задач і развіцця паўнацэннай маўленчай асобы студэнта неабходна фарміраваць лінгвакультуралагічныя веды, уменні і якасці.

Лінгвакультуралагічныя веды – гэта абагульнены вопыт, адлюстраваны ў моўнай свядомасці (на лексіка-семантычным, фразеалагічным узроўнях; у мастацкіх і краязнаўчых тэкстах). Да такіх ведаў адносяць веданне гісторыі краі-

ны, сваёй малой радзімы, традыцый і звычаяў народа, асаблівасцей мясцовых гаворак і быту людзей.

Лінгвакультуралагічныя ўменні – гэта здольнасць студэнтаў выкарыстоўваць здабытыя ім тэарэтычныя веды і адпаведныя навыкі, напрыклад, уменне аналізаваць лінгвакультуралагічную інфармацыю, змешчаную ў тэксце, і творча выкарыстоўваць яе.

Лінгвакультуралагічныя якасці студэнтаў заключаюцца ва ўменні ўспрымаць факты і з'явы культуры, быць стваральнікам і захавальнікам культурнай спадчыны свайго народа для будучых пакаленняў.

Дасягненне такіх мэт і задач патрабуе грунтоўнага вучэбна-метадычнага забеспячэння курсаў «Беларуская мова» і «Сучасная беларуская мова». Для ўкаранення лінгвакультуралагічнага падыходу ў навучальны працэс створаны падручнікі, вучэбна-метадычныя дапаможнікі, якія не толькі паглыбляюць і пашыраюць веды па прадмеце, але і ўдасканалюць культуру маўлення, прывіваюць любоў і павагу да свайго народа як стваральніка нацыянальных каштоўнасцей.

На аснове лінгвакультурознаўчага падыходу дацэнтам кафедры Кузьміч В. А. і старшым выкладчыкам Місюк Р. В. падрыхтаваны вучэбна-метадычны дапаможнік з грыфам ВМА «Сучасная беларуская мова. Практыкум (для спецыяльнасці «Выдавецкая справа»). У дапаможнік уключаны тэксты для фарміравання лінгвакультуралагічнай кампетэнцыі, да якіх падабраны адпаведныя заданні па ўсіх тэмах навучальнай дысцыпліны. Тэматычнае напавенне дапаможніка спрыяе выхаванню патрыятычнай асобы, сапраўднага прафесіянала ў галіне выдавецкай дзейнасці. Такія тэмы, як «Мова – душа народа», «Помнікі беларускага пісьменства», «Беларускае кнігадрукаванне», «Славутыя беларускія навукоўцы», «Выдавецкая справа ў Беларусі», «Народ і яго мудрасць», «Галоўныя сімвалы дзяржавы», «Беларуская тапаніміка і ананіміка», «Беларусь на карце свету», «Этнаграфія Беларусі», «Нацыянальныя супольнасці Беларусі», «Нацыянальны характар і менталітэт. Маўленчы этыкет беларусаў», «Музычная культура Беларусі», «Беларускі тэатр», «Беларускае мастацкая культура», «Беларуская літаратура», «Мастацкае афармленне кнігі», «Геранічная Беларусь» – дазваляюць не проста актыўна пазнаваць свой край, усё гэта дае пачатак індывідуальнай творчай працы студэнтаў, якая далей увасабляецца ў напісанні навуковых даследаванняў, краязнаўчых нарысаў, навуковых прац патрыятычнага зместу і ідэалагічнай накіраванасці. Тэксты сацыя- і этнакультурнага зместу, а таксама па гісторыі, культуры, мас-

тацкай літаратуры, тэксты героіка-патрыятычнай скіраванасці, падабраныя на падставе самых разнастайных сучасных крыніц, красамоўна сведчаць, што ідэі патрыятызму і грамадзянскасці закладзены ў глыбінях нацыянальнай культуры і жывяць яе.

Лінгвакультуралагічныя веды пашыраюцца і замацоўваюцца ў падручніку з дапамогай шматлікіх заданняў, якія патрабуюць індывідуальнай пошукавай працы студэнтаў, творчай перапрацоўкі атрыманай інфармацыі, а не толькі пасіўнага засваення пэўнага аб'ёму ведаў. Гэтаму служаць заданні крэатыўнага характару, як, напрыклад, літаратурна-моўныя віктарыны, сачыненні-разважанні на патрыятычную тэматыку; рэфератыўны пераклад тэкстаў; падрыхтоўка паведамленняў на лінгвістычную і маральна-этычную тэматыку; напісанне творчых эсэ і інш.

Усебакова прадстаўлена тэма подзвігу беларускага народа ў Вялікай Айчыннай вайне. Яна асвятляецца ў такіх заданнях, як складанне тэматычнага радаводу (напрыклад, «Вайна праз лёс маёй сям'і»; «Сям'і маёй пачатак», «Мае карані»), напісанне эсэ «Дзеці і вайна», падрыхтоўка паведамлення пра ўшанаванне памяці пра Вялікую Айчынную вайну на малой радзіме студэнтаў; правядзенне творчага даследавання на тэму «Дзеці вайны ўспамінаюць»; паведамленні пра творы беларускай літаратуры, якія адлюстроўваюць змаганне нашага народа ў Вялікай Айчыннай вайне. Вынікі самастойнай працы студэнтаў у гэтым напрамку падсумоўваюцца на тэматычнай канферэнцыі «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне» і прэзентуюцца ў студэнцкіх групах.

Заданні і змястоўнае напаўненне дапаможніка падабраны такім чынам, каб стымуляваць студэнтаў да працягу творчай і навуковай працы, якая вялася на занятках. Такім чынам забяспечваецца непарыўнасць адукацыі і самаадукацыі, а таксама іх сувязь з выхаваннем патрыятызму і грамадзянскасці.

Далучаючыся да здабыткаў сусветнай і нацыянальнай культуры, студэнты атрымліваюць краіназнаўчыя звесткі, неабходныя для адекватнай камунікацыі. Паглыбляюцца так званыя міжпрадметныя сувязі з такімі дысцыплінамі, як «Краіназнаўства і краязнаўства», «Гісторыя Беларусі» і інш. Апрача таго, развіваецца здольнасць самастойна сінтэзаваць інфармацыйныя рэсурсы праз напісанне навуковых і творчых прац, даследаванняў, твораў іншых жанраў, якія заўсёды запатрабаваны падчас правядзення конкурсаў, выстаў розных узроўняў. У рэчышчы

лінгвакультурознаўчага падыходу кафедрай беларускай мовы за апошнія 5 гадоў праведзена 30 студэнцкіх канферэнцый, 16 універсітэцкіх выстаў па актуальных тэмах ідэалагічнага выхавання. Актыўна працуе студэнцкае аб'яднанне «Пошук», у склад якога ўвайшлі гурткі патрыятычнай накіраванасці. Вынікам дзейнасці аб'яднання з'яўляецца штогадовы ўдзел студэнцкай моладзі ў рэспубліканскіх і міжнародных конкурсах і выставах. За апошнія 5 гадоў студэнцкім аб'яднаннем прадстаўлена на рэспубліканскія і міжнародныя конкурсы 219 навуковых і творчых работ, з якіх 93 адзначаны катэгорыямі, граматамі, спецыяльнымі прызамі, падзякамі і каштоўнымі падарункамі. Тэматыка прац, прадстаўленых на рэспубліканскія конкурсы, адпавядае наступным галоўным напрамкам рэалізацыі лінгвакультуралагічнага падыходу: 1) засваенню вучнямі нацыянальна-маркіраваных адзінак беларускай мовы; 2) спасціжэнню каштоўнасцей і рэалій нацыянальнай культуры; 3) навучанню беларускай мове ў дыялогу культуры (напрыклад, «Тапаніміка Гродзеншчыны ў калейдаскопе часу», «Тапонімы Магілёўшчыны ў легендах і паданнях», «Выхаваўчы патэнцыял беларускай народнай педагогікі», «Гісторыка-этнаграфічнае даследаванне паходжання мястэчка Крулеўшчына», «Анамастычныя назвы Чашніцкага раёна ў міфалагічным і рэлігійным аспектах», «Вёска Свіслач: гісторыка-краязнаўчы нарыс ад заснавання да пачатку XX стагоддзя», «Рагачоў герайчны: турыстычны і краязнаўчы маршрут», «Вёска Ленін: герайчныя і трагічныя старонкі», «Пастаўшчына ў скарбніцы беларускай культуры», «Гістарычныя постаці Піншчыны», «Традыцыі народнага выхавання на Полаччыне», «Назвы зямлі салігорскай», «Летапіс роднага краю: невядомыя старонкі гісторыі вёскі Астрошчыцы Лагойскага раёна», «Сям'я ў мінулым і сучасным: сацыяльны аспект», «Палескае вяселле» і інш.

Заклучэнне. Такім чынам, усведамленне самакаштоўнасці і ўнікальнасці культуры кожнага народа, у тым ліку арыгінальнай і шматвяковай культуры беларускага народа, разуменне грамадскага значэння гуманітарных ведаў як часткі агульначалавечай культуры забяспечваюць усведамленне студэнтамі мовы як феномена культуры. Вопыт практычнай рэалізацыі лінгвакультуралагічнага падыходу ў навучанні і выхаванні даказвае слушнасць вядомага выслоўя «Да чалавецтва праз свой народ».

Паступіла 30.05.2011

УДК 39:316.346.3

Р. В. Міксюк, старшы выкладчык (БДТУ)**ЭТНАКУЛЬТУРНАЕ НАВУЧАННЕ І ВЫХАВАННЕ МОЛАДЗІ**

У публікацыі разглядаюцца сутнасць, змест і асноўныя шляхі ажыццяўлення этнакультурнага навучання і выхавання, яго значэнне для маладога пакалення, падкрэсліваецца роля роднай мовы, фальклору, нацыянальных звычаяў, традыцый, абрадаў, патрыятычнага выхавання ў фарміраванні этнічнай культуры. Дадзены звесткі з гісторыі педагагічнай думкі аб адносінах да этнакультурнага выхавання, а таксама рэкамендацыі аб укараненні ў вучэбна-выхаваўчы працэс элементаў нацыянальнай культуры.

The article contains the sense, contents and basic ways of executing the ethnic and cultural education of younger people and its meaning for them. Emphasizes the role of native language, folklore, traditions, customs and patriotic education in the process of forming the ethnic culture. Gives the reference to the history of pedagogical thinking on ethnic and cultural education, recommendations on implementation of the elements of national culture to the educational process.

Уводзіны. Сённяшнія рэаліі айчыннага грамадства, якое істотна абнавілася за апошні час, патрабуюць абнаўлення і некаторых паняццяў культуры і традыцый. Доўгі час пад культурай меліся на ўвазе толькі вынікі дзейнасці людзей, а тыя спосабы і формы чалавечай дзейнасці, што не фіксаваліся ў выніках, не ўключаліся ў паняццёнае поле культуры і інтэрпрэтаваліся як быт ці побыт. Сёння такія падыходы ўжо не актуальныя. У сусветнай этналогіі і культуралогіі на першы план выходзіць універсальнае паняцце «тэхналогіі», якое ў жыцці і прагрэсе грамадства мае амаль невырашальнае значэнне. Таму паняцце побыту лепш уключыць у шырокае паняцце сацыяльнай культуры. Што тычыцца паняцця традыцыі, то яно замяняецца антыподам навацыі. Падобныя абмежаванні не ўлічваюць такую фундаментальную рысу існавання і эвалюцыі, як ўстойлівасць і пераемнасць. Толькі шырэй паглядзеўшы на традыцыю як на тое, што існуе заўсёды з намі і вакол нас, можна належным чынам заўважыць і ацаніць працэсы пераемнасці ў нашым жыцці.

Асноўная частка. Вышэйшая школа з'яўляецца працягам этнакультурнага навучання і выхавання пасля сярэдняй школы і дзіцячага садка, так званым непаруўным звязом. Педагогі павінны ўсебакова і глыбока вывучаць праблемы этнакультурнага развіцця і выхоўваць моладзь у адпаведнасці са зменамі не толькі сацыяльна-эканамічных умоў, але і з улікам спецыфікі жыцця, форм культуры і побыту, народных звычаяў і традыцый, нацыянальнага характару і менталітэту і шмат іншага.

Асноўнымі задачамі этнакультурнага навучання і выхавання з'яўляюцца фарміраванне матывацыі моладзі да самаразвіцця на аснове этнічнай культуры, стымуляванне і актывізацыя працэсу этнічнай ідэнтыфікацыі, спрыянне развіццю самабытнасці кожнага маладога чалавека праз арыентацыю на этнакультурныя каштоўнасці, фарміраванне духоўна-маральных па-

зіцый маладога пакалення на аснове гістарычна-традыцыйных ідэалаў і каштоўнасцей беларускага народа.

Безумоўна, нельга забывацца на тое, што фарміраванне этнічнай культуры асобы прадугледжвае таксама далучэнне да агульначалавечых дасягненняў сусветнай культуры. Вышэйшая школа мае магчымасць сінтэзаваць этнацыянальныя і агульначалавечыя каштоўнасці. Аднак, трымаючы накірунак на інтэграцыю ў сусветную культуру, мы не павінны страчваць сваю, адметную. Уздзеянне абедзвюх культур на фарміраванне асобы ўзаемазвязаны. Глыбокае вывучэнне агульначалавечай культуры дапамагае асэнсоўваць і лепш разумець асаблівасці культурнай спадчыны свайго народа, стымуляе развіццё этнічнай свядомасці. Аднак інтэграцыя ў сусветную культуру, разуменне вяршынь дасягненняў чалавечтва магчымы толькі пасля авалодання культурнай спадчыны свайго народа, свайго этнасу.

З гісторыі педагагічнай думкі вядома, што да этнакультурнага выхавання многія вучоныя адносіліся больш станоўча. Ідэя пабудовы нацыянальнай школы закладзена ў агульнавядомай канцэпцыі К. Д. Ушынскага аб народнасці выхавання. Шмат прапаноў па ўключэнні этнакультурнага кампанента ў выхаванне і навучанне былі ўнесены Ф. А. Дыстэрвегам, В. М. Сарокам-Расінскім і іншымі педагогамі. Даследчыкі-асветнікі XIX – пач. XX ст. падрыхтавалі грунт, грамадскае ўспрыманне, стварылі падмурак для выкарыстання народнай педагогікі ў працы школы. Іхнія ідэі атрымалі развіццё ў дзейнасці настаўнікаў па стварэнні беларускай народнай школы.

Выхаванне чалавека – вельмі складаны, разнастайны і супярэчлівы працэс. Этнакультурнае выхаванне – толькі адна яго частка. Невыпадкова мы звяртаемся да народнай педагогікі. Менавіта яна дазваляе выгадаваць фізічна загартаваных і духоўна багатых людзей, асноў-

нымі якасцямі якіх стануць працавітасць, дабрачыннасць, адказнасць. Сёння нацыянальная адукацыя базіруецца на метадах народнай педагогікі, на яе «маральным кодэксе».

Узнікае пытанне: а ці не прывядзе нацыянальная адукацыя да нацыянальнай самаізаляцыі, да раз'ядноўвання народаў? Адказ на гэта пытанне дае М. М. Рубінштэйн: «агульначалавечую ідэю мы можам спалучаць і выяўляць у школе на ўважлівым вывучэнні ўсяго роднага, народнага (але не толькі яго аднаго). Усё вывучэнне павінна быць насычана тэндэнцыяй – духам, каб кожны народ сваім быццём і па-свойму даў як мага больш не толькі сабе і сваім сынам, але і ўсяму чалавецтву і чалавечнасці» [1].

Неабходнасць ведання роднай мовы, народных звычаяў і традыцый, вывучэнне народнай педагогікі маюць вялікае значэнне для практыкі выхавання дзяцей і моладзі.

Родная мова з'яўляецца асноўным носьбітам духоўнай культуры народа, праз яе выяўляецца нацыянальная самасвядомасць. Цурацца роднай мовы – значыць страціць пачуццё нацыянальнай годнасці, той дух патрыятызму, які яшчэ захаваўся ў генах беларусаў ад нашых продкаў. В. Цяпінскі асуджаў тых адукаваных прадстаўнікоў беларускага народа, якія ганьбавалі роднай мовай і нават адракаліся ад яе. С. Будны, В. Цяпінскі настойліва прапагандавалі высокія літаратурныя вартасці беларускай мовы, бо ведалі, што родная мова – гэта аблічча нацыі. Яны глядзелі на некалькі стагоддзяў наперад, усвядоміўшы ролю роднай мовы ў яднанні суайчыннікаў, росквіце нацыі.

У Беларусі зараз дзяржаўнымі мовамі з'яўляюцца беларуская і руская. Моладзь павінна валодаць абедзвюма, аднак педагог павінен памятаць, што галоўнае адрозненне этнічных моў не столькі ў розных назвах адных і тых жа прадметаў ці з'яў, а ў розным іх бачанні. Дзякуючы мове народ пакідае ў спадчыну нашчадкам свой светапогляд, свае ідэалы, каштоўнасці, сваё бачанне жыцця. Мова згуртоўвае этнічныя супольнасці, матэрыялізуе гістарычную памяць. У. У. Протчанка адзначаў, што «трэба браць да ўвагі не толькі багацце і разнастайнасць лексікі, але і структуру, не толькі знешнія формы выражэння сэнсу, але і сам сэнс. Трэба лічыцца з найгалоўнай асаблівасцю: менавіта ў структуры кожнай нацыянальнай мовы ўвасабляюцца сляды думак бацькоў, дзядоў, прадзедаў і прашчुरаў, іх жыццёвая псіхалогія і філасофія» [2].

Этнакультурныя звычаі, традыцыі, абрады ўплываюць на развіццё і фарміраванне чалавека кожнага новага пакалення і выконваюць вядучую ролю ў выпрацоўцы светапогляду, вызначаюць паводзіны ў штодзённым жыцці. Асаблі-

вае значэнне маюць звычаі і традыцыі, звязаныя з сямейным і працоўным жыццём чалавека. Менавіта перадаючыся па спадчыне з пакалення ў пакаленне ў беларусаў зацвердзіліся такія маральныя каштоўнасці, як гуманізм, калектывізм, культ маці, культ працы, культ сям'і, талерантнасць, дабрачыннасць, пачуццё абавязку і інш. Сёння высока ставіцца роля традыцыйнай беларускай сям'і як асновы і крыніцы развіцця педагогічных ідэй, якая назапашвала традыцыі педагогічнай культуры народа на працягу многіх стагоддзяў. Сям'я – асноўны інстытут, дзе фарміруюцца грамадзянска-патрыятычныя пачуцці і свядомасць будучага грамадзяніна, таму першаснасць і працягласць кантакту бацькоў з дзецьмі ператвараюць сям'ю ў вядучы выхаваўчы орган. Менавіта ў сям'і ўзнікае цікавасць да культуры, мовы, гісторыі сваёй краіны, да яе традыцый і звычаяў, пачынае фарміравацца грамадская і палітычная актыўнасць маладой асобы. У сувязі з гэтым дзяржаўныя органы павінны клапаціцца пра лёс сям'і, аказваць ёй падтрымку. У сваю чаргу сувязь сям'і, навучальнай установы і соцыуму, будзе мець станоўчы вынік ў выхаванні.

Важную ролю ў фарміраванні этнічнай культуры адыгрывае патрыятычнае выхаванне, якое пачынаецца з ранніх этапаў жыцця чалавецтва, з паняцця «малая радзіма». Паняцце «вялікая радзіма» ўспрымаецца пазней як дзяржава, як грамадства, дзе чалавек жыве, і як культура, у якую ён інтэграваўся. Сюды ж далучаюцца паняцці грамадзянская пазіцыя, абарона нацыянальных інтарэсаў. У аснове патрыятызму – выхаванне любові да маці, да роднага краю. Пазней развіваецца пачуццё гонару за сваю Радзіму і свой народ, фарміруюцца патрыятычныя перакананні і пачуцці праз справы і ўчынкі.

Вядомы беларускі асветнік В. Цяпінскі адзначаў, што нацыянальна-патрыятычнае выхаванне з'яўляецца сродкам захавання духоўнай спадчыны народа і заклікаў да адраджэння яго славы і нацыянальнай годнасці. Патрыятычныя пачуцці ў час зніжэння нацыянальнай духоўнасці сярод беларускага насельніцтва выражаліся пераважна ў пачуццях прывязанасці людзей да роднага краю. Як вядома, такі мясцовы патрыятызм стаў галоўным захавальнікам нацыянальнай свядомасці беларускага народа. Народная песня, казка, прыказка, паданне, якія адлюстроўвалі рэаліі нацыянальнага быцця простага беларуса, нараджаліся несвядома ў глыбіні народнай душы, будзілі гераізм і старажытнае пачуццё любові да роднай зямлі. Творы вуснай народнай творчасці перадаваліся ад бацькоў да дзяцей, з'яўляліся лепшым метадам выхавання нацыянальнага пачуцця і забяспечвалі яму шлях высокамастацкага раз-

віцця. Менавіта фальклор стаў крыніцай культурнай дзейнасці беларускіх асветнікаў XIX і пачатку XX ст. Беларуская літаратура гэтага часу фарміравалася ў сістэме духоўных і гістарычных каштоўнасцей, створаных геніем народа-працаўніка. Грамадзянскае і патрыятычнае выхаванне павінна ажыццяўляцца праз узаемадзейне устаноў адукацыі, сям'і і соцыуму, што дазволіць сфарміраваць у моладзі ўстойлівыя ўяўленні аб міры, грамадстве, дзяржаве, аб сваёй краіне і яе культуры.

Правільна арганізаваны працэс патрыятычнага выхавання фарміруе ў моладзі пачуццё інтэрнацыяналізму, грамадзянскасці, гуманізму.

Выкладчыкі павінны выхоўваць моладзь сацыяльна актыўнымі, адказнымі грамадзянамі, патрыётамі, якія будуць валодаць сістэмай агульначалавечых і нацыянальных каштоўнасцей і ідэалаў.

Як паказвае гістарычная практыка, пытанні выхавання моладзі ў духу любові і адданасці Бацькаўшчыне, вернасці грамадзянскім ідэалам хвалявалі грамадскасць і педагогаў яшчэ ў старажытнасці. У сярэднія вякі далучэнне простых грамадзян да нацыянальнай культуры, традыцый продкаў стала кансалідуючым сродкам беларускай нацыі і фактарам захавання яе духоўнай спадчыны.

Састаўной часткай традыцыйна-бытавой культуры народа застаюцца абрады, якія зарадзіліся ў першабытным грамадстве, калі людзі імкнуліся заклінаннямі ўздзейнічаць на незразумелыя з'явы прыроды. Абрады былі звязаны з гаспадарчай дзейнасцю, бытавымі ўмовамі, грамадскімі адносінамі і падзяляліся на калян-дарна-вытворчыя (земляробчыя, паляўнічыя, жывёлагадоўчыя, рыбалоўныя), сямейна-бытавыя (вясельныя, радзільныя, пахавальныя), грамадскія і царкоўныя. Старажытная абраднасць ляжыць у аснове калядавання, масленіцы, шчадравання, абрадаў купальскай ночы і інш. Многія абрады звязаны з культукам продкаў (дзяды, радаўніца). Абрады ў аснове сваёй захоўваюць народную спецыфіку і нацыянальны каларыт, ўтрымліваюць у сабе элементы песеннага, харэаграфічнага, драматычнага, дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва. З імі звязана сялянска-абрадавая паэзія, фальклор.

У наш час абрады страцілі сваё першапачатковае значэнне, зменшылася ў іх роля рэлігійных элементаў. Хоць абрады і перайшлі ў разрад гульніў, святочных забаў, аддаць іх на забыццё будзе вялікая страта.

«Адным з істотных недахопаў сучаснай арганізацыі этнакультурна арыентаванай адукацыі з'яўляецца пабудова яе на асобных фрагментах народнай культуры», таму нельга сфарміраваць цэласнае ўяўленне аб этнічнай культуры.

Пры распрацоўцы сістэмы этнакультурнага навучання і выхавання неабходна выкарыстоўваць навішчыя педагогічныя тэорыі і метадыкі, якія прадугледжваюць актыўнае ўключэнне этнакультурных каштоўнасцей у адукацыйны працэс.

Так, асобнае месца на кафедры беларускай мовы БДТУ адведзена распрацоўцы праектаў («Этнакультурнае выхаванне», «Мова зямлі» і інш.) і ўкараненню іх ў вучэбны працэс. Непасрэдна ў вучэбны працэс уключаны 25 тэм («Этнаграфія Беларусі», «Фальклор як скарбніца этнічнай культуры беларусаў», «Святы і абрады беларусаў» і інш.) для рэферыравання і прэзентацыі ў групах. Студэнтамі складаюцца радаводны, распрацоўваюцца творчыя і навуковыя працы на мясцовым матэрыяле («Палескае вяселле», «Фальклор Чэрвеньшчыны», «Легенды і паданні Наваградчыны», «Тапаніміка Пухаўшчыны» і падобныя), даследуецца гістарычны лёс беларускага народа, яго традыцыі, звычаі, абрады. У пазавучэбную дзейнасць уключана праца гурткаў «Спадчына», «Памяць», «Пазнай свой край», «Крыніца», «Мая радзіма Беларусь». На кафедры распрацаваны матэрыялы конкурсаў па адпаведнай тэматыцы, праводзяцца музейныя заняткі, экскурсіі ў многія гарады і славутыя мясціны Беларусі, наладжваюцца выставы творчых прац і вырабаў з прыроднага матэрыялу, вышыўка, вязанне, разьба па дрэве і інш.

Заклучэнне. Народныя традыцыі і звычаі выхавання – значная частка этнакультурнай спадчыны любых народаў. Захоўваць, вывучаць і перадаваць іх нашчадкаў – умова жывучасці этнасу і яго самабытнай культуры.

Неабходна даводзіць моладзі, што жыццё павінна будавацца па законах ісціны, дабра і прыгажосці. Варта адзначыць, што толькі той чалавек, які прыняў у аснову ўласнай жыццёвай пазіцыі маральныя каштоўнасці свайго народа, зможа накіраваць сваю дзейнасць на натхнёную творчасць ў імя і на карысць гэтага народа.

Народная педагогічная сістэма любога этнасу – вынік працяглага па часе працэсу ўзаемадзейнення выхавальнікаў і выхаванцаў, працэсу, які не з'яўляецца вывучаным і закончаным.

Літаратура

1. Рубинштейн, М. М. Очерки педагогической психологии. – 3-е изд., перераб. и доп. / М. М. Рубинштейн. – М.: Задруга, 1920.
2. Протченко, В. В. Родное слово – источник развития личности, духовности народа / В. В. Протченко // Адукацыя і выхаванне. – № 12. – 1994.
3. Болбас, В. С. Мадэль этнакультурнага выхавання / В. С. Болбас // Народная асвета. – 2010. – № 1. – С. 76.

Паступіла 30.05.2011

УДК 37.018.12

Т. У. Жукоўская, выкладчык (БДТУ)

**ПЕДАГАГІЧНАЯ КУЛЬТУРА БАЦЬКОЎ
ЯК ЧАСТКА АГУЛЬНАЙ КУЛЬТУРЫ ЧАЛАВЕКА**

У прапануемай публікацыі на аснове аналізу існуючых у навуцы падыходаў удакладняецца паняцце «педагагічная культура бацькоў». Вызначаны і ахарактарызаваны яе структурныя кампаненты і ўзроўні сфарміраванасці.

Адным з тактычных падыходаў у вырашэнні супярэчнасцей паміж узроўнем адукаванасці бацькоў, якая значна ўзрастае ў апошні перыяд, і невысокім узроўнем іх кампетэнтнасці ў разуменні мэты, задач, зместу і метадаў сямейнага выхавання можа стаць выкарыстанне актыўных метадаў у працэсе фарміравання педагагічнай культуры бацькоў.

In this article we specify the notion «pedagogical culture of parents» on basis of the analysis of the existed approaches in science, we also define and characterize its structural components and levels of formation.

One of the tactical approaches in solving the contradiction between the increased level of parents' scholarship and the low level of their competence in understanding the goals, tasks, meaning and methods of family upbringing, may become the usage of active methods in the process of forming the parents' pedagogical culture.

Уводзіны. У апошнія гады эканамічная і палітычная сітуацыя ў грамадстве даволі рэзка змянілася і гэты істотным чынам паўплывала на функцыі сям'і як сацыяльнага інстытута. Сямейныя адносіны перажываюць крызіс. Адукацыйныя магчымасці, якія ўзрастаюць таксама ў апошні час, не садзейнічаюць павышэнню кампетэнтнасці бацькоў у пытаннях выхавання. Мы ўсё часцей назіраем у студэнцкай моладзі бескультур'е, хамства, цынiзм, аб'якаваць, брыдкаслоўе і іншыя негатыўныя з'явы. Усім вядома, што аснова выхавання, культура паводзін маладога чалавека заўсёды закладвалася ў сям'і, залежылі ад культуры бацькоў. Таму сучасныя сацыякультурныя ўмовы дыктуюць неабходнасць па-новаму асэнсаваць праблему культуры бацькоў.

Старажытнейшы выхаваўчы інстытут, сям'я, на працягу многіх стагоддзяў быў адзінай формай падрыхтоўкі маладых людзей да жыцця і працы. І сёння вядучая роля сям'і ў выхаванні моладзі прызнана сусветным грамадствам, зафіксавана ў шэрагу міжнародных дакументаў, у тым ліку ў Канвенцыі па правах дзіцяці. Сям'я разглядаецца як першы і ў ідэале апошні рубж аховы дзяцей [1].

Асноўная частка. Ва ўмовах эканамічнага і палітычнага рэфармавання грамадства адбылася пераацэнка культурных і сацыяльных каштоўнасцей, норм і адносін. Усё гэта не магло не закрануць сям'ю як сацыяльны і выхаваўчы інстытут. Сям'я сутыкнулася з новымі праблемамі: супярэчнасць паміж маладзёжнай субкультурай і каштоўнасцямі «дарослай» культуры; барацьба бацькоў за «выжыванне» і абумоўленыя гэтым бескантрольнасць і ўсёдазволенасць дзяцей; даступнасць для непаўналетніх алкаголю, наркотыкаў, тытунёвых вырабаў, азартных

гульняў і г. д.; пагаршэнне псіхалагічнага стану падлеткаў (неўрозы, юнацкі суіцыд і спробы да яго, комплексы непаўнаважнасці); рост агульнаадукацыйнага ўзроўню бацькоў і адначасова нізкі ўзровень педагагічнай культуры; зніжэнне аўтарытэту навучальных устаноў. У выніку многія сучасныя бацькі аказаліся не гатовымі да выканання сваёй асноўнай функцыі – выхаваўчай. У гэтым сэнсе выключна важнае значэнне мае авалоданне бацькамі спецыфічнымі ведамі і навыкамі выхавання, што многія навукоўцы трактуюць як **педагагічная культура** [2].

Немагчыма вызначыць сутнасць паняцця «педагагічная культура бацькоў» без разгляду тэрміна «культура». Культура – з'ява складаная, таму ёй аддаюць шмат увагі шэраг навук: філасофія, сацыялогія, культуралогія, эстэтыка і г. д. Па звестках ЮНЕСКА, існуе звыш 600 розных азначэнняў таго, што можна назваць культурай.

Слова культура (*cultura*) лацінскага паходжання, што ў першапачатковым значэнні – апрацоўка і догляд зямлі, каб зрабіць яе прыгоднай для задавальнення чалавечых патрэб [3]. Калі ж чалавек пачаў выдзяляць сябе з прыроды, да яго прыйшло разуменне значнасці ўласнай актыўнасці, арыентаванай не толькі на вытворчасць матэрыяльных каштоўнасцей, але і духоўных, на ўдасканаленне яго здольнасцей, абгацэнне яго духоўнасці [4].

У слоўніку «Семейное воспитание» педагагічная культура бацькоў разглядаецца як «составная часть общей культуры человека, в которой воплощен накопленный человечеством опыт воспитания детей в семье и которая служит основой собственно педагогической деятельности отца и матери, помогает им избегать традиционных ошибок в семейном воспитании»

и находят верные решения в нестандартных ситуациях» [1].

Прадстаўнікі педагагічнай навукі пры вучэнні педагагічнай культуры як спецыфічнай асаблівасці бацькоў тракуюць гэта наступным чынам: І. В. Грабеннікаў разглядае дадзенае паняцце як педагагічную культурнасьць бацькоў, г. зн. «совокупность уровней педагогической подготовленности и развития определенных качеств отцов и матерей, отражающихся в процессе деятельности по семейному и общественному воспитанию» [5]; В. В. Чэчэт лічыць, што гэта не толькі педагагічная падрыхтаванасць, але і «зрелость родителей как воспитателей, которая дает реальные положительные результаты в процессе семейного и общественного воспитания детей, опыт воспитания детей в семье, приобретенный разными категориями родителей непосредственно в своей стране, других странах, а также взятый из народной семейной педагогики» [6]. Як уменне аналізаваць, планаваць, арганізоўваць выхваўчую дзейнасць, ствараць пэўны стыль і тон адносін разглядае дадзенае паняцце Л. І. Малянова [7]. Навуковец Т. А. Кулікова педагагічную культуру азначае як «компонент общей культуры человека, в котором находит отражение накопленный предыдущими поколениями и непрерывно обогащающийся опыт воспитания детей в семье» [5].

Навукоўцы лічаць, што крытэрыямі сфарміраванасці педагагічнай культуры бацькоў з'яўляюцца: усведамленне мэт і задач выхавання дзяцей у сям'і; усведамленне ролі педагагічных, псіхалагічных, медыцынскіх, прававых ведаў у выхаванні; назапашванне ведаў і вопыту выхавання дзяцей у сям'і; усведамленне ролі спрыяльнага сямейнага маральна-псіхалагічнага клімату ў выхаванні дзяцей; факт рэфлексіі. Педагагічная культура бацькоў мае складаную структуру і ўяўляе сабой адзінства матывацыйнага (аўтарытэтнасць, нацэленасць), інтэлектуальнага (педагагічная эрудыцыя, прагназаванне), эмацыяна-валявога (настойлівасць, цяргпенне, прынцыповасць, самавалоданне), дзейсна-практычнага (педагагічная самаадукацыя, кансультаванне), экзістэнцыяльнага (экзістэнцыя – унутранае быццё чалавека, яго непаўторнасць, індывідуальнасць) (самаацэнка, самааналіз, самавыхаванне) кампанентаў.

Існуюць розныя ўзроўні сфарміраванасці педагагічнай культуры бацькоў. Паказчыкамі высокага ўзроўню з'яўляюцца: імкненне авалодаць вопытам выхавання дзяцей у сям'і; нацэленасць на дасягненне станоўчых вынікаў выхавання; імкненне заяваць станоўчы бацькоўскі аўтарытэт; жаданне быць добрым бацькам, маці, прыкладам для ўласнага дзіцяці; веданне

асноў педагогікі, псіхалогіі, фізіялогіі, медыцыны; веданне ўзроставых і індывідуальных асаблівасцей дзіцяці; перажыванне разам з дзіцяці яго праблем, няўдач, радасцей, дасягненняў; уменне валодаць сабой ва ўзаемаадносінах з дзіцяці; настойлівасць, цяргпенне ў дасягненні мэт выхавання; сувязь з выхавальнікамі, настаўнікамі, выкладчыкамі, псіхалагамі; уменне знаходзіць кампраміс і г. д.

Сярэдні ўзровень характарызуецца невысокай зацікаўленасцю навінамі ў галіне выхавання і адукацыі, усведамленнем мэт і задач выхавання без уліку ўзроставых і індывідуальных асаблівасцей дзіцяці, аднастайнасцю метадаў і сродкаў выхавання, адмаўленнем вопыту выхавання папярэдніх пакаленняў, недастатковым узаемадзеяннем з вучэбна-выхаваўчымі ўстановамі.

Бацькі з нізкім ўзроўнем педагагічнай культуры не маюць дастатковых ведаў па педагогіцы і псіхалогіі, не толькі усведамляюць мэт і задач выхавання, у спрэчных педагагічных сітуацыях не могуць знайсці кампраміс, у адмоўных выніках выхавання бачаць віну толькі вучэбна-выхаваўчых устаноў, сродкаў масавай інфармацыі, не ўмеюць упраўляць сваім эмацыяна-псіхалагічным станам, пастаянна канфлікуюць з дзецьмі. У выніку ўсё гэта прыводзіць да выхваўчых памылак.

Думаецца, што ў сучасных умовах, калі значна ўзрос адукацыйны ўзровень бацькоў, неабходна як мага больш ствараць умоў для рэалізацыі патрэб бацькоў у іх самаразвіцці і самаадукацыі. Кантакт педагогаў, псіхалагаў з бацькамі павінен насіць не толькі інфармацыйны характар, а мець актыўнае ўзаемадзеянне з выкарыстаннем разнастайных метадаў праблемнага і развіваючага навучання і выхавання. Актыўныя метады забяспечаць актывізацыю разумовай дзейнасці бацькоў, пастаяннае іх далучэнне да працэсу ўзаемадзеяння школы, інстытута, універсітэта і сям'і; павышаную ступень матывацыі; высокі эмацыяны ўзровень, рэфлексіўную актыўнасць.

Асноўны прынцып эфектыўнага педагагічнага сродку зносін – гэта прынцып «не нашкодзь». У медыцынскай практыцы ёсць паняцце «ястрагенія» [8]. Так называюць неспрыяльныя змены ў псіхіцы пацыента, якія выкліканы памылкамі ўрача падчас зносін з хворым: як сказаў, што сказаў, якім тонам, як паглядзеў. У педагагічнай практыцы таксама ёсць такое ж паняцце – «дыдактагенія» [8]. Гэта негатыўны псіхічны стан навучэнца, які выкліканы парушэннем педагагічнага такту з боку выхавальніка (настаўніка, выкладчыка, трэнера, бацькоў). Вокрык, пагроза, абраза, запужванне з боку выкладчыка, выхавальніка, бацькі фарміруе ў

маладога чалавека павышаную эмацыйна-асобасную залежнасць, недахоп самастойнасці, няўпэненасць ў сабе, нерашучасць, пачуццё пастаяннай незадаволенасці, упартасць. З другога боку, паблажлівасць, усёдаравальны стыль у выхаванні і навучальным працэсе таксама недапушчальны, бо перашкаджае дзіцяці, навучэнцу выпрацоўваць пачуццё самакантролю і стварае неспрыяльныя ўмовы для засваення ведаў. У асяродку бацькоў, настаўнікаў распаўсюджана памылковая думка, што чым больш паблажліва яны адносяцца да маладога чалавека, тым спрыяльней выглядаюць у яго вачах. Але, як ні дзіўна, дзецім, навучэнцам больш падабаецца ўмераная строгасць, бо паблажлівасць яны разцэньваюць як прыкмету слабасці, бесхарактарнасці. Таму бацькі, выкладчыкі павінны ўмець спалучаць строгасць і патрабавальнасць з добраахвотнасцю і адносінамі да дзяцей, навучэнцаў.

Немалаважным фактарам, які неабходна ўлічваць кожнаму выхавальніку, з'яўляецца ўзаемадзеянне дзіцяці, падлетка з сацыяльным асяродкам. Гэты кантакт носіць складаны і ў многім канфліктны характар. Вядома, што для падлетка кантакт з аднагодкамі з'яўляецца найбольш значным. Разам з тым гэтыя суадносіны і найбольш канфліктагенныя. Сваркі з ровеснікамі, непрыманне з іх боку парушае душэўную раўнавагу падлетка. А калі яшчэ сітуацыя ўзмацняецца канфліктам з бацькамі, якія не разумеюць прычын рэзкасці, раздражняльнасці, грубасці ў паводзінах сына ці дачкі, то ў падлетка можа ўзнікнуць пачуццё заганасці, жыццёвага тупіка. Таму вельмі важна бацькам умець дакладна і своєчасова рэагаваць на крытычныя жыццёвыя сітуацыі. Трэба зазначыць, што адным з асноўных правіл паспяховай педагогічнай зносін з'яўляецца: «Гаварыць пра сітуацыі, а не пра асобу і яе характар». Яно спраўджаецца пры любых непаразумеаннях, якія ўзнікаюць паміж бацькамі і маладым чалавекам. Прыклад: навучэнец разліў фарбы. Звяртаючыся да сітуацыі, настаўнік скажа: «Я бачу, хтосьці разліў фарбу. Нам патрэбна вада і ануча», а звяртаючыся да характару дзіцяці: «Ты такі нехлямяжны. Чаму ты такі нядбалы?»

Немалаважным фактарам узаемаадносін бацькоў і дзяцей з'яўляецца небяспека пахвалы. Уплыў пахвалы будзе дабратворным, калі бацькі ацэньваюць намаганні і дасягненні дзіцяці, а не яго характар. Прадуктыўная пахвала павінна грунтавацца на рэалістычным, аб'ектыўным апісанні дзеянняў дзіцяці. Трэба адзначыць, што пахвала не павінна ўтрымліваць па-

раўнання поспехаў, вынікаў або асобасных якасцей дзіцяці з дасягненнямі ровеснікаў. Пахвала-параўнанне не спрыяе фарміраванню пачуцця самаацэнкі, самаўспрымання асобы, стварае ўмовы для фарміравання ў яе негатыўнай устаноўкі і зайздрасці ў адносінах да больш удачлівага ровесніка.

Эфектыўнасць педагогічных намаганняў бацькоў будзе толькі ўзрастаць, калі яны пастаянна будуць падкрэсліваць сваю павагу да дзяцей. Прытрымліванне правіла ветлівасці дазволіць бацькам у любой сітуацыі заставацца на даволі высокім узроўні культуры і падымаць да яго маладых людзей.

Заклучэнне. Такім чынам мы разглядаем педагогічную культуру бацькоў як частку агульнай культуры чалавека, якая ўключае вопыт выхавання дзяцей, падлеткаў у сям'і, назапашаны папярэднім пакаленнем, спецыяльна набытыя псіхалага-педагогічныя веды і ўменні, якія свядома прымяняюцца ў працэсе сямейнага і грамадскага выхавання падростаючага пакалення, а таксама працэс пастаяннага самаўдасканалення як асобы і выхавальніка.

Літаратура

1. Семейное воспитание: краткий словарь / сост. И. В. Гребенников, Л. В. Ковинько. – М.: Политиздат, 1990. – С. 121, 179.
2. Гребенников, И. В. Повышение педагогической культуры родителей как основа совершенствования семейного воспитания школьников: учеб. пособие / И. В. Гребенников. – М.: Просвещение, 1991. – С. 10, 16.
3. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 229.
4. Роль культуры в формировании личности / Е. М. Бабосов [и др.]; науч. ред. Е. М. Бабосов. – Минск: Наука и техника, 1980. – С. 192.
5. Куликова, Т. А. Семейная педагогика и домашнее воспитание: учебник / Т. А. Куликова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2000. – С. 170.
6. Четет, В. В. Педагогика семейного воспитания: учеб. пособие / В. В. Четет. – Мозырь: ООО ИД «Белый Ветер», 2003. – С. 214.
7. Маленкова, Л. И. Теория и методика воспитания: учеб. пособие / Л. И. Маленкова. – М.: Педагогическое общество России, 2002. – С. 182.
8. Булыка, А. М. Слоўнік іншамойных слоў: у 2 т. / А. М. Булыка. – Мінск: БелЭн, 1999. – Т. 1: А–Л. – С. 434; Т. 2: М–Я. – С. 735.

Паступіла 30.05.2011

УДК 371.3

Н. Е. Савицкая, старший преподаватель (БГТУ)

**РОЛЬ И МЕСТО БЕЛОРУССКОГО КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА
ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

В статье рассматривается обучение иностранных учащихся русскому языку как иностранному в условиях белорусского социума. Обращается внимание на определение оптимального объема страноведческих, социокультурных и этнокультурных знаний, на выявление культурного минимума на разных этапах обучения. Приводятся примеры литературных источников, необходимых для освоения белорусской культуры, называются дидактические приемы, обеспечивающие формирование этнокультурной компетенции, включение инофонов в межкультурное взаимодействие.

The article considers the teaching of Russian as a foreign language in Belarusian Social medium. The author pays attention to the volume of cross cultural, sociocultural and ethnocultural knowledge, to the revealing of cultural minimum at different levels of training. The article gives the examples of literature sources which are necessary for mastering of Belarusian culture. Didactic methods providing ethnocultural competence are named.

Введение. Иностранные учащиеся, изучая русский язык, находятся в условиях белорусского социума. Этот социум является средой соприкосновения и взаимопроникновения двух культур – русской и белорусской. Условия билингвальной среды приводят к необходимости усиления культуроведческого аспекта в содержании обучения русскому языку, т. е. приобщения слушателей подготовительного отделения, курсов, студентов, магистрантов и аспирантов как к культуре страны изучаемого языка – России, так и к культуре страны пребывания – Республики Беларусь. Поэтому при обучении иностранных учащихся русскому языку в условиях национальной республики решается проблема гармоничного сочетания между русской и белорусской культурой и национальной культурой учащегося. Лингвокультурологическое взаимодействие в процессе обучения диктует потребность представления оптимального объема страноведческих, социокультурных и этнокультурных знаний, ставит проблемы выявления культурного минимума на разных этапах обучения иностранных граждан, единиц представления культуроведческого материала.

Основная часть. Язык каждого народа представляет собой живой организм, неразрывно связанный с историей, культурой и социальной жизнью данного народа. В нем встречаются слова, в которых отражается связь языка и культуры, – культурный компонент семантики языковой единицы. К таким словам, прежде всего, относятся слова-реалии. Реалии – это слова, которые называют предметы и понятия быта, культуры, исторической эпохи, социального строя, т. е. специфические особенности одного народа, отличие его от других народов. Поэтому изучение социокультурного фона и лексики, отражающей его, представляется необходимым в целях более полного и глубокого понимания оригинала и воспроизведения сведений

об этих ценностях в переводе с помощью языка другой (третьей) национальной культуры.

Следует отметить, что находясь в новом для себя социуме, иностранные учащиеся знакомятся со средой обитания, активно осваивают этот новый для них социум. Причем способов освоения несколько. Во-первых, через русскую речь приходят реалии белорусской культуры в русском звучании посредством текстов страноведческого характера на занятиях русского языка как иностранного (РКИ), через общение в университете, в общежитии, в магазине, на рынке, на выставке и т. д. Во-вторых, это освоение белорусской лексики на белорусском языке, которую инофоны воспринимают как в устной, так и в письменной форме. Пользуясь общественным транспортом, учащиеся слышат объявления дикторов: «Асцярожна, дзверы зачыняюцца», «Наступны прыпынак – “Тэхналагічны ўніверсітэт”», «Наступная станцыя – “Плошча Якуба Коласа”», «Канцавы прыпынак», «Поезд далей не ідзе» и т. д.

Гуляя по городу, инофоны читают названия улиц, остановок, магазинов, кафе, ресторанов, гостиниц, предприятий; посещая магазины, они покупают продукцию белорусских предприятий и читают названия продуктов: печенья, хлебобулочных изделий, напитков, блюд белорусской национальной кухни (пячэнне «Слодыч», піва «Аліварыя»; хлеб «Нарачанскі», «Матуліна пяшчота», «Стары млын», «Водар», «Старажоўскі»; дранікі, мачанка) и т. д. Причем, освоив реалии белорусского социума, инофоны активно внедряют их в русскую речь, обычно не акцентируя внимания на том, что это компоненты не русской, а белорусской культуры. Для них важнее то, что они знают, что это такое, где это находится, как это называется. Для них важно, что они соотнесли новые реалии с культурой своего родного языка, т. е. состоялся факт вхождения в социум, произошла межкультурная коммуникация.

Еще более актуализируется эта проблема при обучении студентов и магистрантов, специальность которых связана с туристической деятельностью. Для этих групп учащихся тексты культурологического характера являются одними из базовых и требуют углубленного изучения белорусских реалий и артефактов.

Специфика обучения иностранцев русскому языку в условиях белорусской этнокультурной среды вызывает необходимость приобретения ими социокультурных знаний о белорусской лингвокультурной общности. Поэтому на всех этапах обучения русскому языку как иностранному содержанием лингвокультурологического аспекта являются системы национально-культурных ценностей русского и белорусского народов, историко-культуроведческий материал, раскрывающий специфику культур как русского, так и белорусского социумов.

Целями обучения являются общеобразовательная, развивающая, воспитательная и, конечно, лингвострановедческая, предполагающая формирование у учащихся интереса к культуре и народу страны пребывания, знакомство с достопримечательностями Минска и Беларуси, приобщение к культурному и историческому наследию.

С целью представления белорусской культуры создаются учебники, учебные пособия и лингвострановедческие словари. Так, в Белорусском государственном технологическом университете изданы такие учебные пособия, как:

1. «Знакомьтесь, Беларусь» (авторы Г. В. Козловская, Т. А. Козлякова, 2008 г.), где представлены страноведческие тексты с предтекстовыми и послетекстовыми заданиями, предназначенные для слушателей подготовительного отделения, магистрантов, аспирантов и студентов I курса.

2. «Русский язык. Обучение конспектированию, реферированию, аннотированию» (авторы Т. А. Козлякова, Н. Е. Савицкая, 2009 г.), в котором содержатся тексты и материалы, связанные с современной наукой и глобальными проблемами человечества, где значительное место занимают тексты белорусской направленности. Пособие предназначено для студентов, магистрантов и аспирантов.

3. «Русский язык. Письмо. Аудирование. Чтение» – учебное пособие для подготовительного отделения (авторы Р. В. Миксюк, Т. А. Козлякова, Т. В. Жуковская, 2010 г.), основу которого составляют тексты белорусской направленности.

Кроме того, в преподавании РКИ в условиях национальной языковой среды может использоваться лингвокультурологический комплекс «Беларусь» под редакцией А. Н. Чумак,

изданный в БГУ в 2008 г. [1]. Основу комплекса составляет билингвальный лингвострановедческий словарь национальных реалий Беларуси (около 100 ключевых единиц), что играет важную роль в формировании этнокультурного содержания речевой коммуникации инофона и позволяет включиться в различные сферы коммуникативной и познавательной деятельности во время пребывания в Республике Беларусь, а также использовать полученные знания в будущей специальности.

Ориентация на белорусскую культуру посредством русского языка задает некоторый параллелизм в презентации материала: на белорусском и русском языках рассматриваются те лексические единицы, которые требуют перевода на русский язык. Безэквивалентная лексика вводится списком в белорусском и русском правописании с обязательным лингвострановедческим комментарием. Восприятие семантики предлагаемых лексических единиц, а затем и текстов, раскрывающих содержание соответствующих сторон жизни, истории, культуры белорусов, дает возможность частично познакомиться с белорусским языком и приобщиться к белорусской культуре.

Культуроведческий материал может быть представлен через прецедентные (классические) тексты в переводе на русский язык (произведения Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича, Василя Быкова, Владимира Короткевича и др.), через аутентичные тексты (о традициях и народных праздниках, о персоналиях и др.) или через высказывания как единицы обучения: фразеологизмы, пословицы и поговорки; афоризмы; заглавия, образы и символы классических текстов белорусской культуры и др., т. е. через лингвокультуры.

В качестве текстов по специальности для изучающих туризм может использоваться рекламная продукция турагентств, которую можно приобрести в туристско-информационном центре УП «Национальное агентство по туризму». В этих изданиях представлены 15 тысяч объектов, имеющих культурную, историческую и архитектурную ценность, а сами объекты расположены в 27 туристических зонах страны.

Кроме того, возможно использование ресурсов Интернет с учетом профиля и этапа обучения, а также степени достоверности.

Рассмотрим в качестве примера насыщенности лингвокультуристическими реалиями текст «Туризм, спорт, активный отдых», который изучался магистрантами второго года обучения.

В нем были выделены объекты, требующие лингвокультурологического комментария. В основном, это слова и выражения, являющиеся

предметом описания в лингвострановедении, включая безэквивалентную лексику. В четырехстраничном тексте выделено свыше 40 лингвокультурем. Это, в первую очередь, ономастическая лексика, содержащая топонимы (айконимы: Минск, Брест, Витебск, Вильнюс, Гродно, Гомель, Могилев, экомузей «Дудutki», экотуристическая деревня «Березовка» в Лепельском районе, агротуристические усадьбы «Хорень» в Клястицах, «Кролова хата» в деревне Заборы Россонского района, Лошицкий усадебно-парковый комплекс в Минске; гидронимы: озеро Нарочь, река Виля, каналы – Агинского, Августовский, Днепро-Бугский; Березинская водная система и др.) [2].

В тексте преимущественно рассматривается развитие эко- и агротуризма в Беларуси, поэтому велико присутствие названий географических объектов. Среди них мировой бренд – Национальный парк «Беловежская пуца», национальные парки «Припятский», «Браславские озера», Березинский биосферный заповедник; историзмы – ВКЛ, князь и др. В тексте присутствуют словосочетания «зеленые маршруты», «панская» усадьба, «легкие Европы», «символ звездности отеля – петух» и др. Наличие в тексте значительного количества лингвокультурем предполагает разработку предтекстовых заданий, направленных на снятие трудностей перед чтением текста, и послетекстовых заданий проверочного характера.

Освоение культурного пласта белорусских реалий формирует социокультурную и профессиональную компетенцию учащихся, обогащает предметную основу общения, способствует осознанию и пониманию культуры белорусского народа.

Формирование социокультурной и межкультурной компетенции, предполагающей понимание национального менталитета, умение выявлять специфику коммуникативных моделей поведения, способность понимать и уважать ценностные доминанты представителей других культур и лингвокультурных общностей – одна из целей обучения в вузе. Достижение ее обеспечивается включением иностранных учащихся в межкультурное взаимодействие в процессе изучения РКИ с помощью различных дидактических приемов:

– анализа речевой коммуникации (как корректной, так и некорректной) в рамках темы с точки зрения белорусского и русского языков;

– анализа текстов с целью выявления социокультурных стереотипов. При этом одновременно проводятся сопоставления коммуникативных моделей, типичных для белорусской, русской и национальной культур, учитываются привычки, обычаи, формы поведения и др., от-

личающиеся от привычной коммуникативной ситуации;

– раскрытия содержания и смысла русскоязычных текстов о белорусской культуре с учетом специфики белорусской и национальной культур. Такая интерпретация помогает выявить особенности национальных характеров народов, способствует объективной оценке представителей других культур;

– участия учащихся в разнообразных творческих проектах. Особенно продуктивны проекты, включающие ролевую и информационную деятельность и в то же время не исключают исследовательскую, поисковую и творческую работу. Проект может представлять как индивидуальную работу под руководством преподавателя, так и парную или групповую форму. Представляя проекты, учащиеся могут продемонстрировать глубокие знания и высокую степень творчества. Возможностью для активизации творческих и рефлексивных особенностей учащихся является проект «К Беларуси с любовью»;

– презентации индивидуальных текстов по специальности. Такая работа предполагает приближение к будущей профессиональной деятельности студентов. Для презентации используются аудио- и видеозаписи, фотографии, схемы и т. д.

Заключение. Таким образом, межкультурный диалог как средство формирования коммуникативной компетенции в процессе изучения русского языка как иностранного путем вовлечения в разнообразные коммуникативные ситуации направлен на приобретение профессионального опыта и навыков межличностного и межкультурного общения, на формирование этнокультурной компетенции, которая определяется как знания, умения и навыки деятельности с учетом этнокультурного компонента, выражающегося в эволюционно-генетических и эволюционно-исторических основах своего и инонационального самосознания. А этнокультурная компетенция, в свою очередь, как владение компетенцией является необходимым условием продуктивной профессиональной деятельности в полиэтничном социуме.

Литература

1. Беларусь: лингвокультурологический комплекс: пособие для иностр. студентов / сост. Л. Н. Чумак [и др.]; под ред. проф. Л. Н. Чумак. – Минск: БГУ, 2008. – 111 с.

2. Беларусь – страна твоего будущего. Книга для выпускника / авт.-сост.: Н. Г. Ванина, Н. Н. Ганущенко, В. И. Ивченков. – Минск: Пачатковая школа, 2007. – С. 112–120.

Поступила 30.05.2011

УДК 882.6-09

Т. М. Федарцова, кандыдат філалагічных навук, дацэнт (БДТУ)

ХРЫСЦІЯНСКІЯ МАТЫВЫ Ў ТВОРЧАСЦІ БЕЛАРУСКІХ ПАЭТАЎ

Хрысціянскія матывы выкарыстоўваліся ў беларускай літаратуры ва ўсе гістарычныя эпохі, пачынаючы з IX ст. Але менавіта ў мінулым стагоддзі значна ўскладнілася сістэма мастацка-вобразнага мыслення, угрунтаваліся індывідуальныя стылі пісьменнікаў. Іх узаемадзеянне сфарміравала самадастатковую і цэласную духоўна-эстэтычную паэтычную прастору, у якой на змену сцішанай малітоўнасці мінулых эпох прыйшлі метафарычнасць, алегарычнасць, а галоўнымі канцэптамі сталі філасафемы Жыццё і Смерць, Прастора і Час, Дабро і Зло.

У публікацыі паказаны духоўна-эстэтычныя пошукі розных аўтараў, якія здзяйсняюцца пры дапамозе хрысціянскіх матываў і вобразаў.

Christian motives has been used in Belarusian literature in all historical epochs, since 19 century. But it was in the last century when the system of imaginative thinking became much more complicated. Individual styles of poets were implanted and their interaction formed self-sufficient entire spiritual space in which metaphoric and allegorical natures replaced quiet supplication of last epochs and the phylosophems Life and Death, Time and Space, Good and Evil became the main concepts.

The article highlights the spiritual searches of the authors which can be revealed through the Christian motives of images.

Уводзіны. Станаўленне новабеларускай літаратуры стала магчымым дзякуючы звароту нашых творцаў не толькі да вусна-паэтычнай творчасці беларусаў, але і да хрысціянскіх вобразаў сусветнай духоўнай спадчыны.

Актыўнае звяртанне паэтаў да фальклору дапамагло зразумець філасофскае ўладкаванне міфапаэтычнай карціны свету беларусаў, дзе побач з рэаліямі суровага сялянскага побыту існавалі ўласныя ўяўленні аб ідэальным уладкаванні жыцця, а звяртанне да тэксту Святога Пісання адназначна вызначыла, што такім уладкаваннем з'яўляецца непасрэдна рай. Але каб трапіць туды, хрысціянін павінен пазбегчы зла, рабіць дабро, любіць блізкіх сваіх і ўсё жывое на Зямлі, аберагаць сваю душу ад уздзеяння чорных сіл, удасканалваць сябе ў веры Гасподняй.

Асноўная частка. Мэта дадзенага артыкула – паказаць метады інтэрпрэтацыі біблейскіх матываў і вобразаў у творах XX ст.

Максім Багдановіч, напрыклад, імкнуўся сваёй творчасцю выходзіць нацыянальную самасвядомасць, каб праз яе больш актыўна і творча ўспрымаць агульначалавечыя ідэалы. Гэтай мэце служыць хрысціянская міфалогія, шырока ўведзеная паэтам у разнастайныя творы. Паэт па-мастацкі ўвасабляе біблейскія архетыпавыя вобразы і матывы. Напрыклад, пановаму гучыць у баладзе «Страцім-лебедзь», чуты кожным у дзяцінстве міф пра вялікі патоп. Новы Ной – Страцім-лебедзь ахвяруе сваім жыццём дзеля выратавання іншых, ды і не самых лепшых, якія потым дадуць такіх жа няўдзячных нашчадкаў, а вось у самога гордага, годнага і самаахвярнага Страцім-лебедзя нашчадкаў не будзе. Гэтым пакараны Страцім-лебедзь за сваю гардыню.

Дарэчы, вобраз Ісуса Хрыста – Бога і Чалавека – падаецца ў баладзе двухпланавы. Бог – гэта і сузіральнік сусвету, які створаны ім жа, і гарант міласэрнасці, і вышэйшая судовая інстанцыя, і ўзор для духоўнага ўзвышэння асобы. У гэтым, больш знаёмым нам зямным плане, найвышэйшае хрысціянскае бажанства набывае выразныя рысы і функцыі чалавека, які надзелены магутнай, найвышэйшай уладай над усімі смяротнымі, што мы і бачым у пачатку твора, калі Бог папярэджвае Ноя пра ўсясветны патоп. Ён гаворыць пра вялікі свой гнев на людскія грахі і пра тое, якая кара чакае іх за непаслушэнства. Але патоп – мера прымусовая, у пэўным сэнсе нават неабходная, бо патокі вады абмыюць ад бруду зямлю.

Даволі часта апісанне боскай міласці і той цудадзейнасці, што пасылаецца ўсім нам небам, а значыць Богам, падаецца Багдановічам з дапамогай вытанчанага антытэзы, у аснове якой два супрацьлеглыя паняцці – святло Божай ласкі і мяцежнасць духу. Страцім-лебедзь – бунтоўны герой. Ён не палічыў неабходным узысці на каўчэг сапраўднага Ноя і захаваць сябе для нашчадкаў. Ён упарта змагаўся са стыхіяй і, мабыць, перамог бы яе, каб не вераломства птушак. Ды і ў самім вобразе Бога паэта ў большай ступені займала адна з трох яго іпастасей (паводле трактоўкі праваслаўнага веравызнання) – Дух. Бо Божы Дух – гэта нябачная дзейная сіла Стваральніка, якая можа ўплываць і на лёс асобы, і на лёс краіны, і нават на лёс усяго Сусвету. Менавіта пры дапамозе Духу Бог стварыў нябёсы, зямлю і ўсё жывое.

Цікава інтэрпрэтуе Максім-Кніжнік міф пра будаўніцтва Вавілонскай вежы (казка «Башня мира»), пра канец свету (імпрэсія «Калейдаскоп жыцця»), пра Вавілонскі палон – метафара

страчанай радзімы (рускамоўны верш «На реке вавилонской»). Але асноўнымі вобразамі-канстантамі з'яўляюцца самыя розныя, часам нечаканыя, варыянты міфалагемы Багіні-маці – Багародзіцы (Мадоны), багіні лёсу, багіні зямлі.

Менавіта ў цыкле вершаў «Каханне і смерць», які цесна пераплецены асацыяцыямі з цыклом «Мадонны», паэт паказвае таемнасць цяжарнасці і нараджэння дзіцяці. Нязвыклы ход мыслення назіраецца, напрыклад, у развазе пра мацярынства, Сказана і проста, і складана, і звычайна, і нечакана. Вялікая таямніца жыцця! Боскае наканаванне! Падарунак маці-прыроды! А разам усё паказвае на асацыятыўнасць мыслення паэта. Што тычыцца сюжэта, то ён у творы вельмі ўмоўны, бо на першым плане аказваецца павышаная ўвага да ўнутранага свету чалавека, філасофскай развага аб ім. Асацыятыўнае мысленне паэта стварае грунт для вобразнай медытацыі.

Цікава эксперыментуе з духоўным вершам Уладзімір Жылка. Каб стварыць элегічны настрой, надаць санетнаму радку роздумнаўрачыстае гучанне, па-свойму падыходзіць шасцістопны ямб, які паэт удала скарыстаў у духоўным санецце «Сёмуха». Гэты вершаваны памер гучыць больш павольна, набліжаецца да гексамэтра, якім былі напісаныя «Іліяда» і «Адысея»:

Узрушыць як адзін пры свеце бліскавіцы.
Прыйдзі хутчэй! Я жду цябе, жаданы час.
Дай думам сёмушным і казкам дай
Здзяйсніцца [2].

Глыбокая вера ў ачышчальную моц універсальных хрысціянскіх ісцін яднае паэзію Янкі Купалы і Рыгора Барадудзіна. Ужо ў ранніх беларускамоўных вершах Янкі Купалы з'явілася поўная глыбокай павагі малітоўнасць да Пана Бога. Але яна не была сцішанай, камернай, асобнай, а наадварот, малады паэт упарта і гучна прасіў дапамогі ў нябёсаў не для сябе, а для сваёй краіны, свайго народа. Так, у вершы «Мая малітва», напісаным у ліпені 1906 г., паэт пранікнёна прамаўляе: «Я буду маліцца і сэрцам, і думамі, / Распетаю буду маліцца душой, / Каб чорнае долі з мяцеліцаў шумамі / Ўжо больш не шалелі над роднай зямлёй [3].

Безумоўна, у гэтым вершы паэт парушае жанравую спецыфіку малітоўных жанраў, бо не надае пакаянных традыцый і не ўслаўляе Творцу, а толькі шчыра сведчыць аб сваёй мары маліцца за беларускі народ. Тым не меней, глыбокі элегізм, сакральнасць пачуццяў, высокі грамадзянска-патрыятычны пафас паспрыялі перакладу верша на розныя мовы свету, у тым ліку на ангельскую і французскую.

У больш позняй паэзіі ў аднайменным вершы, напісаным у 1912 г., мы назіраем сталенне Купалы і як паэта, і як верніка. Купала стварае

свой духоўны мікракосмас, галоўная адзіная аснова якога Бог-Усясвет. Да яго і звяртае ён сваё пранікнёнае слова. Гэты верш гучыць гімнічна, як услаўленне і сілы Боскага Духу, і сілы ахвярнага духу паэта.

Малюся я небу, зямлі і прастору,
Магутнаму Богу-Ўсясвету малюся,
Ва ўсякай прыгодзе, ва ўсякую пору
За родны загон Беларусі [3].

Зусім іншыя, сцішаныя, самотныя ноткі гучаць у вершы «Вячэрняя малітва». Тут малітоўнасць паэта пазбаўлена прамых сакральных пачуццяў да Радзімы, але яны выяўляюцца ўскосна, праз маленне за памерлыя пакаленні беларусаў. Такі ж настрой праяўляецца і ў элегіі «Смутна мне, Божа», якая пры жыцці паэта друкавалася толькі аднойчы, у 1910 г., у зборніку «Гусляр».

Наш класік разумеў, што беларус на вячэтай дарозе пошку праўды і самога сябе стаміўся ад штодзённага клопату, не хапае яму трываласці, упэўненасці ў сабе і сваёй моцы як народа, а больш за ўсё не хапае веры. Таму ў паэтычных творах часта ключавым словам становіцца канцэпт «малітва». Але і тут Янка Купала не пазбягае часам паганскіх і фальклорных традыцый, бо ягоныя малітоўныя жанры можна класіфікаваць як малітва-абярэга, малітва-замова, малітва-прысушка і г. д.

Вядома ж ёсць у паэта і духоўныя вершы, да якіх можна аднесці «Вялікдзень», «Сёмуха», «Памаліся». У іх аўтар перадаў самыя патаемныя зрухі душы, памкненні і жаданні. Велікодному велічання аўтар надае гімнічную танальнасць, напаўняе яго філасофскай развагай пра Жыццё і Смерць, засведчвае радасць уваскрашэння і вечнае жыццё Боскага Духу. У вершы «Памаліся» танальнасць мяняецца на мінорную. Але гэтыя два непадобныя вершы, напісаныя, дарэчы, у адзіны год, звязаны агульным лейтматывам. Бо верш «Памаліся» будзеца на старажытным паданні пра тое, што ад Вялікадня да Ушэсця Хрыстос і апосталы ў выглядзе жабракоў хадзілі па зямлі і выпрабавалі людзей на адданасць хрысціянскай маралі. Таму так пранікнёна і шчыра гучыць Купалава просьба да жабрака памаліцца за люд беларускі, за яго родную старонку. Рытмічная арганізацыя верша «Памаліся» настолькі дасканалая, што беларускі кампазітар Д. Смольскі нават паклаў яго на музыку.

Купалаўскія малітоўныя традыцыі ўпадобіў у сваёй творчасці Рыгор Барадудзін. Дасціпны жартульнік, перасмешнік, сатырык і гумарыст для многіх нечакана перайшоў да глыбокага філасофскага роздуму пра існасць жыцця. Сцішаныя інтанацыі не проста прасякаюць паэму «Ружанец», а асланяюць ад паняверкі душу чы-

тача, ахутваюць той гасподняй лагодай, якую спрадвеку шукаў беларус у малітоўнасці роднага слова. Сам жа аўтар нязвычайнай назвай твора, узятай з царкоўнага побыту, нібы падкрэслівае свой саўдзел у тварэнні вялікай таямніцы – малітвы да Пана Бога. І на сваім ружанцы ён, як і Янка Купала, адзначае галоўную малітву – за беларускі народ:

Тым, хто слугуе роднаму краю,
Хто нашу мову мілуе,
Пакажы сцяжынку да раю,
Даруй і праграшынку малую [3].

І ў той жа час Барадулін просіць анёла-Захавальніка даць і яму сілы ў няпросты, спакуслівы прыканец XX ст. са сваімі ўласнымі Іудамі і Пілатамі, застацца ў адзінай праведнай веры:

Каб верны быў я
Крывіцкай святой старане,
Мове матчынай –
Як найраднейшай балючай радні... [3, 209].

Па царкоўных правілах права карыстацца ружанцом даецца самым адданым вернікам. Наш паэт, таксама як і яго славуці папярэднік, заслужыў гэта пачэснае права сваёй адданасцю роднай зямлі, роднаму народу.

А яшчэ ў Барадуліна ёсць заповітная мара, каб на нашай зямлі па-беларуску Бога славілі святары. Гэта тэза, тым ці іншым чынам, праяўляецца ў многіх духоўных вершах. У «Трыкірыю», напрыклад, падаецца ледзве не разгорнуты філасофскі трактат на карысць беларускамоўнага малітоўніцтва. Аўтар настойліва сцвярджае, што: «У незнаёмай мове моліцца дух, / Але застаецца розум халодным» [4], «Халаднавата сэрцу ў мове чужой, / Нібыта ў неасвечаным храме...» [3], «Малітва на матчынай мове адна / Госпаду, зорам і ніцым лозам – / Усім зразумела будзе да дна / І ўсцешыць, і разварушыць розум» [3]. Гэта слушная тэза гучыць таксама і ў іншых вершах паэта.

Варта яшчэ сказаць пра такую з’яву ў беларускай санетыстыцы, як адраджэнне духоўнага, набліжанага да псалма, санета. У свой час да духоўнага санета звярталіся Ул. Жылка, М. Сяднёў, А. Салавей. Аўтар шматлікіх псалмоў Р. Барадулін стварыў блізка да іх па змесце цыкл «Палыновыя санеты». Нават па знешніх прыкметах Рыгор Барадулін «будуе» свой цыкл паводле біблейскіх канонаў: колькасць санетаў, а іх 33, сімвалізуе ўзрост Ісуса Хрыста. Хрысціянскія матывы і вобразы цалкам запоўнілі твор, які можна ўспрымаць як жыццьяпіс не толькі аўтара, але і кожнага чалавека, бо праз хрысціянскія святы ў падборцы паказаны гадавы цыкл жыцця, а праз адметныя (як і ў санеце Ю. Свіркі «Тры разы збіраецца радня») сямейныя падзеі – радзіны – вяселле – хаўтуры – характарызуюцца цыклы жыцця чалавека наогул. Та-

кое кампазіцыйнае рашэнне важных праблем надае твору змястоўную цэласнасць, якую не парушае паралелізм: адлік Часу аўтар пачынае весці, з аднаго боку, ад нараджэння Хрыста, а з другога – ад нараджэння Чалавека. Але часам хрысціянскае свята ў інтэрпрэтацыі Барадуліна як бы распадаецца на ўласна свята і абрад:

Сарачыны – моўчкі сорака дзён
Над аселішчам душа блукае [1].

У выніку падобнага паралелізму побач з матывам Смерці гучыць матыву вясновага, вечнага аднаўлення жыцця:

Сорака птушак з выраю вясною
Будзе прылятаць на Саракі [1].

Аўтар пераконвае чытача ў моцы і непарушнасці хрысціянскай веры, але і ён, як і кожны беларус, не забываецца на паганства, таму ў санетных радках разам з хрысціянскімі вобразамі падаюцца і паганскія – Купала «дрэмле ў баразне», у небе «спавядаецца дым», «алтар стала настольнікам засланы», прысутнічаюць элементы прытчападобнасці і казачнасці («Конь засмяяўся смехам непадкутым»).

Паэт стварае цікавыя параўнанні: «Магіла – прагавітае вакно», «У хаце, як у стомленай царкве» і г. д. Праз актыўнае выкарыстанне метафар паэт імкнецца адуховіць рэчы, якія знаходзяцца побач з людзьмі, Часам, Жыццём, Смерцю, становяцца дзеючымі асобамі: «халады прыходзяць гаспадарамі», «замілаванне замольвае грахі», «доля дзеліць зерне на сяўбе», «туман падаўся ў даўняе блуканне». Кантэмінацыя хрысціянскіх і паганскіх традыцый дапамагае Барадуліну намаляваць рэальную, а не ўяўную карціну жыцця, дзякуючы чаму цыкл санетаў і мае ўгрунтаваную змястоўную самадастатковасць, праўдападобнасць.

Заклучэнне. Такім чынам, шматлікія ўнікальныя постаці, што з’явіліся на літаратурным небасхіле ў розныя часы, эпохі, яднае і родніць многае: прыродны талент, уражлівасць душы, схільнасць да глыбокіх перажыванняў і буйнога фантазавання. У цэнтры творчасці абраных намі паэтаў – чалавек і яго лёс, а асноўная тэма – тэма духоўнага адраджэння нацыі.

Літаратура

1. Жылка, Ул. Выбраныя творы. Укладанне, прадм. і каментарыі М. Скоблы / Ул. Жылка. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1998. – С. 37–103.
2. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1995–2003. – Т. 1: Вершы, пераклады 1911–1914. – 1997. – С. 114–115.
3. Барадулін, Р. Збор твораў: у 3 т. / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1999. – Т. 3: Паэмы. Вершы. – С. 196–333.

Паступіла 30.05.2011

УДК 81'276.6

Е. И. Скоробогатая, преподаватель (БГТУ)**ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПО ХИМИИ (ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Статья посвящена лексическому аспекту обучения русскому языку как иностранному. Характеризуется содержание пособия «Научный стиль. Говорение, аудирование, чтение», рассматриваются терминологическая лексика, ее усвоение и закрепление, конструкции и грамматические явления, представленные в каждой теме. Задания каждой темы располагаются таким образом, чтобы позволить перейти от изучения терминологической лексики к трансформации предложений с опорой на синонимию, составлению предложений по опорным словам и конструкциям.

The article dwells on the lexical aspect of teaching Russian as a foreign language. It characterizes the content of the manual "Scientific style. Speaking, listening, Reading". The author considers terminology, its mastering and drilling, grammar phenomena and constructions given in each topic. The tasks of each topic are arranged in such a way that it is easy to pass from the study of terminological lexical units to transformation of sentences based on synonymy and composition of sentences with the help of pivot words and constructions.

Введение. Обучение лексике, согласно принципу коммуникативности, подчинено овладению другими аспектами языка – грамматикой и фонетикой, но особенно активизируется при работе над текстом, при развитии навыков говорения и чтения.

«Система обучения языку, – по определению известного ученого-методиста А. Н. Щукина, – уже на начальном этапе занятий в условиях высшей школы имеет профессионально ориентированный характер и направлена на формирование знаний, навыков, умений, приобретение опыта деятельности, овладение компетенциями и компетентностью, необходимыми для выполнения определенной трудовой деятельности в соответствии с профилем обучения» [1].

На начальном этапе слушатели подготовительного отделения встречаются с языковыми проблемами, испытывают серьезные затруднения на уровне различных коммуникативно значимых языковых единиц – слова, словосочетания, предложения и текста [2].

При изучении слова как коммуникативно значимой единицы основными проблемами, с которыми встречаются слушатели, являются:

- 1) взаимоотношение смысла и его формального выражения в морфологическом и синтаксическом аспектах;
- 2) вычленение морфемы для правильного узнавания и понимания слова;
- 3) различное словоизменение одних и тех же частей речи.

При изучении словосочетания выделяются следующие проблемы:

- способы связи слов в словосочетаниях;
- грамматическое оформление и смысл словосочетаний [3].

Изучение простого предложения предполагает решение таких проблем, как:

- 1) взаимосвязь порядка слов и смысла предложения;
- 2) влияние интонации на смысл предложения;
- 3) определение грамматической основы предложения.

В работе над текстами основное внимание слушателей обращается на смысловые связи внутри текста.

Усвоение каждой лексической единицы представляет собой длительный процесс, который организуется на основе всех положений методики преподавания русского языка как иностранного с учетом специфики лексики как одного из аспектов речевой деятельности [4].

Основная часть. Учебная работа по усвоению терминологической лексики делится на этапы:

- введение (презентация) лексических единиц;
- закрепление и активизация лексического материала.

Так, в пособии «Научный стиль. Говорение, аудирование, чтение» даны все основные характеристики новой лексической единицы, как-то:

- 1) слово (словосочетание), его звуковой состав (наличие «трудных» звуков, место ударения);
- 2) особенности написания слова;
- 3) морфологические характеристики слова;
- 4) значение лексической единицы.

Пособие по научному стилю на материале текстов по химии призвано дать студентам необходимый минимум лексики: слов, словосочетаний и синтаксических конструкций.

Задания базируются на текстовом материале и направлены на усвоение и закрепление лексики, конструкций и грамматических явлений, представленных в каждой теме. Задания каждой темы располагаются таким образом, чтобы позволить перейти от изучения новой лексики к трансформации предложений с опорой на синонимию, к составлению предложе-

ний по опорным словам и конструкциям и к речевым заданиям. Речевые задания служат для овладения умениями и навыками устной речи на базе усвоенных знаний и первичных речевых умений. Они призваны также обеспечить развитие и совершенствование навыков и умений употребления лексических единиц в речевых ситуациях, имитирующих условия профессиональной коммуникации [5].

Целью предлагаемых заданий является усвоение иностранными слушателями химической терминологии для ее последующего использования в подготовленной и неподготовленной речи (пересказ, сообщение). Для достижения этой цели необходимо сформировать у иностранных слушателей следующие навыки и умения:

- выбор правильного значения слова;
- нахождение нужной формы слова;
- комбинирование лексических единиц и грамматических конструкций;
- употребление слов, словосочетаний и предложений, формулирование вопросов с использованием указанной преподавателем лексики.

При отборе языкового материала использовались принципы профессиональной значимости, прочности и сознательности усвоения учебного материала, языковой системности. Изученные единицы лексики закрепляются.

Разрабатывая задания, мы учитывали тесное взаимодействие всех видов речевой деятельности: каждая тема включает в себя задания, которые расширяют пассивный и активный словарный запас иностранных слушателей.

Классификация заданий представлена в следующем виде.

1. Задания на уровне слова и словосочетания.

1) Слушайте и повторяйте слова. Правильно произнесите звук [з]:

озон, озонировать, озонатор, озонирование, озоновый, озонированный.

2) Определите, от каких слов образованы сложные слова: светло-синий, ультрафиолетовый.

3) Определите, от каких глаголов образованы существительные:

растворимость, образование, существование, обогащение, увеличение, появление, обезвреживание.

4) Разделите данные слова на группы.

Образец:

что? озон

что (с)делать? озонировать

какой? обогащенный

Озонатор, химический, кислород, отличать-ся, объяснить, молекулярный, существование.

5) Назовите существительные, от которых образованы прилагательные:

опасный, химический, токсический, электрический, молекулярный, радиоактивный.

б) Слушайте и повторяйте слова и словосочетания:

обладающий; электрический ток; водные растворы и расплавы; электролиты; электролитическая диссоциация; распад; движение ионов хаотическое, неупорядоченное; положительно заряженные катионы; различная степень; динамическое равновесие.

7) Слова и словосочетания из скобок поставьте в нужном падеже:

В природе встречаются два (стабильный изотоп) водорода. Водород входит в состав самого (растворенный) на Земле вещества – воды. Содержание водорода в (земная) коре составляет 0,15% ее массы.

8) Составьте словосочетания по образцу и запишите их.

Образец: первый, -ая, -ое, -ые (элемент, реакция, вещество, минералы) первый элемент, первая реакция, первое вещество, первые минералы.

Органический (химия, синтез, соединение, вещество), распространенный (элемент, вещество, система, растение), сложный (вещество, формула, процесс, соединение).

9) Напишите окончания прилагательных и поставьте к ним вопросы, используя слова какой? какая? какое? какие?

Обратим... реакции, необратим... реакции, исходн... вещество, обратн... реакция, химическ... равновесие.

10) Подберите видовую пару к следующим глаголам.

Образец: завершать (НСВ) – завершить (СВ).

Превращать, направлять, устанавливать, увеличивать, достигать, сохранять, нарушать.

11) Поставьте вопросы к существительным, прилагательным и глаголам:

вещество, высокий, ковкость, металл, руда, добывать, состав, установить, активный, химический, концентрация, увеличивать, сохранить, электрический, молекулярный.

12) Укажите, от каких глаголов образованы причастия:

обладающий, содержащий, установивший, добытый, отбеленный, дезинфицированный, выделяющийся.

13) Обратите внимание на управление однокоренных а) глаголов и б) существительных:

а) собирать – собрать что? (В. п.)

исследовать что? (В. п.)

определять – определить что? (В. п.)

распространять – распространить что? (В. п.)

образовывать – образовать что? (В. п.)

присоединять – присоединить что? (В. п.)

превращать – превратить что? (В. п.)

б) собирание (сбор) чего? (Р. п.)

исследование чего? (Р. п.)
 определение чего? (Р. п.)
 распространение чего? (Р. п.)
 образование чего? (Р. п.)
 присоединение чего? (Р. п.)
 превращение чего? (Р. п.)

14) Трансформируйте глагольные словосочетания в именные:

исследовать свойства «горючего воздуха»;
 определить «горючий воздух» как новый химический элемент;

образовать положительно заряженный ион H^+ .

15) Составьте словосочетания:

Образец: процесс чего? распад

Процесс распада.

В зависимости от чего?

способность электрическая диссоциация;

электропроводность чего?

раствор и расплав;

движение чего?

ион;

иметь что?

различная степень диссоциации.

II. Задания на уровне слова и словосочетания.

1) Слова и словосочетания из скобок поставьте в нужном падеже:

1. Теряя электрон, водород образует положительно заряженный ион H^+ , то есть проявляет (металлический) свойства.

2. Химическая активность (молекулярный) водорода при (обычный) условиях невелика.

2) Прислушайтесь предложения. Скажите, какими словами можно заменить выделенные местоимения:

1. Водород является самым распространенным элементом в космосе. Он является главной составной частью Солнца и многих звезд.

2. Содержание водорода в земной коре составляет 0,15 % ее массы.

3. В 1766 г. английский ученый Г. Кавендиш собрал выделяющийся при действии кислот на металлы «горючий воздух» и исследовал его свойства.

3) а) Слушайте текст диктанта и пишите:

Водород Н (от латинского гидрогениум) – это первый элемент в периодической системе элементов, атомный номер 1, относительная масса 1,0079.

В 1799 г. английский ученый Г. Кавендиш собрал выделяющийся при действии кислот на металлы «горючий воздух» и исследовал его свойства. В 1787 г. Лавуазье определил «горючий воздух» как новый химический элемент, входящий в состав воды. Латинское название водорода означает «рождающий воду».

б) Ответьте на вопросы:

1. Какой по счету элемент водород в периодической системе?

2. Назовите атомный номер и относительную атомную массу водорода?

3. В каком году английский ученый Г. Кавендиш собрал и исследовал свойства «горючего воздуха»?

4. В каком году Лавуазье определил «горючий воздух» как новый химический элемент?

Заключение. Изучение лексики – это не просто заучивание новых слов, а осознание и усвоение имеющихся между ними в языке связей – грамматических, семантических, синтаксических. Коммуникативность требует введения и закрепления новых слов в предложениях, в текстах. Лексика наполняет изучаемые грамматические формы и конструкции. Если не соблюдать эти требования коммуникативности, то заучивание слов вне предложений делает процесс обучения лексике малоэффективным [6].

Таким образом, вся учебная работа над лексическим аспектом речи рассчитана на то, что, по определению Я. Б. Коршуновой, «слова русского языка как иностранного в конце концов перестают быть для слушателя только элементом учебника (текстов и упражнений), а начинают жить в его сознании самостоятельно, обеспечивая возможность выражать свои мысли и понимать сказанное другими людьми».

Литература

1. Щукин, А. Н. Образование и обучение РКИ: опыт системного подхода / А. Н. Щукин // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 1.

2. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – М.: Рус. яз., 1989. – 276 с.

3. Костомаров, В. Г. Методическое руководство для преподавания русского языка иностранцам / В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова. – М.: Рус. яз., 1988. – 157 с.

4. Василенко, Е. И. Сборник методических задач по русскому языку / Е. И. Василенко, В. В. Добровольская. – М.: Рус. яз., 1990. – 130 с.

5. Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе / Г. И. Дергачева [и др.]. – М.: Рус. яз., 1984. – 180 с.

6. Пособие по методике преподавания русского языка как иностранного для студентов-нефилологов / В. С. Девятайкина [и др.]. – М.: Рус. яз., 1984. – 184 с.

Поступила 30.05.2011

УДК 81'27

Т. А. Козлякова, старший преподаватель (БГТУ)

**ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
У ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ**

Статья посвящена социокультурному аспекту обучения русскому языку как иностранному. Рассматриваются факторы, влияющие на процесс аккультурации. Описываются этапы адаптации студентов. Анализируется воздействие языковой среды на формирование социокультурной компетенции иностранных студентов в различных сферах общения: социально-бытовой, учебно-профессиональной, социокультурной, информационной. Формирование данной компетенции проводится в контексте диалога культур, что способствует достижению межкультурного понимания между людьми.

The article dwells on sociocultural aspect of teaching Russian as a foreign language. The author considers the factors that affect the process of acculturation. The adaptation period of foreign students has been described. Moreover, the article analyses the influence of verbal environment on the formation of foreign students' sociocultural competence in different spheres of communication: training and professional, sociocultural, community and consumer facilities, informational. The formation of such a competence is carried out within the frameworks of cross cultural studies and contributes to the achievement of cross cultural understanding between people.

Введение. «Язык есть исповедь народа: // В нем слышится его природа, // Его душа и быт народа». Безусловно, поэт и переводчик П. А. Вяземский был прав. Язык хранит культурные ценности в лексике и грамматике, в пословицах и поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи. При этом язык – орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через культуру народа, пользуясь данным языком как средством общения.

Язык не существует вне культуры, он оказывается составной частью, продуктом культуры как совокупности результатов человеческой деятельности в разных сферах его жизни. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова, «язык – зеркало культуры», в котором отражается не только реальный мир, окружающий человека, но и общественное сознание народа, его менталитет, система ценностей.

В результате знакомства с культурой страны изучаемого языка и нормами межкультурного общения формируется социокультурная компетенция.

По мнению А. Н. Щукина, формирование социокультурной компетенции «подразумевает знание учащимися национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка: их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры страны, а также способов пользоваться такими знаниями в процессе общения. Формирование данной компетенции проводится в контексте диалога культур с учетом различий в социокультурном восприятии мира, и, в конечном счете, способствует достижению межкультурного понимания между людьми и становлению вторичной (иноязычной) языковой личности» [1].

Основная часть. Целью обучения русскому языку как иностранному является развитие у иностранных учащихся способности к межкультурному взаимодействию, использованию изучаемого языка как инструмента этого взаимодействия.

Изучение русского языка как иностранного в вузе позволяет учащимся познакомиться с другой для них культурой, с другим видом государственного устройства, с жизнью и бытом сверстников другой страны.

Отметим, что межкультурное общение становится тем процессом, где в наиболее полной мере раскрываются культурные и языковые различия отдельных людей. В процессе коммуникативной деятельности, в которой участвуют носители разных культур и языковых кодов, каждый участник выступает и как индивид (совокупность биологических характеристик человека), и как член тех или иных социальных групп, и как представитель определенного национально-культурного общества, и как представитель всего человечества, и как субъект деятельности. В силу существования всех перечисленных выше аспектов личности, процесс коммуникативной деятельности на межкультурном уровне обладает своей спецификой, которая требует от человека не только знания иностранных языков, но и знания культуры другого народа, как-то религия, ценности, нравственные установки, мировоззренческие представления и многое другое. Осознание такой необходимости формирует предпосылки для эффективного межкультурного общения, поскольку вынуждает человека ориентироваться на собеседника как на «другого», отличного от себя индивида, с иной культурной идентичностью. Непонимание различий или нежелание

признавать их неизбежно приводит к конфликтам, решить которые можно только через принятие партнера как «другого», как представителя другой культуры.

На подготовительном отделении русский язык является базовой дисциплиной и служит фундаментом для формирования речевых навыков и умений.

Процесс образования и воспитания в современном вузе проецируется на социум и реализуется в социуме. Поэтому учет социокультурного подхода особенно актуален на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному, так как, попадая в новую социокультурную среду, все без исключения иностранцы в той или иной степени подвержены так называемому «культурному шоку», т. е. адаптации (или происходит аккультурация). (Впервые этот термин был употреблен американским ученым Кальверо Обергом в 1954 г.) Отметим, что положительным результатом аккультурации является долговременная адаптация к жизни в чужой стране. В процессе аккультурации в сознании происходят изменения, прежде всего, в психологическом и социокультурном аспектах. Психологическая адаптация – это достижение психологической удовлетворенности в рамках новой культуры. Она выражается в хорошем самочувствии, психологическом здоровье. Социокультурная адаптация заключается в умении свободно ориентироваться в новой культуре и обществе. Переживания культурного шока сугубо индивидуальны. Ученые выделяют пять этапов.

На первом этапе человек может получать удовольствие от всего того, что видит, полон энтузиазма и надежд, стремится учиться или работать, поскольку все новое приносит пока только положительные результаты. (Туристы, приезжая в страну, переживают только эту стадию.)

На втором этапе непривычная культурная среда начинает оказывать свое негативное воздействие. Студенты-иностранцы подготовительного отделения быстро попадают во вторую стадию культурного шока. Это связано с тем, что студент-иностранец сталкивается с мелкими неудачами, испытывает трудности в коммуникации, неверно понимает происходящее и т. д.

Третий этап является наиболее критическим, так как культурный шок достигает максимума. На этом этапе некоторые студенты-иностранцы сдаются и возвращаются домой, но для других этот этап становится началом собственно адаптации: они активно учат язык, знакомятся с культурой, приобретают друзей.

На четвертом этапе у человека появляется оптимизм, уверенность в себе. Студент-иностранец уже готов признать, что у новой куль-

туры есть не только отрицательные, но и положительные черты.

На пятом, последнем этапе достигается удовлетворительная адаптация к новой культуре, процесс аккультурации завершается.

Согласно данной модели, процесс аккультурации длится 4–5 лет. (За это время некоторые студентки-иностранцы женятся на белорусских девушках и остаются в Беларуси.)

Следует отметить, что объектом изучения иностранных учащихся, прибывших в Беларусь, является языковая среда. С самого начала занятий студенты включаются в процесс коммуникации в различных сферах общения: социально-бытовой, учебно-профессиональной, социокультурной, информационной и традиционной.

В социально-бытовой сфере ситуации общения в первую очередь связаны с беседами в неофициальной обстановке, обсуждением проблем студенческой жизни, занятий вне университета и т. д. Иными словами, социально-бытовая среда относится к менее управляемому типу языковой среды, в котором участвует преподаватель.

Учебно-профессиональная языковая среда аудиторных занятий содержит не только языковой речевой материал, но и также социокультурный, которым овладевает иностранный учащийся на начальном этапе обучения. Учебно-профессиональная языковая среда содержит лексические единицы, имеющие характерную национальную семантику, информацию о русской и белорусской культуре, информацию об истории, географии, экономике, политике, образовании.

Социокультурная языковая среда оказывает определяющее влияние при формировании социокультурной компетенции. На начальном этапе обучения важно организовать учебный процесс так, чтобы культура страны изучаемого языка (в данном случае Беларуси) как бы вошла в душу учащегося. Необходимо приблизить учащихся к пониманию менталитета народа, так как менталитет является важнейшим базовым понятием в формировании культуры и фактором культурных различий. Этому способствуют экскурсии по городу, в музеи, в театры и т. д.

Информационная языковая среда также играет важную роль в обучении иностранных студентов и является источником социокультурных знаний, позволяющих иностранному учащемуся ориентироваться в окружающей его действительности (СМИ, телевидение, радио, Интернет играют значительную роль в обучении русскому языку как иностранному). Средства массовой информации становятся мощным инструментом воздействия на сознание людей, сила влияния которого растет прямо пропорционально самому развитию СМИ. По резуль-

татам проведенных исследований, до 50-х гг. XX в. человек в первые двадцать лет своей жизни лишь одно из десяти слов узнавал из какого-либо центрального источника – школы, армии, радио. Остальные девять слов человек узнавал от ближайшего окружения. Сейчас картина кардинально изменилась: девять из десяти слов человек узнает из центрального источника – телевидения, радио, Интернета [2, с. 103].

Традиционная языковая среда также воздействует на формирование языковой картины мира иностранных учащихся. Она может включать элементы разных типов языковой среды: лексические единицы разных стилей, фольклор, даже сниженную лексику (жаргонизмы и вульгаризмы) [3]. В реальных ситуациях взаимодействия человек стремится с помощью слов, организуемых определенным образом в речи, достичь неких целей, которые стоят перед ним. Однако свобода человека в организации языковых средств не безгранична: каждый язык обладает ограниченным набором вариантов такой организации. Конкретный вариант может быть обусловлен множеством экстралингвистических факторов (от социокультурных до психологических). Варианты организации языковых средств в речи в зависимости от условий коммуникации называются речевыми (дискурсивными) стратегиями. Речевые стратегии – это также и возможные способы осуществления коммуникативно значимых действий в общении, которыми обладает человек в определенной лингвокультуре.

Заключение. Таким образом, в процессе обучения русскому языку как иностранному необходимо учитывать особенности культуры, истории страны пребывания иностранных учащихся, а также должно иметь место взаимопонимание представителей разных культур. «Овладение культурой, как известно, есть постижение системы ценностных нормативов народа, которое осуществляется на трех уровнях: а) на уровне восприятия; б) на уровне социальном; в) на уровне личностного смысла» [4]. Дело в том, что понять и принять другую культуру можно только тогда, когда любишь, понимаешь и принимаешь свою культуру.

Для того чтобы участвовать в диалоге культур и достигать взаимопонимания в общении, учащийся, во-первых, должен знать систему фактов культуры той страны, язык которой он изучает. Знать культуру – значит воспринимать факты культуры, осознавать их место и значимость для культуры, сопоставлять с фактами родной культуры, анализировать их ценности. Во-вторых, учащийся должен эмоционально воспринимать факты чужой культуры. В-третьих, учащийся должен быть готовым видеть в чужом не только то, что нас отличает, а то, что нас объединяет, смотреть на события, людей, поступки не со своей точки зрения, а с позиции чужой культуры; интерпретировать чужие ценности; сопереживать представителям другой культуры, понимать их чувства; видеть эмоциональную связь между фактом культуры и словом, обозначающим его.

По мнению Е. И. Пассова, развитие у учащихся умений, ведущих к взаимопониманию, возможно лишь тогда, когда в учебнике будут воссозданы различные культурные тексты и определены ситуации как системы взаимоотношений. А учащийся пройдет все эти стадии [4, с. 43].

На начальном этапе обучения закладываются основы формирования социокультурной компетенции иностранных учащихся, приобретаются знания, необходимые в процессе коммуникации на изучаемом языке в разных сферах общения.

Литература

1. Щукин, А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного / А. Н. Щукин. – М.: Рус. яз., 2002. – 143 с.
2. Болдырев, В. Е. Введение в теорию межкультурной коммуникации: курсы лекций / В. Е. Болдырев. – М.: Рус. яз., 2009. – 140 с.
3. Вариченко, Г. В. Языковая среда в социокультурном аспекте / Г. В. Вариченко // Вестник БООПРЯИ. – 2005. – № 1. – С. 70.
4. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования / Е. И. Пассов, Н. Е. Кузовлева. – М.: Рус. яз., 2010. – 65 с.

Поступила 30.05.2011

УДК 371.31:811.161.1

Г. В. Козловская, старший преподаватель (БГТУ)**ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В БЕЛОРУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИЯХ**

В статье речь идет об обучении русскому языку китайских учащихся в условиях внеязыковой среды, в частности в Хух-Хотоском профессиональном институте. Обращается внимание на различия в системах русского и китайского языков, говорится о важности учета этого явления на начальном этапе изучения русского языка.

The article describes teaching Russian to Chinese students who are in foreign language environment, particularly at Hohhot Professional Institute. The article highlights the differences between Russian and Chinese language systems. The article shows significance of considering this matter in the beginning of learning Russian.

Введение. Новый уровень в области политических, научных, культурных, экономических отношений и взятый лидерами двух стран курс на сотрудничество стал стимулом для изучения русского языка китайцами как в КНР, так и в Беларуси. Русский язык как средство общения обеспечивает взаимопонимание, ускоряет обмен передовым опытом, достижениями в самых разных областях человеческой жизни. В рамках подписанных на высшем уровне соглашений о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой в области образования наш университет начал работу по реализации проекта подготовки китайских студентов по системе обучения «3+3». Согласно этому договору, три года китайские студенты изучают специальные предметы, в том числе и русский язык, у себя на родине, а последующие три года продолжают обучение в Беларуси. По окончании учебы они получают диплом образца соответствующего высшего учебного заведения. При этом белорусские преподаватели обучают русскому языку китайских учащихся в Китае в течение трех первых лет.

Основная часть. Как известно, в основе методики обучения русскому языку как иностранному лежит сознательно-коммуникативный метод. «Только коммуникативность может сделать процесс овладения языком привлекательным для тех, кого интересует функция, а не структура, кто готов изучать структуру ради функции, но никак не хочет изучать структуру ради структуры» [1].

Язык требуется человеку для общения в различных сферах деятельности. Необходимыми составляющими в процессе обучения являются грамматика, лексика, интонация. Грамматика, лексика и другие коммуникативные единицы подаются комплексно, согласно моделируемым речевым ситуациям, которые близки к реальным. Общение сначала происходит с преподавателем, а затем отрабатывается в диалогах между учащимися. Цель преподавателя – максимально полно развить у учащихся навыки говорения, чтения, письма и аудирования, необходимые для овладения языком как средством общения.

В основе процесса обучения лежат модели реального общения, так как коммуникативный подход предполагает овладение различными речевыми функциями, т. е. умение выражать различные коммуникативные интенции (просьбу, упрек, восхищение, согласие, приглашение, отказ, совет и т. д.). Если общение организовано правильно, утверждает Л. С. Выготский, то один шаг в обучении конкретному материалу должен сопровождаться двумя шагами в интеллектуальном развитии [2].

Оказавшись в зоне такого развития, учащийся воспринимает учебный процесс как общее жизненное переживание реального события. Ведь каждый из нас неоднократно переживал смешанное состояние непонимания и любопытства, неуверенности в собственных силах и интерес к новому, оказавшись за рубежом, в условиях иной языковой среды. Реальная языковая среда – это та зона, в которой неноситель языка испытывает культурный шок различной степени тяжести.

Однако обучение русскому языку в условиях языковой среды имеет свои преимущества. Языковая среда способствует формированию готовности иностранных учащихся к реальному включению в диалог с носителями русского языка, формированию предметной и коммуникативной компетенции. Сама по себе языковая среда не ведет к автоматическому овладению иностранным языком. Результатом погружения в естественную языковую среду без одновременного сознательного изучения языка может стать в лучшем случае его пассивное понимание без возможности использования. Иностранные учащиеся, в том числе и китайцы, приступающие к изучению русского языка в высших учебных заведениях Беларуси, вовлекаются в реальную языковую среду, осознанно овладевая грамматическим строем и нормами изучаемого языка.

Надо отметить, что в русской языковой среде влияние родного языка в процессе обучения постепенно убывает, потому что в этом случае изучению русского языка помогают лингвистические факторы. Зная типичные ошибки учащихся, преподаватель может заранее предупредить их появление.

В условиях же отсутствия языковой среды влияние родного языка очень сильно, что создает дополнительные трудности при изучении русского языка. Речь идет об обучении русскому языку китайских учащихся в Хух-Хотоском профессиональном институте.

В условиях обучения вне русскоязычной среды, в группах, насчитывающих 50 и более человек, появляется необходимость использовать китайский язык, обращаться к переводу и объяснению на китайском языке. Осуществить эту довольно сложную задачу помогает сотрудничество китайских преподавателей с белорусскими. Поурочный материал вначале объясняется китайским преподавателем на китайском языке, а затем носитель языка закрепляет этот материал на русском языке, обращая внимание на различия в построении предложений в русском и китайском языках, на развитие речевых навыков. Успешное взаимодействие преподавателей благотворно сказывается на учебном процессе, создает условия для понимания сложных языковых явлений и тем самым повышает интерес к языку у обучаемых.

На начальном этапе обучения у китайских учащихся наблюдается довольно сильная интерференция: говоря по-русски, они все же думают по-китайски. Хотя здесь и нет ничего необычного (ведь сознание формируется на родном языке, и окружающий мир воспринимается первоначально через родной язык), но это явление надо учитывать при изучении русского языка. Термин «учет родного языка» раскрывается в работах известных лингвистов В. Г. Костомарова и О. Д. Митрофановой [1]. Они разграничивают четыре взаимосвязанных понятия:

1) сопоставление родного и изучаемого языков;

2) учет родного языка;

3) применение родного языка;

4) ориентация на родной язык.

Формирование у китайских учащихся механизмов, обеспечивающих их речевую деятельность на русском языке, происходит в условиях действия межъязыковой интерференции [4]. Как показывает практика, нарушения, появившиеся на начальном этапе, являются, как правило, устойчивыми и сохраняются в речи китайцев и на дальнейших этапах обучения русскому языку, поэтому их можно назвать типичными ошибками. Все ошибки обусловлены как спецификой фонетической и просодической системы русского языка, так и спецификой родного языка китайских учащихся. Фонетические ошибки можно разделить на две группы:

– ошибки при восприятии;

– ошибки при реализации.

При восприятии ошибки отмечаются в нарушении места ударения (восемнадцать), при реализации – в нарушении качества гласных (старость), в изменении места ударения (полюбишь), в наличии равноударных слогов в слове (перевести), в неверном количестве слогов в слове (сле-ду-щий). Определенную трудность представляет наличие консонантных и вокалических сочетаний в русском языке. При реализации консонантных сочетаний появляется гласный звук, а при реализации вокалических сочетаний происходит выпадение звуков.

Построение русской фразы в соответствии с нормами русского языка представляет собой довольно большую сложность для китайских учащихся. И все потому, как уже упоминалось выше, что разница в построении русских и китайских предложений существенна.

Синтаксические отношения в русском языке выражаются в основном флективными средствами. В китайском языке каждый член предложения имеет вполне определенную позицию в грамматической структуре: невозможны расхождения грамматического и семантического субъекта. Каждый иероглиф имеет самостоятельное лексическое или грамматическое значение, которое конкретизируется в контексте. Порядок слов в обычном предложении строго определен грамматическими правилами: субъект – глагол – объект. При замене слов в предикативной цепочке предложение либо теряет смысл, либо изменяет свое значение. Так, предложение *Я люблю Китай* в русском языке мы можем трансформировать в *Китай я люблю*, *Люблю я Китай*, *Я Китай люблю*. По-китайски это значение может быть выражено только в конструкции *Я люблю Китай*, а предложение *Китай люблю я* может быть ошибочно истолковано как *Китай любит меня*.

Привычная позиция обстоятельства места в китайском языке – между подлежащим и сказуемым, иногда – перед подлежащим. Например: *Он в Пекине работает переводчиком*. *В библиотеке мне надо взять книги*.

При постановке вопроса вопросительное слово обычно стоит в конце предложения, например: *Ты говоришь что? Вы идете куда?* Хотя в случае с вопросительным словом *почему* это правило не действует. Слово *почему* ставится перед сказуемым.

Предложения с несогласованными определениями типа *Пекин – столица Китая* строятся с помощью частицы *де*: *Пекин – Китай де столица*. Можно представить, с какими трудностями сталкивается китайский слушатель, когда перед ним сложноподчиненное предложение с придаточным определительным. Например, русское предложение *Это брат, с которым я хочу*

познакомить тебя на китайском языке будет представлено конструкцией *Это я хочу познакомиться тебя де брат*.

Существенные различия отмечаются и в словообразовательной системе китайского и русского языков. Все морфемы в китайском языке представляют собой целые слоги, большинство из которых имеют определенное лексическое значение в отличие от русского (ср.: учен'-j-е, с-дел-а-ть – суффиксы и префиксы являются неслоговыми). Как отмечают Т. П. Задоевко и Хуан Шуин, аффиксация в китайском языке играет меньшую роль, чем корнесложение, поэтому для китайских учащихся составляет трудности система русского аффиксального словообразования [3]. Широко представлен в китайском языке такой способ словообразования, как конверсия, предполагающий переход слов из одной части речи в другую. Так образуются некоторые существительные. Например: *Во СюеСи – Я учусь*. Ср.: *ВоДэ СюеСи – Моя учеба*.

Сложности для китайских учащихся представляют также вид и время глаголов, значение и употребление в речи причастий, деепричастий, числительных, многозначность русских предлогов, употребление союзов и союзных слов в придаточном предложении, а в лексике – сочетаемость слов и различение слов, имеющих близкие значения или общей переводной эквивалент в китайском языке.

К сожалению, создать языковую среду искусственно невозможно, можно лишь компенсировать ее отсутствие за счет различных технологий, таких как разнообразные виды работ учащихся с использованием средств обучения – учебников, таблиц, аудио-, видеоматериалов, слайдов и т. д. На уроках РКИ в Хух-Хотоском институте использовалось учебное пособие «Дорога в Россию» с приложением на китайском языке. Пособие построено по принципу ситуативно-тематического отбора материала, которому соответствуют определенные грамматические темы. Чтобы вызвать у учащихся интерес к занятиям, создавались конкретные жизненные ситуации, наиболее значимые для учащихся, и озвучивались в форме монологов, диалогов. Это могли быть также ролевые игры, конкурсы, просмотр видеofilьмов, содержащих информацию о жизни в стране изучаемого языка.

Использование песен, как еще одного компонента естественной языковой среды, помогло сделать образовательный процесс более интересным, увлекательным. Благодаря разучиванию песен улучшалось произношение и закреплялся словарный запас учащихся.

В условиях китайского вуза до последнего времени обучение русскому языку осуществля-

лось, как известно, по учебнику «Восток» [5], который имеет недостатки с точки зрения системности представления именных синтаксических единиц. Бессистемная подача грамматического и лексического материала замедляет формирование речевых стереотипов у китайских учащихся. Им, и без того ориентированным своей методической традицией на механическое заучивание текста, приходится знакомиться с неоправданно большим количеством синонимичных языковых средств, которые не всегда осознаются в полной мере. Более того, китайские преподаватели, а следовательно, и учащиеся пользуются дополнительной литературой, учебниками, которые пестрят ошибками. Автору этой статьи довелось увидеть на полках книжного магазина учебник для изучающих русский язык под названием «Добрый утро!». Комментарии будут излишни. К числу недостатков китайской методики можно отнести и ее приверженность грамматико-переводному методу. Этот метод активно применяется китайскими преподавателями, на уроках которых нам пришлось присутствовать.

Заключение. Таким образом, можно отметить, что учет родного языка учащихся является важной составляющей в процессе овладения русским языком на начальном этапе и способствует осознанному усвоению новых грамматических форм, выработке умений и навыков общения на неродном языке. Особенно это важно, если речь идет об изучении русского языка в условиях отсутствия языковой среды.

Литература

1. Костомаров, В. Г. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам / В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова. – М., 1988. – 157 с.
2. Зарецкий, В. К. Зона ближайшего развития: о чем не успел написать Л. С. Выготский / В. К. Зарецкий // Культурно-историческая психология. – 2007. – № 3. – С. 96–104.
3. Задоевко, Т. П. Основы китайского языка: Вводный курс / Т. П. Задоевко, Хуан Шуин. – М., 1993. – 272 с.
4. Любимова, Н. А. Психолингвистические основы обучения второму языку / Н. А. Любимова // Русское слово в мировой культуре: сборник докладов X конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – Т. 2. – М.; СПб., 2003. – С. 164–172.
5. Линь, Е. Учебник русского языка «Восток» для студентов-русистов филологических факультетов вузов Китая: в 3 ч. / Е. Линь, Н. Г. Крылова. – Ч. 1. – М.; Пекин, 1994. – 247 с.

Поступила 30.05.2011

УДК 81-26:81'1

В. У. Русак, кандыдат філалагічных навук, старшы выкладчык (БДГУ)**МОВА МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ
ЯК АБ'ЕКТ ЛІНГВІСТЫЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ (З ГІСТОРЫІ ПЫТАННЯ)**

У публікацыі разглядаецца станаўленне і развіццё лінгвістычнага вучэння пра мову мастацкай літаратуры. Аналізуецца ўклад у рашэнне праблемы лінгвістыстыкі мастацкага тэксту, зроблены вучонымі рознага часу – ад антычнасці да нашых дзён. Асабліва ўвага надаецца пытанню вывучэння мовы беларускай мастацкай літаратуры: ацэньваецца роля вучоных, якія першымі сярод айчынных моваведаў звярнуліся да гэтай праблемы, аналізуецца ступень вывучанасці мовы беларускай мастацкай літаратуры на сённяшні дзень.

The history of making and developing of linguistic learning about the language of fiction is seen into the article. Analyzing the contribution into the solving of the problem of the linguistic text, which were made by the scientists of different times (from antic till present days). The question of learning the language of Byelorussian literature is paid much attention. The role of scientists who turned firstly do that problem among national linguists is estimated, the level of studying of Byelorussian literature is analysed nowadays.

Уводзіны. Даследаванне мовы мастацкага твора і стылю пісьменніка – адна з важных праблем філалогіі. Лінгвістычны аналіз мастацкіх тэкстаў дазваляе назапасіць матэрыял для асэнсавання развіцця мовы ў пэўны перыяд, дае каштоўныя звесткі для рашэння агульнамоўных пытанняў і ўдасканалення метадалагічнай базы мовазнаўства, пашырае базу лексікаграфіі, культуры маўлення, функцыянальнай стылістыкі.

Вывучэнне мовы мастацкіх твораў мае сваю гісторыю. Мэта нашага даследавання – прасачыць за станаўленнем і развіццём лінгвістычнага вучэння пра мову мастацкай літаратуры, высветліць ступень даследаванасці гэтай праблемы ў беларускім мовазнаўстве.

Асноўная частка. Першыя разважанні пра адметнасць мастацкага маўлення адносяцца да V ст. да н. э. Менавіта ў гэты час у сувязі са значнай роляй, якую адыгрывала аратарскае маўленне ў палітычным жыцці грэчаскага поліса, павышаецца зацікаўленасць праблемамі мовы як аднаго з відаў мастацтва. Найбольш ранні літаратурны помнік, у якім адлюстраваны назіранні сафістаў над мовай паэтычных твораў, – камедыя Арыстафана «Жабкі» (405 г. да н. э.). З яе зместу вынікае, што асноўнымі крытэрыямі ацэнкі мастацкага твора ў антычнасці лічыліся зразумеласць і навізна вобразаў, створаных аўтарам, а таксама арыгінальнасць аўтарскага маўлення.

Да пытанняў мовы мастацкай літаратуры звярталіся і такія антычныя вучоныя, як Арыстоцель («Паэтыка», «Рыторыка»), Феафраст. Аднак іх зварот да аналізу мастацкага маўлення быў звязаны з адной практычнай мэтай – знайсці ўзоры для пераймання пры навучанні аратарскаму майстэрству, вылучыць такія словы і такія спосабы іх спалучэння, «каб той, хто слухае, атрымліваў асалоду і быў ва ўладзе таго, хто гаворыць» [1, с. 210].

Даследаванне мовы мастацкай літаратуры знаходзілася па-за лінгвістычнай праблематыкай да пачатку XX ст. Да апісання моўных асаблівасцей мастацкіх твораў час ад часу звярталіся літаратуразнаўцы, якія імкнуліся грунтоўна прааналізаваць стыль таго ці іншага аўтара. Аднак, не валодаючы дастатковымі лінгвістычнымі ведамі, найчасцей яны толькі адзначалі наяўнасць тых ці іншых тыповых слоў, выразаў, канструкцый без інтэрпрэтацыі іх ужывання і тлумачэння іх практычнай і эстэтычнай значнасці.

Пытанне пра неабходнасць вывучэння мовы мастацкай літаратуры паўстала ў пачатку XX ст. Яго рапрацоўкай заняліся прадстаўнікі т. зв. неаідэалістычнай школы Карл Фослер, Леа Шпітцэр, а таксама вучні Фердынанда дэ Сасюра Ш. Балі і А. Сэшэ. Аднак найбольшае значэнне мела дзейнасць прадстаўнікоў функцыянальнай лінгвістыкі. У «Тэзісах Пражскага лінгвістычнага гуртка» праблема вывучэння паэтычнай мовы быў прысвечаны асобны параграф, дзе ўказвалася, што пры распрацоўцы асноў сінхроннага апісання мовы мастацкай літаратуры неабходна ўлічваць узаемаадносінны паэтычнай творчасці з двюма лінгвістычнымі сістэмамі: з паэтычнай традыцыяй і з агульнанароднай мовай. Адзначалася, што разнастайныя бакі паэтычнай мовы (напр., фанетыка, марфалогія) настолькі цесна звязаны, што вывучэнне аднаго з іх без уліку астатніх, як гэта часта рабілі гісторыкі літаратуры, немагчыма.

Сярод рускіх вучоных адным з першых даследаваннем паэтычнага стылю заняўся членкарэспандэнт Пецябургскай Акадэміі навук А. А. Патабня. Супастаўляючы мову і слова з мастацтвам, вучоны зрабіў важную выснову: мова выступае аналагам ці правобразам усякай творчай дзейнасці. У работах А. А. Патабні «Мысль и язык» (1862), «Из записок по теории

словесности» (1905) раскрываецца дыялектыка формы і зместу ў мастацкім творы, паказана спецыфічнасць мастацкай формы, якая уяўляе сабой такі складаны спосаб спалучэння слоў, пры якім парушэнне нават самага малога элемента вядзе да знішчэння мастацкага эфекту.

У 20-я гг. XX ст. даследаваннем мовы мастацкай літаратуры займаліся прадстаўнікі савецкага мовазнаўства Б. А. Ларын і Л. У. Шчэрба. Іх метаду было характэрна спалучэнне літаратуразнаўчага і лінгвістычнага пачаткаў. Л. У. Шчэрба ў прадмове да першага выпуску «Русской речи» (1923) адзначаў: «У гісторыі навукі пра мову <...> звяртае на сябе ўвагу яе разыходжанне з філалогіяй і, я б сказаў, з самай мовай, як са сродкам выразнасці <...> Задача нашага зборніка – даследаваць рускую літаратурную мову ва ўсёй разнастайнасці яе форм, а таксама ў яе асноўных крыніцах. У сувязі з гэтым наша ўвага, галоўным чынам, будзе накіравана на семантыку, словаўжыванне, сінтаксіс, эстэтыку мовы – увогуле на ўсё тое, што робіць мову сродкам выражэння нашых думак» [2, с. 7].

Прадаўжальнікам ідэй навуковай школы Л. У. Шчэрбы стаў В. У. Вінаградаў. Дзякуючы яго ідэям і працам адбылося фарміраванне новай навукі, аб'ектам вывучэння якой стала мова мастацкай літаратуры. Сам акадэмік пісаў: «Гэта навука – не тэорыя паэтычнай (ці мастацкай) мовы, не эстэтыка слова і не лінгвістычная стылістыка. Навука пра мову мастацкай літаратуры блізкая ўсім названым, але мае свой асобны аб'ект вывучэння» [3, с. 3].

Задачы лінгвіста і літаратуразнаўцы ўдала аб'ядноўваў у сваёй дзейнасці яшчэ адзін рускі філолаг Р. В. Вінакур. Вучоны дакладна акрэсліў прадмет і задачы вывучэння мовы мастацкай літаратуры, тэрэтычна размежаваў паняцці *мова аўтара* і *стыль аўтара*, а вылучаныя ім тры аспекты ў вызначэнні паняцця *паэтычная мова* (паэтычная мова як стыль маўлення, як мова, надзеленая асобай паэтычнай экспрэсіяй, і як від мастацтва [4, с. 389]) сталі зыходным пунктам для новай, пашыранай трактоўкі мовы мастацкай літаратуры.

Пэўны ўклад у даследаванне мовы мастацкіх твораў зрабіў А. М. Пяшкоўскі. У прыватнасці, ён прапанаваў карыстацца *стылістычнымі эксперыментам* – прыдумваннем стылістычных варыянтаў да тэксту [5, с. 133]. А. М. Пяшкоўскі пісаў: «Паколькі кожны мастацкі твор з'яўляецца сістэмай пэўным чынам суадносных паміж сабою фактаў, то ўсялякае парушэнне гэтых суадносін, змена пэўнага факта адчуваецца надзвычай рэзка і дапамагае ацаніць і вызначыць ролю таго элемента, які быў зменены» [5, с. 133].

Першыя спробы асэнсавання моўных і стылістычных асаблівасцей твораў беларускай літаратуры таксама, як і рускай, з'явіліся ў 20-я гг. XX ст. Увага тагачасных даследчыкаў была накіравана на мову твораў Купалы і Коласа, П. Галавача, Ц. Гартнага, М. Гарэцкага, У. Дубоўкі, М. Зарэцкага і іншых пісьменнікаў, якія стаялі ля вытокаў фарміравання беларускай літаратурнай мовы і ўзбагацілі яе лексіка-семантычнымі, стылістычнымі, словаўтваральнымі і сінтаксічнымі сродкамі.

Пачынальнікам даследавання мовы мастацкіх твораў на Беларусі быў вядомы вучоны, доктар філалагічных навук П. А. Бузук. Яму належаць артыкулы, прысвечаныя аналізу асаблівасцей мовы Коласа, «маладнякоўцаў», Ц. Гартнага і інш. П. А. Бузук адзначаў заслугу маладых аўтараў ва ўзбагачэнні слоўніка беларускай мовы, засяроджваў увагу на ролі і значэнні дыялектнай лексікі ў мастацкім тэксце і ў літаратурнай мове [6].

Удасканаленню моўнага майстэрства беларускіх пісьменнікаў садзейнічалі публікацыі М. Гарэцкага – пісьменніка і суаўтара вядомых і запатрабаваных у 20-я гг. XX ст. лексікаграфічных прац. Так, аналізуючы мову М. Лынькова, М. Гарэцкі акрэсліў нарматыўнасць словаўжывання ў творах пісьменніка, даў ім сваю ацэнку, звярнуў увагу на шматлікія русізмы, для ўжывання якіх не было ніякіх падстаў [7].

Даследаваннем твораў беларускіх пісьменнікаў займаўся старшыня літаратурна-мастацкага аб'яднання «Узвышша» Кузьма Чорны. У шэрагу артыкулаў аўтар закрануў праблемы стаўлення пісьменніка да жывой народнай мовы, разгледзеў праблемы слова- і фразеаўжывання ў мастацкім тэксце. Трывогу ў Кузьмы Чорнага выклікала моўная беднасць твораў, няздольнасць аўтараў бачыць выяўленчыя магчымасці слова, надуманасць і ненатуральнасць словаўжывання.

Мове мастацкіх твораў было прысвечана нямала артыкулаў, змешчаных на старонках часопісаў «Польмя», «Узвышша», «Маладняк», аднак амаль усе яны галоўную ўвагу звярталі на тое, наколькі выкарыстаныя пісьменнікам моўна-выяўленчыя сродкі адпавядаюць характару твора, у якой меры яны адлюстроўваюць нацыянальную моўную адметнасць, як суадносяцца з устаноўленымі літаратурнымі нормамаі. Абагульняльных прац па стылістыцы мастацкай літаратуры ў першай палове XX ст. беларускімі даследчыкамі створана не было.

Пасля Вялікай Айчыннай вайны значна пашырылася кола пісьменнікаў, моватворчасць якіх зацікавіла даследчыкаў. Акрамя сучасных, сталі вывучацца пісьменнікі XIX і пачатку XX ст. (В. Дунін-Марцінкевіч, Ф. Багушэвіч, Цётка,

Ядвігін Ш., М. Багдановіч), пісьменнікі, што прыйшлі ў літаратуру некалькі пазней (Кандрат Крапіва, А. Куляшоў, П. Броўка, П. Глебка, І. Мележ, У. Караткевіч і інш.).

З 1960-х гг. распрацоўкай праблем мовы мастацкай літаратуры займалася вядомая ў беларускім мовознаўстве школа Ф. М. Янкоўскага. Пад рэдакцыяй гэтага вучонага выйшлі зборнікі навуковых артыкулаў «Слова, фразеалагізм і кантэкст» (1979), «Беларуская фразеалогія, лексікалогія» (1980), «Слова і фразеалагізм у кантэксте» і інш.

Прыкметнай з'явай у беларускай філалогіі стала выданне ў 1981 г. кнігі вядомага беларускага стыліста М. Я. Цікоцкага «Сугучнасць слоў жывых... Нататкі па стылістыцы мастацкай літаратуры». Аўтар разгледзеў агульнаэраўтычныя і метадалагічныя пытанні даследавання мовы мастацкай літаратуры, паказаў ролю мастацкага слова, суадносіны слова і вобраза, выяўленчыя функцыі вобразных сродкаў. М. Я. Цікоцкі прааналізаваў слова ў сістэме мастацкага цэлага, вылучыў мінімальны, разгорнуты і максімальны кантэкст. Сярод вобразных сродкаў цікавасць аўтара выклікала метафара, ужытая ў творах І. Мележа, І. Шамякіна, Я. Брыля, М. Багдановіча, П. Труса, А. Вялюгіна, Р. Барадуліна, моўны вобраз апавядальніка ў мастацкім творы, узаемадзеянне мовы аўтара і персанажа, дыялог і маналог як структурна-кампазіцыйнае адзінства.

Пэўны ўклад у даследаванне мовы мастацкага твора зрабіла першая ў гісторыі нацыянальнай культуры энцыклапедыя беларускай мовы (1994). У ёй змешчана 40 артыкулаў, у якіх разглядаюцца асаблівасці мовы і стылю беларускіх пісьменнікаў, пры гэтым аналізуецца мова класікаў і сучасных аўтараў, прызнаных майстроў слова і тых таленавітых паэтаў і празаікаў, творчасць якіх па розных прычынах доўгі час не была вядомая на радзіме.

Заклучэнне. Такім чынам, першыя працы, у якіх асэнсоўваліся моўныя і стылістычныя асаблівасці твораў беларускай літаратуры, узніклі ў 1920-я гг. і былі прысвечаны разгляду дасягненняў і пралікаў у мове канкрэтных тво-

раў беларускіх аўтараў. Сярод пачынальнікаў даследавання мовы мастацкай літаратуры ў Беларусі былі не толькі навукоўцы, але і вядомыя пісьменнікі.

Сёння ў беларускай лінгвістыцы, акрамя мноства артыкулаў, ёсць кнігі і дысертацыі, прысвечаныя даследаванню мовы твораў В. Адамчыка, Ф. Багушэвіча, Я. Брыля, В. Быкава, В. Віткі, Н. Гілевіча, В. Дуніна-Марцінкевіча, У. Караткевіча, Якуба Коласа, Кандрата Крапівы, Янкі Купалы, М. Лынькова, І. Мележа, П. Панчанкі, І. Пташнікава, Цёткі, А. Разанава, Я. Сіпакова, Кузьмы Чорнага, Ядвігіна Ш., Ф. М. Янкоўскага. Тэматыка лінгвістычных даследаванняў мастацкіх тэкстаў у апошнія часы даволі разнастайная, аднак найбольш распрацаваны пытанні функцыянальна-стылістычнага выкарыстання лексічных вобразных сродкаў, лексічнага ладу мовы пісьменніка, індывідуальна-аўтарскага слова і фразеаўжывання.

Літаратура

1. Античные теории языка и стиля (антология текстов). – СПб.: Алетейя, 1996. – 362 с.
2. Щерба, Л. В. Предисловие / Л. В. Щерба // Русская речь: науч. тр. / Фонетический институт практического изучения языков; под ред. Л. В. Щербы. – Петроград, 1923. – С. 6–8.
3. Виноградов, В. В. Наука о языке художественной литературы и ее задачи / В. В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 51 с.
4. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – Минск: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
5. Пешковский, А. М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики / А. М. Пешковский. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1-я образцовая типография, 1930. – 176 с.
6. Бузук, П. А. Увагі аб мове і стылі маладнякоўцаў / П. А. Бузук // Маладняк. – 1927. – № 5. – С. 65–73.
7. Гарэцкі, М. Колькі слоў аб творах і мове М. Лынькова / М. Гарэцкі // Творы. – Мінск: Маст. літ., 1990. – С. 356–364.

Паступіла 30.05.2011

УДК 371.335.7

Г. Ф. Швед, выкладчык (БДТУ)

МУЗЕЙНЫЯ ЗАНЯТКІ ЯК АДНА З ФОРМ НАВУЧАННЯ І ВЫХАВАННЯ

Музей – гэта культурна-асветніцкая ўстанова, якая з’яўляецца важным кампанентам сістэмы адукацыі. У сённяшніх умовах ідзе супрацоўніцтва навучальных устаноў і музеяў. Музей валодае спецыфічнымі, унікальнымі, уласцівымі толькі яму сродкамі ўздзеяння. Музеі, як і ўстановы адукацыі, фарміруюць гарманічную асобу з шырокім культурным кругаглядам. Кафедра беларускай мовы БДТУ актыўна супрацоўнічае з музеямі г. Мінска.

Museum is cultural-educational institution, which is the significant part of educational system. Nowadays cooperation between scientific places and museums is being livened up. Museum has specific, unique, appropriate only for it means of influence. Museums as an educational institution build up harmonic personality and broaden its cultural horizons. Belarusian language department of BSTU is being actively collaborating with Minsk museums.

Уводзіны. У розныя часы на першы план выходзілі тая ці іншыя функцыі музея, у тым ліку адукацыйныя і выхаваўчыя. У XX ст. замацаваўся падыход да музея як да культурна-асветніцкай установы, якая з’яўляецца важным кампанентам сістэмы адукацыі. Музейная дзейнасць спрыяе развіццю навукі, асветы, мастацтва, разуменню прыроды і гістарычнай спадчыны, фарміраванню агульнакультурнага асяроддзя. У абноўленай сістэме музейнай камунікацыі наведвальнік перастае разглядацца як маўклівы аб’ект уздзеяння, а становіцца суб’ектам, раўнапраўным удзельнікам камунікатыўнага працэсу. У новых умовах пачынае актыўна распрацоўвацца і выкарыстоўвацца паняцце «музейная педагогіка». Музеі выходзяць за межы простага асветніцтва, перад імі ўсё больш паўстаюць задачы выяўлення выхаваўчага патэнцыялу музейнай інфармацыі [1].

У сённяшніх умовах ідзе супрацоўніцтва навучальных устаноў і музеяў. Музей становіцца часткай сістэмы бесперапыннай адукацыі. Але паняцце «адукацыя» не абмяжоўваецца толькі навуковымі ведамі. Яно патрабуе больш шырокага тлумачэння, бо ў якасці элементаў культуры, якія ствараюць цэласную карціну свету, выступаюць таксама мастацтва, мараль, палітыка, рэлігія, побыт, звычкі і г. д.

Музей валодае спецыфічнымі, унікальнымі, уласцівымі толькі яму сродкамі ўздзеяння. З іх дапамогай раскрываецца яго культурна-асветніцкі патэнцыял. Музей фарміруе ў чалавека асабістыя, эмацыянальна афарбаваныя адносіны да тых ці іншых фактаў. Не менш за музейны прадмет і музейную экспазіцыю само музейнае асяроддзе выступае істотным сродкам педагогічнага ўплыву на чалавека. У ім ствараецца непаўторная эмацыянальна-эстэтычная атмасфера, якая моцна ўздзейнічае на асобу.

Запатрабаванні часу ўносяць карэктывы ў працу музеяў. Апошнія разам з традыцыйнымі лекцыямі і экскурсіямі сталі выкарыстоўваць у сваёй дзейнасці наступныя формы – клубы па

інтарэсах, музейныя святы, студыі, прэзентацыі. Але трэба адзначыць, што абавязковай умовай эфектыўнасці гэтых форм і захавання музейных функцый з’яўляецца выкарыстанне спецыфічных музейных сродкаў. Прэзентацыі новых выданняў сталі ўжо традыцыйнымі для беларускіх літаратурных музеяў, якія дазваляюць аўтарам сустрэцца з аўдыторыяй, а наведвальнікам – сачыць за падзеямі ў літаратурным жыцці. У клубы па інтарэсах запрашаюцца знакамітыя гісторыкі, літаратары, навукоўцы, абмяркоўваюцца цікавыя для аўдыторыі тэмы. У сувязі з тым, што да ўдзелу ў масавых мерапрыемствах актыўна далучаецца творчая інтэлігенцыя, пашыраецца ўзаемадзеянне музея з іншымі ўстановамі культуры і навукі.

Асноўная частка. Кафедрай беларускай мовы Беларускага дзяржаўнага тэхналагічнага ўніверсітэта арганізавана наведванне са студэнцкімі групамі наступных музеяў: Дзяржаўны мастацкі музей, Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, Дзяржаўны літаратурны музей Я. Купалы, Дзяржаўны літаратурна-мемарыяльны музей Я. Коласа, Літаратурны музей М. Багдановіча, Дзяржаўны музей гісторыі і культуры, Дзяржаўны музей прыроды і экалогіі.

Хацелася б спыніцца на апошнім. На кафедры беларускай мовы Беларускага дзяржаўнага тэхналагічнага ўніверсітэта дзейнічае экалагічны гурток «Крыніца», удзельнікамі якога з’яўляюцца студэнты ЛГФ. Адна з форм работы гуртка – музейныя заняткі ў Дзяржаўным музеі прыроды і экалогіі Рэспублікі Беларусь.

Музей заснаваны ў 1991 г. на базе заалагічнай і батанічнай калекцыі свайго папярэдніка – Дзяржаўнага музея БССР. Сёння – гэта пастаянная экспазіцыя, размешчаная ў шасці тэматычных залах. Іх агульная плошча – усяго 260 м². Экскурсаводы раскажваюць пра карысныя выкапні Беларусі, сезонныя змены ў прыродзе, пра рэкі, азёры і іх насельнікаў. Дзве залы знаёмяць з лясным багаццем краіны. Пра рэдкія ві-

ды раслін, жывёл і птушак, якія трэба берагчы і ахоўваць, можна даведацца ў зале Чырвонай кнігі. Кожная экскурсія мае гукавое суправаджэнне. Перад наведвальнікам адкрываецца багаты і таямнічы свет лясных гукаў. Тут можна пачуць, як спяваюць птушкі, як завываюць ваўкі і рохкаюць дзікі.

За год музей наведваюць прыкладна 50 тысяч чалавек. Штодзень праходзіць каля 10 экскурсій. Яны разлічаны на людзей рознага ўзросту: школьнікаў, студэнтаў, усіх аматараў прыроды. У музеі вядзецца навуковая работа. З ёй спраўляюцца тры аддзелы. Навукова-асветніцкі праводзіць экскурсіі, у навукова-фондавым захоўваюць музейныя калекцыі, адзел таксідэрміі робіць чучалы, папаўняе спіс экспанатаў жывой прыроды. Пастаянна пашыраюцца тэмы экскурсій, каб людзі атрымлівалі дастатковы аб'ём экалагічнай інфармацыі.

Вартае асаблівай увагі музейнае багацце. Ёсць самая вялікая ў Беларусі калекцыя птушчых яек (аэлагічная). У арніталагічнай сабраны амаль усе віды птушак, захоўваюцца цікавая энтамалагічная і багатая калекцыя млекакормячых. Іх агульны склад 35 тысяч экзemplяраў.

Калекцыі музея складаецца з 41 чалавека, з іх 16 – навуковыя супрацоўнікі. Любоў да прыроды і сваёй справы дапамагае калектыву працаваць, папаўняць калекцыі, ствараць навуковую канцэпцыю музея.

У 2009 г. са студэнтамі I курса ЛГФ была праведзена экскурсія ў Бярэзінскі біясферны запаведнік, якая выклікала зацікаўленасць у будучых спецыялістаў. На тэрыторыі Бярэзінскага біясфернага запаведніка плошчай 85 тыс. га чалавеку дазволена толькі назіраць за працэсамі, якія тут адбываюцца. Умешвацца ў іх забаронена.

Крыху больш за 80 гадоў таму галоўнай вартасцю мясцін, якія сёння называюцца пярлінай прыроднай спадчыны Еўропы, былі... пасяленні баброў. Менавіта дзеля захавання гэтага, рэдкага тады ў Беларусі звярка ў 1925 г. быў заснаваны Бярэзінскі запаведнік, адзін з першых у былым СССР. Праз 15 гадоў бабры не толькі запаланілі Бярэзіну, але і рассяліліся па ўсёй Беларусі. А запаведніку, які выканаў сваю задачу, зноў жа ў ліку першых у Савецкім Саюзе, у 1978 г. прысвоілі статус біясфернага. Тым самым на Бярэзінскі было ўскладзена абавязальства па захаванні ўсталяванай тут біялагічнай разнастайнасці.

Сімвалам гэтай тэрыторыі стаў буры мядзведзь, адлюстраваны на фоне сасны і зарасніку вярбы ўздоўж берагоў. Багаты раслінны і жывёльны свет запаведніка – не менш прываблівая асаблівасць гэтай тэрыторыі. Аднак для

сусветнай супольнасці самы вялікі інтарэс прадстаўляюць, безумоўна, рэдкія віды флоры і фауны, занесеныя ў Чырвоную кнігу. Іх у запаведніку налічваецца каля сотні: 58 відаў птушак, 9 – млекакормячых, 38 – раслін. Цяпер галоўная задача – дабіцца ўключэння Бярэзінскага запаведніка ў Спіс сусветнай спадчыны ЮНЕСКА. Крокі ў гэтым напрамку ўжо зроблены. 15 гадоў таму Бярэзінскі першым сярод запаведнікаў Беларусі быў удастоены спецыяльнага дыплама Еўропы.

Летапіс прыроды, які вядзецца ў запаведніку ўжо 40 гадоў, скрупулёзна фіксуе ўсе змены, якія адбываюцца ў мясцовай флоры і фауне. Сапраўднай скарбніцай інфармацыі з'яўляецца музей прыроды, створаны тут больш за 20 гадоў таму, які ахвотна наведваюць усе, хто бывае ў запаведніку. Панарамы, якія адлюстроўваюць цяжкадаступныя куточки, чучалы жывёл, галасы птушак, запісаныя на плёнку, робяць незабыўнае ўражанне на дзяцей і дарослых.

Асаблівасцю адпачынку ў Бярэзінскім запаведніку з'яўляецца адсутнасць міжсезоння. Ён аднолькава прыгожы і ў перыяд летняга разнатраўя, калі тут усё цвіце і духмяна пахне, і ў пару залатой восені, і марознай зімой, калі тутэйшыя краявіды нагадваюць казку. Часам, каб трапіць сюды, кліенты браніруюць нумары за месяц. Але павялічваць колькасць гасцінічных нумароў тут пакуль не плануюць. Хаця над развіццём інфраструктуры працуюць пастаянна. У бліжэйшы час, напрыклад, адкрываецца Дом экалагічнай асветы ў Дамжэрыцах, на базе якога плануецца правядзенне канферэнцый і семінараў. Для гэтага тут ёсць усё неабходнае: канферэнц-зала на 200 месцаў, зала на 40 месцаў, бібліятэка, хол для выставак, калекцыйныя залы. Работнікі запаведніка ўпэўнены, што праца, сумешчаная з адпачынкам на ўлонні прыроды, прынясе максімальны эфект. А ў тым, што гэта так, яны штогод упэўніваюцца, прымаючы навукоўцаў, спецыялістаў, турыстаў, якія не першы раз прыязджаюць у запаведнік [2].

Заклучэнне. Такім чынам, можна зрабіць вывад, што музеі дзейнічаюць у сферы дадатковай, неформальнай адукацыі. Музеі, як і ўстановы адукацыі, фарміруюць гарманічную асобу з шырокім культурным круглядам. Гэта сумяшчэнне інтарэсаў дазваляе наладжваць партнёрства, планавачы агульную дзейнасць.

Літаратура

1. Гужалоўскі, А. А. Нараджэнне беларускага музея / А. А. Гужалоўскі. – Мінск, 2001.
2. Цвяткова, Л. Некранутая песня / Л. Цвяткова // Беларусь. – 2007. – № 1.

Паступіла 30.05.2011

УДК 378:81276.6

О. С. Антонова, преподаватель (БГТУ)**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ (ПООИЯ)**

Модель ПООИЯ рассматривается как дидактическая система, направленная на реализацию механизма языковой подготовки студентов неязыковых вузов и предполагающая научное обоснование организационных подходов к определению целей обучения, отбору и структурированию содержания иноязычного обучения, выбору форм, методов и средств обучения, контролю результатов обучения и его коррекции. В статье модель представлена в виде целевого, мотивационного, содержательного, процессуального и контрольно-оценочного компонентов. Приведены некоторые методические рекомендации по наиболее эффективному интегрированию профессионально-ориентированной модели обучения иностранным языкам в учебный процесс.

The article focuses on conceptual model – the professional-oriented teaching foreign languages in a non-linguistic university. Great attention is paid to the structure of this model which is determined as the sum total of methodical steps and exactly: goals, motivation, content, procedure, control and evaluation of the pedagogical process and of student accomplishments according to the specified goals of formation and development of foreign communicative awareness. The paper considers some new techniques and approaches that correspond to modern demands of methodological science and highlights the most important characteristics, which affect the quality of the professional-oriented teaching foreign languages.

Введение. Модель ПООИЯ – это дидактическая система, направленная на реализацию механизма языковой подготовки студентов неязыковых вузов и предполагающая научное обоснование организационных подходов к определению целей обучения, отбору и структурированию содержания иноязычного обучения, выбору форм, методов и средств обучения, контролю результатов обучения и его коррекции.

Основная часть. В структуру модели включены следующие компоненты:

1) целевой – предполагает определение блока целей и задач обучения иностранному языку в неязыковых вузах;

2) мотивационный – связан с наличием потребности овладения иностранным языком, стремлением его совершенствовать, применять на практике;

3) содержательный – предполагает отбор содержания учебного материала;

4) процессуальный – предусматривает выбор методов, форм и средств обучения;

5) контрольно-оценочный – связан с периодической проверкой хода педагогического процесса и оценкой его результатов.

Теоретический анализ программ, концепций иноязычного образования показал, что в настоящее время главная и конечная цель обучения – это активное владение выпускниками неязыкового вуза иностранным языком как средством формирования и формулирования мыслей в области повседневного общения и соответствующей специальности; формирование личности будущего профессионала.

При ПООИЯ студентов неязыковых вузов должны быть успешно реализованы различные цели (практические, образовательные, воспита-

тельные и развивающие). Все эти цели определяются профессиональными коммуникативными и познавательными потребностями специалиста конкретного профиля. В соответствии с этими целями полноценная профессиональная речевая деятельность на иностранном языке предполагает владение определенным языковым материалом, а также навыками и умениями оперировать этим материалом в процессе говорения, письма, слушания и чтения.

В плане достижения воспитательных целей иностранный язык как учебный предмет обладает огромным потенциалом. Разными аспектами воспитания студентов являются активная жизненная позиция; уважение к культуре, историческим и духовным ценностям, достижениям науки других народов; общая культура межличностного общения; осознанное отношение к овладению иностранным языком как средством общения, познания и самосовершенствования.

Достижение развивающих целей означает гармоничное развитие личности студента, что включает в себя: развитие интеллектуальной активности, инициативы, творческих способностей, мышления, совершенствование умений самостоятельно логически и критически мыслить, развитие и совершенствование всех видов памяти, внимания, воображения, речевых коммуникативных возможностей, познавательных способностей.

В соответствии с программой дисциплины «Иностранный язык» приоритетной задачей обучения студентов иностранному языку в неязыковых вузах является формирование коммуникативной компетенции, необходимой для квалифицированной деятельности в различных сферах и ситуациях делового партнерства, совместной производственной и научной работы. Целевой

компонент рассматриваемой модели тесно связан с мотивационным, поскольку принятие целей, осознание их важности и профессиональной значимости оказывают большое влияние на мотивацию учебно-познавательной деятельности студентов. Мотивация в обучении определена как «соотношение целей обучения с потребностями, запросами, интересами личности, а также осознание возможностей их достижения» [1].

Мотивация находит выражение как в общем отношении студента к обучению, так и в его активности в процессе учебной деятельности. Главными структурными компонентами мотивации являются: внутренние мотивы (стремление узнать новое, желание творчески развиваться, расширить знания и т. п.) и внешние мотивы (социальный престиж, заработная плата и т. д.).

Цели и мотивация обучения определяют направления содержательной составляющей модели ПООИЯ, которое предполагает отбор содержания учебного материала. Он должен быть ориентирован на последние достижения в той или иной отрасли человеческой деятельности, своевременно отражать научные достижения в сферах, непосредственно затрагивающих профессиональные интересы обучающихся, представлять им возможность для дальнейшего профессионального роста. Таким образом, в содержание обучения иностранным языкам необходимо включать:

- сферы коммуникативной деятельности, темы и ситуации, речевые действия и материал, учитывающие профессиональную направленность студентов;
- языковой материал (фонетический, лексический, грамматический, орфографический), правила его оформления и навыки оперирования им;
- комплекс специальных (речевых) умений, характеризующих уровень практического овладения иностранным языком как средством общения, в том числе в интеркультурных ситуациях;
- систему знаний национально-культурных особенностей страны изучаемого языка;
- учебные и адаптивные умения, рациональные приемы умственного труда, обеспечивающие усвоение языка в учебных условиях и культуру общения с его носителями.

Одной из основных задач в неязыковых вузах является необходимость научить будущего специалиста читать и понимать (без словаря) содержание текстов по своей специальности. В системе ПООИЯ студентов неязыковых вузов особое место занимает обучение информационному поиску и чтению научно-технических текстов по определенной отрасли знаний. Поэтому при отборе текстового материала следует учитывать его профильную ориентацию, способность вызвать профессиональный интерес и

обеспечить познавательный эффект. В результате чтения осуществляется процесс получения информации, а это, в свою очередь, имеет практическую значимость для будущей профессиональной деятельности специалиста.

Анализ научной и научно-методической литературы, изучение опыта работы преподавателей кафедры иностранных языков привели к выводу о том, что основными факторами, стимулирующими познавательный интерес к овладению навыками чтения, являются страноведческая насыщенность и профессиональная направленность учебного материала, эмоциональная окрашенность текстов, разнообразие тем и жанров, аутентичность текстового материала, коммуникативная направленность заданий. А для этого преподавателю необходимо помочь сориентироваться в цели чтения и выбрать соответствующую стратегию, определить доступные студентам уровни понимания. В овладении языком на каждом конкретном отрезке и этапе обучения помогают учебные умения студентов. Они позволяют им пользоваться справочной литературой, словарями различного характера, литературой профессиональной направленности. Рассматриваемые умения включают в себя: умение работать со справочной литературой, логично и последовательно строить развернутое высказывание, делать учебные записи, кратко фиксировать информацию.

Обучение письменной речи в неязыковых вузах не является самоцелью, а представляет собой один из способов реализации основной цели обучения, т. е. практического владения иностранным языком. В условиях ПООИЯ важным является развитие таких форм письменной речи, как реферирование и аннотирование. Эти виды работы над текстом вырабатывают активный поисковый характер восприятия иноязычной речи, формируют установку на смысловой анализ содержания учебного материала, на выделение наиболее ценной профессионально значимой информации, воспитывают внимание к языковым средствам текста. Они позволяют студентам приобрести навыки логичности, четкости, лаконичности и ясности изложения материала, умения анализировать, обобщать, сравнивать, конкретизировать, которые, несомненно, пригодятся им в будущей профессиональной деятельности.

Ведущей организационной формой в предлагаемой модели ПООИЯ являются практические аудиторские занятия, предусмотренные на всех этапах обучения. Основными характеристиками аудиторного занятия при ПООИЯ являются его комплексность, интегративность, интенсификация речевой деятельности, профессиональная направленность всех языковых аспектов.

Комплексность заключается в необходимости в рамках занятия обучать всем видам речевой деятельности и сообщать новую профессионально-ориентированную информацию.

Интегративность аудиторного занятия прослеживается в установлении междисциплинарных связей, наиболее четким проявлением которых является профессионально значимый компонент и лингвострановедческий комментарий. Профессиональная направленность всех языковых аспектов означает изучение фонетики, лексики, грамматики в пределах текстового материала определенной тематики, связанной с будущей профессиональной деятельностью обучающихся.

Практика проведения аудиторных занятий при ПООИЯ студентов неязыковых вузов показывает, что наиболее эффективными являются те аудиторные занятия, где достигается интеграция основных дидактических принципов (доступности, последовательности, систематичности и научности) и методических принципов (принцип прочности, активности, коммуникативно-профессиональной направленности, принцип индивидуализации). В условиях ПООИЯ в неязыковых вузах при создании упражнений необходимо принять во внимание следующее:

1) разнообразие видов работ, заданий, выполняемых в парах, группах, индивидуально; способов презентации информации;

2) логическую связь от простого к сложному, от известного к неизвестному;

3) максимальную вовлеченность всех студентов в процесс обучения;

4) использование творческого потенциала на всех этапах изучения материала для совершенствования навыков и умений;

5) создание благоприятной учебной атмосферы для снятия психологического стресса и побуждения проявлять инициативу [2].

В условиях ПООИЯ особое значение приобретает совершенствование самостоятельной работы обучающихся. Помимо того, что самостоятельная работа вызывает активность студентов, она обладает еще одним важным достоинством – носит индивидуализированный характер. Каждый студент использует источник информации в зависимости от своих собственных потребностей и возможностей. Самостоятельная внеаудиторная работа студента есть следствие правильно организованной его учебной деятельности на занятии, что мотивирует ее расширение, углубление и продолжение в свободное время. При ПООИЯ самостоятельная работа студента представлена главным образом индивидуальным внеаудиторным чтением. В процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов целесообразно использовать следующие виды самостоятельного внеаудиторного чтения:

– по заданию преподавателя, которое предполагает чтение профессионально-ориентированных текстов, соответствующих по своей тематике текстам, изучаемым на аудиторных занятиях, но содержащих дополнительную информацию;

– предусматривающее работу с текстами по домашнему чтению. Студенты самостоятельно подбирают тексты с профессиональной направленностью. Они лишь получают от преподавателя указания относительно количества материала, который они должны прочитать за определенный промежуток времени.

Таким образом, приходим к выводу о том, что внеаудиторное чтение как вид самостоятельной работы при ПООИЯ студентов неязыковых факультетов вуза носит четко выраженный познавательный характер, является одним из способов сохранения и обогащения активно-словарного запаса обучающихся.

Изложенное выше показывает, что формы организации обучения – это способы построения учебной работы в определенном порядке объединения обучающихся (коллективные, групповые, индивидуальные) и временном режиме исполнения (учебные аудиторные занятия, самостоятельная работа). При ПООИЯ в неязыковых вузах целесообразным является применение всех форм обучения: фронтальной, групповой, парной, индивидуальной. Сочетание этих форм, выбор наиболее оптимальной определяются преподавателем в зависимости от решаемых на занятии учебно-воспитательных задач, от содержания, его объема и сложности, от специфики учебной группы и отдельных ее членов, уровня их учебных возможностей, от отношений студентов между собой, от той доверительной атмосферы, которая установилась в группе.

Реализация модели ПООИЯ предполагает использование различных средств обучения, которые позволяют затрагивать эмоциональную сферу жизни обучающихся, активизировать их мыслительные процессы (анализ, синтез, сравнение, умозаключение) и стимулировать их речевую деятельность. Главное назначение средств – ускорить процесс усвоения учебного материала, т. е. приблизить его к наиболее эффективным характеристикам. В обучении иностранным языкам в неязыковых вузах – создать иллюзию общения в иноязычной среде для быстрого освоения языка. Под средствами обучения в педагогике понимаются, как правило, вспомогательные материалы и орудия, разнообразное оборудование и реальные объекты, которые позволяют преподавателю более успешно и рационально достигать поставленных целей, решая при этом определенные дидактические задачи [3].

Учитывая специфику преподавания иностранного языка в неязыковых вузах, целесо-

образно использование интенсивные методы обучения. Особого внимания при ПООИЯ заслуживает метод активизации возможностей личности и коллектива (Г. А. Китайгородская). В основу метода положена такая организация материала и процесса обучения, при которой используются дополнительные психические резервы личности и коллектива, обусловленные их взаимодействием. Это позволяет увеличить объем усваиваемого материала и вариативность приемов. Более глубокое освоение иностранного языка достигается при использовании метода проектов, учебно-ролевых игр, тестирования, дискуссий, устных и письменных презентаций и т. д.

Специфику метода активизации определяют следующие принципы: коллективного взаимодействия, личностно-ориентированного общения, ролевой организации образовательного процесса, концентрированности в организации учебного материала и учебного процесса, полифункциональности упражнений [4].

По мере модификации содержания образования на каждом уровне изменяются и средства обучения. Так, на уровне учебного занятия используются:

1) идеальные: языковые системы знаков, используемые в устной и письменной речи; средства наглядности (схемы, рисунки, чертежи, диаграммы, фото и т. п.); учебные компьютерные программы по теме занятия; организующая и координирующая деятельность преподавателя; уровень квалификации и внутренней культуры педагога; формы организации учебной деятельности на учебном занятии;

2) материальные: отдельные тексты из учебника, пособий и книг; отдельные задания, упражнения, дидактические материалы; тестовый материал; средства наглядности (предметы, действующие макеты, экспонаты); технические средства обучения; лабораторное оборудование; книги-первоисточники.

Процесс обучения может быть представлен определенной суммой дидактических ситуаций преподавателя и обучающихся, к которым можно отнести ситуацию планирования, организацию понимания, самостоятельной работы, тренировки и применения, где в качестве средств выступают не только учебные принадлежности, пособия и материалы, но и специальные знания и приемы преподавателя, знания и умения обучающихся. Предлагается следующая классификация средств обучения иностранным языкам:

– лингвистические – специально отобранные, предназначенные для обучения иностранным языкам, учебные материалы и единицы данного языка: словарь, учебная грамматика, правила, лингвистические значки и символы;

– методические – профессиональные понятия и термины, методические рекомендации, учебные пособия и материалы, а также компоненты, составляющие их (упражнения, задания, алгоритмы и т. д.);

– технические – трансляторы лингводидактических материалов, обеспечивающие их воспроизведение в целесообразных формах.

Учитывая достоинства данной классификации, целесообразно использовать ее в качестве базовой при рассмотрении процессуального компонента модели ПООИЯ в неязыковых вузах.

Важным и ответственным при разработке модели ПООИЯ в неязыковых вузах является этап оценки и контроля результатов обучения, его коррекции. В связи с этим считается необходимым включение контрольно-оценочного компонента в модель ПООИЯ студентов неязыковых вузов.

Заключение. Модель ПООИЯ представлена в виде следующих компонентов: целевого, мотивационного, содержательного, процессуального и контрольно-оценочного. Использование данной модели в процессе обучения иностранным языкам в неязыковых вузах способствует формированию у обучающихся следующих умений и навыков:

1) в устной и письменной форме устанавливать и поддерживать контакт с партнером по общению, сообщать и запрашивать информацию различного объема и характера, логично и последовательно высказываться и адекватно реагировать на высказывания партнера по общению;

2) использовать различные стратегии извлечения информации из звучащего или письменного текста (понимание основного содержания, понимание полного содержания и поиск необходимой интересующей информации) и интерпретировать (творчески перерабатывать) полученную информацию.

Литература

1. Бердичевский, А. А. Оптимизация системы обучения иностранному языку в педагогическом вузе / А. А. Бердичевский. – М.: Высш. шк., 1989. – 101 с.

2. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М.: Высш. шк., 1991. – 208 с.

3. Грабой, Т. А. Формирование профессиональной коммуникативной компетенции на материале языка специальности в неязыковом вузе: дис. ... канд. пед. наук / Т. А. Грабой. – М., 2002. – 172 с.

4. Китайгородская, Г. А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам / Г. А. Китайгородская. – М.: Высш. шк., 1982. – 140 с.

Поступила 15.03.2011

УДК 378.1

Н. А. Козловская, преподаватель (БГТУ)**ИНТЕГРАЦИЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ В СТУДЕНЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВ**

Автор статьи констатирует тот факт, что одним из важных моментов в организации воспитательного процесса остается работа со студентами-первокурсниками. В статье также отмечается, что выявление трудностей, выступающих перед студентами на первом курсе в вузовской системе обучения, и определение путей их преодоления позволит повысить академическую активность студентов, успеваемость и качество знаний. Решение этой проблемы поможет избежать отчисления студентов на первом курсе, выработать привычку к дисциплине и труду, усилить интеллектуальный потенциал нашей страны.

The author of the article states that one of the important moments in the organization of educational process is working with the first-year students. It is also noted in the article that the identification of difficulties that first-year students encounter in a high educational institution, and the ways to overcome them will enhance the academic activities of students, their progress and quality of knowledge. The solution to this problem will allow students to avoid expulsion in the first year, retain the knowledge gained in secondary school, develop the habit of discipline and hard work, and strengthen the intellectual potential of our country.

Введение. Первый год обучения в вузе особенно труден для студента. Переходный период от обучения в школе к обучению в вузе характеризуется значительными изменениями места юности или девушки в системе доступных им отношений, да и всего образа жизни в целом. Поэтому организации работы со студентами-первокурсниками по их интеграции в студенческий коллектив должно быть уделено очень большое внимание.

Будет ли студент овладевать знаниями с радостью и желанием и будет ли тем самым обеспечена высокая успеваемость, не в последнюю очередь зависит от того, как сложатся отношения внутри учебных коллективов, между студентами и преподавательским составом, между студенчеством и администрацией вуза на начальном этапе обучения [1].

Основная часть. Социальный состав студенчества в основном отражает социальную структуру нашего общества. Время учебы в вузе совпадает с первым периодом зрелости, который отличается сложностью становления личностных черт. Характерной чертой нравственного развития является усиление мотивов поведения. Заметно развиваются те качества личности, которых не хватало в полной мере в старших классах: целеустремленность, решительность, настойчивость, самостоятельность, инициативность, умение владеть собой. Повышается интерес к моральным проблемам: цели, образу жизни, долгу, любви, верности и др.

Начало обучения в высшем учебном заведении, принятие учеником школы новой социальной роли – роли студента – наиболее значимый период, существенно влияющий на возможности личной самореализации, профессионального самоопределения и построения карьеры. Именно в этот период происходит первая

встреча студента с той психологической средой, которая создана в учебном заведении и с которой ему предстоит в различных формах и по разным поводам взаимодействовать все годы обучения. Будет ли заложен в период адаптации студента фундамент его дальнейшего успешного обучения, профессионального становления, или с приходом в учебное заведение выпускник школы попадет в чужой, непонятный, а следовательно, и враждебный мир? Студент должен очень быстро сориентироваться и с новых позиций освоить способы и методы учебной деятельности, понять систему норм и правил, существующих на факультете и в группе, разработать свою систему ценностей по отношению к учебе, предстоящей работе, преподавателям.

Для деятельности студента в этот период характерна интенсивность функционирования психики, необычно высокое интеллектуальное и эмоциональное напряжение; в процессе деятельности у студента возникают перегрузки и появляются задачи, вызывающие напряженность (сдача экзаменов, зачетов, выполнение контрольных работ и т. д.). Все это требует психической и психологической мобилизации и может привести к нервно-психическому перенапряжению.

Успешность интегративных процессов у студентов можно рассматривать как их включенность:

- 1) в новую социальную среду;
- 2) учебно-познавательный процесс;
- 3) новую систему отношений [2].

Также для успешной интеграции необходимым условием является проявление активной позиции, которая должна быть не только у преподавателя, но и у студента, т. е. должна быть совместная деятельность. Студент должен сам находить и выбирать для себя способы и пути

достижения той или иной образовательной цели, преподаватель – *создавать для этого условия*.

Главная задача педагога, особенно в адаптационный период, раскрыть перед студентами широкое поле выбора, которое часто не открывается перед людьми юношеского возраста из-за их ограниченного жизненного опыта, недостатка знаний и неосвоенности всего богатства культуры. Раскрывая такое поле выборов, преподаватель не должен, да и не может скрыть своего оценочного отношения к тому или иному выбору. Следует только избегать однозначных и директивных способов выражения этих оценок, всегда сохраняя за студентом право на самостоятельное принятие решения. В противном случае ответственность за любые последствия принятых решений он с себя снимет и переложит на преподавателя или куратора учебной группы [3].

Именно на первом курсе формируется отношение молодого человека к учебе, к будущей профессиональной деятельности, продолжается активный поиск себя. Даже отлично окончившие школу первокурсники на первом курсе не сразу обретают уверенность в своих силах. Первая неудача порой приводит к разочарованию, утрате перспективы, отчуждению, пассивности. В связи с такими причинами интеграция первокурсников может вызвать множество трудностей.

Сложности интеграции вчерашних школьников на начальных этапах обучения в вузе обусловлены рядом особенностей. Вуз представляет собой новую систему обучения, которая характеризуется большим объемом изучаемого материала, повышенной самостоятельностью и ответственностью студентов. Вместе с тем первокурсник входит в совершенно новый для него студенческий коллектив факультета, курса, учебной группы со своими специфическими структурами и психологическими характеристиками. Новым для него выступает и педагогический коллектив вуза, представленный, как правило, лицами, имеющими ученые степени и звания, и вызывающий тем самым иные реакции у студентов по сравнению с учителями школ.

Все эти новые условия жизни и учебной работы, в которые без особой предварительной подготовки вступает первокурсник с первых же дней студенческой жизни, достаточно противоречивы. С одной стороны, новые обстоятельства приводят к переживаниям духовного подъема, повышенного интереса, радости. С другой стороны, эти же обстоятельства ставят перед студентом новые трудности, барьеры, а следовательно, вызывают переживания растерянности, неудовлетворение и даже стрессовые ситуации. Иными словами, интеграция школьни-

ков в студенческий коллектив проходит не безболезненно.

Специфика процесса интеграции в вузах определяется различием в методах обучения и в его организации в средней школе и в вузе, что порождает своеобразный отрицательный эффект – дидактический барьер. Первокурсникам не хватает различных навыков и умений, которые необходимы в вузе для успешного овладения программой. Попытки компенсировать это усидчивостью не всегда приводят к успеху. Проходит немало времени, прежде чем студент приспособится к условиям обучения в университете. Многими это достигается слишком большой ценой. Отсюда и низкая успеваемость на первом курсе и большой отсев по результатам сессии. Приспособление к новым условиям требует много сил, из-за чего возникают существенные различия в деятельности и результатах обучения в школе и в вузе. Одной из причин низких темпов интеграции студентов является несогласованность в педагогическом взаимодействии между преподавателем и студентом при организации способов учения [4].

На основе результатов анкетирования и социометрии определены следующие трудности в адаптации студентов первого курса:

- отрицательные переживания, связанные с уходом бывших учеников из школьного коллектива с его взаимной и моральной поддержкой;
- неопределенность мотивации выбора профессии, недостаточная психологическая подготовка к ней;
- неумение осуществлять психологическое саморегулирование поведения и деятельности, усугубляемое отсутствием повседневного контроля педагогов;
- поиск оптимального режима труда и отдыха в новых условиях;
- налаживание быта и самообслуживания, особенно при переходе из домашних условий в общежитие;
- отсутствие навыков самостоятельной работы, неумение конспектировать, работать с первоисточниками, словарями, справочниками и др.

На протяжении начальных курсов формируются навыки и умения рациональной организации умственной деятельности, осознается (или не осознается) призвание к избранной профессии, вырабатывается оптимальный режим труда, досуга и быта, устанавливается система работы по самообразованию и самовоспитанию профессионально значимых качеств личности.

Процесс интеграции протекает на нескольких уровнях как приспособление к новой системе обучения, к изменению режима труда и отдыха, к вхождению в студенческий коллектив. Все это сопровождается существенной

перестройкой жизни и психических и психологических состояний студента.

Интеграция первокурсников к новым условиям имеет комплексный характер, что определяет множество подходов к ее исследованию. Психологами выделены следующие критерии адаптации студентов:

1) осознание необходимости усвоения определенной суммы знаний в избранной специальности;

2) готовность выполнять предъявленные вузом требования и соответствующие возрасту и статусу функции;

3) эмоциональное состояние студента, которое влияет на результат учебной деятельности. При этом эмоциональное состояние выступает субъективным индикатором, отражающим удовлетворенность требованиям в вузе;

4) отсутствие частых конфликтов между студентом и другими членами группы;

5) степень реализации студентов в своем поведении и межличностных отношениях социальных и моральных норм, одобряемых обществом;

6) достижение студенческой группой целостно-ориентированного единства по основным вопросам (отношение к учебе, избранной специальности и т. п.).

Исследования показали, что у 20% первокурсников эти проблемы остаются до окончания первой ступени обучения, а у 5% – остаются полностью до окончания учебы.

Резкая ломка многолетнего привычного рабочего стереотипа, основу которого составляет открытое И. П. Павловым психофизиологическое явление – динамический стереотип, зачастую приводит к стрессовым реакциям и нервным срывам. Именно поэтому период адаптации, связанный с ломкой прежних стереотипов, может на первых порах обусловить сравнительно низкую успеваемость студентов и трудности в общении. У одних студентов выработка нового стереотипа проходит скачкообразно, у других – ровно. Несомненно, особенности этой перестройки связаны с характеристиками высшей нервной деятельности, однако и социальный фактор играет при этом определенную роль. Знание индивидуальных особенностей студента, на основе которых строится система включения его в новые виды деятельности и новый круг общения, дает возможность избежать дезадаптационного синдрома, сделать

процесс интеграции ровным и психологически комфортным [5].

Заключение. Интеграция студентов-первокурсников в студенческий коллектив – первый этап развития, формирования творческой личности как субъекта профессиональной деятельности. Выявление трудностей, которые испытывают студенты на первом курсе в вузовской системе обучения, и определение путей их преодоления позволят повысить академическую активность студентов, успеваемость и качество знаний.

Наши результаты – это результаты наших студентов. Приходя в БГТУ получить профессию и изучая различные дисциплины, наши студенты должны приобретать нечто более значимое, чем знания по конкретным предметам, – это уверенность в себе, развитые речь и мышление, память, коммуникабельность, ответственность, стремление к самообразованию. Поэтому работа профессорско-преподавательского состава по социально-педагогической адаптации студентов к условиям обучения в вузе на первом курсе является составной частью специальной системы социально-воспитательной работы. Внимание к каждому студенту, создание условий для самореализации – большая социальная, психологическая задача для нашего коллектива.

Литература

1. Годник, С. М. Трудности первокурсников: что о них полезно знать педагогам высшей и средней школы / С. М. Годник. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1997. – С. 34–38.
2. Андреева, Д. А. О понятии адаптация / Д. А. Андреева // Человек и общество. – Л.: ЛГУ, 1973. – С. 62–69.
3. Муратова, Е. И. Модель адаптации студентов к профессиональной среде / Е. И. Муратова // Высшее образование в России. – 2009. – № 6. – С. 91–97.
4. Чикина, Т. Е. Адаптивное обучение первокурсников / Т. Е. Чикина // Высшее образование в России. – 2009. – № 6. – С. 143–145.
5. Селиверстова, О. В. Принципы процесса профессиональной социализации студента в контексте синергетической парадигмы образовательной среды вуза / О. В. Селиверстова // Высшее образование сегодня. – 2010. – № 5. – С. 91–93.

Поступила 15.03.2011

УДК 378

А. М. Романова, старший преподаватель,
исполняющая обязанности заведующей кафедрой (БГТУ)

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СУЩНОСТИ ТВОРЧЕСТВА

Формирование мировоззрения современного инженера происходит совокупно формированию его творческих навыков, творческой и профессиональной направленности. Проблеме творчества посвящено немало трудов педагогов, психологов, философов. Историко-философский анализ проблемы творчества позволяет рассмотреть преобразование данного явления в динамике: процесс – результат деятельности.

The article focuses on the problem of developing world outlook of students of engineering professions in pedagogical, psychological and philosophical literature. According to the historical and philosophical analyses creativity and creative work were studied in different ways, and various new approaches were demonstrated.

Введение. Историко-философский анализ проблемы сущности творчества осуществлен в работах многих отечественных философов (В. С. Библера [1], В. Ф. Овчинникова [2, с. 19–26] и др.).

В развитии представлений о творчестве, его природе и сущности можно выделить три характерных периода:

1) *преддеятельностный* – идеи творчества в своей основе тяготели к онтологическому принципу (период до классической немецкой философии);

2) *деятельностно-идеалистический* – основан на классической немецкой идеалистической философии (И. Кант [3], И. Г. Фихте [4], Ф. Шеллинг [5], Г. Гегель [6]);

3) *деятельностно-материалистический* – связан с утверждением и развитием диалектического материализма. Это переломный период, характеризующийся пониманием творчества как предметно-практической деятельности (К. Маркс [7], Л. Фейербах [12]).

Основная часть. Философское и научное познание, выйдя из-под влияния теологии, начинает свое бурное развитие, в корне изменившее представление о мире и путях познания его. Постановка проблемы творчества и предпосылки ее решения были подготовлены в немецкой классической философии, выдвинувшей идею деятельностного отношения человека к действительности и явившейся теоретическим источником развития диалектико-материалистической теории творчества. В трудах И. Канта [3], И. Г. Фихте [4], Ф. Шеллинга [5], Г. Гегеля [6] получили дальнейшее развитие идеи творческой деятельности по пути расширенной универсализации, выявления и анализа всеобщего механизма творческой активности. Проблема творчества решалась ими в контексте исследования исторического развития форм деятельности, рассматривалась диалектика репродуктивного и продуктивного.

Исходные принципы *деятельностной концепции творчества* были сформулированы

И. Кантом. Рассматривая новое знание как результат деятельности человека, он преобразовывает представления обо всех структурных компонентах творческого процесса. Впервые у Канта субъектом творческой деятельности становится человек, а смыслом тех изменений, которые он вносит в философское осмысление творчества, является идея самодеятельной активности творческого субъекта. Новое знание зарождается, по Канту, в сфере спонтанной свободной самодеятельности, предметом которой является изменение самой деятельности и ее субъекта. Начиная с Канта, принцип самодеятельной активности субъекта становится стержневым в понимании диалектики творчества, обеспечивая мировоззренческое и идейное единство учений о творчестве немецкой классической философии. Кант впервые сформулировал положение о том, что основанием всеобщности и необходимости результатов творческой самодеятельности является культура общества, а сфера творческой самодеятельности – это «сфера синтезирующей деятельности продуктивного воображения и трансцендентальной апперцепции» [3, с. 25].

В философской системе И. Г. Фихте центральной является проблема исследования *механизмов творческого процесса*. Для И. Канта механизмы творческого акта непознаваемы, И. Г. Фихте же раскрывает внутренние источники творческого процесса, впервые применяя деятельностный принцип в его исследовании. Творчество раскрывается Фихте как процесс саморазвития, саморазвертывания деятельного субъекта. Творчество определяется как деятельность самополагания, самоосуществления абсолютного субъекта («Я»), а категории «самоосуществление», «самоопределение» становятся у И. Г. Фихте центральными в объяснении механизмов творческого процесса. Результатом творческого акта, тем новым, что действительно создается в процессе творчества, является сам субъект, богатство его продуктивных

сил. В основу исследования механизмов категориального синтеза он кладет принцип противоречия и рассматривает любой компонент творческого процесса как полагание противоположностей и их синтез, тем самым проникая в диалектику самого субъекта деятельности. Творческий акт, по И. Г. Фихте, распадается на процесс и результат, идея целостности исчезает, и он приходит к дуализму в понимании творческого процесса [4, с. 58].

Попытка выявить *социальную природу творчества* связана у Г. Гегеля с идеей культурно-исторической детерминации. При анализе данной проблемы исследователями выделяются следующие аспекты: концепция единой логики развития общественных и индивидуальных форм творчества; рассмотрение проблем филогенеза творческого мышления. Процесс творчества предстает в форме духовного общения между всеобщим и индивидуальным, причем индивидуальные формы творчества Г. Гегелем игнорируются, а формообразования субъективного духа служат лишь способом выявления содержания всеобщего [6, с. 32].

Новый этап в развитии теоретических представлений о творчестве связан с *антропологическим материализмом* Л. Фейербаха, который стремился связать творчество с обыденной жизнью человека, выявив ее гуманистический творческий смысл, и представить творчество во всех жизненных проявлениях, чем способствовал переориентации всей проблематики теории творчества на сферу реальной непосредственной жизнедеятельности людей. Категориальная определенность творчества может быть представлена как синтез объективного чувственного бытия и мышления, логики и предметной жизни. По мнению Л. Фейербаха, «творческий акт есть слияние чувства и разума, и это противоречивое единство составляет внутренний источник вдохновения». В творческом процессе присутствует опосредование двоякого рода: предметно-чувственной действительностью и отношениями людей, складывающимися в процессе творчества. Необходимой формой бытия творческой деятельности выступает общение людей, идея развития диалектики творчества в форме диалога является центральной в учении Л. Фейербаха. Проблема исследования творчества в контексте форм общения связана у Л. Фейербаха с идеей самоосуществления человека, развития его индивидуальных творческих сил [12, с. 42].

Концепция К. Маркса о *генетическом единстве творчества с развитием общественно-трудовой практики человека* наложила отпечаток на развитие последующих концепций проблемы творчества. Карл Маркс рассматривал

человеческий труд как всеобщую основу созидания, совпадающую в этом своем родовом значении с творчеством. Здесь деятельность приобретает характер социальной самодеятельности, в которой человек предстает как саморазвивающееся существо, как субъект и одновременно результат своей собственной деятельности. Главная заслуга К. Маркса в развитии представления о творчестве в том и состоит, что он впервые понимание творчества связал с предметно-практической деятельностью. Диалектико-материалистический подход к проблемам творчества исходит из признания того, что творчество возникает и развивается в процессе взаимодействия субъекта и объекта на основе общественно-исторической трудовой практики [7, с. 6].

Исследование проблем творчества в русской философской мысли второй половины XIX – начала XX в. развивалось в двух направлениях: материалистическом (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский) и философско-религиозном (В. А. Соловьев, Н. А. Бердяев).

Попытку соединить творчество с религией предпринял Н. А. Бердяев. В работе «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» он пишет: «Я верю, что Бог зовет человека к творческому порыву и к творческому ответу на любовь Бога. Наше творчество должно выражать нашу любовь к Богу». Н. А. Бердяев поднимает проблему оправдания человека творчеством. Не эволюция, а творческое развитие должно быть открыто в мире; учение о творческом развитии предполагает свободу как основу необходимости и личность как основу всякого бытия; творчество рождается из свободы, из необходимости рождается лишь эволюция [8, с. 77].

В работах Е. Н. Князевой по творчеству отмечается, что *синергетика*, или теория самоорганизации, ориентирована на поиск неких универсальных образцов (паттернов) эволюции и самоорганизации сложноорганизованных систем. Предлагаются синергетические гипотезы, которые могут быть полезны для осмысления механизмов творческого процесса. «Просмотр различных, альтернативных ходов развития мыслей, продумывание и варьирование ассоциаций на заданную тему играют позитивную роль в творческом процессе. В результате нарабатывается некий продуктивный ментальный мицелий (пересеченная, сложноорганизованная сеть ходов), который служит полигоном для свободного движения мысли, для ее выхода в иные измерения, на новые уровни» [10, с. 113].

Заключение. Теоретические разработки отечественных и зарубежных философов по проблеме творчества нашли свое отражение в

исследованиях, осуществляемых в психологии и педагогике. Анализ психолого-педагогических исследований свидетельствует о существовании различных тенденций в изучении проблем творчества: одни ученые (С. О. Грузенберг, В. С. Юркевич и др.) рассматривают специфику творчества, творческого процесса, механизмы, детерминанты творческой деятельности; другие (В. И. Андреев, В. А. Левина, В. А. Кан-Калика, Н. Д. Никандрова и др.) акцентируют свое внимание на «носителе» творчества, исследуя способности к творчеству, качества творящего субъекта, условия, способствующие развитию творческой личности.

В настоящее время П. С. Дышлевым сформулированы основные задачи науки в области исследования проблем творчества:

– выработка общей системы философско-мировоззренческих ориентиров, позволяющих подойти к определению сущности и фундаментальных закономерностей творчества в целом и установить отношение философии к формирующейся теории творчества и соответствующей отрасли теоретического знания;

– разработка общих подходов к познанию сущности творчества как определенного социального феномена;

– создание концепции управления творческими силами человека – воспитание и развитие способности к творчеству, стимулирование творческой деятельности, обеспечение ее результативности, планомерное достижение творческого успеха и т. п. [11, с. 32].

В существующих подходах к решению этой задачи прослеживаются две тенденции:

1) возможность управления с алгоритмизацией творческой деятельности, с разработкой «технических приемов», использование которых вело бы к открытию нового;

2) косвенный путь управления творчеством – создание условий, благоприятных для творчества (создание ситуации, способствующей интуитивному схватыванию идеи решения твор-

ческой проблемы; воспитание необходимых способностей, качеств личности творца; создание творческого климата в коллективе).

Литература

1. Библер, В. С. Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога) / В. С. Библер. – М.: Политиздат, 1975. – 399 с.
2. Овчинников, В. Ф. Деятельностная основа творчества (историко-философский анализ проблемы) / В. Ф. Овчинников // Творческая природа научного познания. – М.: Наука, 1984. – 288 с.
3. Кант, И. Сочинения. В 6 т. Т. 5 / И. Кант. – М.: Мысль, 1966. – 564 с.
4. Фихте, И. Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение / И. Г. Фихте. – М.: Харвест, 2000. – 784 с.
5. Шеллинг, Ф. В. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Ф. В. Шеллинг. – М.: Мысль, 1989. – 640 с.
6. Гегель, Г. В. Лекции по истории философии. В 3 т. Т. 3 / Г. В. Гегель. – М.: Наука, 2001. – 584 с.
7. Маркс, К. Избранные произведения. В 2 т. / К. Маркс. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. – 568 с.
8. Бердяев, Н. А. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев. – М.: Правда, 1991. – 452 с.
9. Андреев, В. И. Интенсификация творческой деятельности студентов / В. И. Андреев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 175 с.
10. Князева, Е. Н. Интуиция как самоотраивание / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1994. – № 2. – С. 110–122.
11. Дышлевый, П. С. Регуляция творческой деятельности. Философско-методологические проблемы / П. С. Дышлевый, Л. В. Яценко. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. – 211 с.
12. Фейербах, Л. А. История философии. Собрание произведений. В 3 т. Т. 1 / Л. А. Фейербах. – М.: Мысль, 1974. – 544 с.

Поступила 15.03.2011

УДК 378.017:34-057.875

Т. А. Сенькова, преподаватель (БГТУ)

**О МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ
ПЕРЕВОДУ ТЕКСТОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ**

В данной статье рассматриваются вопросы методики обучения студентов письменному переводу. Знакомство с основами письменного перевода литературы по специальности является одним из аспектов изучения иностранного языка в неязыковых вузах. Поэтому формирование у студентов переводческих навыков и умений на базе научных текстов по специальности можно считать одной из задач обучения иностранному языку.

The article focuses on aspects of training in translation skills. The basics of subject-specialist translation are an important part of foreign language study at universities specializing in non-linguistic fields. This suggests that teaching specialist literature translation skills to students are one of the key objectives of any language course at the institutions.

Введение. В условиях глобализации современного мира потребность в специалистах, обладающих способностью систематически использовать в качестве источника информации литературу на иностранном языке, становится все более актуальной. Однако уровень подготовки выпускников неязыковых вузов в области перевода не всегда соответствует требованиям учебной программы, которая предусматривает необходимость овладения студентами умениями осуществлять письменный перевод с иностранного языка на родной.

В связи с этим знакомство с основами письменного перевода литературы по специальности является одним из аспектов изучения иностранного языка в неязыковых вузах, поэтому формирование у студентов переводческих навыков и умений на базе научных текстов по специальности можно считать одной из задач обучения иностранному языку. Ведь настоящему квалифицированному переводчику специальных текстов может быть лишь специалист в данной предметной области.

Основная часть. Анализ опыта преподавания языка в неязыковом вузе показывает, что студенты при переводе научных аутентичных текстов по специальности испытывают значительные трудности, которые обусловлены следующими причинами:

– введение в специальность начинается главным образом с третьего курса, а обучение иностранному языку рассчитано на первый-второй курсы, следовательно, студенты испытывают недостаток знаний по специальности и отсутствие личного профессионального опыта;

– на первом курсе студенты изучают весь базовый лексико-грамматический материал и переводят фрагментарно учебные тексты. Переход от учебных текстов к аутентичным научным текстам значительно затруднен, так как научный текст изобилует терминами, сложной грамматической лексикой, а также безэквивалентной лексикой, которую нужно переводить,

используя переводческие трансформации (добавления, опущения, антонимический и описательный переводы).

Следовательно, перевод научного текста представляет значительную трудность для студентов неязыковых вузов. Это подтверждает актуальность темы, которая определяется следующими факторами:

1) необходимостью обучения студентов неязыковых вузов письменному переводу научных текстов;

2) недостаточной разработанностью теоретических вопросов обучения письменному переводу научных текстов в условиях неязыкового вуза;

3) отсутствием практических рекомендаций по отбору и организации учебного материала, а также технологий обучения студентов неязыковых вузов письменному переводу научных текстов по специальности;

4) возрастающими требованиями к профессионально-языковому уровню подготовки студентов неязыковых вузов, не соответствующим реальному уровню подготовки студентов [1].

Обучение студентов неязыкового вуза письменному переводу научных текстов будет более эффективным при соблюдении следующих условий:

– если обучение письменному переводу научных текстов будет осуществляться поэтапно: от перевода научно-популярных текстов к научным текстам;

– если будут учтены лексические и грамматические переводы научных текстов и использованы способы преодоления их трудностей (перестановка, замена, создание нового словосочетания средствами языка перевода, использование описательного и антонимического перевода и др.);

– если будет использована система упражнений, включающая комплекс упражнений предпереводческого этапа, переводческого этапа и задания, направленные на контроль уровня

сформированности лексико-грамматических навыков и умений в письменном переводе научных текстов;

– если будет осуществляться линейная организация материала, которая обеспечивает преемственность и многократную повторяемость учебного материала, подлежащего усвоению.

Обучение иноязычной компетенции в неязыковом вузе в реальной образовательной среде обусловлено рядом особенностей: достаточно ограниченным количеством часов на овладение иностранным языком; разной степенью подготовленности студентов; разной степенью мотивации.

При формулировании целей обучения мы исходим из того, что они должны быть достаточными, достижимыми, результативными в реальной образовательной среде.

Достижимость цели обеспечивается организационно-деятельностными подходами к обучению средствами перевода и подбором соответствующего текстового материала. Интегрированность организационно-деятельностных подходов обучения иностранному языку в неязыковом вузе в процесс профессиональной подготовки обуславливает использование актуального текстового материала и овладение средствами перевода.

Организация переводческой деятельности связана с решением комплекса задач по формированию умений студентов работать со словарями, с постепенным усложнением текстов, их ценностного обсуждения, проблемного рассуждения. Преподаватель осуществляет развитие понимания, свободного оперирования текстовым материалом. При организации обучения студентов переводу очень важно выбрать тренировочный языковой материал.

Формирование у студентов базовых составляющих переводческой компетенции для выявления ценностных компонентов текста позволяет студентам неязыковых специальностей успешно совмещать профессиональное обучение с совершенствованием иностранного языка и расширением страноведческих и культурологических познаний других культур.

К базовым составляющим обучения переводу относятся знания, умения и навыки, в той или иной мере необходимые студенту во всех видах перевода (письменный или устный в одной из своих разновидностей) и независимо от жанра переводимого текста (художественный, научно-популярный, деловой, газетно-публицистический или иной текст).

Перевод – один из многих возможных организационно-деятельностных подходов обучения иностранному языку, способ языкового по-

средничества, цель которого – обеспечить для студентов через лингвоэтнический барьер возможность перевода исходного текста плюс его сравнительное сопоставление.

Перевод – это ретрансляция, в которой допустимы неизбежные, но малосущественные отклонения от исходного материала, чтобы достичь определенного регулятивного воздействия (интеллектуального, эмоционального или интеллектуально-эмоционального характера). Обучающее назначение перевода состоит в том, чтобы обеспечить учебный перевод с целью проверки понимания студентами иноязычного текста, сравнения с профессиональным переводом, выявления ситуационных ценностей с последующим их обсуждением, обоснованием, принятием или непринятием [3].

Ведя речь об эквивалентности перевода иноязычного текста, исходного и переводного текстов, необходимо подчеркнуть ее потенциальный, абстрактный характер. Следует напомнить студентам, что каждый перевод отражает не только (и не всегда) мнение автора текста, но и личностное восприятие переводчика (с его системой ценностей, мировоззрением, образованием, вкусами, пристрастиями, степенью информированности о предмете перевода и т. п.).

Переводимый текст – это прежде всего «инструмент общения», источник инокультурных или общечеловеческих ценностей, и необходимо придерживаться установки, что переводной текст должен быть полноценной заменой ценностному содержанию оригинала.

Хотя перевод является производным от оригинала, создается на основе определенных его характеристик, мы учитываем в обучении то обстоятельство, что в данном случае он воспроизводится средствами иного языка в условиях иной национальной культуры. Ценностные ориентации неизбежно отличаются от оригинальных в силу различий языков, культур, традиций, нравственных критериев и т. д. [2].

Можно считать непреложным правилом, согласно которому функция оригинала никогда не приносится в жертву. Исключение составляют лишь те (относительно немногочисленные) случаи, когда имеют место глубокие расхождения культур: к примеру, когда в одной культуре некоторое явление рассматривается как положительное (или, например, смешное), а в другой – как сугубо отрицательное (вовсе не смешное). В этом контексте, естественно, нельзя обеспечить даже приблизительного равенства реакций на оригинал и перевод, рассказывающие об этом явлении.

Другой причиной невозможности достижения функциональной эквивалентности являются

различия языков, не позволяющие, к примеру, воспроизвести каламбур, в котором заключается смысл сказанного.

Теоретически процесс предлагаемого переводческого процесса можно представить себе в виде следующих процедур:

- 1) перевод содержания произведения с помощью средств переводимого языка;
- 2) приведение полученного перевода в соответствие с нормой языка перевода;
- 3) поправка на речевую норму (узус) языка оригинала;
- 4) поправка на расхождение информации, идеи;
- 5) ценностное содержание [4].

При этом студенты руководствуются ценностным назначением перевода, стремятся достичь равноценной передачи авторского замысла.

Возможность жертвовать содержанием определяется принадлежностью текста к одному из двух главных типов: художественному или информационному. В первом случае ради воспроизведения эстетического, эмоционального воздействия возможны гораздо большие отступления от исходного содержания.

Заключение. Практика преподавания показывает необходимость включения оригинального научного материала в переводческую прак-

тику для развития и совершенствования у студентов навыков письменного перевода. Письменный перевод выполняется после устного, что повышает общую языковую грамотность письменной речи, помогая избегать затренированного вытравливания ошибок.

Письменный перевод статей по специальности – очень важный вид профессиональной деятельности будущего квалифицированного специалиста, поэтому его следует рассматривать как цель обучения и уделять ему достаточно большое внимание.

Литература

1. Латышев, Л. К. Проблемы теории, практики и методики преподавания / Л. К. Латышев. – М.: Просвещение, 1988. – С. 8–12.
2. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1980. – С. 39–42.
3. Балаганов, Д. В. Когнитивные процедуры понимания в письменном переводе / Д. В. Балаганов. – М.: Воен. ун-т, 2002. – С. 11–13.
4. Гак, В. Г. Теория и практика перевода. Французский язык / В. Г. Гак, Б. Б. Григорьев. – М.: Интердиалект, 2003. – С. 26–27.

Поступила 15.03.2011

УДК 371.31

Д. В. Старченко, старший преподаватель (БГТУ)

ИНТЕНСИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В статье рассмотрены современные интенсивные методы, проанализированы методы интенсивного обучения с учетом критериев содержания, сроков и плотности обучения. Главной задачей интенсивного метода обучения иностранному языку является овладеть в условиях ограниченного времени иностранным языком как средством общения, выработать умения и навыки понимания устной речи на иностранном языке в естественном или близком к нормальному темпе на бытовую, общественно-политическую и общенаучную тематику.

The article deals with the problem of development of intensive methods which is the key for the performance of personal development within educational model. Analyzing the sphere of intensive methods, a range of working definitions of this concept is being used in the article, it offers the classification of methods and determines the place of intensive methods in the structure of personal experience. The main advantage of the examined technology is the fact that it allows to master a language in short-run and to develop communication skills in social political and professional domains.

Введение. Условия использования иностранного языка в современном мире, когда он является средством общения, познания, получения и накопления информации, предопределили необходимость владения всеми видами речевой деятельности: говорением и пониманием на слух речи на данном иностранном языке, а также чтением и письмом.

Интенсивные методы обучения призваны не только в кратчайший срок сформировать у обучаемого определенный комплекс умений и навыков, но и заставить обучающегося преодолеть психологический барьер, неизбежно возникающий при искусственном формировании вторичной языковой компетенции.

Конечной целью обучения всегда является наделение обучаемого способностью к спонтанному говорению, которое есть результат активной мыслительной деятельности по увязыванию результатов прошлого и сиюминутного мышления в единое целое, по созданию некоего содержания, согласующегося с целью речевого акта, темой, ситуацией общения.

Основная часть. Интенсивная методика – это система обучения, которая появилась в ответ на требование времени. В самом общем виде эти требования можно свести к ускорению процесса обучения иностранным языкам при минимальных энергетических затратах субъекта [1].

Методика интенсивного обучения иностранным языкам первоначально создавалась для условий курсового обучения. Экспериментальная работа показала, что суггестопедическая методика может использоваться при работе со всеми возрастными группами. Однако старший этап обучения предоставляет больше всего возможностей. Причинами тому являются: наибольшая степень сформированности личности, обширный информационный запас, стремление к познанию мира через общение с другими людьми, наличие исходной языковой базы. Необходимо учиты-

вать возрастные особенности при подборе тем и ситуаций общения, обеспечении содержательной стороны учебного процесса, формулировке коммуникативных заданий.

Суггестопедическое направление в педагогике появилось в связи с попыткой болгарского врача-психотерапевта Георгия Лозанова использовать суггестию как средство активизации резервных психических возможностей личности в учебном процессе, в частности при обучении иностранным языкам.

Метод, получивший первоначально название лозановский, затем был переименован в экспресс-метод, а позже в интенсивный метод.

Основные положения суггестопедии сводятся к следующему:

- обучение должно быть радостным и ненапряженным;
- его следует осуществлять как на сознательном, так и на подсознательном уровнях;
- в обучении следует использовать обычно незадействованные резервы сознания с целью повышения результативности.

Главной задачей интенсивного метода обучения иностранному языку является овладеть в условиях жесткого лимита времени иностранным языком как средством общения и средством познания, выработать умения и навыки понимания устной речи на иностранном языке в нормальном (естественном) или близком к нормальному темпе при практически неограниченной бытовой, общественно-политической и общенаучной тематике.

Умение понимать устную речь, вырабатываемое на самом начальном этапе интенсивного обучения, совершенствуется, превращается в навык уже в самом курсе обучения и обеспечивает понимание от 50 до 100% объема получаемой на слух информации. В реальных условиях общения объем понимания устной речи на иностранном языке может быть увеличен за

счет развития навыка антиципированного понимания, за счет «иноязычной активности» слушающего, который может задать вопрос по поводу непонятого им или попросить разъяснить отдельные моменты речи.

Основы интенсивного метода обучения устной речи взрослых были разработаны в Тбилиском университете Л. Ш. Гегечкори. В методе использованы элементы суггестопедии, для него характерно последовательное чередование в процессе занятий циклов устной речи (речевая подготовка) и межцикловых этапов обучения (языковая подготовка). Введение межцикловых этапов составляет особенность обучения по сравнению с другими интенсивными методами. Межцикловые этапы используются для обучения языковым средствам, которые являются базой для формирования коммуникативных умений.

Суггестокибернетический интегральный метод усвоенного обучения взрослых предложен группой исследователей под руководством В. В. Петрусинского. Основу метода составляет суггестивное управление обучаемым с помощью кибернетических средств, обеспечивающих активизацию неосознаваемых компонентов мнемонической деятельности. Процесс обучения осуществляется с помощью технических средств. Учебный материал предъявляется однократно большими массивами для целостного запоминания во время сеанса, который повторяется в разные дни занятий. Курс позволяет автоматизировать лексику и модели начального этапа за ограниченный отрезок времени.

Функции преподавателя вместе с суггестивным воздействием были переданы автоматизированной системе. Организаторы эксперимента взяли фонограмму учебника английского языка в объеме 1000 слов, записали ее на одну дорожку магнитофона. На вторую дорожку записали синхронный русский перевод. В качестве зрительного ряда на экране на одной стороне экрана был дан английский текст, в правой колонке – русский перевод. Под специальную музыку, используя психосаморегуляцию состояния по системе аутогенной тренировки, создав необходимые игровые условия для преодоления информационных барьеров, организаторы эксперимента предъявили обучаемым весь учебный курс в течение одного дня. После трехкратного повторения оказалось, что из 1000 предъявленных слов 980 слов было усвоено.

На следующем этапе обучаемым было предложено изучить не просто тексты учебника, а взяться за совершенно невероятную задачу: выучить наизусть словарь английского языка объемом 10 000 слов. Задача практически непосильная для любого студента. Однако в

результате эксперимента оказалось, что через три дня они смогли перевести 6300 слов из 10 000 предложенных слов.

Самым последним экспериментом из этой серии было изучение трех словарей английского, немецкого и французского языков общим объемом 30 000 слов. Оказалось, что через неделю учащиеся могли перевести в среднем 15 000 слов из предложенных им 30 000 слов. Заметим, что когда предъявляемый массив составлял 1000 слов, процент усвоения составлял 98%. При росте предъявляемого массива процент усвоения падает – при 30 000 слов он составил уже 50%. И хотя процент усвоения с увеличением массива снижается, но ведь 50% от 30 000 слов – это 15 000 слов. Таким образом, выяснилась первая посылка интенсификации обучения: нужно информацию предъявлять не мелкими блоками (как параграф, глава), а большими, даже скорее громадными массивами в объеме сразу целого учебника. Тогда при предъявлении таких массивов усвоение информации носит вероятностный характер. Но если использовать различные модификации учебного материала – предъявлять материал в различных игровых формах при большом количестве повторений, учащиеся и быстрее и лучше усваивают учебный материал [2].

Эмоционально-смысловой метод И. Ю. Шехтера исходит из того, что люди потому и люди, что могут говорить, не зная структуры языка.

Язык не может быть превращен в статическую систему, в свод правил, употребление которых достигает автоматизма. Главная его задача – объединять людей через разговорную речь, через обмен информацией, устной и письменной, через общение людей друг с другом.

К языку нужно относиться как к средству общения для решения жизненных задач. Тогда человек сможет говорить свободно, раскованно и не на уровне значений, а со смыслом.

В противоположность всем остальным методам эмоционально-смысловой обращен на то, что надо делать с человеком, чтобы тот овладел чужим языком.

Слушатели курсов являются не учениками, а личностями, которые стараются достойно прожить те несколько часов занятий, когда они говорят на чужом языке. А чтобы им захотелось говорить, их постоянно привлекают к участию в изменяющихся событиях. Весь курс обучения рассчитан на три месяца (с перерывами). После такого курса человек может свободно изъясняться на неродном языке и решать свои жизненные задачи.

Метод включает обучающихся в непосредственный акт общения между собой для решения жизненных задач, обусловленных динами-

кой общения, в условиях изменяющейся действительности.

Обучение проходит в активной деятельности, отмеченной личностным смыслом, эмоционально окрашенной, в привычных для личности психологических нормах речевого поведения.

Метод активизации возможностей личности и коллектива разработан Г. А. Китайгородской.

Весь материал преподаватели доносят до слушателей непосредственно через общение, т. е. работает принцип личностно-ориентированного общения. Каждому человеку на основании результатов психологического тестирования присваиваются роли, которые сохраняются на протяжении всего обучения. Эти роли предусмотрены Китайгородской в полилогах. На занятии фигурируют «президенты фирм», «бизнесмены», «менеджеры» из разных стран мира, которые в процессе обучения общаются друг с другом в различных ситуациях, максимально приближенных к реальным. В этом проявляется принцип ролевой организации учебного материала и процесса обучения. Причем обучающиеся находятся в некоем «кругу» общения, поскольку не предусмотрено никаких парт и стульев, все сидят в удобных креслах и видят друг друга. Люди на занятии постоянно взаимодействуют между собой, общаясь в группах по два, три, четыре и шесть человек. Существенным в организации учебного материала является и принцип концентрированности, в основе которого лежит интенсивность обучения. Все полилоги у Китайгородской построены таким образом, что материал из предыдущего полилога закладывается в следующий, затем все переключается с третьим, повторяются слова, выражения и т. д. Таким образом, у Китайгородской все дается в тесном взаимодействии, за 120 часов обучающиеся овладевают 3,5 тысячами лексических единиц [3].

Для каждого этапа обучения (практика в общении, тренинг в общении и т. д.) предусмотрены свои упражнения. Таким образом проявляется принцип полифункциональности упражнений, основанный на коммуникативном подходе. Преподаватель на занятии должен выступать в роли сценариста, которому необходимо написать сценарий: сквозной или отдельно на каждое занятие. Метод позволяет изучать любые языки людям в возрасте от 17 до 70 лет.

Заключение. Основопологающими в интенсивном курсе можно считать следующие положения.

1. Взаимодействие суггестопедии с коммуникативным, личностно-деятельностным и сис-

темным подходами в обучении иностранным языкам. Расширение целей требует взаимодействия разных подходов к обучению, разнообразия технологий. Учет коммуникативных факторов наряду с суггестивными помогает оптимизировать процесс иноязычного общения. Личностно-деятельностный подход делает ученика центральной фигурой учебного процесса. Систематизация языковых знаний, лежащих в основе коммуникативной деятельности учащихся, способствует повышению общего уровня их коммуникативной компетенции.

2. Реализация личности учащегося через иностранные языки. Освоение как родного, так и иностранного языков тесно связано с психологическими процессами его усвоения и личностного присвоения. Известно, что человек не может пользоваться языковыми знаниями, сколь ни велик объем этих знаний, до тех пор, пока они не будут соотнесены с его индивидуальными качествами и личностными ориентациями. Учет взаимовлияния личности на изучение иностранного языка и его на личность способствует усвоению коммуникативных процессов, приближая учебное общение к реальному.

3. Максимальная мотивированность учебных ситуаций. Обеспечение мотивации на каждом уроке предполагает внимание к мнению и суждению каждого участника общения, уважение к его точке зрения. Учебные ситуации не должны быть оторванными от реальности или слишком обобщенными. Успех обучения обеспечивается тем, что любая из моделируемых ситуаций является жизненно значимой для учащихся.

4. Положительная эмоциональная насыщенность всех компонентов обучения. Подключение эмоциональных факторов к обучению иностранным языкам значительно активизирует процесс усвоения, открывая новые перспективы в развитии методики обучения иностранным языкам.

Литература

1. Щукин, А. Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам: учеб. пособие / А. Н. Щукин. – М.: Филоматис, 2010. – 188 с.

2. Петрусинский, В. В. Автоматизированные системы интенсивного обучения / В. В. Петрусинский. – М.: Высш. шк., 1987. – 192 с.

3. Китайгородская, Г. А. Методика интенсивного обучения / Г. А. Китайгородская. – М.: Высш. шк., 1986. – 175 с.

Поступила 15.03.2011

УДК 159.923:378.015.31

Н. В. Теплова, преподаватель (БГТУ); **Т. М. Кривошук**, преподаватель (БГТУ)**ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА
В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА**

В данной статье подробно рассматриваются теоретико-методологические основания формирования толерантной личности студента в условиях высшего учебного заведения. Авторами представлены характеристики поликультурного пространства вуза, его функции, а также причины проявления интолерантности в молодежной среде. Воспитание толерантности остается сегодня одной из основных задач при работе с молодежью.

The article below presents theoretical and methodological basis of formation of the tolerant personality of the student within the conditions of multicultural university environment. The author in details describes the characteristics of the multicultural environment at the university, its functions, and explains the reasons of the intolerant behaviour of the students. The upbringing of tolerancy remains today one of the main tasks while working with youth.

Введение. Современная познавательная концепция основывается на идее множественности мировоззренческих систем. В этом отношении становится актуальным воспитание у студентов поведения, основанного на стремлении к поиску компромиссов и мирного сосуществования в студенческом образовательном сообществе.

Понимание толерантности в разных языках включает готовность и способность без протеста воспринимать личность или вещь (англ.); уважение свободы другого, его образа мысли (фр.); позволение великодушия в отношении других (кит.); прощение, снисхождение, благосклонность, терпение, расположенность к другим (араб.).

В настоящее время в нашем обществе являются объективные факторы, затрудняющие воспитание толерантности у молодежи. Связано это в первую очередь с ослаблением роли государства и падением его авторитета в обществе и в мире, экономическим кризисом, девальвацией ценностей отечественной истории, культуры и нации в целом. Стимулируют тенденцию ослабления гражданских и патриотических чувств такие явления, как поражения в локальных военных конфликтах (Афганистан, Чечня), просчеты во внешней политике. К числу «негативных» факторов в данном случае относятся криминализация общества, сокращение возможностей для «честного труда», распространение бедности, кризис семьи, постепенное разрушение традиционных родственных связей, универсализация товарно-денежных отношений, вследствие которой культ денег охватывает все более широкие слои общества. К субъективным факторам, затрудняющим формирование толерантности, относятся индивидуальные особенности личности: психофизиологические свойства, генетические особенности, задатки и способности, профессиональные характеристики, степень образованности и квалификации, практиче-

ский жизненный опыт, уровень усвоения нравственной культуры и развитость сознания.

Несформированность толерантного отношения характеризует все слои общества, в том числе и людей, обучающихся в высших учебных заведениях. Исследователи и практики высшего профессионального образования выделяют сегодня многочисленные факты девиантного поведения студентов: нарушение учебной дисциплины на занятиях и во внеаудиторной деятельности, конфликтность в отношениях с преподавателями и товарищами по учебе, неумение адаптироваться к требованиям, которые предъявляет вузовская учебно-образовательная среда, неумение выстроить индивидуальный образовательный маршрут, рационально распределить время.

Исследователи также отмечают слабую сформированность умений студентов вести спор, диалог, участвовать в дискуссиях по самым различным вопросам, нежелание соглашаться с оппонентом даже в том случае, когда последний приводит глубоко обоснованные и аргументированные доводы в защиту своего утверждения, мнения или вывода. Отмечается и ослабление коллективизма, неспособность соотносить собственные интересы с интересами окружающих. Все это затрудняет профессиональную и социальную адаптацию студента в последующей профессиональной и социальной деятельности.

Очевидно, что среду становления и развития личности как социального объекта составляют общественные условия развития личности, степень ее социальной зрелости и активности, психический настрой, личностные качества, характер и содержание социальных противоречий, экономические, политические, культурные и бытовые условия. А педагогические и дидактические условия обеспечивают успешность обучения и воспитания толерантности [1].

Основная часть. Анализируя сущность понятия «толерантность», в последние годы наиболее широкое распространение получило такое определение толерантности как терпимость, спокойное отношение к всевозможным вариациям мировоззрения, поведения и внешнего облика другого человека. В современном понимании толерантность – это способность человека, сообщества, государства слышать и уважать мнение других.

Истинная толерантность является качеством развитой личности, которая, обладая адекватной самооценкой, высоким чувством собственного достоинства, системой нравственных норм и ценностей, не нуждается в унижении другого человека для собственного самоутверждения. Толерантность формируется при наличии у личности адекватной самооценки, навыков независимого мышления, критического осмысления, осознанности мотивации терпимости.

Толерантность как особенность сознания или личностная черта не является врожденной и может никогда не появиться. Поэтому она должна быть специально воспитана, сформирована. Формирование толерантности предполагает отказ от социальных предрассудков, негативных социальных стереотипов, выработку объективного отношения к любому человеку вне зависимости от его индивидуальных особенностей [2].

В качестве основных условий формирования толерантности в студенческой среде называются следующие: повышение уровня информированности студентов о сущностных и содержательных характеристиках толерантности; формирование толерантности в личной сфере ценностей студентов и ее превращение в регулятивный принцип их профессиональной и непрофессиональной деятельности; формирование умений и навыков толерантного межличностного взаимодействия; формирование установок на толерантность, состоящих в способности и эмоционально-волевой готовности студента к равноправному диалогу; использование лекционных, дискуссионных и игровых форм и тренингов в учебно-воспитательной работе для формирования толерантности.

Для формирования толерантных установок у студентов важно знать основные различия между толерантной и интолерантной личностями. Психологи считают, что интолерантная личность характеризуется представлением о собственной исключительности, стремлением переноса ответственности на окружение, высокой тревожностью, желанием сильной власти. Толерантная личность, напротив, – это человек, хорошо знающий себя, свои недостатки и достоинства и признающий других в

их личностных качествах. К сожалению, в последнее время среди студентов возрастает тенденция проявления полного безразличия к окружающей образовательной среде. Около 40% обучающихся предпочитают игнорировать внеучебные мероприятия, появилось большое количество бездеятельных, инфантильных молодых людей. Поэтому важно знать и объяснить студентам, что толерантность не должна сводиться к конформизму, ущемлению собственных интересов. Напротив, она предполагает взаимность и активную позицию всех заинтересованных сторон. Подготовка мероприятий во внеаудиторном проекте дает одним студентам опыт отстаивания своих идей и взглядов в попытке уйти от конформистского типа поведения, а другие учатся сдерживать свою интолерантность, свой напор и проявлять уважение к позиции других.

В основу формирования толерантности положены следующие принципы:

1) отказ от насилия как неприемлемого средства приобщения человека к какой-либо идее. Добровольность выбора, «свобода совести», акцент на искренности убеждений;

2) умение принудить себя, не принуждая других. Страх и принуждение извне не способствуют формированию терпимости, хотя в качестве воспитательного фактора в определенный момент дисциплинируют людей;

3) толерантность в европейском понимании задает пример «законопослушания». Подчинение законам, а не воле большинства или одной личности представляется важным фактором общественного развития;

4) принятие другого человека, который может отличаться по разным признакам – национальным, расовым, культурным, религиозным и т. д. Формирование взаимоотношений согласно «золотому» правилу: «Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе» [3].

Итак, под толерантностью понимается такой перечень личностных качеств студента, который можно объединить терминами «согласие», «взвешенность», «основательность в суждениях». Формирование толерантной личности – целенаправленный процесс по привитию уважения и понимания уникальности других народов, многообразия их культур и исторических особенностей, а также систематическое обучение отказу от насилия [4].

Современное образовательное пространство вуза ценным и значимым признает культурную самобытность каждого народа, в нем открывается доступ ко всем цивилизациям мира, включая собственную. Здесь формируется некая социокультурная и жизненная установка,

предполагающая самодостаточность и одновременно стремление к самосовершенствованию. Однако специфика развития общества создает систему препятствий для реализации этих целей (опять-таки с известной степенью условности допустимо называть это «негативным» влиянием). Результатом этого воздействия является дегуманизация молодежного социума, выражающаяся в распространении жестокости, агрессивности, росте криминальной активности.

Проявления интолерантности в образовательном пространстве вуза обусловлены также спецификой субъектов образовательного процесса в вузе:

- состав студенчества является разновозрастным (17–25 лет);

- студенты выступают представителями различных культур, регионов, что сказывается в различиях их ментальности;

- увеличивающийся поток академической мобильности (студенты других стран ближнего и дальнего зарубежья, взаимообмены преподавателями и студентами, участие в международных образовательных программах);

- студенты, в отличие от учащихся школ, более свободны в общении с внешним социумом, более открыты в макросоциум;

- воспитательный процесс в основном осуществляется с помощью кураторов и часто носит формальный характер;

- нацеленность преподавателей на решение узкопредметных задач в рамках преподаваемой дисциплины;

- представленность различных мировоззренческих позиций, политических убеждений, различных идеологических воззрений в преподавательской и в студенческой средах.

Помимо качественных признаков субъектов образовательного процесса не менее значимым в формировании толерантности представляется характер образовательного пространства, рассматривающегося наряду с образовательными процессами и образовательными институтами как форма образовательной практики. В качестве характеристик пространства выступает способ организации и насыщенность образовательными ресурсами. Социокультурно значимыми факторами образовательного пространства являются люди (студенты, преподаватели, педагоги, методисты), «образ жизни» учреждения (ценностно-смысловой мир), социально-экономические и духовно-нравственные процессы, конкретные связи и отношения.

Рассмотренные уровни имеют непосредственное отношение к возможности построения толерантной среды в вузе. Нарушение хотя бы одного из них приводит к интолерантному поведению. Специфика современного образова-

тельного процесса такова, что планирование, социальное и организационное проектирование, исследования и эксперименты не замыкаются в рамках самих педагогических систем, а затрагивают другие субъекты культуры и разные социальные институты, социокультурные процессы и движения. В связи с этим и выдвигается идея построения толерантной среды, способной обеспечить формирование основ нового культурно-образовательного и социально-педагогического мышления. Целевая установка на формирование толерантной личности в условиях толерантной среды дает основание рассматривать понятие «образовательное пространство» как отражение единства социокультурной и духовной жизни общества и непрерывной системы образования, направленной на формирование толерантной личности.

Поликультурное пространство вуза – это система, в рамках которой студенты получают полноценное высшее образование в соответствии со стандартами, и одновременно оно предполагает процесс приобщения людей разных этносов к национальной культуре, истории, традициям. Изучение культуры определенных народов должно способствовать формированию чувств достоинства, равенства, нравственной основы межнациональных отношений, обеспечивать культурный диалог представителей различных национальностей. Такая система требует иного подхода к содержанию образования. В нем должны быть наиболее полно представлены богатства национальных культур народов, проживающих в регионе и за его пределами, образ жизни каждого этноса, традиции, обычаи, социальные нормы поведения, духовные ценности.

В качестве функций поликультурного пространства вуза можно выделить следующие: адаптационная, общественно-правовая, культурологическая, образовательная, социально-воспитательная. Адаптационная функция поликультурного пространства вуза обеспечивает педагогическую поддержку, общение и межкультурное взаимодействие студентов, изучение культуры, языка и истории, знакомство с менталитетом различных народов, приобщение к истокам национальной культуры этносов.

Вместе с тем для устранения негативных последствий влияния социально-экономического, образовательного кризиса на личность студента недостаточно только его адаптации, в этой ситуации студент больше всего нуждается в поддержке и защите. Реализацией этой направленности становится общественно-правовая функция поликультурного пространства вуза.

Культурологическая функция поликультурного пространства вуза предоставляет студенту

возможность самоидентифицироваться, приобщиться к различным пластам культуры этноса, общества, мира в целом. Реализация образовательной функции связана с содержанием учебных курсов, в рамках которых студент должен получать возможность усваивать такие основные понятия и категории поликультурного образования, как самобытность, уникальность, культурная традиция, духовная культура, этническая идентификация, национальное самосознание, мировая культура, межкультурная коммуникация, культурная конвергенция межнационального общения, конфликт, культура мира, взаимопонимание, согласие, солидарность, сотрудничество, ненасилие, толерантность и др.

Социально-воспитательная функция поликультурного пространства вуза предполагает включение студента в систему воспитательных отношений с окружающей его поликультурной средой. Суть данной функции заключается в том, чтобы научить молодежь управлять своим поведением, сохранять стабильность в конфликтных и эмоционально неустойчивых ситуациях, особенно в отношении представителей разных национальностей. Реализация всех представленных функций будет способствовать формированию толерантной личности студента в условиях поликультурного пространства вуза.

Заключение. Таким образом, изучение проблемы толерантности позволяет выделить три взаимосвязанных направления в рамках поликультурного образования: воспитание личности, осознающей себя представителем определенной культурной группы и знающей свое культурное наследие; подготовка студентов к жизни в условиях, требующих принятия культурного плюрализма как положительного явления современного мира, понимания и уважения культур иных народов; максимальное развитие способностей студента вне зависимости от расовой, этнической, социальной принадлежности.

Литература

1. Мацковский, М. С. Права ребенка и толерантность: пособие для учителей средних школ / М. С. Мацковский. – М.: Издатель А. А. Можяев, 2002. – 144 с.
2. Мириманова, М. Толерантность как проблема воспитания? / М. Мириманова // Развитие личности. – 2002. – № 2. – С. 120.
3. На пути к толерантному сознанию / отв. ред. А. Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2000. – 255 с.
4. Янкина, Н. В. Межкультурная толерантность как компонент межкультурной коммуникации / Н. В. Янкина // Вестник ОГУ. Гуманитарные науки. – 2006. – № 1. – С. 20–25.

Поступила 17.03.2011

УДК 811.111:37.016-043.86

В. В. Царенкова, старший преподаватель (БГТУ); **С. И. Шпановская**, преподаватель (БГТУ)

ДИДАКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В статье рассматриваются проблемы совершенствования профессионально-иноязычной подготовки студентов инженерных специальностей в условиях компетентного подхода. Описывается модель дидактической системы формирования профессионально-иноязычной компетентности студентов инженерных специальностей. Показывается, что данная технология направлена на восприятие и усвоение готовых форм социального опыта носителей языка, а также на интеграцию приобретенного социального опыта, его активное воспроизведение и использование для решения социально-коммуникативных задач.

The article deals with the problems of improving the quality of teaching foreign languages to civil engineering students when competence-based approach is used to setting teaching objectives and planning the results of education. The authors describe the model of the didactic system for developing foreign language competence of engineering students in their professional domain. On the basis of this approach lies a complex of reflexive and estimating procedures contributing to conceptual self-determination, self-organization and self-education of the student in his professional and social activity.

Введение. Несмотря на множество инноваций, которые внедряются в образовательный процесс, обучение по-прежнему остается ориентированным на простое развитие знаний, умений и навыков, а методы обучения – репродуктивными.

Интеграция системы высшего образования в мировое образовательное пространство, а также коренные изменения в самом характере образования, его ориентация на «свободное развитие человека», на творческую инициативу, самостоятельность, мобильность и конкурентоспособность будущих специалистов как на национальном, так и на мировом рынках труда вызывают необходимость нового подхода к проектированию целей и результатов образования. В проекте стандартов высшего профессионального образования в качестве более полного, личностно- и социально-интегрированного результата подготовки специалистов выступило понятие «компетенция».

Основная часть. В педагогическом контексте принимают следующие определения: *компетенция* – совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним; *компетентность* – владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности. Таким образом, под *компетенцией* будем понимать некоторое отчужденное, наперед заданное требование к образовательной подготовке студента, под *компетентностью* – уже состоявшееся его личностное качество [1].

В системе инновационного инженерного образования компетентный подход реали-

зуется в комплексной подготовке будущих инженеров к профессиональной деятельности, которая предполагает ориентацию на международные стандарты качества подготовки специалистов в области техники и технологии. Изучение международных требований к подготовке квалифицированного специалиста-инженера показывает, что профессиональная компетентность инженеров в настоящее время определяется не только высоким уровнем профессиональных знаний, но и развитием таких *общих (личностных) компетенций*, как:

- понимание сущности профессии инженера, обязанности служить обществу, профессии и осознание ответственности за инженерные решения, в том числе в социальном и экологическом контексте;

- способность эффективно работать индивидуально и как член команды;

- умение использовать различные методы эффективной коммуникации в профессиональной среде и в социуме (написание отчетов, презентация материалов, выдача и прием ясных и понятных инструкций);

- владение иностранными языками, достаточное для общения при работе в международных командах;

- осведомленность в вопросах проектной деятельности;

- творческий поиск в рамках профессии, осознание необходимости и способность самостоятельного обучения в течение всей жизни.

В условиях глобальной экономической интеграции и взаимозависимости, требующей многостороннего международного сотрудничества и совместных инициатив, одной из наиболее актуальных компетенций инженера становится высокий уровень владения иностранным язы-

ком, обеспечивающий возможность эффективной реализации профессиональной деятельности на национальном и международном рынках труда. В данном контексте особое значение приобретает проблема совершенствования иноязычной подготовки инженеров в вузах.

Согласно исследованиям последних лет, основная задача иноязычной подготовки состоит в формировании иноязычной коммуникативной компетенции, которая в соответствии с документом Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка» представляет собой многокомпонентное явление и включает в себе три аспекта: лингвистический, социолингвистический и прагматический. *Лингвистические компетенции* включают знание лексики, фонологии, синтаксиса, а также знания, связанные с другими аспектами языковой системы. *Социолингвистические компетенции* обусловлены социокультурными условиями использования языка. Сюда относится восприимчивость к правилам поведения в обществе: нормы вежливости, правила, регулирующие взаимоотношения между полами, разными поколениями, классами и социальными группами, а также языковая кодификация основных норм и ритуалов, принятых в обществе. *Прагматические компетенции* связаны с функциональным использованием языковых средств в речевой деятельности.

Профессионально-иноязычная подготовка студентов инженерных специальностей в вузе проводится в рамках особого направления в иноязычном образовании, получившего название «иностранный язык для профессиональных целей» (Language for Specific Purposes) или «профильно-ориентированная подготовка по иностранному языку». «Под профильно-ориентированным понимается обучение, основанное на учете потребностей учащихся в изучении иностранного языка, диктуемых особенностями будущей профессии или учебной специальности, которые, в свою очередь, требуют его изучения» [2].

Выделяют основные моменты, характеризующие курс английского языка для профессиональных целей (АПЦ), а именно:

1) АПЦ разрабатывается специально для обучения студентов конкретной специальности и фокусируется на обучении языковым средствам (грамматике, лексике, фонологии, жанрам) и коммуникативным функциям, характерным для конкретной сферы использования языка, которая связана с той или иной профессией;

2) главные приемы обучения АПЦ, основанные на когнитивной теории учения, направлены на развитие мыслительных способностей студентов: проблемные задания, задания на развитие стратегий осмысленного чтения (понимания коммуникативного смысла иноязыч-

ного текста) с последующим использованием информации и т. д.;

3) учет профессиональных потребностей и личностных интересов обучающихся (профессионально значимая тема и ситуации, используемые при обучении языку, аутентичные задания, связанные с будущей профессиональной деятельностью, и т. д.) способствует высокой мотивации при изучении АПЦ;

4) в отличие от общеобразовательной иноязычной подготовки, АПЦ имеет междисциплинарный характер и предполагает наряду с формированием иноязычной коммуникативной компетенции развитие общих компетенций, необходимых в сфере профессиональной деятельности.

Для решения задачи совершенствования профессионально-иноязычной подготовки студентов инженерных специальностей была разработана модель дидактической системы, целью которой является формирование профессионально-иноязычной компетентности студентов инженерно-строительных специальностей, выступающей как способность и готовность будущих специалистов решать коммуникативные задачи в сфере профессиональной деятельности, работать с научно-технической литературой и документацией на иностранном языке, выполнять поиск и анализ информации, необходимой для изучения зарубежного опыта в области выбранной специализации.

Формирование профессионально-иноязычной компетентности обеспечивается через усвоение студентами содержания профессионально-иноязычной подготовки, состоящей из базового и профильно-ориентированного курсов. Базовый курс обеспечивает формирование общей профессионально-иноязычной компетентности, определяется государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования, позволяет студентам овладеть основами иностранного языка для профессиональных целей и является общим для всех технических специальностей. Курс включает: компьютерные тестовые задания для самостоятельной оценки студентами уровня овладения профессионально-иноязычной компетентностью; систему тестовых заданий для промежуточного и итогового контроля; комплект аутентичных текстов по специальности для оценки уровня сформированных навыков чтения и понимания коммуникативного смысла специального текста; перечень тем и ситуаций профессионального общения для оценки навыков устного общения; методические рекомендации по организации и проведению контрольно-оценочных мероприятий и критерии сформированности профессионально-иноязычной компетентности.

В качестве основы организации процесса формирования профессионально-иноязычной

компетентности студентов инженерных специальностей была выбрана технология контекстного обучения, автором которой является А. А. Вербицкий [3]. Воссоздание предметного и социального контекстов профессиональной деятельности в процессе формирования профессионально-иноязычной компетентности студентов инженерно-строительных специальностей позволит:

– связать обучение иностранному языку с реальным контекстом его употребления и, таким образом, научить студентов пользоваться языком как средством коммуникации в сфере профессиональной деятельности;

– сформировать как предметные (иноязычные), так и общие (личностные, надпредметные) компетенции будущего инженера-строителя, являющиеся необходимым условием осуществления эффективной профессиональной деятельности на современном рынке труда;

– реализовать междисциплинарный и проблемно-ориентированный подход к обучению;

– развить как познавательную, так и профессиональную мотивацию студентов.

Технология контекстного обучения предполагает три базовые формы деятельности студентов: учебная деятельность академического типа, квазипрофессиональная деятельность и учебно-профессиональная деятельность, каждой из которых соответствует своя обучающая модель.

Учебной деятельности академического типа отвечает семиотическая обучающая модель, при которой происходит овладение языковыми нормами и специальными терминами, соответствующими ключевыми понятиями языка специальности, овладение различными видами чтения, выработка собственного стиля конспектирования, выполнение тестов самокоррекции.

Квазипрофессиональному виду деятельности соответствует имитационная обучающая модель, которая представляет собой моделируемые ситуации будущей профессиональной деятельности, предполагающие практическое использование теоретической информации, ее анализ и принятие соответствующих решений. При профессионально-иноязычной подготовке данный вид деятельности реализуется в ролевой или деловой игре, организации дискуссии, обсуждении профессионально значимых проблем.

Третья базовая форма организации учебной деятельности в контекстном обучении – учебно-профессиональная деятельность, где студент применяет полученные языковые знания в реальной продуктивной деятельности. Это завершающий этап процесса трансформации учебной деятельности в профессиональную, и наиболее характерной для него является социальная обучающая модель, которой в профессионально-иноязычной подготовке более всего соответствуют задания проектного характера, включая

проекты с использованием иноязычных Интернет-ресурсов [4].

Такая форма организации учебной деятельности студентов предъявляет особые требования к подготовке преподавателя. Для того чтобы научить студентов эффективно пользоваться мировыми базами данных в области специализации, web-сайтами международных профессиональных сообществ, преподаватель сам должен быть хорошо осведомлен о возможностях сети Интернет и образовательных потенциалах основных видов телекоммуникаций. Таким образом, одним из условий эффективного формирования автономной творческой личности, способной поддерживать и пополнять свои знания и умения, является сформированность информационной компетентности преподавателя.

Заключение. В завершение всего вышесказанного необходимо отметить, что использование компетентностного подхода к проектированию целей и результатов обучения способствует совершенствованию профессионально-иноязычной подготовки будущих инженеров, если при этом:

1) профессионально-иноязычная компетентность рассматривается как интегративное качество личности будущего специалиста, включающее в себя три компонента: мотивационно-ценностный, когнитивно-деятельностный, эмоционально-волевой;

2) целью обучения профессионально-ориентированному иностранному языку является формирование как предметных (иноязычных), так и общих (личностных, надпредметных) компетенций;

3) в качестве основы организации процесса формирования профессионально-иноязычной компетентности студентов инженерных специальностей используется технология контекстного обучения, обеспечивающая возможность связи иноязычной подготовки с будущей профессиональной деятельностью.

Литература

1. Поляков, О. Г. Профильно-ориентированное обучение английскому языку и лингвистические факторы, влияющие на проектирование курса / О. Г. Поляков. – М.: Иностранные языки в школе, 2004. – 48 с.

2. A Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 121 p.

3. Вербицкий, А. А. Активное обучение в вузе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М.: Высш. шк., 1991. – 207 с.

4. Байденко, В. И. Базовые навыки (ключевые компетенции) как интегрирующий фактор образовательного процесса / В. И. Байденко, Б. Оскарсон. – М.: АСТ, 2002. – 215 с.

Поступила 15.03.2011

УДК 811.161.3(276.3)

Т. А. Ячная, аспирант (МГЛУ)

ТИПЫ СВЯЗЕЙ В АССОЦИАТИВНЫХ БИНОМАХ

В данной статье автор делает обзор нескольких существующих в современных лингвистических исследованиях классификаций ассоциативных биномов, основывающихся на типах отношений между стимулом и реакцией. Разнообразие оснований, служащих основой той или иной классификации, показывает все возможности, которые дает свободный ассоциативный эксперимент. Анализ ассоциативных биномов позволяет определить, на каком этапе формирования (концептуализации) находится изучаемое понятие, и скорректировать дальнейшую стратегию развития лексического значения в языковом сознании носителя языка.

The article dwells upon some existing classifications of associative binomials in modern linguistic studies. The variety of grounds of reviewed classifications shows the diversity of possibilities given by the free associative experiment. The analysis of associative binomials' relations gives the possibility to determine the stage of formation of the studied concept (conceptualization). It allows correcting the possible strategy of the lexical meaning's development at the linguistic consciousness of the native speaker.

Введение. Ассоциативное поле – это поле, которое выявляется в ходе проведения эксперимента и является функциональной психолингвистической моделью, фиксирующей ассоциативные связи слов [1].

Ассоциативные методики являются чрезвычайно продуктивными при изучении лексикона не только ребенка, но и взрослого.

Одной из особенностей ассоциативного поля можно считать, что все его структурные компоненты (и ядерные и периферийные) являются важными для изучения. Изучение ассоциативного поля позволяет не только рассмотреть традиционные в рамках лингвистики проблемы, но и изучить специфику национального характера, объяснить функционирование той или иной лексической единицы в речи, проследить возможности стратегии понимания слова в речи и т. д.

Анализ ассоциативных биномов (полученных в ходе эксперимента пар «стимул – реакция») может дать ясное представление не только о развитии значения слова, но и о сформированности (либо процессе формирования), а возможно и просто отсутствии, того или иного понятия в языковом сознании испытуемых. Большое количество существующих классификаций ярко свидетельствует о том, какие широкие возможности дает исследователю эксперимент.

Основная часть. Результаты ассоциативного эксперимента могут интерпретироваться по-разному. Лингвистами выделялись (и продолжают выделяться) различные типы ассоциативных рядов на основе характера отношений, существующих в ассоциативных биномах.

Ф. де Соссюр, например, выделяет четыре типа ассоциаций, базирующихся на общности:

1) значения «по аналогии» (*мужнасць, гераізм, вайна, салдат*) – семантические;

2) корня или основы (*мараль, маральны, маралізатар*) – корневые;

3) акустических образов (*любоў – кроў*) – фонологические;

4) суффикса (*мэтанакіраванасць, незалежнасць, міласэрнасць*) – деривационные.

По мнению Соссюра, «каждое слово является центром созвездия, которое создано безграничным числом ассоциаций».

Дж. Миллер предлагал следующую классификацию вербальных ассоциаций:

- контраст (белый – черный);
- сходство (боль – вред);
- подчинение (животное – собака);
- обобщение (мужчина – человек);
- ассонанс (хлеб – красный);
- часть – целое (день – неделя);
- дополнение (черная – доска);
- эгоцентризм (одиноким – никогда);
- предикация (собака – лает).

Один из основателей психолингвистики как науки Ч. Осгуд предположил, что отношения противопоставления является универсальным в языках, и на основании этого предложил использовать метод семантического дифференциала.

Ю. Н. Караулов считает, что «ассоциативный словарь рассматривает предречевую способность носителя языка» и поэтому не анализирует непосредственно ассоциаты. Он предложил рассматривать пару «стимул – реакция» как единое целое, в результате чего разработал следующую классификацию ассоциативных биномов:

1) синтаксема – «...сочетание двух и более категориально-грамматически и семантически согласованных слов, образующее минимальную речевую единицу... Синтаксема не может быть меньше традиционно понимаемого словосочетания, но не больше него, являясь строительным блоком предложения» [2, с. 290; 3, с. 112];

2) семантический примитив – бином, представляющий собой «деграмматизированную синтаксему, или потенциальное, нуждающееся

в грамматическом оформлении, состоящее из лемматизированных единиц словосочетание» [2, с. 295; 3, с. 154–156];

3) предикативно оформленные предложения [2, с. 295].

В работах А. П. Клименко были выделены следующие типы вербальных ассоциаций: парадигматические, синтагматические, тематические, цитатные, словообразовательные, грамматические, фонетические, случайные, отказы.

Парадигматические ассоциации – это один грамматический класс слов-стимулов и слов-реакций. Данный тип ассоциаций отличается от стимула не более чем по одному существенно-му признаку. В результате компонентного анализа стимула и ассоциата парадигматические ассоциации имеют, как правило, гораздо больше совпадающих сем, чем любой другой вид ассоциаций.

Синтагматические ассоциации представляют собой разные грамматические классы стимулов и реакций (в данном виде ассоциаций пара S – R составляет подчинительное сочетание). Синтагматические ассоциации дают исследователю непосредственное представление о сочетаемости слов в потоке речи.

Тематическими ассоциациями называются такие ассоциации, в которых составляющие ассоциативного бинорма объединены каким-либо (скрытым) контекстом и могут (при необходимой грамматической корректировке) образовать определенное сочетание слов или даже предложение.

Цитатные ассоциации – это ассоциации, которые при всей своей кажущейся непонятности могут быть легко объяснены, поскольку являются своеобразным переносом различного рода цитат (названий) из песен, стихотворений, фильмов, пословиц и т. д.

Словообразовательные ассоциации могут быть разделены на две подгруппы:

- морфемно-словообразовательные ассоциации, основанные на единстве корня стимула и реакции, без перевода основного значения стимула в иную грамматическую плоскость;
- словообразовательные ассоциации комбинационного типа, составляющие вместе со стимулом одно слово.

Словообразовательные ассоциации обеих подгрупп обладают слабым семантическим обоснованием.

Грамматические ассоциации представляют собой тип реакции, когда ассоциат является грамматической формой стимула.

Фонетические ассоциации – ассоциации, в которых явно присутствует созвучие между стимулом и реакцией, семантическое же обоснование выражено слабо (либо вообще не выражено).

Случайные ассоциации являются ассоциациями, которые не подходят ни под один из вышеперечисленных случаев, когда респондент, не желая принимать участия в эксперименте, имитирует видимость работы, руководствуясь какими-то своими личными мотивами. При анализе результатов эксперимента такие ассоциации приравниваются к *отказам*. Также такие ассоциации (как и фонетические, в том случае если в них не присутствует семантическое обоснование) могут свидетельствовать о несформированности понятия в языковом сознании респондентов [1].

Г. А. Мартинович предлагает свою классификацию вербальных ассоциаций:

- 1) ассоциации по смежности (во времени или пространстве);
- 2) ассоциации по сходству (определяемые на основе учета формальных, функциональных и содержательных признаков) [5].

Данная классификация исходит из наиболее распространенной классификации в психологии, базирующейся на «основе разграничения характера отношений между содержаниями ассоциируемых психических образований, отражающего три типа отношений между явлениями внешнего мира:

- пространственно-временная смежность;
- подобие, сходство;
- различие, противоположность» [5, с. 143].

Итак, рассмотрим подробнее предлагаемую классификацию.

В ассоциации по смежности следует включить все так называемые тематические ассоциации, которые не имеют в своей структуре объединяющих сем (кофе – пирожное). К ассоциациям по сходству нужно отнести:

- 1) бинормы синтагматического характера (детерминационные): пары представлены, как правило, разными согласованными частями речи (*маральная чысціня, маральныя якасці*), хотя встречаются и словосочетания с несогласованными определениями (*любоў да Радзімы*);
- 2) бинормы парадигматического характера (классификационные): достаточно обширная группа, в которой стимул и реакция обладают по меньшей мере одной интегральной семой (*любоў – каханне*).

Автор так же, как и А. П. Клименко, отмечает возможность отнесения одной реакции в разные группы.

Так называемые фонетические и грамматические ассоциации (классификация по А. П. Клименко) Г. А. Мартинович относит к ассоциациям по формальному сходству. Словообразовательные ассоциативные пары являются ассоциациями по содержательному сходству.

В исследовании С. Г. Абабковой была предложена еще одна классификация ассоциаций:

– определительные реакции: определительные признаки являются необходимыми и обязательными, свойственны младшему школьному возрасту;

– характеризующие реакции: возникают на более позднем этапе, характеризуют понятие, не являются обязательными;

– сенсорно-перцептивные реакции: свидетельствуют об участии перцептивно-сенсорного компонента при переработке информации, возникают как следствие различных по интенсивности переживаний;

– эмоционально-оценочные реакции: ассоциаты, входящие в эту подгруппу, передают некоторый элемент переживания или оценки и соотносятся с разными уровнями эмоциональных процессов;

– реакции-пояснения: конкретизация, уточнение значения слова (случаи реагирования антонимами, синонимами, дефинициями);

– тематические реакции;

– реакции-прототипы;

– реакции абстрактного типа: реакции с самой высокой степенью обобщения (обобщение при помощи абстрактного научного или житейского понятия).

Одним из примеров применения на практике приведенного выше теоретического материала может послужить исследование представителя Воронежской лингвистической школы Е. И. Гришук. Анализируя материалы ассоциативного эксперимента и классифицируя полученные ассоциативные биномы (классификация по А. П. Клименко), она пришла к выводу, что старшеклассники практически не знают абстрактной лексики. И если значения лексем с интегральной семой «чувство» или «поведение» в языковом сознании старшеклассников практически сформированы, то так называемая морально-этическая лексика, относящаяся к высо-

коабстрактным лексемам, усвоена ими достаточно приблизительно. Ответы испытуемых изобиливали большим количеством ложных значений, примерами народной этимологии, случайными ассоциациями, отказами [4].

Заключение. Ассоциативное поле и психологически реальное значение слова можно изучать и при помощи других экспериментальных методов: метод семантического дифференциала, методика дополнения, метод прямого толкования слова, градуальное шкалирование (В. П. Белянин), эксперимент на подбор синонимов и оппозиций, перцептивный эксперимент, экспликативный эксперимент (Е. И. Гришук), психолингвистическая верификация (И. А. Стернин). Исследование будет успешным, если для решения поставленной задачи использовать не одну, а несколько различных методик.

Литература

1. Клименко, А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение: учеб. пособие / А. П. Клименко. – Минск: МГПИИЯ, 1974. – 108 с.

2. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – 2-е изд. – М.: URSS, 2010. – 360 с.

3. Караулов, Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.

4. Гришук, Е. И. Абстрактная лексика в языковом сознании: Экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. И. Гришук. – Воронеж, 2002. – 248 л.

5. Мартинович, Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле / Г. А. Мартинович // Вопросы психологии. – 1990. – № 2. – С. 143–144.

Поступила 15.03.2011

РЕФЕРАТЫ

УДК 321.011 + 323.02

Полуян И. В. **Политическая идеология как теоретическое обоснование политики государства** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 3–5.

Политическая идеология тесно взаимодействует с политикой. Это взаимодействие выражается прежде всего в том, что идеология является теоретическим обоснованием политики. В свою очередь политика выступает практическим воплощением идеологии. Поэтому можно с полным основанием сказать: какая идеология государства, такая его и политика, и наоборот, какая политика, такая и идеология. Это особенно четко прослеживается на примере политики государств, в основе идеологии которых лежат экстремистские идеи.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 323.23 + 930(043.3) + 316.77(043.3)

Сергеев В. Н. **К вопросу о процедуре порождения смысла в идеологических системах** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 6–8.

В статье рассматривается динамика становления и развития основных смысловых составляющих идеологических систем. Методологической базой исследования служит конструктивистский подход к изучению социальных явлений. Активно используются разработки теоретической социологии, некоторых дискурс-аналитических подходов. Демонстрируется ряд механизмов, посредством которых ведущие постулаты закрепляются в идеологических системах, трансформируются из эпизодических, случайных утверждений в атрибуты идеологии, критерии, посредством которых оценивается окружающая социальная и политическая действительность.

В качестве материала для иллюстрации описанных механизмов используются документы, отражающие внутривластные дискуссии в СССР 20-х г. XX в.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 371:502.12

Каленникова Т. Г. **Межпредметные связи в системе экологического образования старшеклассников** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 9–11.

В статье рассматривается одна из серьезных проблем педагогики – реализация в учебном процессе межпредметных связей. Раскрыты взгляды на данную проблему таких ученых, как Я. А. Каменский, К. Д. Ушинский, Ю. А. Самарин и др. Ю. А. Самарин предлагает рассматривать межпредметные связи как диалектическую закономерность, действующую при отборе содержания экологического образования. Выделена сущность понятий «межпредметные связи» и «междисциплинарный подход». Определены четыре уровня формирования у старших школьников умений межпредметного характера. Сделано обоснование о том, что каждый учебный предмет является открытой дидактической системой и связан с содержанием других учебных предметов структурно-логическими, генетическими и функциональными связями.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 739.2.033(476)

Наркевич Н. И. **Украшения рук жителей Беларуси XII–XIV вв. (согласно археологическим сведениям)** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 12–14.

Статья посвящена наиболее распространенным произведениям ювелирного искусства на территории Беларуси XII–XIV вв. – украшениям рук (браслетам и перстням). Определяются отличительные особенности ювелирных изделий по форме, материалу, способам изготовления и характеру декора. Браслеты и перстни представлены практически всеми типами, характерными для Древней Руси.

Особое внимание уделяется анализу зооморфных, балтийских по происхождению браслетов, неповторимых черт изделий из драгоценных металлов, созданных белорусскими мастерами. Семантическая нагрузка, конструктивные и изобразительные принципы, лежащие в основе ювелирных изделий, определяются выразительностью и простотой. Украшения рук служили неотъемлемой частью костюма жителей Беларуси XII–XIV вв.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 94(476)«14»

Казаков А. В. **Политика великих князей московских по отношению к отъездам знати в Великое княжество Литовское (середина – конец XV в.)** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 15–17.

Представленная статья посвящена политике великих князей московских по отношению к отъездам (эмиграции) знати в Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ) в середине – конце XV в. В обозначенный период происходили активный территориальный рост Великого княжества Московского (далее – ВКМ) и укрепление центральной власти в этом государстве, одним из проявлений чего стало стремление московских князей воспрепятствовать переходу представителей знати на службу другим монархам. В статье рассматриваются конкретные шаги московского правительства по борьбе с отъездами как аристократии, так и рядовых «служилых людей», а также принятые им меры по нейтрализации угрозы со стороны беглой знати, находившейся в ВКЛ.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 947.2:323.311

Доморад А. А. **Сохранение дворянских титулов шляхтой Речи Посполитой в контексте правительственных мероприятий в Пруссии и Австрии в XIX в.** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 18–20.

Представленная статья посвящена политике в Австрии и Пруссии в отношении дворянства Речи Посполитой после включения ее земель в состав названных государств. Рассматриваются отличия в организации дворянства в Речи Посполитой и Австрии и Пруссии, мероприятия властей по ограничению влияния шляхты на общественную и политическую жизнь. Указывается факт использования своего положения титулованной аристократией и, с другой стороны, желание новых властей использовать ее в управлении территориями.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 947.6 «XIX–XX»

Крючек П. С. **Проблема Полоцкого княжества в историографии второй половины XIX – начала XX в.** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 21–23.

В настоящее время актуальной является проблема истоков белорусской государственности. Одни ученые видели первый этап ее становления в Полоцком княжестве. Другие отказывали этому княжеству в самостоятельности и рассматривали его как составную часть единой Киевской Руси. В данной статье рассматривается вопрос о том, как решалась проблема Полоцкого княжества в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX в.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 323.28(476)

Козляков В. Е. **Терроризм в Беларуси и России (80-е гг. XIX – 20-е гг. XX в.): некоторые аспекты постсоветской историографии** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 24–26.

В статье рассматриваются некоторые важные аспекты постсоветской историографии, изучающей историю терроризма в Беларуси и России (80-е гг. XIX – 20-е гг. XX в.). Расширение источниковой базы дало возможность исследователям раскрыть многие, ранее слабо изученные сюжеты: идеологическое обоснование террора, влияние терактов на политическую ситуацию в ряде регионов, в т. ч. в Беларуси, деятельность царских властей по предупреждению террористических вылазок и преодолению их последствий. Автор высказывает свое мнение по поводу некоторых существующих оценок «демократического» и «красного» террора в годы гражданской войны, указывает на необходимость разработки этой проблематики.

Библиогр. – 16 назв.

УДК 327.33(476)(308)

Райченко А. А. **Процесс урбанизации Беларуси и его влияние на формирование белорусской нации** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 27–29.

В данной статье рассматривается процесс урбанизации в Беларуси и его влияние на заключительный этап формирования белорусской нации в русле теории модернизации. Делается попытка проследить его основные этапы, дать краткий обзор аналогичным процессам в ряде соседних регионов и сравнить количественные показатели развития процесса урбанизации в Беларуси и восточноевропейском регионе в целом.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 378.126«1910»

Острога В. М. **Педагогические курсы при учительских институтах Беларуси в 1910-е гг.** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 30–32.

В статье определена роль педагогических курсов в системе педагогического образования Беларуси начала XX в. Одно- и двухгодичные курсы организовывались при городских училищах, учительских семинариях и гимназиях. С открытием учительских институтов в 1910-е гг. в Витебске и Минске они были созданы и на базе этих учебных заведений. Рассматриваются правила приема на курсы, организация учебно-воспитательного процесса,

финансирование, обеспечение необходимыми учебными пособиями и оборудованием. Делается вывод о целесообразности их деятельности в тот период, несмотря на явно недостаточный годичный срок подготовки, ввиду ограничения возможности обучения очно в учительских институтах.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 94(476)«1917»

Семенчик Н. Е. **Наступательная кампания русской армии в судьбе Февральской революции** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 33–35.

В статье анализируется место военного вопроса в жизни российской общественности и политике Временного правительства весной – летом 1917 г. Обращается внимание на отношение различных политических сил Беларуси к проблеме достижения мира. Освящается ход подготовки Юго-Западного и Западного фронтов к наступлению, а также связанная с ним морально-политическая атмосфера в стране. Акцентируется внимание на политических последствиях неудачной для русских войск летней кампании, которые отразились в усилении репрессий против нарушителей военной дисциплины, снижении популярности лозунга «революционного оборончества» и дальнейшем ухудшении положения в стране.

Библиогр. – 14 назв.

УДК 94(476)«1917»

Рыжанков И. М. **Крестьянские организации белорусских губерний в решении общественных и государственных проблем (лето – осень 1917 г.)** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 36–38.

В статье рассматриваются проблемы места и роли крестьянских организаций в решении общественных и государственных проблем России. Хронологически охвачен период с июня по ноябрь 1917 г. Автор работы раскрывает проблематику, обращаясь к материалам белорусских губерний, не занятых немецкими войсками. В статье отражается уровень политизации деревни и ее реакции на события в стране. Также показывается степень влияния партий, общественных учреждений в организации крестьянства и включения его в политическую жизнь.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 008:811.163(476)«1920»

Коледа И. В. **«Коренизация» государственного аппарата БССР как одно из направлений национальной политики в 1920-е гг.** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 39–41.

Статья посвящена вопросу проведения составной части национальной политики БССР 1920-х годов – коренизации. Рассматриваются причины, определившие это направление, его содержание и результаты осуществления. Особо подчеркивается, что такая политика была обусловлена непропорционально низкой долей белорусов – представителей коренной нации – в партийных, советских, хозяйственных органах власти и управления.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 070(091):947.6

Коваль О. В. **Определение основной терминологии при исследовании взаимосвязей белорусской и украинской диаспор в межвоенное время** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 42–45.

Данная статья посвящена проблеме определения основной теоретической базы при исследовании взаимосвязей белорусской и украинской диаспор. Анализируются общие и отличительные черты формирования межвоенной эмиграционной волны из Западной Беларуси и Западной Украины. Подчеркивается, что более консолидированная и многочисленная украинская диаспора оказывала политическое, экономическое и культурное влияние на белорусских эмигрантов. Автор использует современный зарубежный опыт при выделении основных диаспоральных дефиниций. Особое внимание уделяется понятиям «диаспора», «родина», «адаптация», «ассимиляция», «интеграция». В статье подробно рассматриваются особенности процесса социальной адаптации разных поколений белорусских и украинских эмигрантов.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 323.1(476)«1930/1940»

Жарина Л. В. **Национальное и интернациональное в политике Советской Белоруссии в 1930–1940-е гг.** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 46–48.

1930–1940-е гг. в истории БССР характеризовались решением крупномасштабных задач. Осуществлялась индустриализация страны, социалистическое переустройство села. Республика принимала участие

в формировании целостного народнохозяйственного комплекса СССР при ориентации на качественное изменение социальной структуры наций. В статье раскрывается сочетание национальных и интернациональных аспектов в процессе реализации избранной политики.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 908:06.7(476)«1930»

Денисов А. В. **Генезис направлений организационной и исследовательской деятельности краеведческих организаций в начале 1930-х гг. в БССР на примере изучения социалистического строительства** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 49–51.

В статье поднимается тема деятельности краеведческих организаций под руководством Центрального бюро краеведения БССР в период начала 1930-х гг. Рассматривается генезис направлений в организационной и исследовательской работе добровольных краеведческих обществ и их руководства в период масштабных кампаний социалистического строительства, идеологического диктата на научную, социально-политическую и культурную сферы жизни белорусского общества. В связи с проведением индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства Советской Беларуси краеведческое движение было переориентировано на активное изучение результатов этих кампаний, а также на агитационно-пропагандистскую работу. Все это потребовало от руководства краеведов радикальных изменений в методической и организационной сфере.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 947,6

Гарматный В. П. **Структура и основные направления деятельности «Союза асадников» Полесского воеводства в 1922–1939 гг.** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 52–54.

В статье рассматривается структура и основные направления деятельности «Союза осадников» на территории Полесского воеводства в 1922–1939 гг. Осадники – это бывшие участники Советско-польской (1919–1921 гг.) войны, которые получали свободные сельскохозяйственные земли и играли роль политической опоры польских властей в Полесском воеводстве.

Автор анализирует руководящий состав «Союза осадников» Полесского воеводства, а также социально-экономические и политические цели рассматриваемой организации. В статье показана роль Юзефа Пилсудского в жизни осадников и их деятельность по прославлению его памяти.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 355.257.72(476) + 355.65 + 94(476)«1941/1944»

Докунова Е. Н. **Продовольственное обеспечение советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.)** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 55–57.

В статье рассматривается вопрос о продовольственном обеспечении советских военнопленных в лагерях на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.). Приводятся официальные нормы питания военнопленных, описаны условия получения пищи. В исследовании на основе архивных документов, воспоминаний бывших военнопленных делается вывод, что нормы питания не соответствовали стандартам для нормальной жизнедеятельности человека, а это приводило к увеличению смертности и каннибализму среди военнопленных.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 008(476)(091)«176/1985» + 316.7(476) «1976/1985»

Якуш Н. М. **Развитие сферы социально-бытовых услуг и культурных условий жизни белорусской деревни в 1976–1985 гг.** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 58–60.

В статье проанализированы вопросы переустройства белорусской деревни в рамках социальной политики, проводимой в 1976–1985 гг., и в условиях обострения проблемы кадрового обеспечения колхозно-совхозного производства техническими рабочими профессиями. В этой связи рассмотрено инженерно-строительное обустройство сел и деревень, развитие сферы коммунально-бытового обслуживания и изменение культурных условий досуга и отдыха сельских тружеников.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 947.6-058.232.6

Потапенко С. В., Зайцева Н. В. **Основные направления развития материального стимулирования сельского населения республики (1966–1975 гг.)** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 61–63.

В статье подчеркивается, что гарантированная оплата труда способствовала повышению трудовой активности работников села. Устойчивость заработной платы достигалась тем, что заранее фиксированный

уровень вознаграждения за труд на протяжении определенного отрезка времени оставался стабильным. Исключалась случайность и непостоянство оплаты труда, что способствовало закреплению рабочей силы в сельскохозяйственном производстве и порождало уверенность колхозника в своевременной оплате. Это стимулировало заинтересованность и мотивацию у работников села, что, несомненно, положительно отразилось на эффективности выполнения сельскохозяйственных работ. Были предприняты определенные шаги в направлении повышения уровня основной оплаты труда в сочетании с дополнительной и премиальной.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 159.942.53.316.62

Александрович А. П. **Психологические основы дидактической адаптации студентов первого и второго курсов** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 64–66.

В статье отражена проблема адаптации студентов первого курса к условиям обучения в высшем учебном заведении. Новые требования, иное, нежели в школе, отношение со стороны преподавателей, незнакомые лица однокурсников, наконец стремление понять, что значит быть студентом, – все это характеризует первые месяцы обучения первокурсников в вузе. В статье дается определение адаптации как сложного, динамического, многоуровневого процесса перестройки потребностно-мотивационной сферы, комплекса имеющихся навыков, умений и привычек в соответствии с новыми задачами, целями, перспективами и условиями их реализации. Значительная часть адаптивных ситуаций возникает вследствие изменения условий обучения при поступлении в университет. Уделено особое внимание показу четырех форм адаптации студентов: формальной, социальной, дидактической, личностной.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 378.1

Шивачева В. **Парадигма учебного экспериментирования в университете** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 67–69.

В статье анализируются подходы к организации деятельности студентов (диалогичность, интерактивность, интенсивное взаимодействие, обмен научными идеями), которые включены в научный эксперимент в рамках вузовской системы. Рассматриваются разновидности экспериментирования и их эффективность. Показаны открытые проблемы, связанные с качественными характеристиками проводимого эксперимента – реализация парадигмы, партнерства и согласованности обеих сторон, их сотрудничество и договоренность; парадигмы компетентностно-ориентированного исследования; парадигмы личностно-центрированного обучения; технологическая парадигма. Включенность студентов в научный эксперимент способствует развитию у них наблюдательности, умения концентрировать внимание на главном, творчества.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 821.163.2

Иванова Н. **Становление болгарской литературы на разных этапах исторического развития как фактор формирования потребности к чтению у подрастающего поколения** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 70–73.

В статье раскрываются периоды развития болгарской литературы с середины XVIII в. на примерах творчества П. Славейкова, Ч. Стоянова, Ц. Церковского, К. Величкова, И. Вазова, А. Каролийчевой и др.

Анализируется тематика произведений, различные художественные методы, приемы и их роль в формировании личности ребенка. Поднимается вопрос о ценностях болгарского фольклора и классической литературы, показан их неповторимый стиль и язык как средство воспитания современной молодежи. Делается вывод, что болгарская литература является важным средством формирования у подростков потребности в самосовершенствовании, целеустремленности, активности, развитии интеллектуальных способностей и ценностей.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 316.324.8

Водопьянов П. А., Кирвель Ч. С. **Постиндустриализм: проблемы и перспективы развития** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 74–79.

В статье дана содержательная интерпретация постиндустриального общества в его западной модели, показана ограниченность следования по его пути многими странами мирового сообщества, раскрыты общие признаки постиндустриализма, выявлены его противоречия на современной стадии развития общества. Обосновывается положение о возможности дальнейшего прогресса человечества при условии смены сложившихся

мировоззренческих ориентаций во взаимодействии общества и биосферы, намечаются основные направления дальнейшего развития цивилизации.

Библиогр. – 17 назв.

УДК 37.01

Шалаев В. П. **Западофикация как фактор национальной безопасности и устойчивого развития (образовательный контекст): опыт философско-синергетического анализа** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 80–83.

В статье на примере метаморфоз современного образования исследуется феномен западофикации (уподобления и подчинения Западу) как фактор угрозы национальной безопасности отдельных стран и народов мира и человечества в целом на путях их дальнейшего развития. В центре внимания статьи находится процесс уподобления и подчинения образования западным моделям как процесс западного управления незападными странами и народами посредством унификации и обеднения возможностей института образования, особенно опасный в условиях глобализации и нарастающих глобальных вызовов современности.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 316.324.8

Бурак П. М. **Мировоззренческая безопасность постиндустриального общества** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 84–89.

В статье обосновывается необходимость обеспечения мировоззренческой безопасности становления постиндустриального общества. Выявление содержания и перспективного значения мировоззренческой безопасности осуществляется на основе анализа работ Д. Белла, У. Бека, Г. Бехманна, С. Н. Некрасова, В. И. Вернадского, Н. Н. Моисеева с учетом современных научных и философских знаний о природе человека как активного участника универсальной (глобальной) эволюции.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 10(09); 17.024.3

Пунченко О. П. **Рационализация как феномен рефлексивного самосознания личности** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 90–92.

Рационализация рассматривается как объективный процесс развития социальной природы человека, связанный с формированием сознания и выступающий средством выражения и сохранения духа человека. Исследуются особенности рационализации, ее структурная организация и проявления в системе «рассудок – разум».

Библиогр. – 3 назв.

УДК 0.88

Криворотько В. В. **К вопросу интерпретации геогенеза в контексте методологии глобального эволюционизма** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 93–95.

Статья посвящена анализу недостаточно разработанной проблемы геогенеза и его сущности в контексте парадигмы глобального эволюционизма универсума. Основное внимание уделено инновационному переосмыслению динамики геоверсума в системном становлении ноосферной организации социума. Показано методологическое значение разработки концепции геоверсума для становления общегеографической картины мира и преодоления некоторых коллизий теоретических оснований географии.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 101:1:316

Подручный М. В. **Понятие биосоциальности и становление естественно-научной проблемы биосоциальной эволюции** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 96–98.

В статье рассмотрены проблемы эпистемологического и методологического статуса междисциплинарных исследований биосоциальной эволюции. Приведен анализ содержания понятий: биосоциальности, социального поведения и социальной системы (сообщества). Предпринята попытка проблемной реконструкции принципов формирования данных концептов в естествознании (биологии и этологии) и философии. Сформулированы категориальные предпосылки формирования редукционистского и коэволюционного подходов к биосоциальной эволюции.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 177:57:61

Лазаревич Н. А. **Проблемы этического регулирования сферы биомедицинских технологий** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 99–101.

Данная статья посвящена выявлению различных областей (оказания медицинской помощи, поддерживающего лечения, направленного воздействия на биологические характеристики человека, продления продолжительности жизни и т. п.) развития биомедицинских наук и биомедицинских технологий, порождающих наиболее острые этические проблемы. Стратегия биоэтического сопровождения инновационных проектов в биомедицине нацелена на выработку в совместных обсуждениях (в них участвуют ученые, философы, богословы и «люди с улицы») конкретных морально обязывающих норм. Автор рассматривает подобное этическое регулирование биомедицинских технологий как необходимость соблюдения принципов гуманизма, нравственности и биомедицинской этики.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 167/168:001

Кокорев А. В. **Архитектоника техносферы** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 102–104.

Анализируется сущность и архитектура техносферы, выявляются ее структурные компоненты и дается их содержательная интерпретация. Раскрывается содержание ее составляющих: техники как искусственных артефактов; технологий; технических наук как особого комплекса знаний, быстро развивающихся в современных условиях, а также объясняется необходимость политехнической подготовки специалистов. Подробному анализу подвергается содержание современных высоких технологий инновационного характера, особое внимание уделяется выявлению особенностей развития технических наук.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 1(091)+165

Сидоренко И. Н. **Эмпиризм и конструктивный характер познания** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 105–107.

В статье раскрываются основные положения эмпиризма Нового времени, представленные концепцией Дж. Локка, в частности, такие как анализ непосредственной данности сознания, концепция первичных и вторичных качеств, активность познающего субъекта, конструирование опыта и смысла. На основании этого делается вывод о том, что философия Нового времени, акцентировав проблему воли мыслящего субъекта, дала возможность выйти на обоснование творящего и конструирующего субъекта познания. В силу этого эмпиризм рассматривается автором как предтеча возникновения конструктивистского подхода, в частности развития такого его варианта, как феноменологический конструктивизм.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 316:723

Шалаева С. Л. **Субкультура детства и межпоколенные отношения: глобализационное измерение** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 108–110.

В статье исследуются малоизученные в социально-гуманитарном знании проблемы метаморфоз межпоколенных отношений в современном глобализирующемся обществе. В частности, анализируется проблема изменения направления трансляции межпоколенного опыта – от младших, более динамичных поколений к старшим. Также рассматривается рост значения детской субкультуры в социализации подрастающих поколений и увеличение влияния субкультуры детства на культуру взрослого мира.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 316.74:94+930.1

Матусевич О. А. **Историческое сознание и коллективная память как предмет социально-гуманитарного познания** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 111–113.

Статья посвящена анализу основных концептов, которые используются в современной теории памяти в рамках социально-гуманитарного знания. Автор сопоставляет понятия «коллективная память» и «историческое сознание», определяя их специфику. В статье представлены основные тенденции в изучении коллективной памяти и исторического сознания, а также предложены перспективные направления для историографических и социологических исследований массовых обыденных представлений о прошлом.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 27+141.84

Оришева О. Ф. **Христианство и левая традиция** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 114–116.

Основным предметом рассмотрения в данной статье является двойственное отношение к христианству в левой мыслительной традиции, которое обнаруживает себя как в работах классиков марксизма, так и в текстах

авторов, мыслящих вне рамок марксистской ортодоксии (С. Жижек, А. Бадью). Обосновывается мысль о том, что основной особенностью, общей для христианства и светских концепций социализма, является позиция универсализма – обращенность учения ко всем людям, независимо от их культурной принадлежности. Выдвигается предположение, что упорное присутствие темы христианства в левом дискурсе может быть описано в терминах «навязчивого повторения» (З. Фрейд), скрытым основанием которого является болезненная ситуация соперничества.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 1:281.9(476)

Кожич Н. М. **Церковно-государственные отношения: история и современность** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 117–119.

В статье прослеживается эволюция взаимоотношений православной церкви и государства, анализируется современное состояние этих отношений. Показывается, что в настоящее время государство не возлагает на церковь выполнение государственных функций и не вмешивается в ее деятельность. Православная церковь всячески отстаивает мысль о социальном служении, но при этом заявляет о своей отстраненности от любого государственного строя. Перспективу взаимоотношений она усматривает в сотрудничестве с государственными структурами в решении социальных проблем.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 347.77:339.543(47+476+574)

Бородко Н. П. **Защита интеллектуальной собственности таможенными органами Таможенного союза** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 120–122.

В статье дается сравнительный анализ норм законодательства Республики Беларусь и законодательства Таможенного союза по вопросам охраны объектов интеллектуальной собственности таможенными органами государств-членов Таможенного союза. В статье рассматриваются вопросы включения объектов интеллектуальной собственности в Единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств-членов Таможенного союза, порядок приостановления таможенного оформления контрафактных товаров. В целях борьбы с контрафактной продукцией автором предлагается к нарушителям закона широко использовать уголовное преследование.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 343.241(476)

Максименко Е. В. **Совершенствование института уголовного наказания в Республике Беларусь** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 123–126.

В настоящей статье затрагиваются вопросы совершенствования института уголовного наказания в Республике Беларусь на современном этапе. Проводится анализ применения лишения свободы как меры уголовного наказания и положений принятой в Республике Беларусь Концепции совершенствования системы мер уголовного ответственности и порядка их исполнения. Рассматриваются направления развития как практики применения, так и действующего законодательства Республики Беларусь.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 347.77:339.543

Зенькович В. А. **Уголовная ответственность за посягательства на личные немущественные авторские права** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 127–129.

В статье анализируется действующее гражданское и уголовное законодательство, защищающее личные немущественные авторские права от преступных посягательств. Автор делает вывод, что исключение части первой статьи 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь из категории дел частного-публичного обвинения с включением ее в категорию дел публичного обвинения будет способствовать повышению противодействия авторов и соавторов на незаконные посягательства на их авторские права.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 347.214.2

Сергеева Е. М. **Правовое регулирование посреднической деятельности при совершении сделок с недвижимым имуществом** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 130–132.

Развитию рынка недвижимости способствует свободный переход прав собственности на недвижимость и законодательная гарантированность этих прав. Приобретение и отчуждение недвижимости требует выполнения сложных действий, знания многих законодательных актов. Выполнять

подобные действия в соответствии с законодательством могут не любые лица (особенно граждане). В связи с этим в рыночных условиях возникли коммерческие организации, которые стали именоваться риэлтерскими.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 008:811.161.3

Кузьмич О. А. **Лингвокультуроведческий подход при изучении современного белорусского языка в системе идеологического воспитания** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 133–135.

Концепция языкового образования существенно изменяет подходы к преподаванию родного языка в высшей школе. Согласно новым требованиям студент должен владеть языком как системой сохранения и передачи духовно-нравственных ценностей нации. Наиболее полно идеологическая и воспитательная функция языковых дисциплин реализуется в лингвокультуроведческом подходе. В статье рассматривается опыт учебно-методического обеспечения языковых дисциплин в этом направлении на кафедре белорусского языка БГТУ.

УДК 39:316.346.3

Миксюк Р. В. **Этнокультурное обучение и воспитание молодежи** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 136–138.

В статье рассматриваются сущность, содержание и основные пути осуществления этнокультурного обучения и воспитания, его значение для молодого поколения, подчеркивается роль родного языка, фольклора, национальных обычаев, традиций, обрядов, патриотического воспитания в формировании этнической культуры. Даны сведения с истории педагогической мысли об отношении к этнокультурному воспитанию, а также рекомендации о внедрении в учебно-воспитательный процесс элементов национальной культуры.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 37.018.12

Жуковская Т. В. **Педагогическая культура родителей как часть общей культуры человека** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 139–141.

В предлагаемой статье на основе анализа существующих в науке подходов уточняется понятие «педагогическая культура родителей». Определены и охарактеризованы ее структурные компоненты и уровни сформированности.

Одним из тактических подходов в разрешении противоречия между возросшим уровнем образованности родителей и невысоким уровнем их компетентности в понимании целей, задач, содержания и методов семейного воспитания может стать использование активных методов в процессе формирования педагогической культуры родителей.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 371.3

Савицкая Н. Е. **Роль и место белорусского культурного компонента при обучении русскому языку как иностранному** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 142–144.

В статье рассматривается обучение иностранных учащихся русскому языку как иностранному в условиях белорусского социума. Обращается внимание на определение оптимального объема страноведческих, социокультурных и этнокультурных знаний, на выявление культурного минимума на разных этапах обучения. Приводятся примеры литературных источников, необходимых для освоения белорусской культуры, называются дидактические приемы, обеспечивающие формирование этнокультурной компетенции, включение инофонов в межкультурное взаимодействие.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 882.6-09

Федорцова Т. Н. **Христианские мотивы в творчестве белорусских поэтов** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 145–147.

Христианские мотивы использовались в белорусской литературе во все исторические эпохи, начиная с IX в. Но именно в прошлом столетии значительно усложнилась система образно-художественного мышления, вкоренились индивидуальные стили поэтов. Их взаимодействие сформировало самодостаточный и целостный духовно-эстетический простор, в котором на смену тихому молению прошедших эпох пришли метафоричность, аллегоричность, а главными концептами стали философы Жизнь и Смерть, Пространство и Время, Добро и Зло.

В статье показаны духовно-эстетические поиски авторов, которые осуществляются при помощи христианских мотивов образов.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 81'276.6

Скоробогатая Е. И. **Обучение языку специальности на материале текстов по химии (лексический аспект)** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 148–150.

Статья посвящена лексическому аспекту обучения русскому языку как иностранному. Характеризуется содержание пособия «Научный стиль. Говорение, аудирование, чтение», рассматриваются терминологическая лексика, ее усвоение и закрепление, конструкции и грамматические явления, представленные в каждой теме. Задания каждой темы располагаются таким образом, чтобы позволить перейти от изучения терминологической лексики к трансформации предложений с опорой на синанимию, составлению предложений по опорным словам и конструкциям.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 81'27

Козлякова Т. А. **Формирование социокультурной компетенции у иностранных учащихся на начальном этапе обучения** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 151–153.

Статья посвящена социокультурному аспекту обучения русскому языку как иностранному. Рассматриваются факторы, влияющие на процесс аккультурации. Описываются этапы адаптации студентов. Анализируется воздействие языковой среды на формирование социокультурной компетенции иностранных студентов в различных сферах общения: социально-бытовой, учебно-профессиональной, социокультурной, информационной. Формирование данной компетенции проводится в контексте диалога культур, что способствует достижению межкультурного понимания между людьми.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 371.31:811.161.1

Козловская Г. В. **Обучение русскому языку в белорусской и китайской аудиториях** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 154–156.

В статье речь идет об обучении русскому языку китайских учащихся в условиях внеязыковой среды, в частности в Хух-Хотоском профессиональном институте. Обращается внимание на различия в системах русского и китайского языков, говорится о важности учета этого явления на начальном этапе изучения русского языка.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 81-26:81'1

Русак О. В. **Язык художественной литературы как объект лингвистических исследований (из истории вопроса)** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 157–159.

В статье рассматривается история становления и развития лингвистического учения о языке художественной литературы. Анализируется вклад в решение проблемы лингвистилистики художественного текста, сделанный учеными разного времени – от античности до наших дней. Особое внимание уделяется вопросу изучения языка белорусской художественной литературы: оценивается роль ученых, которые первыми среди отечественных языковедов обратились к этой проблеме, анализируется степень изученности языка белорусской художественной литературы на сегодняшний день.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 371.335.7

Швед Г. Ф. **Музейные занятия как одна из форм обучения и воспитания** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 160–161.

Музей – это культурно-просветительное учреждение, которое является важным компонентом системы образования. Сегодня идет сотрудничество учебных заведений и музеев. Музей владеет специфическими, уникальными, присущими только ему средствами воздействия. Музеи, как и учреждения образования, формируют гармоничную личность с богатым культурным кругозором. Кафедра белорусского языка БГТУ активно сотрудничает с музеями г. Минска.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 378:81276.6

Антонова О. С. **Концептуальная модель профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам (ПООИЯ)** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 162–165.

В статье дается представление об основных аспектах профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам в неязыковом вузе, отражающих современный уровень развития методической науки. Модель ПООИЯ рассматривается как дидактическая система, направленная на реализацию механизма языковой

подготовки студентов неязыковых вузов и предполагающая научное обоснование организационных подходов к определению целей обучения, отбору и структурированию содержания иноязычного обучения, выбору форм, методов и средств обучения, контролю результатов обучения и его коррекции.

Подробно анализируются основные компоненты профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, к которым относятся целевой, мотивационный, содержательный, процессуальный и контрольно-оценочный.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 378.1

Козловская Н. А. **Интеграция первокурсников в студенческий коллектив** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 166–168.

Автор статьи констатирует тот факт, что одним из важных моментов в организации воспитательного процесса остается работа со студентами-первокурсниками. Целенаправленная работа вуза по интеграции личности вчерашнего школьника в студенческий коллектив должна быть организована с использованием соответствующих форм и методов воспитательной деятельности. В статье также отмечается, что выявление трудностей, выступающих перед студентами на первом курсе в вузовской системе обучения, и определение путей их преодоления позволит повысить академическую активность студентов, успеваемость и качество знаний. Решение этой проблемы поможет избежать отчисления студентов на первом курсе, сохранить потенциальную в средней школе и выработанную привычку к дисциплине и труду, усилить интеллектуальный потенциал нашей страны.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 378

Романова А. М. **Историко-философский анализ проблемы сущности творчества** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 169–171.

Формирование мировоззрения современного инженера происходит совокупно формированию его творческих навыков, творческой и профессиональной направленности. Проблеме творчества посвящено немало трудов педагогов, психологов, философов. Историко-философский анализ проблемы творчества позволяет рассмотреть преобразование данного явления в динамике: процесс – результат деятельности.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 378.017:34-057.875

Сенькова Т. А. **О методике обучения студентов неязыковых вузов переводу текстов по специальности** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 172–174.

В данной статье рассматриваются вопросы методики обучения студентов письменному переводу. Знакомство с основами письменного перевода литературы по специальности является одним из аспектов изучения иностранного языка в неязыковых вузах. Поэтому формирование у студентов переводческих навыков и умений на базе научных текстов по специальности можно считать одной из задач обучения иностранному языку.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 371.31

Старченко Д. В. **Интенсивные методы обучения иностранным языкам** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 175–177.

В статье рассмотрены современные интенсивные методы, проанализированы методы интенсивного обучения с учетом критериев содержания, сроков и плотности обучения. Главной задачей интенсивного метода обучения иностранному языку является овладеть в условиях ограниченного времени иностранным языком как средством общения, выработать умения и навыки понимания устной речи на иностранном языке в естественном или близком к нормальному темпе на бытовую, общественно-политическую и общенаучную тематику. Учет коммуникативных факторов наряду с суггестивными помогает оптимизировать процесс иноязычного общения. Личностно-деятельностный подход делает ученика центральной фигурой учебного процесса.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 159.923:378.015.31

Теплова Н. В., Кривопуск Т. М. **Формирование толерантной личности студента в условиях поликультурного пространства вуза** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 178–181.

Современная познавательная концепция основывается на идее множественности мировоззренческих систем. В этом отношении становится актуальным воспитание у студентов поведения, основанного на стремлении к поиску компромиссов и мирного сосуществования в студенческом образовательном сообществе. В данной статье подробно рассматриваются теоретико-методологические основания формирования толерантной личности студента в условиях высшего учебного заведения. Авторами приводятся характеристики поликультурного пространства вуза, его функции, а также причины проявления интолерантности в молодежной среде.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 811.111:37.016-043.86

Царенкова В. В., Шпановская С. И. **Дидактическая модель формирования профессионально-иноязычной компетентности студентов инженерных специальностей** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, философия, филология. – С. 182–184.

Интенсивное развитие всех сфер жизнедеятельности общества предполагает постоянное системное совершенствование содержания образования, форм и методов его предъявления. В статье рассматриваются проблемы совершенствования профессионально-иноязычной подготовки студентов инженерных специальностей в условиях компетентностного подхода. Описывается модель дидактической системы формирования профессионально-иноязычной компетентности студентов инженерных специальностей.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 811.161.3(276.3)

Ячная Т. А. **Типы связей в ассоциативных биномах** // Труды БГТУ. – 2011. – № 5: История, филология, филология. – С. 185–187.

В данной статье автор делает обзор нескольких существующих в современных лингвистических исследованиях классификаций ассоциативных биномов, основывающихся на типах отношений между стимулом и реакцией. Разнообразие оснований, служащих основой той или иной классификации, показывает все возможности, которые дает свободный ассоциативный эксперимент. Анализ ассоциативных биномов позволяет определить, на каком этапе формирования (концептуализации) находится изучаемое понятие, и скорректировать дальнейшую стратегию развития лексического значения в языковом сознании носителя языка.

Библиогр. – 5 назв.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	3
Полуян И. В. Политическая идеология как теоретическое обоснование политики государства	3
Сергеев В. Н. К вопросу о процедуре порождения смысла в идеологических системах	6
Каленикова Т. Г. Междисциплинарные связи в системе экологического образования старшеклассников	9
Наркевич Н. И. Упрыгажэнні рук жыхароў Беларусі XII–XIV стст. (паводле археалагічных звестак).....	12
Казакіў А. У. Палітыка вялікіх князёў маскоўскіх у адносінах да ад’ездаў знаці ў Вялікае княства Літоўскае (сярэдзіна – канец XV ст.)	15
Дамарад А. А. Захаванне дваранскіх тытулаў шляхтай Рэчы Паспалітай у кантэксте ўрадавых мерапрыемстваў у Прусіі і Аўстрыі ў XIX ст.	18
Кручак П. С. Праблема Полацкага княства ў гістарыяграфіі другой паловы XIX – пачатку XX ст.	21
Козляков В. Е. Терроризм в Беларуси и России (80-е гг. XIX – 20-е гг. XX в.): некоторые аспекты постсоветской историографии	24
Райчонак А. А. Працэс урбанізацыі Беларусі і яго ўплыў на фарірамаванне беларускай нацыі	27
Астрога В. М. Педагагічныя курсы пры настаўніцкіх інстытутах Беларусі ў 1910-я гг.....	30
Сяменчык М. Я. Наступальная кампанія рускай арміі 1917 года ў лесе Лютаўскай рэвалюцыі	33
Рыжанкоў І. М. Сялянскія арганізацыі беларускіх губерняў у вырашэнні грамадскіх і дзяржаўных праблем (лета – восень 1917 г.).....	36
Каляда І. У. «Карэнізацыя» дзяржаўнага апарату БССР як адзін з накірункаў нацыянальнай палітыкі ў 1920-я гг.....	39
Коваль В. У. Вызначэнне асноўнай тэрміналогіі пры даследаванні ўзаемасувязей беларускай і ўкраінскай дыяспар у міжваенны час.....	42
Жарина Л. В. Национальное и интернациональное в политике Советской Белоруссии в 1930–1940-е гг.	46
Дзянісаў А. У. Генэзіс напрамкаў арганізацыйнай і даследчай дзейнасці краязнаўчых арганізацый у пачатку 1930-х гг. у БССР на прыкладзе вывучэння сацыялістычнага будаўніцтва.	49
Гарматны В. П. Структура і асноўныя накірункі дзейнасці «Саюза асаднікаў» Палескага ваяводства ў 1922–1939 гг.....	52
Докунова Е. Н. Продовольственное обеспечение советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.)	55
Якуш Н. М. Развіццё сферы сацыяльна-бытавых паслуг і культурных умоў жыцця беларускай вёскі ў 1976–1985 гг.	58
Потапенко С. В., Зайцева Н. В. Основные направления развития материального стимулирования сельского населения республики (1966–1975 гг.).....	61
Александрович А. П. Психологические основы дидактической адаптации студентов первого и второго курсов	64
Шивачева В. Парадигмы учебного экспериментирования в университете.....	67
Иванова Н. Становление болгарской литературы на разных этапах исторического развития как фактор формирования потребности к чтению у подрастающего поколения	70
ФИЛОСОФИЯ	74
Водопьянов П. А., Кирвель Ч. С. Постиндустриализм: проблемы и перспективы развития.	74
Шалаев В. П. Западофикация как фактор национальной безопасности и устойчивого развития (образовательный контекст): опыт философско-синергетического анализа.....	80
Бурак П. М. Мирозозренческая безопасность постиндустриального общества	84

Пунченко О. П. Рационализация как феномен рефлексивного самосознания личности ...	90
Криворотько В. В. К вопросу интерпретации геогенеза в контексте методологии глобального эволюционизма	93
Подручный М. В. Понятие биосоциальности и становление естественно-научной проблемы биосоциальной эволюции	96
Лазаревич Н. А. Проблемы этического регулирования сферы биомедицинских технологий	99
Кокорев А. В. Архитектоника техносферы	102
Сидоренко И. Н. Эмпиризм и конструктивный характер познания	105
Шалаева С. Л. Субкультура детства и межпоколенные отношения: глобализационное измерение	108
Матусевич О. А. Историческое сознание и коллективная память как предмет социально-гуманитарного познания	111
Оришева О. Ф. Христианство и левая традиция	114
Кожич Н. М. Церковно-государственные отношения: история и современность	117
Бородко Н. П. Защита интеллектуальной собственности таможенными органами Таможенного союза	120
Максименко Е. В. Совершенствование института уголовного наказания в Республике Беларусь	123
Зенькович В. А. Уголовная ответственность за посягательства на личные неимущественные авторские права	127
Сергеева Е. М. Правовое регулирование посреднической деятельности при совершении сделок с недвижимым имуществом	130

ФИЛОЛОГИЯ 133

Кузьміч В. А. Лінгвакультуралагічны падыход да навучання сучаснай беларускай мове ў сістэме ідэалагічнага выхавання	133
Міксюк Р. В. Этнакультурнае навучанне і выхаванне моладзі	136
Жукоўская Т. У. Педагагічная культура бацькоў як частка агульнай культуры чалавека	139
Савицкая Н. Е. Роль и место белорусского культурного компонента при обучении русскому языку как иностранному	142
Федарцова Т. М. Хрысціянскія матывы ў творчасці беларускіх паэтаў	145
Скоробогатая Е. И. Обучение языку специальности на материале текстов по химии (лексический аспект)	148
Козлякова Т. А. Формирование социокультурной компетенции у иностранных учащихся на начальном этапе обучения	151
Козловская Г. В. Обучение русскому языку в белорусской и китайской аудиториях	154
Русак В. У. Мова мастацкай літаратуры як аб'ект лінгвістычных даследаванняў (з гісторыі пытання)	157
Швед Г. Ф. Музейныя заняткі як адна з форм навучання і выхавання	160
Антонова О. С. Концептуальная модель профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам (ПООИЯ)	162
Козловская Н. А. Интеграция первокурсников в студенческий коллектив	166
Романова А. М. Историко-философский анализ проблемы сущности творчества	169
Сенькова Т. А. О методике обучения студентов неязыковых вузов переводу текстов по специальности	172
Старченко Д. В. Интенсивные методы обучения иностранным языкам	175
Теплова Н. В., Кривошук Т. М. Формирование толерантной личности студента в условиях поликультурного пространства вуза	178
Царенкова В. В., Шпановская С. И. Дидактическая модель формирования профессионально-иноязычной компетентности студентов инженерных специальностей	182
Ячная Т. А. Типы связей в ассоциативных биномах	185

РЕФЕРАТЫ 188